АРХИВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ.

АРХИВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЮ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЮ

ПРИ

Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРѢ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

АКТЫ О КОЗАКАХЪ.

(1500—1648 г.)

Томъ I.

КІЕВЪ.
Въ типографіи И. и А. Давиденко.
1863.

ОДОБРЕНО ЦЕНЗУРОЙ

Мая 18-го 1862 года и 12-го января 1863 года, г. Кіевъ.

экз полный, проверила Хармало

СОДЕРЖАНІЕ АКТОВЪ
О КОЗАКАХЪ
1500—1648 годъ.

Въ настоящемъ изданіи находятся акты, относящіеся къ исторіи Козаковъ внутренней и политической, поясняющіе—какъ ходъ борьбы Козаковъ за свои сословныя права, такъ и отношенія, въ которыхъ они находились къ другимъ сословіямъ бывшей Польской речи посполитой,—а также правительственныя мѣры, которыми короли и штаты речи посполитой старались подчинить Козаковъ общему порядку всего государства—въ ущербъ той нормѣ, которая истекала изъ исторической жизни и племеннаго характера Южно-Русскаго народа.

Предлагаемые акты относятся къ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія. Въ началѣ они, по скудности матеріала, не представляютъ полноты и цѣлости, но, съ конца XVI вѣка до временъ Богдана Хмельницкаго, слѣды историческихъ событій становятся все болѣе и болѣе частыми и группируются довольно органически, бросая яркій свѣтъ на многія событія Козацкой исторіи и поясняя историческія явленія фактами внутренней народной жизни и ея отношеніями.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ указанію на тѣ акты, которые поясняютъ историческія событія нашего края, въ означенное время, и того сословія, которое въ продолженіе этого времени одно отстаивало народныя стихіи общественной жизни,—бросимъ бѣглый взглядъ на происхожденіе этого сословія, на тѣ элементы матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа, которые его породили, а равно и на ходъ историческихъ событій, сдѣлавшихъ его такимъ, какимъ оно является въ разсматриваемый нами періодъ.

Въ то отдаленное время, когда на Руси водворились Варяжскіе князья, опиравшіеся на силу оружія своихъ дружинъ,—въ періодъ, такъ называемой, удѣльно-вѣчевой Руси (съ конца IX по начало XIV вѣка), земли славянскія, сгруппировавшіяся подъ властію княжескаго рода въ одно политическое тѣло, представляли, по отношенію ко внутреннему составу своего народонаселенія, три главныя составныя силы, развивающіяся рядомъ и старающіяся, каждая съ своей стороны, упрочить за собою тотъ складъ общественнаго порядка, который она представляла въ общемъ составѣ политическаго организма Руси. Эти три силы были: община, дружина и власть княжеская.—Община представляла собою элементъ туземный, славянскій; основною чертою общиннаго порядка было: признаніе равноправности всѣхъ составныхъ членовъ общины, рѣшеніе всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ общественныхъ вопросовъ собща, посредствомъ общиннаго приговора на сходкѣ всѣхъ членовъ или на вѣчѣ, самоуправленіе и самосудъ посредствомъ тѣхъ же вѣчевыхъ приговоровъ. Дружина, элементъ чуждый, пришлый, основавшій свои права на силѣ своего оружія и на личныхъ заслу-

гахъ, оказанныхъ князю, заявляла стремленіе къ порядку вещей, полярно противуположному. Между тѣмъ, какъ въ общинѣ отдѣльныя личности изглаживались, подчинялись общественному приговору, общественной пользѣ и общественной волѣ, въ дружинѣ личность выдвигалась, старалась расширить кругъ своихъ дѣйствій и личныхъ выгодъ, по возможности болѣе и болѣе выдаваться изъ среды равныхъ себѣ личностей, и шла къ этой цѣли путемъ рыцарскихъ заслугъ, путемъ вооруженной помощи, оказываемой князю, и уступокъ и милостей, снискиваемыхъ отъ князя за эту помощь. При развитіи своего стремленія, все то, что успѣла пріобрѣсть дружина, было пріобрѣтено на счетъ общинъ и правъ ихъ, а потому эти два порядка вещей вступаютъ въ постоянную между собою борьбу, и борьба эта, измѣняя свой колоритъ, смотря по времени и окружающимъ обстоятельствамъ, то усиливаясь, то ослабѣвая отъ участія разныхъ постороннихъ причинъ, и составляетъ главный интерессъ внутренней исторіи Юго-Западной Руси.—Третяя, наконецъ, сила—власть княжеская, относится къ двумъ первымъ враждующимъ силамъ различно, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ. Первые Русскіе князья являются предводителями дружины и, удерживаясь въ краѣ ея оружіемъ, относятся къ краю и его туземному народонаселенію, только какъ къ выгодному пріобрѣтенію; въ началѣ ими руководитъ не государственная мысль: область какую-нибудь славянскую, признавшую надъ собою ихъ власть, князья считаютъ помѣстьемъ, изъ котораго они получаютъ извѣстное количество дани и которое поэтому, они оберегаютъ отъ сосѣдей, желающихъ эту дань

взимать въ свою пользу или ограбить жителей и такимъ образомъ лишить ихъ возможности платить исправно надлежащую дань князю. На основаніи взаимной выгоды—безопасности для жителей и дохода для князя—и устраиваются отношенія первыхъ Варяжскихъ князей къ Славянскимъ племенамъ. Такъ, одинъ князь, по выраженію лѣтописца, »устави Варягомъ дань давати отъ Новогорода мира дѣля« [1]), потомъ перенесъ дань, платимую Сѣверянами и Радимичанами Козарамъ, въ свою пользу, говоря: »Азъ имъ (Козарамъ) противенъ, а вамъ нечему (бояться)« [2]); другой побѣдилъ Козаръ и перенесъ дань, платимую имъ Вятичами къ себѣ, и т. д. Народъ живетъ прежнимъ своимъ строемъ и только миръ со стороны сосѣдей и Варяговъ окупаетъ данью, платимою въ пользу князя. Но, современемъ, князья стремятся усилить свои доходы и потому они устраиваютъ княжескіе суды помимо или рядомъ съ вѣчевыми и въ нихъ за свой трудъ и за скорость суда взымаютъ другой родъ дани подъ названіемъ *виры*. Такъ-какъ князь опирается исключительно на дружину и становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше у него дружины, такъ-какъ онъ въ ней все болѣе и болѣе нуждается, вслѣдствіе раздробленія Руси на удѣлы и возникшихъ поэтому поводу усобицъ, то онъ старается привлечь къ себѣ по возможности большее число дружинниковъ и для того, чтобы заманить ихъ и удержать при себѣ, дѣлаетъ имъ бо́льшія и бо́льшія уступки и предостав-

---

[1]) Лѣтопись Нестора по Кенигсбергскому списку, стр. 19.
[2]) Тамъ-же.

ляетъ болѣе широкія права и льготы. Такъ, онъ распредѣляетъ между ними сельскія общины, съ правомъ взимать княжескую дань въ свою пользу, потомъ онъ задобряетъ дружинниковъ, уступая имъ право судить княжескихъ тіуновъ и обращать въ свою пользу часть судовыхъ виръ; наконецъ, послѣ Любецкаго съѣзда, когда отдѣльные княжескіе роды утверждаются каждый въ опредѣленномъ удѣлѣ, то князья находятся въ возможности употребить еще одинъ родъ вознагражденія для дружинниковъ: они, считая себя владѣльцами въ своемъ удѣлѣ всей незаселенной еще земли, раздаютъ ее по частямъ дружинникамъ [1]) и, такимъ образомъ, обезпечиваютъ за собою ихъ постоянныя услуги и предотвращаютъ переходъ членовъ дружины къ другимъ князьямъ. Дружинники, вслѣдствіе этого, дѣлаются людьми осѣдлыми; личный интерессъ связываетъ ихъ съ судьбами края, и они становятся его гражданами, а прежнее названіе дружинниковъ замѣняется новымъ названіемъ *болярь*, т. е. людей большихъ, граждань болѣе могущественныхъ и сильныхъ въ краѣ. И дѣйствительно, они на дѣлѣ боляре, а это большинство ихъ правъ обрушивается тяжелымъ гнетомъ на голову общинъ, особенно сельскихъ. Параллельно съ развитіемъ и установленіемъ правъ дружины, общины раздѣляются на двѣ группы, различіе между которыми возрастаетъ все болѣе и болѣе въ продолженіе удѣльно-вѣчеваго періода: это общины городскія и сельскія. Городскія общины отстаиваютъ свои вѣчевыя

---

[1]) Исторія Россіи, Соловьева. Т. IV, стр. 216.

права и находятъ достаточно силъ для того, чтобы заставить князей уважать эти права; общины эти многолюдны и богаты: между тѣмъ какъ торговля доставляетъ имъ средства къ благосостоянію, укрѣпленія охраняютъ ихъ отъ грабежа и насилій иноплеменниковъ. Князья живутъ среди ихъ и принуждены ладить съ народонаселеніемъ, которое ихъ окружаетъ непосредственно и требуетъ уваженія къ своимъ правамъ. Нѣсколько десятковъ примѣровъ можно указать въ лѣтописи, ясно доказывающихъ положительное вліяніе городскихъ общинъ на княжескія дѣла, въ одной только Юго-Западной Руси (не говоря о ихъ огромномъ значеніи въ Новгородѣ и, вообще, въ землѣ Кривичей). Сколько разъ Кіяне, Черниговцы, Лучане и другія городскія общины заставляютъ нелюбаго князя »бѣжать вонъ«, а призываютъ на его мѣсто любимаго [1]); миновавъ другіе примѣры, довольно взглянуть на исторію борьбы Мономаховичей съ Ольговичами, на междоусобныя распри потомковъ Мономаха или на торжественное приглашеніе Романа Мстиславича всѣми городами Юго-Западной Россіи [2]), чтобы окончательно убѣдиться въ положительномъ вліяніи общинъ на преемственность княжеской власти. Далѣе мы встрѣчаемъ въ лѣтописи ясныя доказательства вліянія общинъ на князей,—вліянія, которымъ онѣ заставляютъ

---

[1]) См. въ лѣтописи Нестора (по Кенигсберг. сп.), стр. 102, 105, 118, 163, 187, 192, 199, 213, 214, 215, 217, 228, 229, 239, 242, и т. д.

[2]) Тамъ-же, стр. 296 и 297.

князя прекращать или продолжать войну [1]), судятъ княжескія дѣла [2]) или заставляютъ князя задобрять свое расположеніе подарками или преданіемъ своего дѣла на общинный судъ [3]). Совершенно иную участь имѣютъ сельскія общины: онѣ находятся далеко отъ правительственнаго центра, вліяніе ихъ не страшно для князя, вѣче немногочисленно, ополченіе общинное не составляетъ для князя предмета заискиванія и, въ случаѣ нужды, можетъ быть вытребовано силою княжескаго авторитета, какъ это явствуетъ изъ разсказа лѣтописца о съѣздѣ князей на Долобскѣ 1103 года и о совѣтѣ ихъ на счетъ войны половецкой [4]); села не укрѣплены, и потому открыты вполнѣ для набѣговъ Половцевъ, Печенѣговъ и другихъ степныхъ ордъ—не въ состояніи не только пріобрѣсть достаточное благосостояніе, но и защищать добытые съ трудомъ продукты своей земледѣльческой промышленности. Подъ названіемъ *смердовъ* они все болѣе и болѣе испытываютъ гнетъ дружинниковъ, которые если и щадятъ ихъ (какъ-напримѣръ, въ приведенномъ выше фактѣ), то только потому, что разсчитываютъ на пользу, получаемую отъ ихъ труда. Послѣ раздачи земель боярамъ, послѣдніе стараются заселить эти земли людьми, на трудъ которыхъ они имѣли бы полное и безусловное право, и вводятъ въ жизнь Руси новый общественный элементъ—рабство: рабовъ сначала набираютъ изъ военно-

[1]) Тамъ-же, стр. 136, 161 и 208.
[2]) Тамъ-же, стр. 153, 157, 161 и 202.
[3]) Тамъ-же, стр. 93, 96, 153 и 202.
[4]) Тамъ-же, стр. 168.

плѣнныхъ, потомъ изъ людей кабальныхъ, т. е. изъ общинниковъ, которыхъ нищета, голодъ или разорѣніе принуждаютъ, для дневнаго пропитанія, отречься отъ личныхъ правъ и продаться въ рабство, личное или потомственное, боярамъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, древнія права общинъ все болѣе и болѣе стѣсняются и замѣняются вліяніемъ на нихъ бояръ, а съ другой, на ряду съ ними образуется народонаселеніе рабовъ, которое угрожаетъ общинамъ—какъ посредствомъ личнаго перехода общинниковъ въ кабалу, такъ и посредствомъ распространенія на общины, полузависимыя отъ бояръ, правъ, которыя имѣли послѣдніе на народонаселеніе тѣхъ селъ, въ которыхъ водворены были рабы. Преобладаніе бояръ распросраняется неравномѣрно во всѣхъ частяхъ Юго-Западной Россіи; болѣе всего они усиливаются въ западной ея части—въ удѣлѣ Галицкомъ, гдѣ возвышенію ихъ способствуетъ малочисленность княжескаго рода, частые переходы княжеской власти въ руки малолѣтнихъ наслѣдниковъ, до достиженія совершеннолѣтія которыхъ управляютъ бояре, наконецъ, близкое сосѣдство съ Польшею и Венгріею — странами, въ которыхъ аристократическій элементъ развился очень рано и подавилъ положительно другія сословія. Бояре Галицкіе до того усиливаются, что въ XIII вѣкѣ начинаютъ по собственному ,произволу располагать княжескимъ столомъ, приглашая на него то Русскихъ князей, то иноплеменныхъ владѣльцевъ, а по временамъ и сами обнаруживаютъ попытки возсѣсть на немъ, какъ-напримѣръ, Володиславль изгнанный изъ Галича 1211 г. Венграми и Поляками, или-же—какъ Доброславъ и Судичъ, поповъ

внукъ, которые вокняжились въ Галиччинѣ при Даніилѣ Романовичѣ [1]). Бояре Галицкіе, располагая судьбами княжества, захватываютъ богатыя помѣстья, прибыльныя должности, вліяніе на дѣла политическія и держатъ на собственномъ иждивеніи полки. Только упорная борьба двухъ самыхъ даровитыхъ Галицкихъ князей: Романа и Даніила, и такія мѣры, какъ пріемъ, употребленный 1208 г. князьями, избившими—вслѣдствіе тайнаго между собою совѣщанія—500 сильнѣйшихъ бояръ [2]), въ состояніи на время предохранять княжескую власть отъ окончательнаго порабощенія боярами. Но, со смертію Даніила, бояре опять усиливаются, заводятъ смуты и раздоры, призываютъ иноплеменниковъ и, наконецъ, въ 1340 г. допускаютъ Казиміру III присоединить Галицію къ Польшѣ и пріобрѣтаютъ тѣ права, которыя въ Польшѣ успѣла себѣ выработать дворянская аристократія,—права, которыя наносятъ смертельный ударъ общинному порядку въ Червоной Руси. Между тѣмъ, въ остальной Юго-Западной Руси развитіе общественное останавливается на время, вслѣдствіе грознаго нашествія Монголовъ. Первое ихъ нашествіе падаетъ тяжелымъ ударомъ на всѣ слои народонаселенія. Князья и дружины гибнутъ въ сѣчахъ, города разрушены, села сожжены, жители перебиты или бѣжали въ лѣса и пустыни. Приднѣпровіе, нѣкогда составлявшіе центръ русской жизни, болѣе другихъ страдаетъ, такъ какъ оно всегда попадается на пути

---

[1]) Ипатіевская лѣтопись, стр. 160 и 179.

[2]) Тамъ-же, стр. 158.

Монголовъ, когда эти послѣдніе стремятся на западъ. Поэтому всѣ сильные и зажиточные люди оставляютъ приднѣпровскую страну и переселяются въ страны болѣе богатыя, болѣе отдаленныя отъ Монголовъ или болѣе защищенныя туземною или иноплеменною централизаціею. Такъ, князья южно-русскіе, хотя по праву и владѣютъ Кіевомъ, но предпочитаютъ ему отдаленный Галичъ; такъ, бояре оставляютъ свои разоренныя и безлюдныя земли и переселяются въ болѣе безопасныя княжества, принадлежащія къ группамъ: Суздальской, Галицкой и Полоцкой, гдѣ, подъ защитою существующихъ въ этихъ княжествахъ зачатковъ централизаціи, они находятъ болѣе безопасное и спокойное обеспеченіе своихъ владѣній. Такъ, послѣ нашествія Монголовъ, мы встрѣчаемъ въ 1240 г. извѣстіе, что бояре Черниговскіе переселяются въ Галиччину, гдѣ Даніилъ напрасно сопротивляется ихъ поселенію [1]). На территоріи приднѣпровской остаются только общинники, правда разогнанные, но зато избавленные внѣшнею грозою отъ предстоящаго порабощенія; они мало-по-малу выходятъ изъ нетрей, заселяютъ прежнія села и если не возстановляютъ въ прежней силѣ своихъ общинныхъ правъ, то по крайней мѣрѣ сохраняютъ ихъ уцѣлѣвшіе остатки. Села, избавленныя по большей части отъ бояръ, примыкаютъ къ жизни городскихъ общинъ; бояре остаются въ незначительномъ числѣ, и тѣ ограничиваются владѣніемъ своихъ, населенныхъ рабами, земель. Смерды плотятъ дань Татарамъ, но въ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 179.

внутренней своей жизни сохранили самоуправленіе и опять начинаютъ приближаться, по нормѣ своей жизни, къ городскимъ общинамъ, сохранившимъ почти въ цѣлости свое вѣчевое устройство. Итакъ, послѣ нашествія Монголовъ центръ жизни Юго-Западной Руси, перенесенъ въ Галичъ и на Волынь, приднѣпровіе пустѣетъ, опасность, безпрестанно угрожающая въ немъ, какъ въ землѣ пограничной отъ Татаръ, заставляетъ бояръ переселяться на западъ; остаются одни общинники, которые, оплачиваясь Татарамъ деньгами и кровію, удерживаютъ внутреннюю своеобразную жизнь.

Состояніе это продолжается до начала XIV столѣтія; въ это время почти вся Юго-Западная Русь подчиняется новому, чуждому вліянію—Литвы, которая вноситъ съ собою совершенно новый административный и государственный порядокъ. Литва становится болѣе извѣстною только въ началѣ XIII столѣтія; въ это время внѣшнія обстоятельства заставляютъ Литовское племя сплотиться и объединиться въ одно политическое тѣло для того, чтобы отстоять свою независимость отъ сильнаго германскаго напора, который налегаетъ на нее со стороны крестоносцевъ; рыцари, эти настоящіе предвѣстники езуитовъ, подъ видомъ религіознаго прозелитизма скрывая необузданное честолюбіе и властолюбіе, поселились въ началѣ XIII вѣка въ Пруссіи и обратили всѣ свои усилія къ завоеванію и насильному крещенію народцевъ, принадлежащихъ къ Литовскому племени. Въ скоромъ времени они покорили и окрестили Пруссовъ и начали переходить на правый берегъ Нѣмана, готовя туже участь Литвѣ и Жмуди. На-

родъ, обитавшій въ этихъ земляхъ, упорно держался язычества и дорожилъ своею самостоятельностію; но для борьбы со столь опаснымъ врагомъ этого было мало: необходимо нужно было составить сплошной государственный организмъ и противупоставить крестоносцамъ положительную силу. Между тѣмъ, Литовское племя было раздроблено на мелкіе народцы, почти независимые другъ отъ друга, управляемые патріархальными родоначальниками-князьями, признававшими, правда, общее народное единство между собою, но не проводящими этого единства на дѣлѣ. Въ виду только крайней опасности со стороны крестоносцевъ, сознана была необходимость болѣе короткой связи для собственной защиты. И дѣйствительно, въ половинѣ XIII вѣка Миндовсъ, князь небольшаго городка Кернова, объединяетъ Литовское племя подъ своею властію. Съ тѣхъ поръ въ Литвѣ установляются и, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе усиливаются отношенія чисто феодальныя между великимъ княземъ и зависимыми отъ него мелкими начальниками племенъ: великій князь утверждаетъ за ними право княжеской власти въ участкахъ, имъ подвластныхъ; они-же обязываются за то доставлять на войну въ его распоряженіе извѣстное количество вооруженныхъ людей. Современемъ, великіе князья расширяютъ свое право все болѣе и болѣе: они смѣняютъ подвластныхъ имъ князей и отдаютъ ихъ удѣлы на тѣхъ-же правахъ другимъ лицамъ, по большей части своимъ родственникамъ или приближеннымъ, и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ возможность свободно располагать силами всей Литвы, для того чтобы противупоставить ихъ крестоносцамъ. Но послѣдніе полу-

чаютъ поддержку людьми и деньгами отъ всей западной Европы, и потому борьба съ ними становится не по силамъ Литвѣ даже и тогда, когда она сгруппировала всѣ свои силы подъ властію одного князя. Потому, начиная съ Миндовса, великіе князья Литовскіе стремятся расширить предѣлы своихъ владѣній—съ тою цѣлью, чтобы быть въ состояніи раздать болѣе леновъ и, такимъ образомъ, располагать бо́льшимъ количествомъ военныхъ силъ, которыя ленники обязаны были имъ доставлять. Съ цѣлью расширенія своихъ владѣній, Литовскіе князья обращаютъ вниманіе на Русь, которая представляетъ въ это время обширную страну, богатую людьми и естественными произведеніями, но ослабленную и потерявшую политическую связь и органическое единство, вслѣдствіе раздробленія на удѣлы, усобицъ княжескихъ и, наконецъ, вслѣдствіе громаднаго переворота, произведеннаго на Руси нашествіемъ Монголовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Литовскіе князья устремляются на Русскіе удѣлы, захватываютъ и оставляютъ ихъ за Русскими князьями или раздаютъ своимъ родственникамъ и приближеннымъ, но въ томъ и другомъ случаѣ требуютъ ленной зависимости, т. е. обязательства доставлять войска, и признанія своей верховной власти и права располагать удѣломъ по своей волѣ. Поэтому, чѣмъ сильнѣе напоръ на Литву со стороны крестоносцевъ, тѣмъ сильнѣе, съ своей стороны, врываются Литвины на Русь, желая посредствомъ новыхъ пріобрѣтеній пополнить и умножить свои силы. Первою добычею ихъ дѣлаются княжества, которыя составляли нѣкогда Полоцкій удѣлъ и, по своей раздробленности и

близости къ Литвѣ, представляли легкую добычу. Ими овладѣваютъ родичи Миндовса еще при его жизни [1]) и, не смотря на всѣ попытки остаться самостоятельными, наконецъ должны были признать надъ собою его верховную власть. Послѣ этого, завоеванія Литовскихъ князей на-время остановились: наслѣдники Миндовса должны были выдержать продолжительную борьбу—за уставовленіе новаго порядка вещей и за признаніе своей верховной власти—съ подвластными князьями, во главѣ которыхъ стояли самые сильные изъ ленниковъ—Жмудскіе князья; за эту борьбу многіе заплатили жизнію. Наконецъ, благодаря талантамъ и дѣятельности великихъ князей Наримунта и Витена, власть великаго князя, а вмѣстѣ съ нею и феодальный порядокъ, восторжествовали на Литвѣ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Съ этого времени и возобновляется стремленіе Литовскихъ князей завоевать Русь, тѣмъ болѣе, что теперь и Русь представляетъ для этого болѣе удобства. Миндовсъ встрѣтилъ было грознаго противника своимъ замысламъ въ лицѣ Даніила Романовича, успѣвшаго объединить на время Юго-Западную Русь подъ своею властію; но, при потомкахъ его, земли эти опять раздробились и, находясь постоянно подъ грозою Татаръ, не въ силахъ были выработать сколько-нибудь сильный политическій организмъ. Потому, наслѣдникъ Витена, великій князь Литовскій Гедиминъ, находя свою власть достаточно упроченною въ Литвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Stryjkowski— Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiéj Rusi. Томъ I, стр. 285.

нуждаясь въ новыхъ силахъ для отраженія крестоносцевъ,—которые, пользуясь междоусобными раздорами въ Литвѣ, успѣли отчасти поработить, отчасти разорить Жмудь, прилежащую къ Пруссамъ, и теперь досягали уже центральныхъ Литовскихъ князей,—предпринялъ походъ, съ цѣлью покорить Юго-Западныя Русскія княжества. Въ 1319 году Гедиминъ, пользуясь временнымъ отдыхомъ со стороны крестоносцевъ, отправился со всѣми силами на Русь волынскую и покорилъ ее, послѣ незначительнаго сопротивленія со стороны Владимірскаго князя, Владиміра. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1320 г., »обославъ всѣхъ своихъ бояръ« [1]), отправился вторично на Русь и, побѣдивъ на рѣкѣ Ирпени Русскихъ князей, овладѣлъ всѣмъ поднѣпровіемъ, Кіевомъ и землею Черниговскою, такъ-что, съ покореніемъ остальныхъ Черниговскихъ и Сѣверскихъ княжествъ сыномъ его Ольгердомъ, вся Юго-Западная Русь перешла подъ владычество Литвы. Во все время этой борьбы, Гедиминъ встрѣчалъ сопротивленіе только со стороны князей и дружинъ ихъ, народонаселеніе смотрѣло на нее безмолвно, города вездѣ добровольно сдавались Гедимину; такъ, отворили ему ворота безъ бою: Луцкъ, Брестъ, Житомиръ, Кіевъ, Бѣлгородъ, Каневъ, Черкассы и т. д. [2]) Русскіе князья и ихъ дружины, застигнутые Гедиминомъ, отчасти погибли во время защиты, отчасти бѣжали въ Русь Сѣверо-Восточную; поэтому элементъ боярскій, уже разъ разогнанный и озлоблен-

---

[1]) Тамъ-же. Т. I, стр. 364.

[2]) Тамъ-же. Т. I стр. 364 и 366.

ный Монголами, вслѣдствіе Литовскаго завоеванія, почти окончательно исчезаетъ въ приднѣпровской Руси. Литовскіе князья, недовѣряя Русскимъ боярамъ, изгоняютъ ихъ и на ихъ мѣсто вводятъ свои гарнизоны. Такъ, послѣ сдачи Житомира, Гедиминъ »спровадилъ старосту и русское рыцарство и Литву для защиты города оставилъ« [1]); въ Луцкѣ и его пригородахъ »для вящшаго укрѣпленія своей побѣды, посадилъ старостовъ и рыцарство литовское« [2]) и т. д.— Земли, пріобрѣтенныя Литвинами, устроены были сообразно съ порядкомъ. принятымъ въ самой Литвѣ: онѣ были розданы, въ видѣ леновъ, князьямъ и рыцарямъ Литовскимъ. Такъ, Кіевъ былъ данъ Гедиминомъ Миндову, князю Гольшанскому; Волынь досталась сыну Гедимина, Любарту, Полѣсье—другому сыну его, Наримунту и т. д. [3]). Князья эти, водворившіеся на Руси, удовлетворялись данью, получаемою ими отъ жителей, которыхъ они освободили отъ дани Татарской и обеспечили отъ Татарскихъ набѣговъ; дань эта давала имъ возможность нанимать изъ мѣстныхъ-же жителей болѣе или менѣе многочисленныя войска, а такъ-какъ они смотрѣли на подвластную имъ страну исключительно какъ на источникъ военныхъ силъ, то и не вмѣшивались въ его внутреннее управленіе. Общины Русскія отдохнули свободнѣе; рыцарство Литовскихъ князей, какъ приведенное изъ Литвы,

---

[1]) Тамъ-же. Т. I, стр. 364.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же. Т. I, стр. 367 и 381.

такъ и нанятое на мѣстѣ, не считалось отдѣльнымъ, привилегированнымъ сословіемъ, не расширяло своихъ правъ въ ущербъ остальному народонаселенію; притомъ, какъ люди, нанятые княземъ за деньги,— они считались его личными слугами и были въ полной отъ него зависимости. Немногіе прежніе бояре Русскіе, оставшіеся на мѣстѣ, были низведены Литовскими князьями изъ степени привилегированнаго сословія, и на нихъ были возложены повинности по отношенію къ князю: какъ люди свободные, владѣющіе личною поземельною собственностію, они должны были—или являться въ войско князя, или защищать его замки во время опасности, или ѣздить съ письмами, или, наконецъ, давать подводы по княжескому повелѣнію; вліяніе ихъ на сельскія общины исчезло; удержавъ прежнее имя бояръ, они сохранили только личную свободу да поземельную собственность, а по значенію своему являются княжескими слугами. Ихъ-то потомковъ мы и встрѣчаемъ, впослѣдствіи, подъ именемъ бояръ панцырныхъ (если ихъ служебныя обязанности состояли въ военной службѣ) и путныхъ (если онѣ заключались въ обязанности возить письма). Остальное народонаселеніе Руси, въ то время, когда она подпала подъ литовское владычество, состояло изъ двоякаго рода людей: изъ свободныхъ общинниковъ и изъ рабовъ, поселенныхъ нѣкогда Русскими боярами. Общинники подъ владычествомъ Литвы пользуются прежними своими вѣчевыми правами; слѣды политическаго вліянія общинъ городскихъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ постоянно до тѣхъ поръ, пока въ городахъ не замѣнилось древне-вѣчевое устройство устройствомъ новымъ, занесеннымъ

изъ Польши,—Магдебургскимъ правомъ [1]). Сельскія общины возобновляютъ старинное право самосуда, разстроенное нѣкогда вліяніемъ княжескихъ тіуновъ, и рядятъ и судятъ себя, по старинному обычаю, на вѣчевыхъ, или копныхъ сходкахъ [2]), и, вслѣдствіе дани, платимой князю, остаются безпрекословно собственниками земель, на которыхъ искони расположены были ихъ села. Литовскіе князья не только не нарушаютъ ихъ правъ, но даже даютъ имъ санкцію юридическую, внося въ Литовскій статутъ изъ обычнаго права постановленіе о копныхъ судахъ [3]). Благосостояніе Русскаго народа, въ періодъ обладанія имъ Литовцами, явствуетъ изъ того обстоятельства, что во все время обладанія Литовцами Юго-Западною Россіею мы не втрѣчаемъ ни одной попытки со стороны туземцевъ—сбросить съ себя ихъ владычество; напротивъ того, мѣстное народонаселеніе, покрайней мѣрѣ въ части земель, подчиненныхъ великимъ князьямъ Литовскимъ, получаетъ прочную организацію на собственныхъ общественныхъ началахъ,—организацію, водвореніе которой уступками Литовскихъ-же князей мы сейчасъ разсмотримъ.

Кромѣ свободныхъ общинниковъ, въ Юго-Западной Руси были еще села, заселенныя рабами, водворенными въ нихъ еще при князьяхъ варяжскаго происхожденія. Жители селъ этихъ, вслѣд-

---

[1]) Густинская лѣтопись, стр. 358 и 366.

[2]) См. статью г. Иванишева: »О копныхъ судахъ«. Русская Бесѣда, 1858 г., № 3.

[3]) Тамъ-же.

ствіе ослабѣнія боярскаго элемента послѣ нашествія Монголовъ, а также вслѣдствіе послѣдовавшаго за нимъ всеобщаго переворота и опустѣнія, большею частію разбѣжались и, такимъ образомъ, разорвали на дѣлѣ личную зависимость отъ бояръ; должно полагать, что это запустѣніе селъ невольныхъ и было главною побудительною причиною, заставлявшею бояръ переселяться въ западныя княжества изъ поднѣпровья. Тѣ-же села, въ которыхъ бояре остались до Литовскаго нашествія, послѣ изгнанія бояръ Литовцами признаны были вотчинными владѣніями князей Литовскихъ, въ удѣлахъ которыхъ находились, такъ-что каждый ленный князь Литовскій, по отношенію къ своему удѣлу, имѣлъ двоякое значеніе: 1) государственное, въ силу котораго онъ былъ начальникомъ края, имѣлъ право на дань отъ общинъ и на управленіе военными силами, и 2) вотчинное, въ силу котораго онъ считался вотчинникомъ и владѣтелемъ селъ, заселенныхъ людьми невольными. То или другое значеніе князя развилось болѣе, смотря по мѣстности, въ которой онъ получилъ удѣлъ, и по дальнѣйшимъ судьбамъ этихъ удѣловъ. Русь окончательно была роздана великими князьями Литовскими своимъ родичамъ только при сынѣ Гедимина Ольгердѣ, и только послѣ него роды Литовскихъ князей утвердились въ Руси; они были слѣдующіе: въ сѣверныхъ частяхъ Волыни, около Ковеля, получилъ удѣлъ Ѳеодоръ Ольгердовичъ, родоначальникъ князей Сангушковъ; потомки Корыбута-Димитрія Ольгердовича (родоначальника князей Вишневецкихъ, Заславскихъ, Корецкихъ и Ружинскихъ) утвердились въ южной Волыни, а также въ землѣ Кіевской, по обѣимъ сторонамъ

Днѣпра, южнѣе Кіева; Вигунтъ-Василій и Андрей Ольгердовичи получили удѣлы въ княжествѣ Сѣверскомъ, а Константинъ Ольгердовичъ (родоначальникъ князей Чарторыйскихъ)—Черниговъ и Чарторыю на Волыни; Владиміръ Ольгердовичъ (родоначальникъ князей Олельковичей) получилъ Кіевъ и сѣверную часть бывшаго Кіевскаго княжества [1]. Наконецъ, сыновья Коріята Гедиминовича (родоначальника князей Коріятовичей и Курцевичей) утвердились въ Подоліи, гдѣ рядомъ съ ними засѣли знатные Польскіе роды, которые, послѣ довольно упорной борьбы, вытѣснили изъ Подоліи Коріятовичей и заняли ихъ мѣсто, вступивъ въ такія отношенія къ великимъ князьямъ Литовскимъ, въ какихъ были по отношенію къ этимъ послѣднимъ Коріятовичи. Въ этихъ удѣлахъ князья, владѣвшіе ими, встрѣтили двоякаго рода общественныя отношенія: на Волыни и въ западной части Подоліи князья встрѣтили довольно сильное боярское сословіе, перешедшее въ эти страны еще во время обладанія ими Галицкихъ князей, и не могли унизить бояръ до уровня слугъ своихъ. Вскорѣ послѣдовало соединеніе Руси съ Польшею; тогда Волынь и западная часть Подоліи сдѣлались предметомъ посягательства со стороны Поляковъ. Поляки желали воспользоваться довольно шаткимъ въ началѣ соединеніемъ съ Литвою для того, чтобы вынудить у своихъ королей, которые вмѣстѣ были и великими князьями Литовскими, уступку провинцій Литовскихъ и присоединить эти провинціи къ Польшѣ.

---

[1]) Stryjkowski. T. II, стр. 57 и 58.

Первые попытки такого рода были успѣшно отражены Витольдомъ, но при сыновьяхъ Ягеллы Поляки, наконецъ, одержали верхъ. Въ 1434 году Подоль, а двадцать лѣтъ спустя, и Волынь были отторжены отъ Литвы и присоединены къ Польшѣ. Вслѣдствіе этого бояре Русскіе и дружинники Литовскіе получили права шляхты Польской, общины-же были ими въ конецъ подавлены и низведены на уровень польскаго посполъства. Между тѣмъ, въ удѣлахъ, лежавшихъ на востокъ отъ Волыни, а также въ южной Подоліи, князья Литовскіе встрѣтили преобладающимъ элементъ общинный; бояръ, какъ мы уже замѣтили, было мало и они низведены были князьями на степень княжескихъ слугъ: общины за то были крѣпки: пользуясь ослабленіемъ боярскаго элемента, онѣ пріобрѣли силу и сохранили сознаніе законности своего устройства. Притомъ, географическое положеніе страны ставило ея жителей въ постоянную опасность отъ татарскихъ набѣговъ, но жители мало по-малу свыклись съ этою опасностью и привыкли отражать ее собственными силами; слѣдствіемъ этого была привычка къ оружію, знакомство съ военнымъ дѣломъ и, вообще, пріобрѣтеніе воинственнаго и отважнаго характера жителями, населявшими приднѣпровье и южную часть Подоліи. Общины этихъ земель выработали себѣ вещественную силу, которою, съ одной стороны, могли отражать Татаръ, съ другой были въ состояніи отстоять свои права отъ всякого внутренняго посягательства. Значеніе этихъ общинъ усилилось и окончательно установилось послѣ присоединенія Волыни и западной Подоліи къ Польшѣ, ибо, послѣ этого событія, бояре да дру-

жинники Литовскіе, очевидно, находили для себя болѣе выгоднымъ селиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ давались широкія права и привилегіи польскаго шляхетства, чѣмъ оставаться въ земляхъ приднѣпровскихъ въ роли княжескихъ слугъ. Потому они и отхлынули въ провинціи, присоединенныя къ Польшѣ. Этимъ-то можно объяснить то огромное количество шляхтичей, богатыхъ и мелкихъ, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ акты, относящіеся къ Волыни, въ XVI и XVII столѣтіи, при малочисленности и почти ничтожествѣ шляхетскаго сословія въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ. Между тѣмъ, обратное движеніе народонаселенія происходило въ нижнихъ слояхъ общества. Изъ всѣхъ провинцій, захваченныхъ отъ Литвы Польшею, общинники бѣжали въ привольныя приднѣпровскія страны, въ которыхъ находили норму жизни, подходящую къ ихъ выгодамъ и понятіямъ и защищенную оружіемъ воинственныхъ своихъ собратій. Переселенія эти придали еще болѣе силъ приднѣпровскимъ общинамъ и пополняли тотъ убытокъ въ народонаселеніи, который онѣ испытывали вслѣдствіе татарскихъ опустошеній.

Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка князья, на долю которыхъ достались приднѣпровскіе удѣлы, чувствуя, съ одной стороны, силу подвластныхъ имъ общинъ, съ другой оставленные военными людьми, перешедшими въ западные удѣлы, должны были принаровиться къ обстоятельствамъ и войти въ извѣстныя сдѣлки съ общинниками. Поэтому-то они способствуютъ развитію общинъ, какъ юридическому такъ и военному, удерживая за собою только право верховной власти надъ ними во время

мира и начальства надъ ихъ ополченіями во время войны,—а также вотчинное право на села, населенныя людьми несвободными. Этотъ образъ дѣйствія, гарантируя права общинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ выгоденъ для князя, такъ-какъ онъ избавлялъ послѣдняго отъ обязанности держать на собственныя деньги наемное войско и предотвращалъ возможность возникновенія аристократіи, въ пользу которой слѣдовало-бы со временемъ уступить часть своихъ правъ и вотчинныхъ владѣній. Такимъ образомъ, въ приднѣпровской Руси мы встрѣчаемъ въ XV и XVI вѣкѣ органически образовавшійся, укрѣпившійся и выросшій изъ туземныхъ элементовъ общинный порядокъ устройства, подъ верховною властью князей, происходившихъ отъ Гедиминова дома или-же отъ рода дворянъ, получившихъ удѣлы на правахъ равныхъ съ Гедиминовичами. Это устройство находится въ удѣлахъ князей Корецкихъ, Вишневецкихъ, Ружинскихъ, Чарторыйскихъ, отчасти Олельковичей и дворянскаго рода Лянцкоронскихъ, утвердившагося въ южной Подоліи. Въ исторіи мы встрѣчаемъ первые его слѣды именно въ то время, когда оно пріобрѣтаетъ полную силу и окончательное развитіе, т. е. въ началѣ XV столѣтія; встрѣчаемъ его только подъ чужимъ, заимствованнымъ отъ Татаръ именемъ *Козаковъ* [1]. Князья, предводи-

---

[1]) а) Въ Ордѣ *Козаками* назывался нисшій классъ войска; сословіе благородныхъ составляли *уланы.* Иловайскій, Кр. Оч. Русской ист. Стр. 82.

б) *Козаками* нарицахуся, си есть свободное воинство, яко безъ найму, своею волею на Татара хождаху. Лѣтопись Грабянки, стр. 19.

тельствующіе ими, носятъ тоже особенное названіе— *гетьмановъ*. Въ пользу такого мнѣнія о происхожденіи Козаковъ мы, кромѣ сказаннаго, можемъ представить слѣдующія доказательства:

1) Одновременное появленіе козаковъ не только на приднѣпровьи, но и во всей Руси, гдѣ общинный порядокъ уцѣлѣлъ по какимъ бы-то ни было причинамъ, какъ-то: на Дону, въ Рязани, въ Бѣлой Руси [1]).

2) Безосновательность всѣхъ мнѣній производившихъ Козаковъ отъ Козаръ, Касоговъ, Черкассовъ и всякихъ другихъ кочевыхъ народцевъ, поглощенныхъ Половцами, а потомъ Монголами,— мнѣній, не выдерживающихъ никакой критики какъ потому, что онѣ основаны единственно на случайномъ созвучіи одного какого-нибудь названія, такъ и потому, что мы не находимъ малѣйшаго слѣда въ исторіи существованія всѣхъ этихъ народовъ впродолженіе трехъ вѣковъ, между исчезновеніемъ ихъ въ XII в. и появленіемъ Козаковъ въ XVI,—молчаніе, невозможное при поселеніи какого бы-то нибыло племени на пространствѣ отъ Рязани до Дона и отъ верховьевъ Западной Двины до устья Днѣстра. Мы знаемъ притомъ, что Козаки, не смотря на случай-

---

в) »Въ сіе время впервые появились въ Польшѣ *козаки*, каковое названіе приняли тогда Днѣпровскіе островитяне отъ Татаръ.« Бантышъ Каменскій, Исторія Малой Россіи. Т. I, стр. 114.

[1]) См. № CV, стр. 382.

ную и гораздо позднѣйшую примѣсь, представляютъ вездѣ элементъ чисто славянскій [1]).

3) Первые гетьманы Козацкіе, упоминаемые обыкновенно въ лѣтописяхъ и исторіяхъ до Люблинской уніи, ведутъ свой родъ исключительно отъ Гедемина или отъ велико-княжескихъ ленниковъ, утвержденныхъ его потомками на Руси:—это Лянцкоронскій, Вишневецкіе, Ружинскіе, Корецкіе,—роды, которые и послѣ восторжествованія выборнаго начала удерживаютъ вотчинное право въ несвободныхъ селахъ бывшихъ своихъ удѣловъ.

4) Наконецъ,—то обстоятельство, что Козаки, во внутреннемъ своемъ устройствѣ, представляютъ сохранившееся вполнѣ начало общинъ славянскихъ и подчиняются, какъ высшей власти, приговору вѣча, которое теперь называется *радою*, значеніе которой мы встрѣтимъ нѣсколько разъ въ прилагаемыхъ актахъ.

Значеніе Козаковъ, какъ ратныхъ общинныхъ

---

[1]) Если названія нѣкоторыхъ древнихъ городовъ Козацкихъ и носятъ на себѣ слѣды восточнаго происхожденія,—какъ напр., столько разъ указываемые Черкассы,—то происхожденіе этихъ названій мы себѣ очень легко уяснимъ, вспомнивъ упомянутое въ лѣтописяхъ переселеніе нѣсколькихъ кочевыхъ ордъ, бѣжавшихъ отъ Половцевъ въ XI в. и поселенныхъ Русскими князьями на Поросіи подъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ*; народонаселеніе это, далеко уступавшее туземцамъ своею численностію, занимавшее незначительный уголокъ Козацкихъ земель, потерявшее свои характеристическія черты уже въ XIII в.,—могло, конечно, оставить послѣ себя нѣсколько названій азіатскаго происхожденія.

людей, въ зависимости отъ различныхъ князей Гедиминовскаго дома, подтверждается выраженіями о нихъ современниковъ: такъ, въ одномъ изъ прилагаемыхъ актовъ мы видимъ, что Козаки, жившіе въ Черкассахъ, называются (не позже 1503 года) *Козаками князя Димитрія* (Вишневецкаго) [1]. У Стрыйковскаго, при разсказѣ о нападеніи Татаръ 1516 года, есть извѣстіе, что цѣлый отрядъ ихъ былъ уничтоженъ Козаками князя Вишневецкаго [2]. Изъ этого уже явствуетъ ошибка ученыхъ, занимавшихся исторіею Козаковъ: они, принимая предводителей козацкихъ этого времени за преемственныхъ козацкихъ гетьмановъ, ставятъ время гетьманства Прецлава Лянцкоронскаго между годами 1500 и 1512 [3]), Димитрія Вишневецкаго—между 1512 и 1514 [4]) и Евстафія Ружинскаго—между 1514 и 1534 [5]). Между тѣмъ, мы видимъ изъ приведенныхъ мѣстъ, что князь Димитрій Вишневецкій упоминается какъ начальникъ Козаковъ—и раньше и позднѣе того времени, въ которомъ указываютъ его гетьманство, и что онъ, много разъ еще предводительствуя Козаками, воюетъ съ Татарами и Турками и, наконецъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, гибнетъ въ Молдавскомъ походѣ 1564 года [6]). О пред-

---

[1]) См. № I, стр. 1.

[2]) Stryjkowski. T. II, стр. 389.

[3]) Исторія Малороссіи, Маркевича. Т. I, стр. 27—36.

[4]) Тамъ-же, Т. I, стр. 36.

[5]) Тамъ-же, Т. I, стр. 36—41. Также, Лѣтопись самовидца о войнахъ Хмѣльницкаго, стр. 1.

[6]) Ист. Мал. Маркевича Т. I, стр. 47.

шественникѣ Вишневецкаго—Лянцкоронскомъ разсказываютъ, что, хотя онъ и пересталъ быть гетьманомъ, однако явился предводителемъ Козаковъ въ походѣ на Бѣлградъ 1516 года [1]) и на Очаковъ 1528 [2]). Изъ этого разсказа историковъ Малороссіи, въ сличеніи съ вышепоказанными ссылками, явствуетъ, что Ляндкоронскій, Вишневецкій и Ружинскій были гетьманами одновременно и что для того-только, чтобы сохранить мнимую ихъ преемственность, историки Малороссіи, начиная съ Конисскаго и оканчивая Чарновскимъ, утверждаютъ, что Ляндкоронскій и Вишневецкій добровольно слагали съ себя гетьманство. Не вѣроятнѣе-ли допустить, основываясь на ихъ генеологіи и па установленныхъ отношеніяхъ Литовскихъ князей, что они владѣли одновременно удѣлами на Украинѣ, что каждый изъ нихъ, на правахъ князя, былъ начальникомъ общиннаго ополченія, т. е. Козаковъ, и владѣльцемъ несвободнаго, между Козаками разселеннаго народонаселенія, тѣмъ болѣе, что, до временъ Ружинскаго, мы у современниковъ не встрѣчаемъ слѣда ни выборнаго начала при избраніи гетьмановъ, ни самого гетьманскаго титула: предводители Козаковъ называются князьями, а тамъ, гдѣ упоминаются Козаки, сейчасъ прибавляется означеніе, изъ чьего они удѣла: »Козаки князя Димитрія« или »Козаки князя Вишневецкаго« и т. д. Конечно, по скудности матеріала, мы

---

[1]) Исторія Малой Россіи, Бантыша—Каменскаго. Т. I, стр. 114.

[2]) Czarnowski, Historija Kozaków. T. I, стр. 71. Бантышъ—Каменскій. Т. I, стр. 117.

не въ силахъ точно опредѣлить отношеній между Козаками и князьями и степени ихъ подчиненности и зависимости, но данныхъ этого рода мы ждемъ отъ разработки современныхъ матеріаловъ. Изъ прилагаемыхъ актовъ мы можемъ указать на то обстоятельство, что послѣ смерти Козака, если у него не было прямыхъ наслѣдниковъ, имущество его наслѣдовалъ князь: »какъ-же того обычай есть, тыи отъумерлые речи, хто ближнего не маетъ, приходятъ на Намѣстника«[1]), при чемъ намѣстникъ раздавалъ княжескимъ слугамъ менѣе цѣнныя вещи, болѣе-же цѣнныя отдавалъ великому князю.

Одновременно съ Вишневецкимъ и Лянцкоронскимъ въ Южной Руси имѣлъ удѣлъ однокровный съ ними князь изъ дома Гедимина—Евстафій Ружинскій,—человѣкъ, извѣстный современникамъ по своему прекрасному воспитанію, полученному за границей. При его содѣйствіи Козаки получили правильное военное устройство: вмѣсто бывшаго неравномѣрнаго дѣленія на курени и околицы, они раздѣлились на 20 полковъ съ выборною старшиною и съ полнымъ правомъ самосуда, который теперь сдѣлался атрибутомъ полковой старшины; княжескіе старосты и намѣстники были удалены отъ вмѣшательства въ козацкія дѣла. Эти обширныя уступки въ пользу общиннаго начала не могли произойти безъ согласія князя, и дѣйствительно, всѣ хроники приписываютъ эту уступку Евстафію Ружинскому; реформа эта съ его стороны была сдѣлана не безъ разсчета: по примѣру Козаковъ

---

[1]) См. № I, стр. 2.

Ружинскаго, тѣ козацкія общины, которыя находились въ удѣлахъ другихъ, соплеменныхъ ему князей, организируются такимъ-же самымъ образомъ; а, встрѣтивъ противодѣйствіе со стороны своихъ князей, признаютъ надъ собою власть Ружинскаго, виновника новой реформы. И дѣйствительно, въ числѣ полковъ, подвластныхъ ему, мы встрѣчаемъ уже полки козацкіе, лежавшіе въ тѣхъ земляхъ, гдѣ несвободное народонаселеніе признаетъ власть другихъ княжескихъ родовъ, во власти которыхъ и остается оно до времени окончательнаго торжества въ приднѣпровской Руси общиннаго начала, при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Таковы, напримѣръ, полки: Лубенскій, Каневскій и Переяславскій, разселенные среди имѣній Вишневецкаго; Брацлавскій, находящійся въ удѣлѣ Лянцкоронскихъ; Кіевскій, лежащій въ бывшемъ удѣлѣ Олельковичей, превращенномъ въ 1471 г. въ воеводство, зависимое прямо отъ великаго князя. Князья, которыхъ власть подрывалась такимъ образомъ, протестовали предъ лицемъ великаго князя и короля Польскаго, Сигизмунда I; но Ружинскій успѣлъ доказать на дѣлѣ многочисленными побѣдоносными походами противъ Татаръ и Турокъ—сколь полезную военную силу могутъ доставить государству Козаки, соединенные и правильно организированные, и потому Сигизмундъ I подтвердилъ новую реформу и оградилъ Козаковъ отъ княжескихъ притязаній, признавъ ихъ вѣчною собственностью тѣ земли, на которыхъ они были поселены по обѣимъ берегамъ Днѣпра [1]). Въ виду такого упадка княжеской власти, потерявшей, въ

---

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр. 21.

пользу общиннаго выборнаго начала, лучшую изъ своихъ привилегій—право начальствовать общиннымъ ополченіемъ, князья были недовольны подтвержденіемъ реформы Ружинскаго и ея послѣдствій со стороны Сигизмунда I, и потому самый энергическій и самый сильный изъ нихъ—Димитрій Вишневецкій переѣхалъ къ Василію III Іоанновичу и предложилъ ему присоединить свой удѣлъ къ великому княжеству Московскому; но со стороны Василія и наслѣдника его, Іоанна IV Грознаго онъ не нашелъ достаточной поддержки. Попытки Великороссіянъ—овладѣть Сѣверскою и Черниговскою землею въ 1534 г. были отражены Ружинскимъ и Кіевскимъ Воеводою Немировичемъ. Старанія самого Вишневецкаго—утвердиться то на Хортицѣ, то на правобережной Украинѣ, гдѣ онъ завладѣлъ было на время Черкассами и Каневомъ въ 1537 г., побудивъ жителей этихъ городовъ къ возстанію противъ королевскаго старосты,—оказались тщетными [1]). Вишневецкій увидѣлъ, наконецъ, несостоятельность своихъ усилій и получилъ отъ царя Іоанна, въ замѣнъ за свои приднѣпровскія земли, Бѣлевъ и другія волости. Но вскорѣ онъ замѣтилъ, что, въ виду организующейся на крѣпкихъ основаніяхъ централизаціи великихъ князей Моск вскихъ, не возможна всякая самостоятельность отдѣльныхъ княжескихъ родовъ; притомъ, опасаясь опалы со стороны царя Іоанна, раздраженнаго боярами и рѣшившагося переломать ихъ притязанія, онъ перебѣжалъ опять

---

[1]) См. № II, стр. 3.—Исторія Малороссіи, Маркевича. Т. I, стр. 46.

въ Литву и, принятый въ милость Сигизмундомъ II, получилъ обратно имѣнія, находившіяся въ его родовомъ удѣлѣ. Но потеря княжеской власти была для него невыносима, и потому онъ рѣшился на трудное предпріятіе—завоевать себѣ новое княжество въ Молдавіи; во время этого похода онъ былъ схваченъ и казненъ Турками 1564 г.

Такимъ образомъ правильное устройство общинъ Козацкихъ и объединеніе ихъ, не смотря на существованіе удѣловъ Литовскихъ князей, было утверждено Ружинскимъ. Послѣ его смерти выборное начало торжествуетъ окончательно надъ элементомъ княжескимъ, и въ военачальники выбираются Козаками уже не князья, но люди такіе, которые выдаются личными дарованіями, а не генеалогическими правами. Лѣтописи называютъ преемниками Ружинскаго людей незнатнаго происхожденія; это: Венцеславъ Хмѣльницкій, Свирговскій, Ѳеодоръ Богданъ, Шахъ, Подкова, Скалозубъ и т. д.,—вотъ гетьманы, которые послѣ Ружинскаго выдвигаются изъ толпы по ея выбору и наслѣдуютъ власть Гедиминовичей. Бывшіе князья долго еще не желаютъ отречься отъ прежнихъ правъ своихъ, и заявленіе этихъ правъ мы встрѣчаемъ въ лицѣ двухъ изъ нихъ: 1) брата Димитрія Вишневецкаго, Михаила и 2) Михаила Ружинскаго. Первый, послѣ бѣгства брата изъ Москвы, пребывалъ въ вѣрности къ Іоанну IV и успѣлъ возвратить себѣ, пользуясь расположеніемъ жителей къ своему роду, города Черкассы и Каневъ; онъ удерживаетъ титулъ гетьмана Козацкаго и, въ этомъ качествѣ, участвуетъ въ войнѣ великаго князя Московскаго съ возставшею Астраханью, 1569 и 1570 г., между тѣмъ какъ

Украиною управляетъ выборный гетманъ Свирговскій. Михаилъ Вишневецкій скончался уже при Стефанѣ Баторіѣ 1582 года въ имѣніяхъ своего бывшаго удѣла. Второй, Михаилъ Ружинскій, удерживалъ титулъ гетманскій еще въ 1585 году [1]) и вѣроятно, пользуясь смутами, происшедшими между Козаками при возникавшей тогда реакціи противъ Польскаго правительства,—успѣлъ на время захватить власть надъ ними, опираясь на прежнія свои права. Впрочемъ, власть его, должно полагать, была и незначительна и кратковременна, такъ-какъ ни одна хроника не записала его имени въ числѣ гетмановъ Козацкихъ, и вышеприведенный актъ составляетъ единственное въ этомъ отношеніи указаніе.

Сгруппированіе и объединеніе силъ козацкихъ въ половинѣ XVI в. оказалось весьма полезнымъ при послѣдовавшихъ событіяхъ. Именно въ 1569 году состоялась унія Литвы съ Польшею, уравнявшая права дворянъ Литовскихъ и Русскихъ съ правами шляхты Польской; вслѣдствіе этого все Литовское устройство, состоявшее въ цѣлой системѣ бояръ и князей, другъ отъ друга зависимыхъ, рушилось. Бояре Литовскіе и Русскіе уравнены были передъ лицемъ закона съ князьями и стали съ ними на одну ступень—дворянъ; все народонаселеніе недворянское было отдано дворянамъ, до сихъ поръ владѣвшимъ ими на Литовскомъ, ограниченномъ, ленномъ правѣ,—въ безусловную собственность. Выработанныя въ Польшѣ, юридическія отношенія признавали только три сословія: 1) шляхетское, кото-

---

[1]) См. № VII, стр. 15.

рое пользовалось безконечными правами—какъ личными, такъ и государственными; 2) хлопское, состоящее въ полной и безпрекословной зависимости отъ перваго, и 3) мѣщанское, малочисленное и пользовавшееся правами личной свободы и сословной независимости въ немногочисленныхъ городахъ, одаренныхъ Магдебургскимъ правомъ. Козацкое общинное народонаселеніе не соотвѣтствовало ни одной изъ этихъ категорій: по понятіямъ шляхтичей, оно было, среди Польской республики, аномаліею; народонаселеніе это слѣдовало отнести и приписать къ одному изъ существовавшихъ въ Польшѣ сословій, безъ чего польскій шляхетскій порядокъ вещей не могъ-бы установиться на Руси. Причислить Козаковъ къ мѣщанству было невозможно, такъ-какъ ни по занятіямъ, ни по мѣстопребыванію своему они къ нимъ не подходили, да, притомъ, и въ самой Польшѣ мѣщанство было иноземнымъ учрежденіемъ, возникшимъ какъ слѣдствіе Магдебургскаго права и обнимавшимъ самую незначительную часть народонаселенія. Оставалось два сословія: шляхтичи и хлопы; въ одно изъ нихъ должны были поступить Козаки. Но тотъ и другой исходъ представлялъ огромныя трудности: причисленіе Козаковъ къ хлопамъ должно было попрать всѣ ихъ права на личную свободу и на искони установившійся общинный порядокъ, слѣдовательно,—должно было встрѣтить съ ихъ стороны рѣшительное противудѣйствіе, которое дорого обошлось-бы Польской республикѣ, такъ-какъ Козаки представляли многочисленное и воинственное народонаселеніе; съ другой стороны, причисленіе ихъ къ шляхтѣ становилось невозможнымъ по причинѣ противудѣйствія со стороны са-

мой-же шляхты, которая, дорожа своими исключительными привилегіями, все болѣе и болѣе затрудняла входъ въ свою среду для новыхъ личностей и страшно неохотно дѣлилась своими преимуществами, опасаясь уронить ихъ значеніе. Король Сигизмундъ-Августъ, виновникъ Люблинской уніи, хотѣлъ было повести дѣло постепенно, вторымъ путемъ, именно: онъ началъ раздавать права шляхетскія цѣлымъ селамъ вольныхъ общинниковъ, начиная съ мѣстностей, въ которыхъ села были не слишкомъ многочисленны, именно съ сѣверной части воеводствъ Кіевскаго и Волынскаго. Такія нобилитированныя села сохранили до настоящаго времени свои дворянскія права, привитыя къ общинной почвѣ: это—такъ называемыя околицы, или шляхетскія села сѣверной части Кіевской и Волынской губерніи, жители которыхъ, имѣя дворянскія права, не представляютъ ничего общаго съ остальною шляхтою по своимъ обычаямъ, понятіямъ, языку, образу жизни и вѣроисповѣданію. Но послѣ Сигизмунда-Августа, скончавшагося 3 года спустя послѣ Люблинской уніи, преемникъ его, Стефанъ Баторій, рѣшился измѣнить тактику одною энергическою мѣрою покончить съ Козаками и раздѣлить ихъ по категоріямъ, принятымъ польскими законами: онъ придумалъ средство, которое-бы, разрознивъ силы Козаковъ, съ одной стороны ослабило ихъ дружное противудѣйствіе, съ другой не испугало шляхты допущеніемъ въ ея ряды слишкомъ большаго количества новыхъ семействъ. Средство это состояло въ томъ, чтобы изъ числа всѣхъ Козаковъ, составлявшихъ 20 полковъ при Ружинскомъ, т. е. изъ числа, minimum, 40,000 семействъ, дворянскія права

предоставлены были 6,000 семействъ, и старшинѣ Козацкой повелѣно было составить списки этихъ 6 тысячей: они получали отъ правительства дворянскія права, жалованье, выдаваемое деньгами и сукномъ [1]), право свободнаго выбора старшинъ и право самосуда, для котораго и установленъ былъ отдѣльный трибуналъ въ Батуринѣ; за ними утверждались и тѣ земли, которыми они до сихъ поръ владѣли. Остальные-же Козаки должны были слиться съ крѣпостнымъ народонаселеніемъ и поступить въ подданство тѣхъ пановъ шляхтичей, которымъ подарилъ король ихъ земли, или-же—сдѣлаться подданными королевскими и поступить подъ управленіе королевскихъ старостъ въ тѣхъ земляхъ, которыя никому не будутъ подарены, но владѣніе которыми отнималось у Козаковъ. Однако мѣра эта не повела къ желанной цѣли и, никого не удовлетворивъ, вызвала всеобщее противудѣйствіе; шляхтичи не хотѣли принять въ свое сословіе 6,000 новыхъ членовъ и оспаривали право короля произвольно раздавать нобилитаціи: ни одинъ сеймъ не согласился подтвердить распоряженія Баторія. Козаковъ реестровыхъ, т. е. внесенныхъ въ реестры или списки, отказались допускать къ участію въ избраніи королей и къ праву посылать депутатовъ на сеймы, основываясь на томъ, что они не имѣютъ правъ гражданства и суть не что иное, какъ войско, нанимаемое республикою за деньги. Реестровые козаки, съ своей стороны, стали добиваться всевозможными средствами осуществленія на дѣлѣ правъ, да-

---

[1]) См. № VI, стр. 14.

рованныхъ имъ Баторіемъ; но, встрѣчая постоянное сопротивленіе со стороны шляхты, начали раздражаться и искать точки опоры въ сочуствіи нереестровыхъ, т. е. непризнанныхъ легально Козаковъ; каждая попытка такого рода навлекала на нихъ реакцію со стороны шляхты и правительства, руководимаго шляхтою, и отнятіе одного за другимъ правъ, данныхъ Баторіемъ, такъ-что въ половинѣ XVII столѣтія, не добившись шляхетства, они утратили и надежду на пріобрѣтеніе его и, для избѣжанія участи порабощенной нереестровой своей братіи, рѣшились соединиться съ нею. Между тѣмъ, нереестровые Козаки, на которыхъ падала вся тяжесть польской реформы, сразу начали ей противудѣйствовать и въ свою очередь, не чуствуя за собою достаточно силъ, стали опираться на крѣпостное сословіе, заманивая его къ себѣ надеждою раздѣлить козацкія права, избавившись отъ ненавистныхъ для тѣхъ и другихъ пановъ. Они-то и составляютъ главную силу Козацкихъ возстаній, вбирая въ себя и группируя всѣ, случайно попадающія силы: крестьянъ, реестровыхъ Козаковъ, Запорожцевъ, бездомныхъ шляхтичей, слугъ и т. д. Слѣды соединенія этихъ разнородныхъ элементовъ подъ однимъ знаменемъ Козаччины мы найдемъ въ прилагаемыхъ актахъ; теперь-же только установимъ то общее начало, что главная причина козацкихъ возстаній лежала въ нарушеніи сословныхъ козацкихъ правъ и въ нарушеніи польскимъ правительствомъ и шляхтою общиннаго ихъ устройства, съ цѣлью ввести польскій порядокъ, основанный на шляхетствѣ.—Къ этой главной причинѣ присоединяются другія, болѣе или менѣе важныя обстоя-

тельства, которыя поддерживаютъ и раздражаютъ борьбу, придаютъ ей болѣе широкіе размѣры и, наконецъ, обхватываютъ весь Южно-Русскій народъ. Эти обстоятельства были: 1) религіозная унія, возникшая въ 1596 году и прибавившая къ борьбѣ сословной элементъ религіозный; 2) старанія польскаго правительства удержать Козаковъ отъ вторженій въ Турцію и полная невозможность осуществить эти старанія на дѣлѣ; 3) безурядица въ польскомъ государственномъ устройствѣ, вслѣдствіе котораго само польское правительство вызывало новыя силы, въ помощь Козацкому движенію. Главныя изъ этихъ силъ, порожденныхъ анархическимъ состояніемъ Польши, были: а) жолнѣры, навербованные правительствомъ для какой-нибудь военной экспедиціи, которые потомъ не расходились изъ-подъ своей хоругви, а грабили села и города въ предѣлахъ собственнаго государства и, наконецъ, во избѣжаніе отвѣтственности, соединялись съ Козаками,—и б) слуги, т. е. бездомные шляхтичи, пристававшіе, по причинѣ бѣдности, на службу къ какому-нибудь богатому шляхтичу; они при первой возможности грабили своего господина, составляли такъ называемую *свавольную купу*, живились разбоемъ и потомъ уходили къ Козакамъ - во избѣжаніе отвѣтственности и желая скрыть личные интересы подъ личиною общей законной борьбы.

Въ первые три года правленія Баторія гетьманомъ козацкимъ былъ *Ѳеодоръ Богданъ*, совершенно преданный королю и раздѣлявшій его намѣренія, по свидѣтельству всѣхъ историковъ. При немъ-то и проведена была реформа Баторія; гетьманъ-же въ это время, со всѣмъ войскомъ, предпринималъ про-

должительный, блистательный, но безполезный походъ въ Турецкія, Малоазіатскія и Европейскія владѣнія, вѣроятно, съ цѣлью отвлечь вниманіе Козаковъ отъ реформы, которую въ ихъ землѣ въ тоже время проводило польское правительство. Но, немедленно послѣ возвращенія изъ похода, Богданъ исчезаетъ изъ историческаго поприща, а на его мѣстѣ является *Павелъ Подкова*; вѣроятно, этотъ гетьманъ не принаровлялся къ видамъ правительства на счетъ Козацкой реформы, потому-что, уже въ самый годъ своего появленія (1579 г.), онъ былъ схваченъ Поляками въ Немировѣ [1]) и, по повелѣнію короля, казненъ во Львовѣ—будто-бы за то, что, безъ королевскаго дозволенія, онъ ворвался въ Молдавію и тѣмъ раздражилъ Турокъ, между тѣмъ какъ предшественникъ его разграбилъ всѣ Турецкія земли, лежащія около Чернаго моря, и, не смотря на то, не навлекъ на себя гнѣва польскаго правительства.

Послѣ казни Подковы борьба не умолкла: слѣды ея мы находимъ въ ссылкѣ гетьмана *Жаха*, разсказываемой обыкновенно историками. На сколько-же было сильно неудовольствіе Козаковъ противъ правительства и шляхты польской, мы можемъ усмотрѣть изъ того, что еще при жизни Баторія начались ихъ набѣги на панскія имѣнія и что въ 1585 г. они утопили въ Днѣпрѣ присланнаго къ нимъ королемъ съ увѣщаніями посла Глубоцкаго [2]). Съ этого времени, разладъ между Козаками и правительствомъ усиливается все болѣе и болѣе. Отъ времени до времени онъ прорывается въ видѣ возстаній,

---

[1]) См. № IV, стр. 9.

[2]) Heidensztejn, Dzieje Polski. T. II, стр. 362. Также см. № VII, стр 16.

ясно высказывающихъ свои цѣли и желанія; въ промежуткахъ-же между возстаніями вражда, не умолкая, проявляется въ безпрестанныхъ нападеніяхъ Козаковъ на имѣнія и дворы шляхтичей, этихъ представителей грознаго для Козаччины аристократическаго элемента, который въ свою очередь напрягаетъ всѣ силы къ разрушенію вѣчеваго порядка и къ подчиненію представителей его, Козаковъ, своему гнету и владычеству. Между тѣмъ, какъ масса Козаковъ выжидала выгоднаго случая для возстанія противъ правительства, отдѣльныя партіи Козаковъ собирались подъ предводительствомъ болѣе отважнаго, называли его своимъ гетьманомъ, сзывали крестьянъ и, составивъ такимъ образомъ отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, врывались въ панскія села и мѣстечка, грабили панскій дворъ, а въ случаѣ сопротивленія со стороны жителей,—и имущество послѣднихъ; потомъ, смотря по обстоятельствамъ, или переходили въ другое мѣсто, присоединяя къ себѣ все больше и больше людей изъ крестьянъ, слугъ, нереестровыхъ Козаковъ, возвышая значеніе и силу своего гетьмана и оканчивая борьбою съ польскими войсками;—или-же, послѣ перваго нападенія, отрядъ разсѣевался, унося добычу, временный-же гетьманъ возвращался въ ряды и не выходилъ болѣе на историческое поприще. Иниціатива такихъ попытокъ принадлежала всегда нереестровымъ Козакамъ. Гетьманы, ими возводимые, никогда не признавались правительствомъ, даже въ случаѣ удачи, и совмѣстно съ послѣдними, постоянно существовали гетьманы Козаковъ реестровыхъ, признанные правительствомъ. Этимъ появленіемъ многихъ мелкихъ гетьмановъ, вмѣстѣ пред-

водительствующихъ разными отрядами, воюющими съ шляхтою болѣе или менѣе успѣшно,—и объясняется сбивчивость на счетъ преемственности гетьманской власти во все время до Богдана Хмельницкаго. Примѣръ, какимъ образомъ возникали такіе импровизированные гетьманы и на сколько тѣснымъ кругомъ могла ограничиваться ихъ дѣятельность,—представляетъ Лукіанъ Чернинскій, »который кажетъ себя гетьманомъ звати« [1]), разграбившій съ нѣсколькими сотнями на-скоро собранныхъ Козаковъ и крестьянъ въ 1587 г.—Кодню, мѣстечко воеводича Тышкевича, и исчезнувшій потомъ совершенно. Кромѣ самостоятельныхъ нападеній на панскія земли Козаки вмѣшивались въ споры пановъ между собою и, помогая то одной, то другой сторонѣ—за плату или за часть добычи, готовы были каждую изъ нихъ грабить и разорять: такъ-напримѣръ, они помогли шляхтичу Бутовичу отнять имѣніе Форощь у его владѣтельницы пани Ягнешки-Козаровской, за что получили »певную плату« да притомъ все движимое имущество Козаровской, захваченное въ Форощи, было раздѣлено между ними [2]). Реестровые Козаки, съ своей стороны, не менѣе безпокоили шляхтичей, выбивая ихъ наѣздами изъ имѣній. Такъ-напримѣръ, въ 1618 г. они вступились за монаховъ Трехтымировскаго монастыря, имѣвшихъ споръ за владѣніе смежными грунтами съ шляхтичемъ Проскурою-Сущанскимъ, напали на имѣніе послѣдняго—Гри-

[1]) См. № VIII, стр. 19.

[2]) См. № IX, стр. 24 и 25.

горьевъ и, отнявъ оное силою, передали монахамъ [1]. Такъ, въ 1624 г. Козаки изъ окрестностей Триполья, числомъ 500 человѣкъ, напали »безъ даня жадное слушное причины« на домъ владѣльца Триполья, Германа Трипольскаго, ограбили оный, самого Трипольскаго обезчестили ругательствами и наконецъ, схвативъ одного изъ его слугъ, заставили его истязаніями наклеветать на своего господина передъ гродскимъ судомъ и обвинить его въ воровствѣ [2]) и т. д. Въ свою очередь шляхтичи, имѣвшіе на своей сторонѣ законъ и покровительство правительства, преслѣдовали Козаковъ военною силою и юридическимъ искомъ и, все далѣе и далѣе проникая въ Козацкія земли, подбирали ихъ въ свои руки; не рѣдко они переступали и за норму законную и дозволяли себѣ злоупотребленія въ отношеніи къ Козакамъ и посягательства на ихъ личную безопасность; такъ-напримѣръ, нѣкто Іосифъ Немиричъ схватилъ проѣзжавшаго спокойно черезъ его имѣнія старшину Козацкаго, Ченовницкаго, безъ всякой причины посадилъ его въ тюрьму и, овладѣвъ письмами и бумагами, которыя послѣдній везъ съ собою, распечаталъ и читалъ ихъ [3]).

Правительство, въ свою очередь, издало рядъ универсаловъ, которые стремились къ тому, чтобы подвести Козаковъ подъ общую норму, существовавшую въ Польской республикѣ. Съ одной стороны, универсалы эти предписываютъ Козакамъ не ходить на Запорожье, не собираться кучами, не сооружать судовъ на Днѣпрѣ и не съѣзжать съ мѣста посто-

---

[1]) См. № LXVII, стр. 237.

[2]) См. № LXXVI, стр. 278.

[3]) См. № X, стр. 27.

яннаго ихъ жительства безъ дозволенія начальниковъ, и, такимъ образомъ, стремятся къ обезоруженію Козацкой реакціи; съ другой стороны, они предписываютъ Козакамъ не врываться въ Турецкіе предѣлы. Это послѣднее распоряженіе имѣло въ виду предотвратить разрывъ съ Турціею и не навлекать на Польшу тяжелой съ нею войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто служило предлогомъ къ такимъ мѣрамъ, которыя вели къ обузданію Козацкой реакціи,—предлогомъ благовиднымъ для того, чтобы держать вооруженные отряды и укрѣпленные замки на Украинѣ.—Притомъ, должно замѣтить, что исполненіе распоряженій правительства поручалось шляхтѣ, которая, такимъ образомъ, получала законное право вмѣшиваться въ дѣла Козацкія и стѣснять ихъ свободу.

Еще Сигизмундъ-Августъ, подготовляя унію Люблинскую, хотѣлъ обезоружить на первыхъ порахъ Козаковъ и не спускалъ съ нихъ глазъ, и потому, за полъ-года до уніи, издалъ универсалъ, которымъ, угрозою строгихъ наказаній—съ одной стороны, приманкою жалованья—съ другой, предписывалъ Козакамъ не выѣзжать изъ ихъ поселеній безъ позволенія королевскихъ чиновниковъ и не уходить на низовья Днѣпра и въ недосягаемыя Запорожскія степи—подъ предлогомъ, что они нападаютъ на пограничные Татарскіе и Турецкіе улусы [1]). Стефанъ Баторій, желая предотвратить раздоръ съ Турціею во время Московской войны, издаетъ универсалъ, которымъ воспрещаетъ вры-

[1]) См. № III, стр. 4—6.

ваться въ Турецкія земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускаетъ изъ виду и второй цѣли, поручая приведеніе въ исполненіе этой мѣры шляхтѣ, которой дозволяетъ хватать и сажать въ тюрьму каждаго непослушнаго универсалу. Такимъ образомъ, шляхта освящается какъ начало легальное, какъ стражъ законовъ, и ей открывается широкое поле для произвола и злоупотребленій по отношенію къ Козакамъ. Замѣчательно, что уже въ этомъ универсалѣ, Баторій, съ свойственною ему дальновидностію, предугадалъ тѣ элементы, на которые должна была со временемъ опереться Козаччина, и поручилъ ихъ надзору шляхты. Универсалъ его кромѣ Козаковъ, на которыхъ онъ указываетъ только косвенно, разумѣетъ также »неоселу шляхту, мѣщанъ и вообще всѣхъ людей *plebeiae conditionis*« [1]). Десять лѣтъ спустя, Сигизмундъ III, уже въ виду готовящейся повсемѣстной Козацкой реакціи, желая укрѣпиться на Украинѣ, издаетъ универсалъ, которымъ постановляетъ построить замокъ надъ Днѣпромъ (Кременчугъ) и держать въ немъ постоянный гарнизонъ, состоящій изъ 1000 людей на жалованьи и содержаніи правительства, покрывая свое распоряженіе общею фразою: »для укрощенія украинскаго своеволія..... и предотвращенія набѣговъ на сосѣднія земли« [2]). Но, не смотря на эту мѣру, смуты на Украинѣ увеличиваются, »своvольные отряды« нападаютъ все съ большею и большею силою на дома, села и мѣстечка

---

[1]) См. № V, стр. 13.
[2]) См. № XI, стр. 29.

шляхетскія [1]) и нерѣдко переходятъ за турецкую границу; а потому король новымъ универсаломъ объявляетъ, что онъ назначилъ особую коммиссію, которой предписано разсмотрѣть безпорядки, происходящіе на Украинѣ, и казнить виновныхъ [2]). Но мѣра эта не принесла желаннаго успѣха, ибо, одновременно съ ея объявленіемъ, поднялось первое общее Козацкое возстаніе подъ предводительствомъ *Коссинскаго*. Съ этого времени правительственныя мѣры противъ Козаковъ усиливаются и, по большей части, приводятся въ дѣйствіе силою оружія, правительство Польское открыто становится на сторонѣ шляхты и, держась съ нею за одно, старается въ ея пользу подавить Козаковъ. Такъ, Сигизмундъ III призываетъ своими универсалами шляхту Воеводствъ: Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго—на поголовное ополченіе въ 1593 г. для подавленія Козаковъ, возставшихъ подъ предводительствомъ Коссинскаго, и указываетъ имъ ясно, что дѣло идетъ исключительно о безопасности, спокойствіи и сохраненіи »вольностей« и имуществъ самой-же шляхты [3]). Потомъ, послѣ разгромленія Наливайка, король обращается опять къ шляхтѣ тѣхъ-же воеводствъ, приглашая ее заняться водвореніемъ окончательнаго спокойствія на Украинѣ, и потому предписываетъ ей Козаковъ, собирающихся въ кучи, разгонять, тѣхъ изъ нихъ, которые не заняты службою,

---

[1]) См. № XIII, стр. 34.

[2]) Тамъ-же.

[3]) См. № XVII, стр. 36.

брать подъ арестъ и прекратить всякія сношенія Козаковъ съ Запорожьемъ [1]).

И такъ, общее состояніе Украины въ концѣ XVI вѣка было слѣдующее: шляхтичи Польскіе стремились водворить въ ней польское право, обратить Козаковъ въ своихъ подданыхъ и, такимъ образомъ, обогатить свое сословіе пріобрѣтеніемъ новыхъ имуществъ въ странѣ, не подчиненной еще шляхетскому господству. Правительство поддерживало шляхетскія усилія, давало имъ законную силу, ослабляло Козаковъ,—то разрывая ихъ силы (реформа Баторія), то ограничивая ихъ личную свободу и разрушая солидарное сопротивленіе стѣснительными законоположеніями, то, наконецъ, устрашая ихъ введеніемъ въ Украину постоянныхъ гарнизоновъ и постройкою крѣпостей. Медленнымъ но вѣрнымъ путемъ, оно шло къ водворенію, на развалинахъ мѣстнаго общиннаго начала, аристократическаго польскаго порядка вещей. Козаки, чуя опасность, противудѣйствуютъ шляхетчинѣ и начинаютъ съ нею упорную борьбу, сначала—разсыпную, безпокоя ее частными нападеніями и угрозами, потомъ—сплошную, всеобщими возстаніями, опирающимися, съ одной стороны, на анархическіе элементы, породившіеся въ нѣдрахъ самой-же польской стороны (на бездомныхъ дворянъ, слугъ, навербованныхъ жолнировъ и т п.), съ другой—на порабощенное и задавленное шляхтою крестьянское народонаселеніе.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ Лукьяна Чернинскаго мы видѣли, какимъ образомъ зарождались

---

[1]) См. № XXXVIII, стр. 131 и 132.

первыя попытки Козаковъ къ реакціи; попытки эти, называемыя въ универсалахъ »своеволіемъ украинныимъ«, все болѣе и болѣе умножаются,— какъ это видно изъ приведенныхъ универсаловъ;— наконецъ, одна изъ нихъ принимаетъ громадные размѣры и, какъ по своимъ силамъ, такъ и по ясно заявленнымъ стремленіямъ, представляетъ уже не простое »сваволенство«, а настоящее народное возстаніе, которое открываетъ собою цѣлый рядъ такъ-называемыхъ Козацкихъ войнъ, продолжавшихся, съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками, 60 лѣтъ, и окончившихся освобожденіемъ мѣстной народности и общинно-козацкаго порядка изъ-подъ шляхетскаго ига и соединеніемъ Малороссіи съ однокровною и одновѣрною массою Русскаго народа при Богданѣ Хмѣльницкомъ.

Первое возстаніе поднялось въ 1592 году подъ начальствомъ *Крыштофа Коссинскаго*, шляхтича, перебѣжавшаго къ Козакамъ по неизвѣстнымъ причинамъ изъ Подляхіи. Возстаніе это, вспыхнувшее за 4 года до введенія, а за два года до перваго обнародованія уніи,—не носитъ на себѣ религіознаго отпечатка, усложнившаго вопросъ впослѣдствіи. Характеръ его чисто соціальный, и оно ясно указываетъ на тотъ интересъ, который лежалъ въ основѣ козацкихъ войнъ: водвориться-ли польско-шляхетскому элементу въ Южной Руси или нѣтъ? Необходимость трагической его развязки была очевидна для современниковъ: такъ, князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій, заблаговременно предостерегалъ польское правительство объ угрожающей опасности со стороны Козаковъ, которые стали уже врываться въ замки и уносить изъ нихъ оружіе,

пушки и порохъ, и совѣтовалъ укрѣпить по крайней мѣрѣ важнѣйшіе замки на Украинѣ [1]); но польское правительство, по свойственному ему нерадѣнію, не исполнило этого совѣта и, не придавая большаго значенія движенію на Украинѣ, нарядило коммиссію для изслѣдованія и наказанія безпорядковъ, происходившихъ, по словамъ универсала, въ разныхъ пунктахъ Украинныхъ воеводствъ и причиняемыхъ »нѣкоторыми людьми своевольными«, которые нападаютъ на города и села и угрожаютъ какъ спокойствію цѣлаго государства, такъ и безопасности мѣстныхъ дворянъ» [2]). Но многочисленные отряды людей своевольныхъ не могли быть смирены юридическою коммиссіею. Одинъ изъ нихъ, находившійся подъ предводительствомъ Крыштофа Коссинскаго, »который на сей часъ гетьманомъ козацкимъ се учинилъ«, и состоявшій изъ Козаковъ, пришедшихъ изъ Запорожья,—ворвался въ послѣднихъ числахъ декабря 1591 года въ Бѣлую-Церковь и, завладѣвъ ею, ограбилъ домъ князя Курцевича-Булыги, намѣстника старосты Бѣлоцерковскаго князя Константина Острожскаго [3]). Послѣ этого, отрядъ его началъ быстро увеличиваться: къ нему приставали отдѣльные козацкіе отряды, въ лагерь его бѣжали помѣщичьи крестьяне [4]) и, вообще: »здрайце,

---

[1]) См. № XIV, стр. 36.

[2]) См. № XIII, стр. 34.

[3]) См. № XII, стр. 31.

[4]) Такъ, акты передаютъ намъ имя сотника *Дашка*, крестьянина изъ имѣній князя Кирика Ружинскаго.—См. № XX, стр. 58.

збеги, слуги и челядь обоей плъти« [1]), оставляя своихъ пановъ. Движеніе охватило воеводства Кіевское, Брацлавское, и, въ началѣ 1593 года, Коссинскій, во главѣ сильнаго ополченія, вступилъ въ предѣлы воеводства Волынскаго. Во время своего похода, Козаки занимали земли и города королевскіе и шляхетскіе, жгли ихъ и разоряли; забирали у шляхтичей имущество и скотъ, а также пушки и оружіе; шляхтичей-же убивали, сажали въ тюрьму или-же приводили насильно вмѣстѣ съ мѣщанами къ присягѣ себѣ на вѣрность и, такимъ образомъ, заявляли желаніе отложиться отъ речи посполитой и однимъ ударомъ уничтожить преобладаніе шляхетскаго элемента [2]). Всѣ, недовольные своимъ общественнымъ или личнымъ положеніемъ, сами даже шляхтичи, воспользовались общимъ смятеніемъ и, получая помощь отъ Коссинскаго, начали заявлять свои права и притязанія; такъ-напримѣръ, встрѣчаемъ фактъ о шляхтичѣ Михаилѣ Гулевичѣ, который, выпросивъ у Коссинскаго двѣ сотни Козаковъ и, притомъ, навербовавъ много слугъ, бросился отнимать имѣнія у своего дяди, Василія Гулевича, лежавшія въ Брацлавскомъ воеводствѣ, занялъ ихъ насильно и потомъ только, раздраживъ крестьянъ неистовствами, былъ отъ нихъ-же прогнанъ [3]).

Грозное ополченіе »людей своволныхъ, которые се называютъ быти Козаками Низовыми«, т. е.

---

[1]) См. № XIX, стр. 55.

[2]) См. № XV, стр. 39; № XVI, стр. 42; № XVII, стр. 45; № XVIII, стр. 49.

[3]) См. № XX, стр. 57.

не реестровыхъ Козаковъ, правъ которыхъ не признавала Польская шляхта, вступивши въ предѣлы Волыни, встрѣтило отпоръ со стороны шляхты, которая здѣсь была и многочисленна, и положительно водворена, между тѣмъ какъ въ другихъ воеводствахъ Украинныхъ, она, по своей малочисленности и недавнему появленію въ краѣ, не была въ состояніи заявить серіознаго сопротивленія. Маршалъ земли Волынской, князь Константинъ Острожскій, оповѣстилъ всю шляхту о предстоящей опасности и призвалъ ее къ оружію, назначивъ сборнымъ пунктомъ Константиновъ; распоряженія его подтвердилъ и королевскій универсалъ, предоставляя рѣшеніе дѣла силамъ самой шляхты, за неимѣніемъ удобораспологаемой военной силы [1]). Между тѣмъ, шляхта волынская испугалась серіозно движенія козацкаго, которымъ она до сихъ поръ пренебрегала. Покрывая неловко фразами о любви къ отечеству страхъ за свои сословные интересы и за личную безопасность, она рѣшилась напрячь всѣ силы для отраженія Козаковъ; собственными словами шляхты лучше всего характеризируется ея испугъ и воззрѣніе на предпріятіе Коссинскаго »нехотечи въ оказанію милости противъ отчизны своее быти послѣднѣйшими«, говоритъ шляхта повѣту Владимірскаго, узнавъ о вторженіи Козаковъ въ предѣлы Волыни:—»а постерегаючи, абыхмо вси до дальшое небеспечности и згубы вольности и свободъ нашихъ посполу зъ горлы и зъ маетностями нашими, за злымъ предсявзятіемъ тыхъ свавольни-

---

[1]) См. № XVII, стр. 44.

ковъ не прышли, умыслилисмы зъ доброе воли нашеи, ведлугъ приможеня, на отпоръ противъ тымъ свавольникомъ, всполокъ до купы, до братіи нашеи рушитисе« [1]). Дѣйствительно, шляхтичи оставляютъ всѣ повседневныя дѣла и заботы свои. Съѣхавшись въ Луцкъ на судебные роки, они закрываютъ суды, отказываются, до окончанія войны, вести тяжбы, заводить иски или заниматься какими-бы-то ни было юридическими дѣлами и рѣшаются обратить все свое вниманіе на приготовленіе отпора Козакамъ [2]). Вслѣдъ за этимъ они приглашаютъ шляхту повѣту Владимірскаго—послѣдовать примѣру Луцкихъ дворянъ [3]) и вызываютъ со стороны послѣдней точно такое-же рѣшеніе [4]). Ополченіе шляхетское собралось подъ Константиновымъ, и начальство надъ нимъ принялъ князь Константинъ Острожскій; за неимѣніемъ указаній, мы не можемъ прослѣдить всего хода войны; видимъ только, что послѣдній результатъ ея увѣнчанъ успѣхомъ шляхтичей: Коссинскій былъ осажденъ княземъ Острожскимъ подъ Пяткою и принужденъ принять условія, предписанныя ему побѣдителемъ. Условія эти вполнѣ гарантировали интересы шляхетскіе: Козаки должны были покорно извиниться передъ княземъ и клятвенно обѣщались: смѣнить Коссинскаго впродолженіи 4 недѣль, пребывать въ полной покорности королю, не предпринимать никакихъ походовъ и не

[1]) См. № XVIII, стр. 50.
[2]) См. № XV, стр. 39.
[3]) См. № XVI, стр. 41.
[4]) См № XVIII, стр. 47.

переходить съ мѣста безъ позволенія; не дѣлать впредъ нападеній на имѣнія князя Острожскаго, его друзей и, вообще, шляхтичей, бывшихъ при немъ подъ Пяткою; выдать всѣхъ перебѣжавшихъ къ нимъ слугъ и крестьянъ; возвратить забранное у шляхтичей оружіе, имущество, кони и скотъ и, наконецъ, стараться пребывать всегда въ милости у князей и речи посполитой [1]). Такой исходъ имѣла первая попытка Козаковъ отстоять оружіемъ свои права. Неудача, однако, смирила ихъ только временно, но далеко не успокоила ихъ стремленій: отбитые отъ воеводства Волынскаго, они утвердились въ Кіевскомъ, заняли и укрѣпили Кіевъ и располагали навсегда въ немъ водвориться. Съ своей стороны шляхта не желала имѣть столь опасныхъ сосѣдей, и въ томъ-же 1593 году, спустя 4 мѣсяца послѣ заключенія договора, волынская шляхта, съѣхавшись для выбора чиновниковъ въ Владиміръ, объявила, что по первому призыву воеводъ кіевскаго и волынскаго она готова вторично отправиться въ походъ, для того чтобы вытѣснить Козаковъ изъ Кіева [2]). Такимъ образомъ разрывъ былъ снова неизбѣженъ, но на время вниманіе какъ правительства, такъ и шляхты, было отвлечено въ другую сторону—дѣлами подготовлявшейся религіозной уніи, послѣ которой взрывъ долженъ былъ вспыхнуть съ новою силою.

Дѣйствительно, новое возстаніе Козаковъ поднялось въ 1596 году подъ предводительствомъ *Лободы* и *Наливайка*. Значительная часть силъ, примкнув-

---

[1]) См № XIX, стр. 53.

[2]) См. № XXI, стр. 63.

шихъ къ этому возстанію, заготовлена была подъ покровительствомъ того-же князя Константина Острожскаго, который подавилъ первую козацкую реакцію Коссинскаго; конечно, заготовленіе это было не преднамѣренно, но, по стеченію обстоятельствъ, доставило Козакамъ новыя силы.

Въ 1595 году приготовлялась церковная унія, состоявшаяся на соборѣ въ Брестѣ въ 1596 г. Извѣстна роль, которую игралъ въ этомъ событіи князь Константинъ, прославившійся какъ самый ревностный поборникъ Православія — какъ самый горячій противникъ уніи; на ряду съ другими средствами противудѣйствовать ей, онъ употребилъ пріемъ, бывшій тогда въ ходу при междоусобныхъ распряхъ шляхтичей, именно — такъ называемые заѣзды. Подъ покровительствомъ и съ вѣдома князя Острожскаго, образовались отряды изъ бѣглыхъ слугъ и, соединившись съ надворными милиціями его друзей, готовы были грабить всѣхъ шляхтичей, поборниковъ уніи; для вольницы этой нужно было вождя, опытнаго въ партизанской войнѣ, и вождь этотъ нашелся въ лицѣ Семерина Наливайка. — Прежде, чѣмъ приступимъ къ исторіи предпринятыхъ имъ на Волыни заѣздовъ, взглянемъ на составъ его отряда, на ту новую силу, которая, вслѣдствіе анархическаго состоянія Польши, должна была укрѣпить Козацкія войска, именно—на своевольныхъ людей, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Люди своевольные были почти исключительно бѣдные шляхтичи, поступившіе на службу къ другимъ, болѣе богатымъ, и потомъ бѣжавшіе отъ послѣднихъ, по большей части вслѣдствіе злоупотребленія довѣрія господъ или посягательства на собственность послѣд-

нихъ. Мѣстностію, въ которой болѣе всего находимъ примѣровъ бѣглыхъ слугъ, есть Волынь; явленіе это естественно: Волынь, вслѣдствіе ранняго своего присоединенія къ Польшѣ, была сборнымъ мѣстомъ для шляхты, которая стекалась въ эту землю изъ остальной Руси, завлекаемая выгоднымъ для себя правомъ польскимъ; но, при стеченіи ея, получая широкія права и привиллегіи, она не получала достаточныхъ средствъ для жизни. Значительное большинство шляхтичей, гордыхъ своимъ вліяніемъ на политическія дѣла государства своими правами гражданскими, тѣмъ безконечнымъ превосходствомъ, которое признавалъ за ними законъ, передъ другими сословіями, находилось въ совершенной нищетѣ: заняться какимъ-нибудь промысломъ, торговлею, ремесломъ—они не могли, потому-что, въ такомъ случаѣ, они по закону потеряли-бы пріобрѣтенное шляхетство; въ военную службу поступить они тоже не могли, ибо для этого необходимы были большія издержки на окопировку, вооруженіе и содержаніе »почта« [1]). Должности гражданскія замѣщались, по выбору, исключительно знатными и зажиточными »земянами«, т. е. шляхтичами, имѣвшими поземель-

---

[1]) Польское войско состояло изъ *товарищей* и *рядовыхъ*. Товарищи были шляхтичи; они получали жалованье и могли достигать военныхъ должностей; являясь въ войско, они должны были: а) привести съ собою по крайней мѣрѣ 3 слугъ и опредѣлить ихъ въ войско въ качествѣ рядовыхъ, б) явиться съ вооруженіемъ и лошадьми, на свой счетъ заготовленными, для себя и для своихъ рядовыхъ. Послѣдніе, по отношенію къ своему товарищу, назывались его *почтомъ*.

ную собственность; слѣдовательно, для пролетаріата шляхетскаго, не имѣвшаго достаточныхъ средствъ къ своему образованію, былъ одинъ только исходъ — служба у богатыхъ дворянъ; но служба эта налагала обязанности слишкомъ тяжелыя и несовмѣстныя съ понятіемъ шляхтича о своемъ достоинствѣ: слуга не имѣлъ права оставлять своего господина передъ означеннымъ срокомъ и былъ вполнѣ отъ него зависимъ; законъ предписывалъ ему покорность и вѣрность, запрещалъ во время службы заводить искъ съ господиномъ и строго наказывалъ непослушаніе и дерзость. Не удивительно потому, если служилые шляхтичи тяготились своимъ положеніемъ. Привыкнувъ гражданскую свободу понимать въ смыслѣ своеволія, они смотрѣли на свое служебное положеніе, какъ на тяжелое иго, и потому съ жадностію хватали первый попавшійся предлогъ, первое случившееся замѣшательство для того, чтобы ограбить своихъ господъ, бѣжать отъ нихъ и погулять на волѣ. Удобнѣйшимъ обстоятельствомъ для нихъ въ этомъ отношеніи была открывшаяся теперь борьба Козаковъ съ Польшею. И дѣйствительно, мы видимъ и отдѣльныя личности, и, потомъ, цѣлыя толпы слугъ-шляхтичей, которые бѣгутъ отъ господъ, собираются въ отряды, называютъ себя Козаками (не смотря на то, что съ Козаками они никакой связи не имѣютъ, да, притомъ, находятся въ мѣстности, въ которой истинная Козаччина никогда не успѣла развиться) и потомъ на собственный счетъ грабятъ и безчинствуютъ, разоряя и обижая всѣхъ жителей, попавшихся имъ подъ руку, безъ различія состоянія, преслѣдуя иногда побужденія личной мести и, наконецъ, уходя отъ отвѣтст-

венности, дѣйствительно соединяются съ Козаками и увеличиваютъ собою ихъ силы.—Въ прилагаемыхъ актахъ мы встрѣчаемъ множество фактовъ измѣны и бѣгства слугъ отъ господъ, при чемъ, не рѣдко, они собираютъ шайки изъ подобныхъ себѣ бѣглецовъ и нападаютъ на дома шляхтичей, у которыхъ были на службѣ. Такъ, панъ Василій Гулевичъ подаетъ жалобу на своего слугу, Ивана Путошинскаго, котораго онъ отправилъ съ своимъ порученіемъ, давъ ему пару своихъ лошадей; но Путошинскій лошадей употребилъ въ свою пользу, къ господину не возвратился, а, пользуясь отъѣздомъ Гулевича въ Краковъ, явился въ его имѣніе Сутесцы, на основаніи фальшивой довѣренности принялъ оное въ управленіе, вконецъ разорилъ, употребилъ въ свою пользу всѣ пожитки, устроилъ въ немъ притонъ извѣстнымъ ворамъ и разбойникамъ, съ которыми вмѣстѣ промышлялъ по окрестности, умертвилъ какого-то бѣглаго Козака, желая поживиться его добычею,—за все это навлекъ судебную отвѣтственность на Гулевича и, наконецъ, опасаясь пріѣзда его, неизвѣстно куда бѣжалъ [1]). Далѣе встрѣчаемъ жалобу пана Охрема Грузевича на слугу его, Мацка Мартыновича, который, бѣжавъ отъ него, напалъ потомъ на его домъ съ товарищами подобными себѣ, бывшему своему господину нанесъ побои, имущество его разграбилъ и ранилъ слугу и потомъ, пойманный и приговоренный къ смерти, бѣжалъ изъ темницы [2]). За тѣмъ слѣдуетъ жалоба отъ князя

---

[1]) См. № IV, стр. 6.

[2]) См. № *XLIII*, стр. 145.

Адама Вишневецкаго на слугу его Іосифа Лисовскаго, бывшаго въ должности шафаря. Лисовскій не только-что ушелъ, не сдавъ отчета по своей должности, но, сговорившись съ десятью другими слугами-шляхтичами, ворвался съ оружіемъ въ рукахъ въ замокъ князя Вишневецкаго, Брагинь. Они вломились въ казну своего господина, похитили все хранившееся въ ней: деньги, одежду, оружіе, золотыя вещи, и потомъ, взявъ силою лошадей у мѣщанъ, неизвѣстно куда бѣжали [1]). Далѣе, въ 1618 году, когда Козаки, пользуясь походомъ королевича подъ Москву, возобновили свои наѣзды на шляхтичей, слуги составили, съ своей стороны, отряды и, покрываясь тѣмъ предлогомъ, что они отправятся на помощь королевичу, пустились грабить кого попало: такъ-напримѣръ, нѣкто Мировицкій, слуга дворянъ Тышей Быковскихъ, бѣжалъ отъ нихъ, не представивъ отчетовъ по управленію довѣреннымъ ему селомъ, и, составивъ значительную шайку, возвратился въ имѣнія бывшихъ господъ своихъ и вконецъ оныя ограбилъ [2]). Въ 1624 году составилась на Волыни многочисленная партія изъ слугъ-шляхтичей, которые подъ предводительствомъ какого-то »урожоного пана Геліяша Булгака, немалою купою людей арматныхъ, конныхъ и пѣшихъ, зъ бубнами и хоругвями« грабили окрестности Владиміра и между прочимъ, разорили село Замличи, принадлежавшее князьямъ Ко́зикамъ, а потомъ поступили на службу къ епископу Луцкому уніятскому, Іереміи Почапов-

---

[1]) См. № XLIV, стр. 148.

[2]) См. № LXII, стр. 210.

скому [1]). Потомъ встрѣчаемъ жалобу пана Подгородецкаго на слугу его, Петра Хмельницкаго, который, управляя нѣсколькими его имѣніями, бѣжалъ неизвѣстно куда, не представивъ отчета за нѣсколько лѣтъ и присвоивъ себѣ разные доходы изъ имѣній [2]).

Подобнаго-то рода своевольныхъ людей и вознамѣрился князь Константинъ Острожскій употребить въ дѣло для того, чтобы разорить и привести въ трепетъ поборниковъ уніи. Открыто онъ не хотѣлъ употреблять этого оружія, но открылъ въ своихъ имѣніяхъ безопасное пристанище для бѣглыхъ слугъ, подставлялъ ихъ партіямъ вождей и указывалъ имъ на личности, на которыя они должны были обращать свои набѣги. Гроза эта обрушилась главнымъ образомъ на двѣ личности: на Александра Семашка, каштеляна Брацлавскаго, извѣстнаго гонителя православнаго духовенства, подготовлявшаго унію страхомъ и насиліями [3]), и на Кирилла Терлецкаго, бывшаго вначалѣ ревностнымъ православнымъ пастыремъ, но потомъ, вслѣдствіе насилій, перешедшаго въ станъ уніятовъ и ставшаго одною изъ сильнѣйшихъ опоръ уніи [4]). Кириллъ Терлецкій особенно навлекалъ на себя негодованіе оставшихся вѣрными Православной церкви людей— за обманъ, посредствомъ котораго онъ выманилъ на Сокальскомъ съѣздѣ бланкеты съ подписями

---

[1]) См. № LXXVII, стр. 281.

[2]) См. № XCIX, стр. 359.

[3]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. I, Т. I, стр. XXXIX.

[4]) Тамъ-же, стр. XLVI.

епископовъ, ратовавшихъ противъ уніи, для того чтобы потомъ, нарушивъ ихъ довѣріе, вписать на этихъ бланкетахъ согласіе на соединеніе церквей [1]), — а также за поѣздку въ Римъ для заявленія папѣ о состоявшейся уніи. На него и посыпались первые удары во время этой-же поѣздки: съ дороги изъ Кракова Кириллъ Терлецкій отправилъ въ Луцкъ слугу своего, Степановича, къ тамошнему протопопу съ письмами и мемрамами (бланкетами); но Степановичъ былъ встрѣченъ и задержанъ на дорогѣ, еще надъ Вислою, отрядомъ неизвѣстныхъ людей, называвшихъ себя Козаками, состоявшими подъ командою Ростопча, которые его (Степановича) избили и письма и бланкеты у него отняли [2]). Въ то-же время »часу отъеханя (епископа) до Риму, чрезъ непріятелей внутреннихъ и своволенство козацкое людей злыхъ, маетность его милости въ тамъ-томъ краю Полискомъ вся забрана, злуплена и пороспрашана была«, а также вещи болѣе драгоцѣнныя и документы, отосланные епископомъ для храненія, во время его отсутствія, къ одному изъ мѣщанъ пинскихъ, были расхищены тѣми-же злыми людьми [3]). Въ 1596 году нападенія этого рода учащаются; центромъ ихъ служитъ Острогъ, и предводители пользуются покровительствомъ и прикрываются авторитетомъ князя Острожскаго. Отряды, состоящіе изъ »людей злого зобраня« и изъ »збойцовъ и лупезцовъ« [4]), отправляются изъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. LVIII.

[2]) См. № XXIV, стр. 71.

[3]) См. № XXXIX, стр. 133.

[4]) См. №№ XXVII и XXXI, стр. 77 и 95.

Острога, соединяются съ отрядами дворянъ, приверженцевъ князя Острожскаго, и разоряютъ имѣнія Терлецкихъ и Семашки. Во главѣ этихъ экспедицій стоятъ два брата: »попъ« Дамьянъ Наливайко, духовникъ князя Константина, и Семеринъ Наливайко, прославившійся въ исторіи, какъ начальникъ одного изъ болѣе сильныхъ козацкихъ возстаній. Уже тогда Семеринъ Наливайко является человѣкомъ бывалымъ и составившимъ себѣ извѣстнаго рода военную репутацію. Въ 1594 году онъ уже былъ на Украинѣ и съ отрядомъ нереестровыхъ Козаковъ ходилъ въ походъ противъ Татаръ подъ Килію и Тягинь (Бендеры); на дорогѣ онъ принудилъ шляхту воеводства Брацлавскаго снабдить свой отрядъ волами, лошадьми и съѣстными припасами. Но походъ подъ Тягинь не удался, и Наливайко, потерявъ болѣе полуторы тысячи Козаковъ, принужденъ былъ возвратиться обратно; остальные Козаки изъ его отряда начали разъѣзжаться по домамъ, самъ-же Наливайко, съ остатками своего войска, остановился въ Брацлавлѣ. Не ожидая его пришествія, урядъ Брацлавскій разбѣжался, но такъ-какъ въ это именно время приходились судебные роки, то урядники обратились къ шляхтѣ и предложили ей ѣхать всѣмъ вмѣстѣ въ городъ. Предложеніе было принято, и вся Брацлавская шляхта, вмѣстѣ съ гродскими урядниками, направилась въ столицу своего воеводства, но, не осмѣливаясь въѣхать въ городъ, остановилась подлѣ него, надъ р. Богомъ, и послала депутата предостеречь мѣщанъ Брацлавскихъ о своемъ пришествіи. Между тѣмъ, мѣщане, вполнѣ преданные Наливайкѣ, соединились ночью съ его Козаками и, подъ начальствомъ войта Тиковича,

бурмистровъ и райцовъ, напали на шляхетскій таборъ, шляхтичей разогнали, нѣсколько человѣкъ убили и овладѣли лошадьми и имуществомъ, находившимся въ таборѣ [1]).

Въ слѣдующемъ, 1595 году Наливайко предпринялъ съ Козаками другой, болѣе удачный походъ въ Венгрію, откуда возвратился съ богатою добычей [2]); изъ Венгріи онъ вторгнулся, черезъ Галиччину, на Волынь, гдѣ ограбилъ Луцкъ, такъ-что правительство должно было на нѣсколько лѣтъ подарить мѣщанамъ часть податей [3]). Изъ Луцка, по свидѣтельству Гейденштейна и Грабянки, Наливайко распространилъ свои набѣги по Литвѣ и успѣлъ ограбить г. Могилевъ.—Послѣ этого отважнаго похода, Козаки Наливайка разошлись по домамъ, обремененные добычею; Наливайко-же возвратился на родину, въ Острогъ, гдѣ мы его и находимъ въ началѣ 1596 года, въ домѣ брата его, священника Дамьяна.—Смѣлый и опытный вождь козацкихъ набѣговъ былъ подъ-руку князю Константину Острожскому, и онъ ему поручаетъ руководить заѣздами на имѣнія пановъ, притѣснявшихъ на Волыни Православіе. Въ февралѣ того-же 1596 г. Семеринъ Наливайко, вмѣстѣ съ братомъ Дамьяномъ и Флоріяномъ Гедройтемъ, бѣглымъ слугою Кирилла Терлецкаго, отправились изъ Острога съ сильнымъ отрядомъ »злого зобраня людей« въ окрестности Пинска и, соединившись съ нѣкоторыми пинскими земянами, напали на села Дубую и Отовчичи, принадлежавшія

---

1) См. № XXII, стр. 66.
2) Hejdenszteiu T. II, стр. 363. — Лѣтоп. Грабянки, стр. 24.
3) См. № XXIII, стр. 69.

Ярошу Терлецкому, брату епископа, и оныя ограбили: забрали документы, деньги, одежду, золотыя и серебряныя вещи и т. п., при чемъ слугъ и челядь побили и поранили.—Поводомъ къ нападенію, по словамъ самого Терлецкаго, было то, что они дѣйствовали, »маючи дей вазьнь и серце злое противъ его милости, въ Бозе велебному, отцу епископу луцкому и острожскому, пану и брату моему, который до Риму ехалъ, и метячися спать за то«. Притомъ, Ярошъ Терлецкій полагаетъ, »жебы ся той наездъ и незмерная шкода отъ тыхъ злыхъ людей стала, зъ розказаня княжати его милости пана воеводы кіевскаго«. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, послѣ нападенія, Дамьянъ Наливайко возвратился въ Острогъ, а Семеринъ и Гедройть »уехали до мѣста княжати его милости, Степаня« [1]), гдѣ Наливайко занялся дѣлежемъ добычи: часть ея онъ отослалъ брату, другую далъ управляющему степанскому, Богдану, а остальную выслалъ въ Острогъ, назначая ее для заготовленія оружія [2]). Вслѣдъ за тѣмъ отправилась изъ Острога другая экспедиція на имѣнія Александра Семашка; во главѣ экспедиціи стояли: священникъ Дамьянъ Наливайко и двое изъ дворянъ, приближенныхъ князя Константина: князь Петръ Александровичъ Вороницкій и панъ Александръ Гулевичъ. Семеринъ Наливайко слѣдовалъ за ними съ главными силами, но въ нападеніи участія не принялъ. Въ мѣстечко Семашка, Тучинъ, явился сначала священникъ Дамьянъ Наливайко и, остановившись въ немъ, распустилъ слухъ, что братъ его не намѣренъ нападать на имѣнія

---

[1]) См. № XXVII, стр. 77.

[2]) См. № XLI, стр. 138.

Семашка, и, обезпечивъ такимъ образомъ урядника тучинскаго, когда узналъ, что братъ приближается, напалъ на дворъ и забралъ скотъ и лошадей, которыхъ, по своей безпечности, урядникъ не припряталъ [1]); за тѣмъ явились князь Вороницкій и Гулевичъ съ своими сотнями и ограбили окончательно—какъ дворъ, такъ и жителей мѣстечка [2]); потомъ они проводили Дамьяна Наливайка съ добычею домой, въ Острогъ, а сами возвратились въ село Семашка, Коростятенъ, забрали въ дворѣ лошадей и съѣстные припасы, а также совершенно ограбили крестьянъ [3]) и, не довольствуясь этимъ, многихъ изъ нихъ поранили и изувѣчили, отрѣзавъ для потѣхи уши у одинадцати несчастныхъ крестьянъ [4]). Терлецкіе и Семашко пытались найти удовлетвореніе путемъ законнымъ, но это было напрасно: въ лицѣ князя Константина братья Наливайки имѣли слишкомъ могущественнаго покровителя: такъ, когда въ Острогъ явился возный и, узнавъ въ домѣ священника Наливайка лошадей, принадлежавшихъ Семашку, хотѣлъ ихъ клеймить, то »попъ Острозскій, братъ Наливайковъ, самъ ему около губы почалъ кивати и до кія порвался, а потомъ, способивши брата своего рожоного и другихъ такихъ-же помощниковъ своихъ немало, оныхъ коней личковати не допустилъ и за нами гонилъ«; когда-же возный принесъ жалобу Ждану Боровицкому, намѣстнику князя Острожскаго, то тотъ отвѣтилъ лаконически: »ражу вамъ, уѣжджайте оттоль

---

[1]) См. № XXXI, стр. 95.

[2]) См. № XXIX, стр. 86.

[3]) См. № XXIX, стр. 90

[4]) См. № № XXX и XXXII, стр. 93 и 97.

прочь, бо всѣ погинете« [1]). Между тѣмъ, Кириллъ Терлецкій успѣлъ выхлопотать у короля листъ, приказывающій выдать ему Гедройтя, проживавшаго въ Острогѣ, и возвратить имущество, пограбленное у него и его брата, Ярошa, Наливайками, а также подвергнуть законной отвѣтственности Наливайковъ и, участвовавшихъ въ ихъ походахъ, подданныхъ и слугъ князя Константина.—Слуги епископа, Гротъ и Олизаровскій, явились съ этимъ листомъ въ Острогъ въ сопровожденіи вознаго, но были встрѣчены тѣмъ-же Ждановъ Боровицкимъ, »старостою Остроскимъ его милости пана воеводы кіевскаго«, который, не принявъ листа, слугъ епископа избилъ, посадилъ въ тюрму и связанныхъ отправилъ въ Кременецъ въ судъ; урядъ тамошній, не находя ихъ ни въ чемъ виновными, выпустилъ ихъ на волю [2]). Участіе князя Острожскаго въ грабежахъ Наливайки было столь очевидно, что Семашко позвалъ его въ судъ [3]).

Но, между тѣмъ, Наливайко успѣлъ значительно усилиться и собрать многочисленный отрядъ, состоявшій, по словамъ современника, »изъ однихъ преступниковъ и бѣглецовъ, людей суровыхъ, но мужественныхъ« [4]), и рѣшился, не подвергаясь риску уголовнаго процесса, отправиться съ ними на Украину, къ Козакамъ,—тѣмъ болѣе, что для усмиренія смутъ отозванъ былъ изъ Молдавіи, съ частію находившагося тамъ войска польскаго, гетьманъ Жолкевскій.

---

[1]) См. № XXXIII, стр. 100.

[2]) См. № XLI, стр. 137.

[3]) См. № XL, стр. 135.

[4]) Heidensztejn, T. II, стр. 363.

Между тѣмъ, на Украинѣ продолжалась реакція, начатая Коссинскимъ; Козаки, утвердившись въ Кіевѣ, не переставали бороться со шляхтою: мы уже встрѣтили выше слѣды походовъ отдѣльныхъ отрядовъ ихъ подъ начальствомъ Наливайка. Въ тоже время, когда послѣдній занятъ былъ на Волыни исполненіемъ плановъ князя Константина Острожскаго, вытекавшихъ изъ его религіозныхъ побужденій, на Украинѣ, въ 1596 году, вспыхнула новая реакція. Козаки нереестровые, пользуясь отсутствіемъ польскаго войска, отправившагося въ походъ на Молдавію, собрались въ значительномъ количествѣ и подъ предводительствомъ Григорія Лободы, носившаго титулъ гетьмана, вступили въ Брацлавское воеводство. Они осадили въ началѣ генваря капителяна брацлавскаго, Александра Семашка, въ замкѣ его, Хупковѣ, и такимъ образомъ воспрепятствовали ему отправиться на Волынь спасать свои разоряемыя помѣстья и предсѣдательствовать, въ качествѣ старосты, на рочкахъ луцкихъ [1]. Дѣйствія ихъ въ воеводствѣ Брацлавскомъ продолжались слишкомъ два мѣсяца; между тѣмъ, въ провинціяхъ, не занятыхъ ими, они находили поддержку со стороны крестьянъ, мѣщанъ и безпокойныхъ слугъ; на Волыни начали образовываться партіи изъ тѣхъ и другихъ съ цѣлью соединиться съ войскомъ Лободы, и, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ дворянъ, занялись пока разореніемъ имѣній пановъ-уніятовъ. Такъ составился сильный отрядъ изъ мѣщанъ города Межирича и крестьянъ близлежащихъ селъ, подъ начальствомъ мѣщанина Межирицкаго, Охрема Гуменицкаго, кото-

---

[1]) См. № XXV, стр. 73.

раго »сотникомъ людей сваволькыхъ, збойцовъ Григорія Лободы быть менованно«. Они бросились на именія упомянутаго Александра Семашки, разорили местечко Хупковъ и 8 селъ, и потомъ нашли пріемъ для себя и складочное место для добычи въ Межирицкомъ замке, где управляющій Скотницкій и его подчиненные охраняли ихъ отъ судебной ответственности и отказывались выдать награбленную ими добычу [1]. Въ тоже время, слуги-шляхтичи, не примкнувшіе къ отряду Наливайка, составили отдельную партію въ окрестностяхъ Луцка подъ предводительствомъ какого-то Остафія Слуцкаго, который »поведалъ се быти сотникомъ гетьмана Лободы« [2], и Андрея Ганскаго, бывшаго слуги князя Януша Станиславовича Вороницкаго; они навербовали несколько десятковъ слугъ-шляхтичей и утвердились въ Луцке, на одномъ изъ предместій, желая навербовать себе более сообщниковъ, а между темъ безнаказанно буйствовали и грабили въ городе и окрестностяхъ. Приговоръ, составленный надъ некоторыми изъ нихъ, попавшимися въ руки правосудія, можетъ дать полное понятіе о томъ, какія безчинства позволяли себе творить подобныя вольницы: засевъ въ Луцке, люди изъ отряда Слуцкаго нападали, грабили и наносили побои и обиды всемъ встреченнымъ мирнымъ жителямъ безъ различія сословія, пола и возраста; они врывались въ квартиры шляхтичей, проживавшихъ въ Луцке и, избивъ хозяина, забирали все имущество: деньги, документы и т. д.; разбивали дома, коморы и погреба мещанъ, Жидовъ и Кара-

[1] См. № XXXIV, стр. 101.

[2] См. № XXVI, стр. 76.

имовъ, и растаскивали всякое добро, хранящееся въ нихъ, наиболѣе стараясь добыть »меды и иные напое«. Мѣщанъ, встрѣченныхъ на улицѣ, безъ всякой причины били, снимали съ нихъ одежду, бросали въ воду, рѣзали бороды, и для потѣхи стрѣляли въ прохожихъ. Потомъ они вломились въ городскую ратушу и забрали хранившееся въ ней оружіе; кромѣ того, предпринимая походы въ окрестности, они грабили крестьянъ близлежащихъ селъ и отнимали на дорогѣ лошади у проѣзжихъ. Въ одномъ изъ ограбленныхъ селъ, Житинѣ, они предложили владѣльцу поступить въ ихъ отрядъ и, получивъ отказъ, страшно высѣкли его нагайками. Нѣкоторые изъ шляхтичей, владѣльцевъ окрестныхъ селъ, находились въ связяхъ съ ними: такъ-напр князь Янушъ Вороницкій принималъ ихъ неоднократно въ своемъ домѣ, въ селѣ Омельянику, и по его просьбѣ »по килькакротъ, беручи гвалтовне у мѣщанъ Луцкихъ бочками медъ зъ пивницъ, пияли, а иншій, до Омельяника препровожаючи, тамъ пияли«.—Наконецъ, они рѣшились выступить въ походъ, намѣреваясь, по совѣту атамана своего, Андрея Ганскаго, испросить помощи у Лободы и напасть въ воеводствѣ Кіевскомъ на домъ какого-то шляхтича, которому Ганскій хотѣлъ отмстить за личную обиду. По дорогѣ они вербовали себѣ новыхъ товарищей; тѣхъ-же, которые уже пристали къ нимъ, не отпускали, угрожая смертію за побѣгъ, и встрѣтившіяся на дорогѣ села грабили; наконецъ, во время нападенія на село Коростятинъ, они нашли отпоръ со стороны крестьянъ: сотникъ Слуцкій былъ убитъ, а остальные разсѣялись или попались въ плѣнъ. Изъ восьми человѣкъ, доставленныхъ въ Луцкій судъ, трое оказались не

шляхтичами и были тотчасъ казнены; остальные-же, по мнѣнію шляхты, засѣдавшей въ судѣ, хотя и были гораздо болѣе виновны, но, какъ люди »народу шляхецкого« оставлены были на усмотрѣніе королевское и казнены только полтора мѣсяца спустя по приказанію короля [1]).

Наконецъ реакція козацкая, подкрѣпленная вышеописанными смутами на Волыни, обратила на себя вниманіе правительства: въ концѣ генваря **1596** года король отправилъ къ гетьманамъ Замойскому и Жолкевскому, находившимся съ войсками въ Молдавіи, приказаніе — отправиться немедленно въ Украинныя воеводства и привести ихъ въ порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, универсалъ короля, написанный къ шляхтѣ Речи Посполитой, приглашаетъ ее ополчиться и помочь гетьману въ его походѣ противъ Козаковъ, такъ-какъ послѣдніе особенно опасны для самой-же шляхты: »тотъ-же запалъ, говоритъ универсалъ, уже праве до упреймостей и верностей вашихъ доходитъ, которому, гды-бы ся не забежало, тожъ-бы ся, чого не зычимо, маетностямъ, дѣткамъ, жонамъ и самымъ-же упреймостямъ и верностямъ вашимъ, отъ тыхъ свавольныхъ людей деяло, што ся по тые часы вашой брати другой, звлаща при Украине, стало; про то упрiймостей и верностей вашихъ напоминаемъ, жебисьтеся до войска нашого

---

[1]) См № № XXXV, и XXXVI стр. 106 и 123.

При этомъ дѣлѣ мы встрѣчаемъ любопытный фактъ, состоящій въ томъ, что ученики школы, находившейся въ Луцкомъ замкѣ при »костелѣ Святой Троицы«, насильно освободили одного изъ подсудимыхъ—въ то время, когда его вели на казнь. — № XXXVII, стр. 127.

не зъ повинности, але зъ милости ку отчизне и для самыхъ себе беспеченства, яко нарыхло стегали, а, знявшися зъ войскомъ нашимъ, рушилися противко тымъ людемъ свавольнымъ« [1]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій, гетьманъ Жолкевскій отправился изъ Молдавіи съ частью войска и, усиливши по дорогѣ свои силы приставабшими къ нему шляхтичами, вступилъ на Волынь въ концѣ февраля 1596 года. Наливайко со своею вольницею, состоявшею изъ бѣжавшихъ отъ пановъ слугъ, жаждущихъ грабежа и убійствъ, [2]) отступалъ передъ его войскомъ къ границамъ воеводства Брацлавскаго. Онъ хотѣлъ было утвердиться въ Брацлавѣ, разсчитывая вполнѣ на расположеніе къ себѣ его жителей; но, оттѣсненный отъ этого города поспѣшными движеніями Жолкевскаго, онъ рѣшился соединиться съ козацкимъ ополченіемъ Лободы; желая предотвратить это соединеніе, Жолкевскій обѣщалъ прощеніе Лободѣ и его Козакамъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не соединялись съ вольницею Наливайка, которому, не смотря на его предложеніе, онъ отказалъ въ переговорахъ, »какъ явному преступнику« [3]). Но Козаки чувствовали, что прощеніе со стороны гетьмана короннаго и шляхты польской прійдется окупить дорогой цѣною, и потому рѣшились испытать счастія съ оружіемъ въ рукахъ; они едва не убили посланца Жолкевскаго, явившагося къ нимъ съ предложеніемъ милости, и приняли въ свой станъ Наливайка, не желая отталкивать новой силы, попа-

---

[1]) См. № XXVIII, стр. 85.

[2]) Hejdensztejn T. II. стр. 364.

[3]) Тамъ-же стр. 366.

давшейся имъ подъ-руку.—Послѣ этого Козаки рѣшились отступить и укрѣпиться за Днѣпромъ. Отбивъ въ Бѣлой-Церкви и на урочищѣ Острый Камень аттаки Жолкевскаго, они переправились по льду чрезъ Днѣпръ и укрѣпились подъ городомъ Лубнями надъ р. Сулою, на урочищѣ Солоницѣ—въ той надеждѣ, что если имъ удастся отразить аттаки Поляковъ, то послѣдніе не выдержатъ продолжительной осады и, по причинѣ недостатка, или вслѣдствіе другихъ надобностей, должны будутъ возвратиться въ Польшу, и, такимъ образомъ, Украину успѣютъ опять занять Козаки. Разсчетъ этотъ однако не удался: окруженные Жолкевскимъ, послѣ продолжительной осады, Козаки должны были сдаться на слѣдующихъ условіяхъ: они должны были разойтись по домамъ и никогда не собираться безъ королевскаго позволенія; гетьмана Лободу, Наливайка и полковника Мазепу должны были выдать Полякамъ, которые потомъ и казнили ихъ въ Варшавѣ; притомъ, они обязаны были освободить всѣхъ плѣнниковъ и возвратить добычу, а казну свою войсковую отдать королевскому войску [1]). Такимъ образомъ усмирено было второе козацкое возстаніе; не смотря на неудачу, Козаки выиграли въ немъ новую силу, которая, съ тѣхъ поръ, поддерживаетъ постоянно ихъ возстанія; именно, всѣ недовольные польскимъ порядкомъ вещей, всѣ тѣ, которые не могутъ съ нимъ ужиться, считаютъ Козаччину точкою опоры. Дѣйствительно, въ договорѣ мы не встрѣчаемъ условія о выдачѣ

---

[1]) Тамъ-же, стр 377.—Лѣт. Грабянки, стр. 25.—Лѣт. Самовидца, стр. 3.

слугъ изъ отряда Наливайка, -- значитъ, на нихъ распространена была амнистія, дарованная Козакамъ; и, въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ слѣды, по которымъ можемъ утвердительно сказать, что при составленіи договора шляхтичи, находившіеся между Козаками, получили прощеніе наравнѣ съ ними самими; таковы-напримѣръ: Кремпскій, управлявшій артилеріею козацкою на Солоницѣ, и Касперъ Подвысоцкій, командовавшій ихъ Днѣпровскою флотиліею [1]).

Послѣ усмиренія движенія Лободы и Наливайка, правительство польское приняло свои мѣры къ предотвращенію повторенія козацкихъ возстаній: въ концѣ того-же 1596 года универсалъ королевскій, писанный къ шляхтѣ воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго, поручаетъ ей надзоръ за Козаками и вообще за свавольными людьми, приглашая ее разгонять ихъ изъ »наймнейшое купы, хотьбы ихъ до одного пять або шесть человѣка безъ службы прилучилосе«, прекратить всякія сношенія Украины съ Запорожьемъ и непокорныхъ шляхтѣ сажать въ тюрьму и отдавать подъ судъ [2]).

Если мы взглянемъ на все движеніе козацкое 1596 г., обративъ вниманіе на слѣды, сохранившіеся въ прилагаемыхъ актахъ, то можемъ установить, слѣдующіе факты, поясняющіе это движеніе: 1) оно распадается на два различные центра, которые соединяются только въ концѣ войны: на возстаніе Козаковъ нереестровыхъ, дѣйствующее изъ-за интере-

---

[1]) Hejdenstejn. T. II, стр. 377 и 378.

[2]) См. № XXXVIII, стр. 130.

совъ козацкихъ соціальныхъ въ Брацлавщинѣ, и на вольницу состоящую изъ служилой шляхты, дѣйствующую на Волыни — сначала какъ орудіе князя Константина Острожскаго изъ-за его религіозныхъ убѣжденій, потомъ на свою руку, ради грабежа и добычи. 2) Возстаніе Козацкое не носитъ на себѣ характера религіознаго,. и только шляхетскіе безпокойные отряды косвенно и не самостоятельно имѣютъ участіе въ дѣлахъ религіозныхъ. 3) Настоящимъ козацкимъ гетьманомъ въ это время есть Григорій Лобода. Семеринъ Наливайко предводительствуетъ силами не козацкими, но случайно къ Козакамъ примкнувшими. Театръ его дѣйствій—Волынь, гдѣ онъ долго еще остается типомъ своевольнаго авантюриста; такъ, два года спустя послѣ его гибели, когда мѣщане Луцкіе напали на шляхтича Григорія Котельницкаго и, избивъ его жестоко, вкинули въ рѣку,—то одинъ изъ нихъ назвалъ себя, для большей важности, Наливайкомъ [1]).

Послѣ усмиренія Козаковъ, возставшихъ подъ начальствомъ Лободы, они приведены были въ то положеніе, котораго именно желали избѣгнуть въ двухъ минувшихъ реакціяхъ: надъ головами ихъ опять висѣло польское право, которое должно было обратить въ посполиство всѣхъ незачисленныхъ въ реестръ и навсегда уничтожить общинныя козацкія учрежденія. Къ счастію, польское правительство запуталось въ внѣшнія войны, которыя отвлекли его вниманіе и заставили удержаться на-время отъ внутреннихъ, не совершенно безопасныхъ переворо-

---

[1]) См. № XLII, стр. 141.

товъ; впродолженіе этого времени Козаки ищутъ выхода изъ своего горестнаго положенія, бросаясь инстиктивно то въ ту, то въ другую сторону, и, наконецъ, благодаря такту и умѣнью воспользоваться обстоятельствами гетьмана Конашевича, отдаляютъ на-время роковой исходъ. Въ первые годы послѣ Лободы мы видимъ, что нереестровые Козаки ищутъ въ двухъ противуположныхъ точкахъ гарантіи для своихъ правъ, которымъ угрожаетъ шляхетско-польскій элементъ: одни желаютъ возвратиться къ минувшему, и потому группируются около прежнихъ литовскихъ княжескихъ родовъ, которыхъ права пали вмѣстѣ съ общинными, вслѣдствіе Люблинской уніи, подъ вліяніемъ воспоминаній о благосостояніи своемъ подъ кроткимъ управленіемъ родовъ изъ дома Гедимина; они ищутъ защиты у представителей этихъ родовъ, но послѣдніе сами безсильны. Люблинская унія низвела ихъ до уровня шляхтичей; они потеряли всѣ княжескія права на свои удѣлы и остались лишь владѣльцами богатыхъ помѣстій, т. е. тѣхъ селъ невольныхъ, которыя нѣкогда разселены были въ ихъ княжествахъ; ни отстоять княжеской власти своей, ни принять подъ свое покровительство свободныхъ общинниковъ, притѣсняемыхъ шляхтичами,—они не могутъ. Тяготясь своимъ положеніемъ, многіе изъ нихъ предпринимаютъ смѣлые походы въ сосѣднія земли съ цѣлью—завоевать себѣ новыя независимыя княжества. Въ этихъ походахъ силы ихъ составляютъ тѣ Козаки, которые дома не находятъ себя безопасными и желаютъ за границами Речи Посполитой искать для себя прежней свободы.—Такимъ образомъ подымаются въ это время козацкія ополченія подъ предводительствомъ

князя Романа Ружинскаго и князя Адама Вишневецкаго и, подъ предлогомъ помощи самозванцамъ, стремятся въ Москву; такъ, съ другой стороны, князь Михаилъ Вишневецкій и князь Самуилъ Корецкій, во главѣ отдѣльныхъ козацкихъ отрядовъ, предпринимаютъ неудачные походы съ цѣлью утвердиться въ Молдавіи.

Между тѣмъ, большинство Козаковъ, чувствуя несостоятельность прежнихъ княжескихъ родовъ, или, быть можетъ, не желая разставаться съ родиною, бѣжало въ пустыя порубежныя степи на такъ-называемое Запорожье, въ которомъ власть шляхтичей и королевскихъ урядниковъ не могла ихъ достичь. На степяхъ этихъ, еще со времени присоединенія Волыни и Подоліи къ Польшѣ, сбирались небольшіе отряды выходцевъ, которые или, будучи подвержены судебнымъ приговорамъ, боялись остаться въ козацкихъ Украинскихъ поселеніяхъ, или-же, по причинѣ бѣдности, не могли въ нихъ найти обезпеченія и средствъ для заведенія хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ одарены были предпріимчивымъ и дѣятельнымъ характеромъ. Отряды эти, поселившись ниже Днѣпровскихъ пороговъ, промышляли рыбною ловлею и грабежемъ пограничныхъ Татарскихъ улусовъ, но сначала не представляли связаннаго, организированнаго общества. Въ началѣ XVI вѣка между ними скитался бѣглый мѣщанинъ изъ Овруча, *Евстафій Дашковичъ*; пріобрѣвъ вліяніе своею храбростію и смѣтливостію, онъ возымѣлъ мысль образовать изъ своихъ товарищей-бѣглецовъ устроенное общество, съ совершенно оригинальною организаціею. Дашковичъ началъ съ того, что отправился въ Польшу и тамъ, на сеймѣ въ Петровкѣ, въ 1511 году, когда штаты

Речи Посполитой разсуждали о средствахъ предохранить Южно-русскія земли отъ набѣговъ Татаръ, предложилъ, какъ лучшее и самое дешевое средство,— признать войскомъ Речи Посполитой приднѣпровскихъ скитальцевъ и поручить имъ охраненіе границъ. Предложеніе было принято и Сигизмундъ I согласился признать законность войска, образовавшагося безъ его вѣдома, и поручить ему стражу границъ Речи Посполитой; въ награду-же за эту услугу онъ подарилъ земли, никому доселѣ не принадлежавшія, лежащія между Богомъ и Тасьминомъ, Самарою и Кальміусомъ [1].—Вѣстникомъ этого королевскаго распоряженія былъ самъ-же Дашковичъ; для выходцевъ оно имѣло значеніе амнистіи и безопасности личной со стороны польскаго правительства и потому они охотно сгруппировались около Дашковича и приняли предложенное имъ устройство, которое и состояло въ развитіи до возможныхъ предѣловъ общинныхъ началъ. Устройство это общеизвѣстно: оно составляло образецъ того устройства, къ которому стремились и изъ за котораго боролись Козаки украинные: верховная власть была предоставлена общей сходкѣ, суду которой подлежала каждая отдѣльная личность; таже сходка (рада) устанавливала годичный урядъ и сбирала съ него отчетъ. Всѣ члены общества были безусловно равны и равноправны, всѣ вмѣстѣ сохраняли и наблюдали общественную нравственность по своимъ понятіямъ, словомъ, Запорожье вышло однимъ изъ осуществленій того-же общиннаго идеала, къ которому

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 111.—Исторія Малороссіи, Маркевича Т. I, стр. 30—31.

постоянно стремился Южно-русскій народъ—въ общинахъ, въ козачествѣ, въ церковныхъ братствахъ, въ копныхъ судахъ. Здѣсь только инстинктъ народный, оставленный самому себѣ, развился полнѣе и свободнѣе, не извращенный внѣшнимъ, чуждымъ вліяніемъ. Впрочемъ, осуществленіе своего общественнаго идеала Южно-русскіе бѣглецы купили дорогою цѣной: установить его они могли только на отдаленныхъ степяхъ, въ мѣстности, подверженной постоянной опасности со стороны Татаръ, въ которой только неусыпною военною дѣятельностію можно было охранить личное существованіе и безопасность: при такихъ условіяхъ они принуждены были отказаться отъ семейной жизни, и потому безбрачіе положили необходимымъ условіемъ своего существованія. При Дашковичѣ Запорожье является весьма малочисленнымъ: оно состоитъ не болѣе, какъ изъ 2000 человѣкъ [1]); число это возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ польское право, все болѣе и болѣе расширяясь, вытѣсняетъ болѣе личностей изъ Южно-русскихъ земель. Запорожье, охраняемое своею отдаленностью, неизвѣстностью и пустынностію своихъ земель а также привиллегіями Сигизмунда I и его преемниковъ, — становится сборнымъ пунктомъ угнетеннаго посполъства; туда-же бѣгутъ и нереестровые Козаки, избѣгая закрѣпощенія, и свавольные шляхтичи, гонимые судебными приговорами; потому въ ту эпоху, когда на Украинѣ подымаются козацкія реакціи противъ шляхетскаго порядка, Запорожье глубоко имъ сочувствуетъ, такъ-какъ люди, его составляющіе, сами жертвы шляхетскихъ при-

---

[1]) Тамъ-же.

тязавій. Запорожцы охотно принимаютъ участіе въ козацкихъ возстаніяхъ; мы видѣли, что они составили зерно возстанія при Коссинскомъ [1]); они также дали иниціативу движенію Лободы [2]). Послѣ усмиренія послѣдняго, правительство польское обратило вниманіе на ту поддержку, которую Запорожье доставляло Козакамъ, и рѣшилось противудѣйствовать ей. Вслѣдствіе этого, вышеприведенный универсалъ королевскій и поручаетъ шляхтѣ—не выпускать никого изъ Украины »въ дикія поля и на запороги«, а также предписываетъ »Запорожцевъ, абысьте зъ Запорожья на Украину, где бы ся выгребать хотѣли, не пущали и противко нимъ, яко непріятелемъ коронъньмъ, конъно, збройно повстали, и пристани до береговъ (имъ) боронили« [3]). Предосторожность эта однако не помогла; число бѣглецовъ увеличивалось пропорціонально гнету, испытуемому посполитыми и Козаками со стороны шляхты и правительства. И дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Лободы и Наливайка, количество Запорожцевъ возрастаетъ до того, что они образуютъ цѣлые отряды и, не ограничиваясь мелкою добычей, отправляются въ далекіе морскіе походы—грабить отдаленныя провинціи и города турецкіе. Такъ, въ 1605 году одинъ отрядъ ихъ сжегъ и разорилъ Варну [4]) и овладѣлъ нѣсколькими турецкими галерами; другой отрядъ въ 1607 г. разорилъ Очаковъ

---

1) См. №№ XII и XIV, стр. 31 и 36.

2) Hejdensztejn. T. II, стр. 363.

3) См. № XXXVIII, стр. 132.

4) Маркевичъ. Т. I. стр. 102. — Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 182.

и Перекопъ [1]); и т. д. — Предводителемъ одного изъ такихъ смѣлыхъ отрядовъ является человѣкъ, ставшій со временемъ во главѣ козацкаго движенія— *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный;* въ **1612** году онъ съ отрядомъ Запорожцевъ взялъ городъ Кафу и освободилъ заключенныхъ въ немъ христіанскихъ плѣнниковъ, а также разорилъ берега Крыма до Евпаторіи [2]). Этимъ фактомъ Конашевичъ пріобрѣтаетъ военную репутацію и увеличиваетъ ее, съ года на годъ, повторяя набѣги на турецкія владѣнія съ запорожскими отрядами. Такъ, въ слѣдующемъ, **1613** году Конашевичъ съ своими Запорожцами гулялъ по Черному морю и сжегъ городъ Синопъ [3]) и т. д. Слава, пріобрѣтенная этими походами Запорожцевъ и побѣдами Сагайдачнаго, распространилась по всей Украинѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ имя Запорожцевъ, которое уже въ глазахъ угнетенныхъ Козаковъ и простолюдиновъ Южно-русскаго края было символомъ свободы, теперь пріобрѣло вѣсъ, какъ сильная и надежная точка опоры: всѣ большіе и малые отряды Козаковъ, которые продолжаютъ бороться со шляхтою, принимаютъ названіе Запорожцевъ, заявляя такимъ образомъ свою солидарность съ послѣдними. Имя Запорожья, вмѣсто своего прежняго, тѣснаго значенія, принимаетъ теперь обширный смыслъ, обхватывая собою все недовольное Польшею

---

[2]) Маркевичъ. Т. I, стр. 103.

[2]) Лѣт. Самовидца, стр. 3,—Лѣт. Грабянки, стр. 25.—Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 183.

[3]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV. i Jana Kazimierza, T. I, стр. 43.

Южно-русское, выставляется какъ знамя, около котораго группируются народныя силы. И значеніе это оно получаетъ не только въ глазахъ Южно руссовъ: оно признается и польскимъ правительствомъ, которое сначала XVII в. называетъ Запорожцами, войскомъ запорожскимъ, вообще всю козаччину и все то, что къ ней примыкаетъ.

Правительство было въ это время сильно озабочено возрастаніемъ значенія Запорожья—какъ потому, что въ поддержку Козачины Украинской, являлась новая, организованная сила съ готовою, уже выработанною общественною нормою, на появленіе которой ни правительство, ни шляхтичи не разсчитывали,—такъ и потому, что набѣги Запорожцевъ на Турцію и Крымъ вызывали со стороны первой жалобы и угрозы и могли вовлечь Польшу въ войну съ Турціею, между тѣмъ какъ съ 1609 года она была запутана въ трудную войну съ великимъ княжествомъ Московскимъ. Правительство польское и рѣшилось потому принять свои мѣры къ прекращенію вліянія Запорожцевъ и къ удержанію ихъ—какъ отъ походовъ въ турецкія владѣнія, такъ и отъ вмѣшательства въ дѣла Козаччины: въ 1613 году явился строгій универсалъ королевскій къ »войску Запорожскому«, приказывающій Козакамъ расходиться по домамъ и не задумывать новыхъ походовъ въ сосѣднія государства, угрожая, въ случаѣ ослушанія, отправить противъ нихъ коронное войско съ приказаніемъ поступать съ Козаками какъ съ врагами отечества и »наказывать женъ и дѣтей« неповинующихся. [1]).

---

[1]) См № LV, стр. 192.

Не смотря на это распоряженіе, Козаки въ началѣ 1614 года снова ограбили берега Анатоліи [1]), и потому, въ концѣ того-же года, гетьманъ Жолкевскій отправилъ войско на Украину, но силы его, должно полагать, были недостаточны въ сравненіи съ козацкими; Козаки переестровые, »своевольные, живущіе по волостямъ« отказались пустить въ свои села польское войско. Жолкевскій предписывалъ своимъ хоругвямъ избѣгать ссоры съ Козаками и поднять оружіе только въ случаѣ формальнаго отказа съ ихъ стороны въ повиновеніи королю [2]). Подъ прикрытіемъ этого войска наряжена была коммиссія, которая отъ имени короля обязала Козаковъ: не собираться въ отряды, повиноваться коронному гетьману, не принимать въ свои ряды бѣглыхъ людей, не нападать на шляхетскія имѣнія и, наконецъ, отказаться отъ походовъ въ Турцію, за что, въ свою очередь, обѣщано имъ было годичное жалованье. Но между тѣмъ, какъ городовые Козаки напрасно протестовали противъ этихъ условій въ письмѣ къ королю, главныя козацкія силы, сосредоточившіяся на Запорожьи, протестовали на дѣлѣ: впродолженіе двухъ слѣдующихъ годовъ они ограбили богатый Турецкій портъ Требизондъ, захватили и сожгли всѣ попавшіеся имъ на Черномъ морѣ турецкіе корабли и, наконецъ, разрушили крѣпости, построенныя Турками для удержанія ихъ набѣговъ на устьи Днѣпроваго лимана [3]). Турецкое правительство

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Т. I, стр. 183.

[2]) См. № LVII, стр. 196.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Т. I, стр. 184. — Pamiętniki. Т. I, стр. 47.

серьозно озлобилось этими выходками; султанскій чаушъ явился къ королю съ требованіемъ усмиренія Козаковъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, немедленнымъ объявленіемъ войны. Сеймъ, собранный въ 1116 г. въ Варшавѣ, поручился Туркамъ, что Козаки немедленно будутъ усмирены, и исполненіе этого поручилъ гетьману Жолкевскому; но обѣщать было легче, чѣмъ исполнить обѣщанное; конечно, Поляки могли удержать въ спокойствіи Козаковъ украинскихъ, но Запорожье, откуда именно и выходили экспедиціи въ Турцію, было для нихъ недоступно. Противъ Запорожья поэтому употреблено было единственное возможное средство, это своего рода блокада: опубликованъ былъ королевскій универсалъ къ Запорожцамъ, которымъ король приглашалъ ихъ прекратить набѣги на Турцію и выслать въ Кіевъ депутатовъ для переговоровъ по этому дѣлу, приказывая, въ случаѣ ослушанія, урядамъ и шляхтичамъ воеводствъ Украинныхъ: »абысте зъ местъ и местечекъ, также державъ своихъ, жадное живности, проховъ, олововъ на низъ не пускали, также вшелякихъ челновъ и статковъ водныхъ готовить и приспособлять заказали и зготованные на вшелякихъ месцахъ гамовали, и хтобы кольвекъ се важилъ противъ сему росказаню нашому, помененые речи на низъ посылати, таковый горломъ и маетности страченемъ маетъ быти караный« [1]). Такимъ образомъ правительство старалось обособить Запорожцевъ, а между тѣмъ гетьманъ Жолкевскій отправился съ войскомъ на Украину съ твердымъ намѣреніемъ окончательно устроить дѣла козацкія

---

[1]) См. № LIX, стр. 200.

и, воспользовавшись участіемъ Козаковъ Украинныхъ въ походахъ Запорожцевъ, подъ предлогомъ усмиренія безпорядковъ, ввести, наконецъ, въ жизнь давно уже существующее въ польскомъ законѣ ограниченіе Козаковъ реестромъ. Въ лагерь Жолкевскаго, на урочищѣ Старая Ольшанка, надъ Росью, призваны были депутаты козацкіе, и объявлена имъ королевская воля. Они должны были обязаться: впредь не принимать участія въ походахъ противъ Турокъ, не расширять предѣловъ реестра и ограничиться опредѣленнымъ въ немъ числомъ; всѣхъ приставшихъ къ нимъ, не вписанныхъ въ реестръ, какъ Козаковъ, такъ и простолюдиновъ, удалить изъ среды своей и не дозволить имъ называться Козаками; состоять подъ командою короннаго гетьмана и повиноваться коммиссару, имъ назначенному, который долженъ будетъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ этихъ условій. За это правительство обязывалось отпускать имъ ежегодно по 10,000 золотыхъ жалованья и по 700 поставовъ сукна [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Жолкевскій отправился на Молдавскую границу и въ лагерѣ подъ Бушею успокоилъ Турокъ значительными уступками и торжественнымъ увѣреніемъ о успокоеніи Козаковъ, а также разрушеніемъ пограничныхъ козацкихъ крѣпостей: Бершады, Рашкова и другихъ [2]).

Казалось, что послѣ этого Козаччина на Украинѣ должна будетъ окончательно пасть и покориться польскому и шляхетскому началу, или рѣшиться на новую тяжелую и кровавую борьбу; но обстоятель-

[1]) См. № LXI, стр. 206.

[2]) Pamiętniki T. I. стр. 56.

ства приняли совершенно другой ходъ. — Польша, обезопасивъ свои границы со стороны Турціи, рѣшилась сдѣлать послѣднее усиліе, для того, что-бы пріобрѣсть Московскій престолъ для королевича Владислава, которому тронъ этотъ предлагали въ смутное время самозванцевъ, но на которомъ возсѣдалъ теперь избранный земскимъ соборомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Многочисленная Польская армія, подъ предводительствомъ Владислава и гетьмана Ходкевича, вступила въ Московскіе предѣлы. Овладѣвъ Дорогобужемъ и Вязьмою, Поляки направились на самую столицу и, взятіемъ ея, вознамѣревались положить конецъ войнѣ; но походъ ихъ былъ задержанъ мужественною защитою Калуги и Можайска; а между тѣмъ въ самомъ войскѣ открылись несогласія и безпорядки: солдаты, жалуясь на неуплату жалованья, оставляли лагерь. Королевичъ, среди непріятельской земли, намѣреваясь осаждать столицу, очутился во главѣ лишь нѣсколькихъ тысячъ войска; гибель его казалась неминуемою. Правительство было вынуждено послать скорую помощь во чтобы то ни стало, но ее неоткуда было взять при разстройствѣ финансовъ, которымъ Польша безпрестанно страдала; и потому правительство рѣшилось обратиться къ Козакамъ. Но легальные, реестровые Козаки были мѣрами самого-же правительства низведены до ничтожной цифры; главныя-же Козацкія силы находились на Запорожьи. Къ этимъ-то Козакамъ и обратилось польское правительство. Съ его стороны, обращеніе это было попятнымъ шагомъ, взятіемъ назадъ всѣхъ мѣръ, которыми такъ настойчиво преслѣдовало оно Козаччину, которыми стремилось окончательно ее уничтожить: оно

должно было просить помощи у людей, изгнанныхъ имъ-же изъ своей земли и преслѣдуемыхъ какъ невольники и ослушники, должно было бѣглецовъ признать Козаками, т. е. подтвердить только-что разрушенныя права козацкія, признать ихъ выборнаго, не утвержденнаго королемъ и не подчиненнаго коронному гетьману начальника настоящимъ козацкимъ гетьманомъ. На все это правительство польское рѣшилось въ крайней нуждѣ, только въ виду необходимости выручить изъ бѣды королевича.— Вызовъ правительства принялъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, считавшій себя гетьманомъ Козаковъ, перебѣжавшихъ на Запорожье, еще съ 1606 года [1]) или даже, какъ полагаютъ другіе, съ 1599 г. [2]). Правительство до сихъ поръ не только не признавало его гетьманомъ, но и выбравшихъ его Козаковъ считало бѣглыми хлопами, вольницею, состоящею изъ людей свавольныхъ, выходившихъ за предѣлы закона. Настоящими гетьманами оно почитало начальниковъ реестровыхъ Козаковъ, назначаемыхъ коронными гетьманами, каковы были одновременно съ Конашевичемъ: *Григорій Изаповичъ*, котораго универсалъ, предостерегающій уряды Украинные о нашествіи Татаръ въ 1606 году писанный, дошелъ до насъ [3]), *Самуилъ Кушка*, погибшій около 1615 года въ погонѣ за Татарами, уводившими плѣнниковъ

---

[1]) Лѣт. Грабянки. стр. 25.

[2]) Костомаровъ. Борьба Украинскихъ Козаковъ съ Польшею.—См. Отеч. Записки: Т. CV, стр. 195.

[3]) См. № XLV, стр. 152.

изъ Подоліи [1]), и, наконецъ, *Бородавка*, современникъ разсказываемаго нами событія.—Конашевичъ понялъ все значеніе уступки, къ которой принуждено было правительство, понялъ всѣ выгоды, какія можетъ принести Козаччинѣ сдѣлка съ правительствомъ въ ту критическую для послѣдняго минуту; переговоры начались посредствомъ частной переписки вельможъ польскихъ съ Козаками: всю перемѣну тона и обстановки со стороны Поляковъ можно примѣтить въ письмѣ къ Запорожцамъ польскаго сановника, которое представляетъ рѣзкій контрастъ съ грозными отзывами только-что приведенныхъ универсаловъ королевскихъ и гетьманскихъ; авторъ упрашиваетъ Козаковъ не раздражать Турокъ и не навлекать съ ихъ стороны опасности на Речь Посполитую, и выставляетъ готовность короля заботиться о благоденствіи Козаковъ: »мы не желаемъ и не думаемъ, говоритъ онъ, чтобы намъ предстоялъ какой-нибудь разладъ съ вами; мы не хотимъ проливать вашей крови, лишъ-бы вы исполняли волю Его Королевскаго Величества и всей Речи Посполитой,—живите здоровы въ мѣстечкахъ и городахъ подъ началомъ старшихъ или пановъ. Если-бы-же нашелся кто-нибудь, не желающій повиноваться Королю и Речи Посполитой, то пусть насъ оставитъ въ покоѣ и отправляется искать себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ. Теперь вѣдь есть случай побывать въ Москвѣ; лучше-же будемъ тамъ снискивать милость королевича, чѣмъ здѣсь раздра-

---

[1]) Лѣт. Самовидца, стр. 4.—Бантышъ-Камен. Т. I, стр. 181.—Маркевичъ. Т. I, стр. 104.

жать бусурманъ« [1]). Условія договора вскорѣ состоялись: Конашевичъ отправился въ Москву съ 20-ти тысячнымъ козацкимъ войскомъ, но для того, чтобы Козакамъ не пришлось впослѣдствіи жить »подъ началомъ старшинъ и пановъ«, онъ еще до похода принялъ титулъ гетьмана обоихъ береговъ Днѣпра и Запорожскаго [2]), объединяя, такимъ образомъ, подъ общимъ популярнымъ именемъ Запорожья всю Козаччину и ставя свою власть выше власти гетьмановъ реестровыхъ и кошевыхъ Запорожскихъ.—Выручивши Владислава изъ неминуемой гибели, Конашевичъ возвращается на Украину и распоряжается въ ней, какъ независимый начальникъ. Польскія власти чувствуютъ слишкомъ много нужды въ немъ и слишкомъ много силы въ его распоряженіи, и потому не смѣютъ его безпокоить. Энергическими распоряженіями своими онъ стремится усилить Козаччину, возвратить все то, что она утратила въ предыдущей борьбѣ и сдѣлать ее представительницею уже не исключительно сословныхъ козацкихъ стремленій, а требованій цѣлаго народа. Съ этою цѣлью онъ пріискиваетъ интересы гораздо болѣе обширные, чѣмъ тѣ, изъ—за которыхъ боролись Козаки до сихъ поръ; они состоятъ въ двухъ новыхъ началахъ, именно: въ религіозномъ и соціальномъ.—При Конашевичѣ Козаки въ первый разъ берутъ на себя дѣло защиты церкви; при немъ-же они открываютъ свои ряды для носпольства, съ которымъ

---

[1]) См. № LXXIII, стр. 266.

[2]) Маркевичъ. Т. I, стр. 97.—Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 190.

дѣлятся правами и на которомъ опираются въ послѣдующихъ реакціяхъ. Разсмотримъ каждое порознь оба эти начала, которыя во время Сагайдачнаго присоединяются къ козацкому дѣлу и въ послѣдствіи времени все болѣе и болѣе неразлучно съ нимъ связываются.

Судьба Православной церкви на Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ общеизвѣстна: Поляки, преслѣдуя свои политическія, сословныя и фанатически-религіозныя цѣли, рѣшились посредствомъ обмана и насилія провести на Руси церковную реформу, извѣстную подъ названіемъ уніи. Вначалѣ они встрѣтили противодѣйствіе со стороны дворянъ южно-русскихъ [1]), но противудѣйствіе это было непродолжительно. Польскіе порядки слишкомъ манили дворянъ къ себѣ безграничными шляхетскими правами, іезуиты дѣйствовали на нихъ слишкомъ вкрадчиво и ловко; они не выдержали искушенія и, сначала по-одиночкѣ, а потомъ цѣлыми толпами, начали оставлять свою вѣру и народность и переходить въ польскій лагерь [2]), особенно-же когда со смертью князя Константина Острожскаго въ 1608 году Православіе лишилось сильнѣйшей своей опоры. Казалось, что окатоличеніе и ополяченіе Руси, переманивъ на свою сторону русскихъ шляхтичей, охватитъ быстро всю землю Русскую, собранную нѣкогда литовскими князьями. Но неожиданно явились новые защитники Православія—Козаки: Конашевичъ по-

---

[1]) См. Архивъ Юго-Запад. Рос. Ч. I, Т. I.

[2]) Костомаровъ.—Борьба Укр. Козак. съ Польш.—Отеч. Зап., Т. CV, стр. 198.

нялъ, что вѣра для народа дороже другихъ нравственныхъ побужденій, и потому рѣшился пріобщить неразлучно религіозный вопросъ къ козацкому дѣлу и, такимъ образомъ, сдѣлать изъ Козаковъ передовыхъ людей всего народа, отстаивающихъ его важнѣйшій интересъ.—Съ этою цѣлью Сагайдачный, достигнувъ власти на Украинѣ, основалъ или способствовалъ основанію весьма многихъ церквей въ разныхъ мѣстахъ Украины, въ замѣнъ церквей, отнятыхъ уніятами; на собственный счетъ возобновилъ Братскій монастырь и возстановилъ существовавшую при немъ братскую школу, и, пользуясь присутствіемъ въ Кіевѣ въ 1620—1621 годахъ Іерусалимскаго паріарха, выхлопоталъ у него утвердительную грамоту для братства и школы; неусыпно покровительствуя церквямъ и монастырямъ, онъ то охранялъ ихъ отъ обидъ со стороны Козаковъ [1]), то допускалъ монахамъ пользоваться помощію послѣднихъ, для того, что-бы отнять монастырскія земли, захваченныя шляхтичами [2]). По его предложенію и вопреки волѣ короля тотъ-же патріархъ посвятилъ въ митрополиты Кіевскіе *Іова Борецкаго*, а также шесть другихъ лицъ въ епископы на тѣ каѳедры, которыхъ святители примкнули къ уніи, и такимъ образомъ далъ возможность народу не подчиняться духовной власти послѣднихъ [3]). Мысль о поддержаніи Православія не оставляла Конашевича до послѣдней минуты его жизни: такъ, въ духовномъ за-

---

[1]) См. № LXXII, стр. 263.

[2]) См. № LXVII, стр. 236.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 192—193.—Лѣтопись Величка. Т. I.—приложенія—стр. 30.

вѣщаніи своемъ значительную часть имущества онъ отказалъ на братства и школы; между прочимъ онъ назначилъ 1500 злотыхъ Львовскому братству на содержаніе изъ процентовъ »ученаго майстера, въ Греческомъ языку бѣглого, на науку и цвичене дѣтокъ христіанскихъ и на выховане бакалавровъ ученыхъ«, поручая пристроить свои пожертвованія самымъ прочнымъ образомъ своимъ душеприказчикамъ и опекунамъ своей жены: митрополиту Іову Борецкому и товарищу своихъ военныхъ походовъ и запорожскаго скитальчества—Олиферу Голубу, который при его жизни еще былъ избранъ въ гетьманы войска Запорожскаго [1]).—Усиливая такимъ образомъ нравственное значеніе Козаччины, гетьманъ Сагайдачный чувствовалъ, что его распоряженія допускаются только на-время польскимъ правительствомъ, а потому заблаговременно искалъ связей съ сосѣдними государствами; такъ, онъ принималъ у себя пословъ Турецкихъ и въ 1620 году отправилъ посла въ Москву, подъ предлогомъ извѣщенія царя Михаила Ѳеодоровича о счастливомъ походѣ противъ Татаръ, въ сущности-же для того, чтобы открыть дружелюбныя сношенія [2]).

Расчитывая главнымъ образомъ на снисканіе Козакамъ сочувствія массы Южно-Русскаго народонаселенія, Конашевичъ не удовлетворился ролью, которую доставилъ послѣднимъ въ религіозномъ вопросѣ; онъ обратилъ вниманіе и на другое средство, состоящее въ распространеніи правъ и дома-

---

[1]) См. № LXXIV, стр. 269.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 186.

гательствъ козацкихъ на всю массу народонаселенія и въ завлеченіи его, такимъ образомъ, въ общую борьбу съ Польшею. Еще во время пребыванія своего на Запорожьи, онъ принималъ въ ряды козацкіе крестьянъ, ремесленниковъ, мѣщанъ и т. д.; утвердившись-же на Украинѣ, онъ воспользовался административною слабостію польскаго правительства и способствовалъ, какъ можно болѣе, вербовкѣ изъ простонародья козацкихъ полковъ въ службу королевскую.

Вербовка такъ-называемыхъ »хоругвей козацкихъ въ службу короля Его Милости« началась раньше гораздо Сагайдачнаго. Вслѣдствіе недостатка финансовъ, въ которыхъ шляхта отказывала правительству на сеймахъ, король могъ держать только ничтожное количество постояннаго войска. Въ случаѣ-же важной войны съ сосѣдями, онъ долженъ былъ составлять наемные отряды; къ вербовкѣ ихъ польское правительство особенно часто начало прибѣгать съ первыхъ годовъ XVII столѣтія, вслѣдствіе многочисленныхъ войнъ, начавшихся вмѣстѣ со Швеціею, в. кн. Московскимъ и Турціею. Отрядъ вербовался такимъ образомъ, что король выдавалъ какому-нибудь шляхтичу »приповедный листъ« на чинъ полковника и часть денегъ на уплату солдатамъ и поручалъ ему въ томъ-же листѣ навербовать въ такой-то мѣстности столько-то людей, которые должны были явиться на своихъ лошадяхъ, съ своимъ оружіемъ и кормиться на собственныя деньги, а послѣ окончанія войны получить вознагражденіе отъ правительства за службу и издержки. Какъ образчикъ такого приповѣднаго листа можетъ служить листъ, выданный въ 1622 году паву Яну

Печихвостскому [1]). Вслѣдствіе этихъ королевскихъ порученій составлялись отряды разныхъ войскъ, а между прочимъ и Козаковъ; Козаки эти только по вооруженію и образу веденія войны имѣли общія черты съ настоящими Украинными, или Запорожскими Козаками. По происхожденію-же своему они представляли смѣсь самыхъ различныхъ элементовъ: тутъ были и бѣдные шляхтичи, и бѣглые слуги, и люди посполитые, и бездомные Козаки, и иностранцы, особенно Сербы. Послѣ похода, хоругви эти, не получивъ удовлетворенія изъ казны за труды и издержки, возвращались на родину, но не расходились по домамъ, а старались выжать свою принадлежность, нападая на королевскія и шляхетскія имѣнія. Притомъ, если хоругвь носила названіе козацкой, то простолюдины удерживали за собою это названіе и, такимъ образомъ, примыкали къ Козаччинѣ. Правительство иногда, во избѣжаніе подобныхъ послѣдствій, дѣлало распоряженія о прекращеніи вербовокъ: такъ-напримѣръ, въ 1609 году оно запретило набирать Козаковъ въ королевскую службу [2]); но вслѣдъ затѣмъ само-же правительство нарушало свои распоряженія. Такъ, въ 1610 году нѣкто Григорій Пашкевичъ, бывшій слуга князя Яхима Корецкаго, навербовалъ по королевскому порученію полкъ козацкій изъ »голтаевъ, волоцугъ и разбойниковъ« и, соединившись съ другими такими-же полковниками: Старинскимъ, Магдалинскимъ, Кнышемъ, принялъ начальство надъ всѣмъ войскомъ, состояв-

---

[1]) См. № LXXV, стр. 272.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 183.

шимъ изъ 8000 людей, и отправился съ ними къ королевскому войску подъ Смоленскъ. Въ походѣ своемъ войско это ограбило попавшіяся шляхетскія имѣнія и владѣльцевъ принудило къ задобренію себя подарками.—На слѣдующій годъ Пашкевичъ возвратился изъ Московской земли съ порученіями отъ короля и гетьмана, какъ онъ утверждалъ, и съ награбленною въ Московской землѣ добычею; усилившись принятіемъ къ себѣ какой-то хоругви Сербовъ, онъ раздѣлилъ войско свое на отряды и разослалъ на грабежъ шляхетскихъ имѣній, самъ-же съ главнымъ полкомъ, состоявшимъ изъ 1500 человѣкъ, занялъ богатыя помѣстья Стефана Немирича и началъ ихъ опустошать: Козаки его убивали крестьянъ , насиловали женщинъ, грабили все, чт имъ ни попадалось, и т. д. [1]). Въ одномъ-только селѣ Андріевѣ они успѣли изувѣчить болѣе 70 человѣкъ крестьянъ [2]). Немиричъ съ своей стороны, желая освободиться отъ незванныхъ гостей, а также поживиться при случаѣ ихъ Московскою добычей, собралъ своихъ друзей и сосѣдей и, забавляя Пашкевича переговорами, искалъ случая одолѣть своего противника. Между ними завязалась цѣлая война: послѣ нѣсколькихъ стычекъ, Немиричъ, наконецъ, напалъ удачно на дорогѣ на Пашкевича, его самого и нѣсколькихъ людей изъ его войска убилъ, другихъ взялъ въ плѣнъ, поранилъ и разогналъ, и овладѣлъ возами съ добычею [3]). Тогда

---

[1]) См. № XLVI, стр. 154.

[2]) См. № XLVII, стр. 163.

[3]) См. тѣ-же №№ XLVI и XLVII, а также № XLIX, стр. 168.

жена и товарищи Пашкевича обратились къ судебному иску, упрекая Немирича въ разбоѣ, нанесенномъ королевскому полковнику [1]). Немиричъ уклонялся отъ отвѣта и не сознавался въ совершенномъ убійствѣ [2]), не смотря на то, что его обличало свидѣтельство его сосѣда, шляхтича Лемеша [3]), и донесеніе вознаго, который нашелъ въ домѣ Немирича, въ селѣ Чернеховѣ, добычу, отнятую у Пашкевича, а также многихъ товарищей послѣдняго, пораненныхъ и заключенныхъ въ тюрму [4]). Изъ этого видно, что Пашкевичъ и его товарищи, не смотря на свои неистовства, покрывались опекою закона, какъ войско, находящееся въ королевской службѣ. Въ 1613 году мы находимъ другой такой-же козацкій отрядъ, который состоитъ изъ 5000 людей, подъ начальствомъ Топежина, Шульжина и Старинскаго, »которые се быти меновали Полковниками Его Королевской Милости, войска козацкого«. Козаки эти своевольно заняли помѣстья князя Соломерецкаго, лежавшія въ Пинскомъ повѣтѣ, и вконецъ оныя разорили [5]). Примѣры такого своевольства были до того повсемѣстны, что король долженъ былъ издать универсалъ въ 1614 году, которымъ приказывалъ навербованнымъ войскамъ немедленно разойтись по домамъ, угрожая въ противномъ случаѣ

---

[3]) См. №№ XLIX (стр. 168) и L (стр. 174).

[2]) См. №№ XLVIII, (стр. 166), LII (стр. 182) и LIII (стр. 185).

[3]) См. № XLVIII, стр. 166.

[4]) См. № LI, стр. 178.

[5]) См. № LIV, стр. 188.

разогнать ихъ посредствомъ регулярнаго войска и подвергнуть уголовному суду [1]). Не смотря на эти неудобства, правительство все таки не было въ состоянiи отказаться отъ вербовки козацкихъ и другихъ войскъ и наживало себѣ этимъ путемъ хлопоты въ продолженiе почти цѣлаго XVII столѣтiя. Такъ, многочисленная вербовка была произведена по поводу похода королевича Владислава въ Москву 1618 года; но навербованные полки, не получая обѣщаннаго жалованья, оставили королевича въ крайней опасности и возвратились на родину вознаграждать себя грабежомъ за военныя издержки; къ нимъ присоединялись другiе полки, собранные своевольно—безъ приповѣдныхъ листовъ, подъ предлогомъ похода съ королевичемъ, единственно ради грабежа; изъ числа такихъ въ окрестностяхъ Житомира является нѣкто Станиславъ Калиновскiй, »полковникъ королевича его милости«, съ полкомъ козацкимъ, навербованнымъ большею частiю изъ мѣщанъ и крестьянъ той-же мѣстности. Калиновскiй въ апрѣлѣ нападаетъ съ четырмя хоругвями на шляхтича Залесскаго, въ селѣ Клетищѣ, и, перебивъ слугъ, ограбивъ домъ и село, его самого уводитъ въ плѣнъ и принуждаетъ дать себѣ подписку о томъ, что онъ, Залесскiй, судебнаго иска заводить не будетъ [2]); отправленные имъ ротмистры въ то-же время напали на Вильскую волость князя Януша Острожскаго, ограбили 8 селъ, при чемъ убили одного слугу, а другихъ, посланныхъ съ требова-

---

[1]) См. № LVI, стр. 193.

[2]) См. № LXIV, стр. 221.

ніемъ удовлетворенія, ограбили и истязали [1]. Въ то-же время другой козацкій полкъ, подъ предводительствомъ Крыштофора Немирича, грабилъ Волынь [2]. Страсть образовать полки для грабежа распространяется быстро: такъ, нѣкто Мировицкій, слуга Тышей Быковскихъ, бѣжалъ отъ нихъ и, »будучи разъятронным тымъ-же сваволенствомъ, яко и другіе гультае, полковникомъ се учинивши, полъки зобравши и хороговъ распростерши«, пустился на грабежъ, который и началъ съ имѣній бывшихъ господъ своихъ [3]. Такой-же отрядъ въ окрестности Житомира составилъ Костюкъ Тышевичъ, войтовичъ Слуцкій, и, ограбивъ нѣсколько шляхетскихъ имѣній, присталъ къ полку Лисовскаго, составленному съ тою-же цѣлью [4]. Далѣе въ окрестности Кіева »ниякій Ярошъ Сума, подъ претекстомъ якобы истя на службу Королевича Его Милости до земли Московское, полъкъ немалый, людей люзныхъ, сваволныхъ, драпезцовъ и лупезцовъ зобравши, хороговъ своволне распростравши, села и волости шляхетскіе и духовные по разныхъ местахъ ходечи, непріятельско праве пустошилъ и плендровалъ« [5]. Явились даже люди, которые находили ремесло грабителей до того для себя выгоднымъ, что посвящали на него всю жизнь: такъ, шляхтичъ Доброгостъ Садовскій, приговоренный судомъ сей-

---

[1] См. № LXVI, стр. 231.

[2] См. № LXV, стр. 226.

[3] См. № LXII, стр. 210.

[4] См № LXV, стр. 227.

[5] См. № LXXI, стр. 259.

мовымъ къ безчестію, составилъ свавольный отрядъ въ 1615 году и пустился грабить шляхетскія имѣнія. Универсалы королевскіе преслѣдовали его напрасно еще въ 1630 году [1]). Изъ такихъ-то людей образуется въ то время цѣлое войско, извѣстное подъ именемъ Лисовчиковъ, которое прославилось смѣлыми и безпощадными набѣгами на Россію и неменѣе лютымъ грабежомъ своего государства [2]), такъ-что правительство польское избавилось отъ него только высылкою ихъ за границу, подъ предлогомъ помощи германскому императору въ тридцатилѣтней войнѣ. Между тѣмъ, жалобы шляхтичей на неистовства навербованныхъ королемъ или сказывающихся таковыми жолнеровъ побуждали правительство къ принятію мѣръ для водворенія спокойствія. Такъ, вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ въ 1618 году, король издалъ универсалъ къ козацкимъ полкамъ Калиновскаго и Лисовскаго, въ которомъ говоритъ: »Поступила къ намъ жалоба отъ дворянъ воеводства Кіевскаго, въ томъ, что вы, подъ предлогомъ Московскаго похода сына нашего, королевича Владислава, какъ въ Кіевскомъ воеводствѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ нашего государства, собравшись кучами, не имѣя отъ насъ листовъ приповѣдныхъ, не находясь вовсе въ службѣ Речи Посполитой, на имѣнія шляхетскія, духовныя и нашія королевскія нападаете, грабите и подданныхъ нашихъ до крайней нищеты доводите, позволяя себѣ всякое своевольство и разбой: домы

---

1) См. № LXXXII, стр. 302.

2) Dzieduszycki, Histotia Lisowczyków,—а также, № LXXIX, стр. 293.

шляхетскіе по разбойничьи разоряете, лица обоего пола оскорбляете и продовольствіе насильно у людей добываете«. Поэтому универсалъ приказывалъ имъ немедленно разъѣхаться по домамъ, угрожая, въ случаѣ ослушанія, отправить противъ нихъ коронное войско и созвать поголовное ополченіе, какъ противъ враговъ отечества [1]). Другой универсалъ отправленъ былъ къ шляхтѣ: король въ немъ объясняетъ, что своевольные отряды не находятся въ его службѣ, и объявляетъ, что онъ предписалъ коронному гетьману очистить отъ нихъ Украину, шляхту-же приглашаетъ соединиться съ войскомъ для этой цѣли [2]). Но мѣры эти были только временны и, при невозможности со стороны правительства отказаться отъ системы составленія войска посредствомъ вербовокъ, оказались вполнѣ не дѣйствительными, тѣмъ болѣе, что примѣру правительства послѣдовали богатые шляхтичи и вербовали себѣ надворныя козацкія хоругви, которыя, находясь у нихъ на службѣ, продолжали безчинствовать и грабить: такъ-напримѣръ Козаки-Сербы, поступившіе на службу къ князю Янушу Острожскому, разбойничали по дорогамъ [3]). Иногда даже знатные шляхтичи и сановники, собравъ такія хоругви, грабили цѣлыя воеводства: такъ-напримѣръ, Самуилъ Лащъ, стражникъ коронный, отличавшійся въ войнахъ противъ Козаковъ, держалъ въ своемъ старостве и замкѣ Макаровѣ нѣсколько сотъ надворнаго войска, и, подъ защитою гетьмана Конецполь-

---

[1]) См. № LXIX, стр. 250.
[2]) См. № LXX, стр. 256
[3]) См. № LX, стр. 203.

скаго, грабилъ, убивалъ, причинялъ насилія, разорялъ дома и имущества шляхтичей и не шляхтичей, наводя ужасъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на воеводства Кіевское и Брацлавское, и только послѣ смерти Конецпольскаго былъ изгнанъ въ Валахію поголовнымъ ополченіемъ шляхты обоихъ воеводствъ [1]). Да и само правительство не переставало при случаѣ вербовать себѣ охотниковъ: такъ, мы видимъ, что въ 1633 году многія козацкія хоругви были навербованы королемъ для московскаго похода [2]) и что послѣ окончанія войны, онѣ не разошлись по домамъ, но пустились, по обыкновенію, разорять земли Речи Посполитой [3]). Потомъ въ 1635 году правительство опять вербовало козацкіе полки для Прусской войны и должно было принимать самыя тщательныя мѣры для того, чтобы ихъ развести по домамъ и не дозволить заняться грабежомъ на обратномъ пути [4]).

Самое большое количество такихъ вербованныхъ козацкихъ хоругвей образовалось на Украинѣ въ гетьманство Сагайдачнаго, между 1618 и 1622 годами, какъ это видно изъ прилагаемыхъ актовъ; этому способствовали двѣ причины: нужда польскаго правительства, которое вело въ это именно время двѣ тяжелыя войны, и желаніе простолюдиновъ примкнуть къ Козакамъ, обезпечившимъ на-время, какъ выше было указано, права свои. Мѣщане и кресть-

---

[1]) Latopisiec Jerlicza. T. I, стр. 49.

[2]) См. № XCIV, стр. 343.

[3]) См. № XCV, стр. 347.

[4]) См. №№ XCVI, XCVII, XCVIII, стр. 350—358.

яне воеводствъ Украинныхъ охотно поступали въ формирующіеся козацкіе, королевскіе полки, и потомъ, пользуясь всеобщею безурядицею и неопредѣленностью положенія своихъ отрядовъ, удерживали за собою имя Козаковъ, присоединяя къ этому имени требованія тѣхъ правъ, которыя имѣли настоящіе Козаки; такъ, мы встрѣчаемъ въ отрядахъ сваволькыхъ—мѣщанъ и крестьянъ изъ такихъ мѣстностей, въ которыя козаччина еще не проникала, причисляющихъ себя къ козацкому сословію; таковы напримѣръ: »Козаки Коденскіе, Козаки Котельницкіе, Грицько Красноперка—сотникъ съ Паволочи, Ѳеодоръ—Есаулъ слободы Паволоцкое, Саханъ—Атаманъ Козацкій съ Котельни« [1]) и другіе, упоминаемые въ предлагаемыхъ актахъ. Не довольствуясь этимъ, мѣщане и крестьяне, изъ селъ и мѣстечекъ, принадлежавшихъ шляхтичамъ и духовенству въ сѣверной части Кіевскаго воеводства, поднялись на довольно обширномъ пространствѣ и, называя себя Козаками, избрали изъ своей среды, по козацкому обычаю, полковниковъ, сотниковъ и десятниковъ, и отправились на шляхетскія имѣнія выживать изъ нихъ владѣльцевъ и разорять ихъ имущество. Въ движеніи этомъ приняли участіе мѣщане и подданные изъ мѣстечекъ: Фастова, Кодни, Лесчина, Котельни, Паволочи, Коростышева, Брусилова, Ходоркова, Корнина, Радомысля и близлежащихъ селъ, и такимъ образомъ все порѣчье Тетерева и Ирпени примкнуло къ Козаччинѣ [2]).

---

[1]) См. №№ LXIV, и LXVI стр. 222 и 232

[2]) См. №№ XLIII и LXVIII, стр. 214 и 238.

Такимъ образомъ, пользуясь анархіею Польши и ея внѣшними войнами, козацкія силы крѣпли и сосредоточивались для будущей борьбы. Послѣдній шагъ сдѣланъ былъ Конашевичемъ за годъ до его смерти. Въ 1621 году Польшѣ угрожала новая опасность: султанъ Турецкій, раздраженный походомъ гетьмана Жолкевскаго въ Молдавію, объявилъ войну Речи Посполитой и съ огромною арміею подвинулся къ ея границамъ. На встрѣчу ему отправленъ былъ гетьманъ Ходкевичъ, но силы его были ничтожны въ сравненіи съ Турецкими, и потому Польское правительство обратилось опять за помощью къ Козакамъ. Конашевичъ, вѣрный своей политикѣ, медлилъ съ отправкою войска, хотя держалъ его на-готовѣ, а самъ, между тѣмъ, поѣхалъ въ Варшаву для переговоровъ [1]); неизвѣстно, какъ и съ кѣмъ ведены были эти переговоры, но результатъ ихъ оказался на дѣлѣ: хотя съ 1616 года Конашевичъ управлялъ украинною козаччиною, но рядомъ съ нимъ существовалъ гетьманъ реестровыхъ Козаковъ, Бородавка. Польское правительство, очевидно, при первой возможности, могло, возвращаясь къ прежней политикѣ,—признать законными власть послѣдняго и существованіе подвластныхъ ему Козаковъ, и употребить это признаніе, какъ первый пріемъ къ разрушенію силъ, собранныхъ Конашевичемъ; потому послѣднему необходимо было присоединить къ себѣ реестровыхъ Козаковъ и снискать отъ правительства утвержденіе законности своей

---

[1]) Jakób Sobieski.— Pamiętnik wojny Chocimskiej. Стр. 14.

власти. Для этой цѣли Конашевичъ опять воспользовался стѣснительнымъ положенiемъ польскаго правительства, и оно за помощь, обѣщанную противъ Турокъ, согласилось на его требованiя. Прямо изъ Варшавы Сагайдачный явился въ польскiй лагерь, расположившiйся подъ Хотиномъ, и по его повелѣнiю 30,000 Запорожскаго войска съ 28 пушками удвоило силы Поляковъ [1]; но за то, еще до соединенiя съ Поляками, 6,000 реестровыхъ Козаковъ поступило подъ команду Конашевича, и Бородавка былъ ему выданъ. Упрекая соперника въ замедленiи прихода Козаковъ, Сагайдачный приказалъ его казнить въ виду польскаго лагеря, подъ Хотиномъ, и потомъ только соединился съ Ходкевичемъ [2]. Храбрость Козаковъ и искусство ихъ вождя выручили на этотъ разъ Поляковъ изъ бѣды, »за что, по словамъ лѣтописца, Сагайдачный у короля и Речи Посполитой зъедналъ милость и свободу великую народу Малороссiйскому« [3]; къ несчастiю, свобода эта была непродолжительна: польское королевство, успокоившись во внѣшнихъ отношенiяхъ послѣ Хотинскаго похода, рѣшилось возвратиться къ прежнему плану уничтоженiя и порабощенiя Козаковъ; этому способствовала скорая кончина »вѣчное памяти и славы несмертельное годного, Гетмана войска Его Королевской милости Запорожскаго, мужа христьянскихъ цнотъ и милостынь полного пана Петра Конашевича Сагайдачного« [4]), послѣдовавшая

[1]) Тамъ-же стр. 9, 20, 21.

[2]) Тамъ-же, стр 19.— Лѣт. Самовидца, стр. 4. — Лѣт. Грабянки, стр. 26. Лѣтопись Величка Т. I, приложенiя стр. 6.

[3]) Лѣтопись Грабянки, стр. 27.

[4]) См. № LXXIV, стр. 269.

5 Апрѣля 1822 года вслѣдствіе ранъ, полученныхъ подъ Хотиномъ.

Непосредственный наслѣдникъ Сагайдачнаго былъ Гетьманъ Олиферъ Голубъ [1]), называемый лѣтописцами также Стеблевцемъ, вѣроятно, по мѣсту его рожденія. Но какъ долго продолжалось его гетьманство, и кто его смѣнилъ, — нельзя сказать утвердительно, за неимѣніемъ актовъ и при разногласіи и сбивчивости лѣтописныхъ сказаній, изъ которыхъ можно заключить только то, что гетьманство очень часто переходило изъ рукъ въ руки. Этими безпорядками воспользовалось польское правительство для проведенія своихъ цѣлей по отношенію къ Козакамъ: уже заключая договоръ съ Турками подъ Хотиномъ, Поляки обязались обуздывать набѣги Козаковъ на Турцію, и такимъ образомъ, оставляли за собою предлогъ къ стѣсненію Козаковъ. Гетьманъ Конашевичъ понялъ это и немедленно изъ-подъ Хотина переправился въ Турецкія земли и опустошалъ ихъ въ виду Поляковъ, протестуя такимъ образомъ на дѣлѣ противъ относящейся къ Козакамъ статьи договора [2]): нападенія на Турцію продолжались и при преемникахъ Сагайдачнаго [3]); притомъ, по замѣчанію Поляка современника, нравъ Козаковъ значительно измѣнился въ это время: »они теперь начинаютъ заступаться за права Православной церкви, сами выбираютъ гетьмана, и изъ земель Русскихъ къ нимъ перебѣгаютъ цѣлыя толпы бѣглецовъ отъ плуга и ремеслъ, и

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Jakób Sobieski. Pamiętnik wojny Chocimskiej, стр. 76.

[3]) Костомаровъ. Борьба Укр. Коз. съ Польш. — См. Отеч. зап. № CV, стр. 290.

толпа невоинственныхъ мужиковъ стала себѣ присвоивать права старыхъ воиновъ. Отправляясь въ походъ, они грабятъ коронныя имѣнія, а возвращаясь съ войны, селятся слободами въ королевскихъ и шляхецкихъ селахъ и городахъ, не подчиняясь власти урядниковъ и пановъ; простолюдины бѣгутъ на Запорожье и, возвращаясь оттуда, селятся на Украинѣ на правахъ козацкихъ [1]). Нерѣдко Козаки отнимали земли у старостъ и шляхтичей, выгоняли послѣднихъ изъ домовъ, принимали въ свои ряды ихъ подданныхъ [2]), словомъ, стремились удержать за собою значеніе, пріобрѣтенное Конашевичемъ, и не подчиниться требованіямъ польскаго права. Борьба потому была неминуема; и дѣйствительно, лишь только Польша немного отдохнула послѣ Турецкой войны, отправленъ былъ противъ Козаковъ гетьманъ Конецпольскій съ сильнымъ войскомъ, подъ предлогомъ прекращенія ихъ набѣговъ на Турецкія земли, и осадилъ ихъ надъ озеромъ Куруковымъ; но приступы Поляковъ къ окопамъ козацкимъ были сопряжены съ огромными потерями [3]), и, вѣроятно, походъ ихъ кончился бы неудачею, еслибы имъ не удалось перетянуть на свою сторону бывшихъ реестровыхъ Козаковъ прибавкою жалованья и подтвержденіемъ исключительно въ ихъ пользу козацкихъ правъ [4]). Вслѣдствіе этого заклю-

---

[1]) Jak. Sobieski. Pam. wojny Chocim. стр. 44.

[2]) Исторія Малороссіи, Маркевича. Т. III, стр. 22—28. Также, см. № LXXVI, стр. 275.

[3]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III и т. д. Т. I, стр. 125.

[4]) Костомаровъ. Борьба Украинскихъ Козаковъ съ Польшею. Отеч. Зап Т. CV, стр. 203.

ченъ былъ договоръ на урочищахъ Медвѣжьи Лозы, 6-го ноября 1625 года. По этому договору, реестровые Козаки, въ числѣ 6000, должны быть внесены въ особый списокъ, который долженъ быть составленъ въ шестинедѣльный срокъ и храниться въ скарбѣ коронномъ; имъ предоставляется полная свобода и жалованье въ 60,000 золотыхъ, и кромѣ того, значительный окладъ для всѣхъ начальниковъ; деньги эти они будутъ получать ежегодно въ Кіевѣ, въ день св. Иліи; одна тысяча Козаковъ должна всегда находиться на Запорожьи, для охраненія границъ отъ Татаръ; остальные-же могутъ жить по селамъ, но должны являться по первому востребованію короннаго гетьмана. Имъ позволяется выбирать старшаго (безъ гетьманскаго титула), но онъ долженъ быть утвержденъ короннымъ гетьманомъ и исполнить присягу въ сохраненіи этого договора; притомъ ему поставлялось въ обязанность: никакихъ отрядовъ безъ вѣдома Речи Посполитой не собирать, а собирающіеся безъ его вѣдома разгонять, донося о нихъ коронному гетьману, и удерживать Козаковъ отъ нападеній »на людей спокойныхъ«, т. е. на шляхтичей. Козаки должны были притомъ отказаться отъ всякихъ походовъ въ Турцію или въ другія сосѣднія государства, всѣ чайки сжечь и новыхъ не строить; не сноситься съ иностранными государствами и не вмѣшиваться ни въ какіе суды и уряды на Украинѣ. Не вошедшіе въ реестръ получаютъ прощеніе, но должны будутъ впредь повиноваться урядникамъ и панамъ и возвратить земли и угодья, отнятыя у послѣднихъ; если-же они не захотятъ признать надъ собою власти старостъ и пановъ, или если послѣдніе не позволятъ имъ жить

въ своихъ селахъ, то они должны въ продолженіи 12 недѣль все свое имущество продать крестьянамъ владѣльца и изъ селенія удалиться. Козаки должны были подтвердить присягою эти пункты, и тогда утвержденъ былъ Конецпольскимъ избранный ими гетьманъ *Михаилъ Дорошенко* [1],—одинъ изъ сподвижниковъ Сагайдачнаго, отличившійся еще во время Хотинскаго похода [2]).

Конечно, договоръ этотъ не могъ удовлетворить Козаковъ, и прежняя борьба снова должна была вспыхнуть, только съ болѣе значительными силами, пріобрѣтенными Козаками въ гетьманство Сагайдачнаго. Статьи договора не были ими исполняемы: нападенія на Крымъ и на Турецкія земли продолжались; Козаки, не включенные въ реестръ, не хотѣли подчиняться панамъ и старостамъ, а, въ случаѣ понужденій съ ихъ стороны, бѣжали по-прежнему на Запорожье. Поляки, съ своей стороны, рѣшились на этотъ разъ привести договоръ въ исполненіе силою: окончивъ прусскую войну въ 1630 г., войско польское отправилось на Украину и заняло въ ней квартиры; подъ его прикрытіемъ паны и старосты начали цѣлый рядъ насильныхъ дѣйствій: церкви предавались поруганію, подданные обращались въ унію, Козаки приводились въ крѣпостное состояніе; жолнеры похвалялись истребить всю козаччину и наносили жителямъ всевозможныя обиды. Слѣдствіемъ такихъ пріемовъ было повсемѣстное возстаніе Козаковъ и причислявшихъ себя къ козаччинѣ посполитыхъ людей: между тѣмъ, какъ образовы-

---

[1]) См № LXXVIII, стр. 284.

[2]) Pamiętnik wojny Chocimskiej. Jak. Sobieski стр. 17.

вались изъ нихъ на Украинѣ партизанскіе отряды и нападали въ расплохъ на квартировавшія тамъ Польскія войска; главная сила, составленная по преимуществу изъ перебѣжчиковъ, сосредоточилась на Запорожьи; тамъ они избрали гетьманомъ *Тараса*, называемаго лѣтописцами *Трясиломъ*, и двинулись на Украину для поддержанія мѣстнаго возстанія. Къ нимъ пристала та часть реестровыхъ Козаковъ, которая находилась, по обязательству, на Запорожьи; гетьманомъ ихъ былъ тогда *Григорій Черный*, преемникъ Дорошенка, погибшаго во время одного изъ походовъ на Крымъ. Григорій старался удержать реестровыхъ Козаковъ отъ участія въ возстаніи; на войсковой радѣ ему доказали, что онъ принялъ унію и потворствуетъ неистовствамъ Ляховъ, и казнили [1]). Въ апрѣлѣ 1630 г. Тарасъ вступилъ въ Украину съ своимъ ополченіемъ и сталъ выгонять пановъ, жолнеровъ и урядниковъ, предоставляя на разграбленіе ихъ имущества [2]). Получивъ донесеніе о случившемся, гетьманъ Конецпольскій двинулъ на Украину всѣ войска, находившіяся въ его распоряженіи; 7-го апрѣля онъ выпустилъ изъ Бара, главной своей квартиры, универсалъ къ шляхтѣ сосѣднихъ воеводствъ. »Я думаю, говоритъ онъ, не безъизвѣстно вамъ, что своевольники украинскіе, наскучивъ порядкомъ, установленнымъ коммиссіею и купленнымъ кровью, подняли руки на старшаго, назначеннаго королемъ надъ войскомъ Запорожскимъ, а потомъ

---

[1]) См. Костомаровъ.—Борьба Укр. Коз. съ Польш.—Отеч. Зап., Т. CV, стр. 205.

[2]) См. № LXXXV, стр. 312.

напали на тѣхъ Козаковъ, которые пребываютъ вѣрными Королю Его Милости (т. е. на реестровыхъ), и сверхъ того на войска коронныя, съ которыми они уже вступили въ борьбу. Поэтому, не желая, чтобы это своевольство оставалось безнаказаннымъ и чтобы изъ него не развились дальнѣйшіе безпорядки, я отправляюсь съ тѣми войсками, которыя подальше квартировали, и прошу вашихъ милостей, къ которымъ пожаръ этотъ поближе и которые испытывали хлопское своеволіе, добровольно явиться на помощь войску королевскому и погасить пламя возстанія мужицкою кровью; не сомнѣваюсь, что каждый изъ васъ охотно явится, имѣя въ виду собственную безопасность [1])«. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовано было ополченіе отъ свободныхъ посполитыхъ людей воеводства Волынскаго, на основаніи, такъ-называемой, выбранецкой повинности [2]). Со всѣми этими силами гетьманъ Конецпольскій осадилъ Козаковъ въ укрѣпленномъ лагерѣ ихъ подъ Переяславлемъ; но осада шла медленно и сопряжена была съ чувствительными потерями для Поляковъ: »въ штурмахъ гетьманъ потерялъ болѣе людей, чѣмъ во время цѣлой прусской войны; самой шляхты и товарищей убито 300, а коней лучшихъ множество перестреляно«, говоритъ современный Полякъ-лѣтописецъ [3]). Въ концѣ мая, Конецпольскій, хвастаясь удачными стычками, требовалъ однако новыхъ подкрѣпленій, призывалъ въ

---

[1]) См. № LXXX, стр. 297.
[2]) См. № LXXXI, стр. 301.
[3]) Pamiętniki. T. I. стр. 154.

свой лагерь оставшіеся въ резервѣ отряды и умолялъ шляхту явиться къ нему на помощь, какъ можно скорѣе, для окончательнаго усмиренія Козаковъ, какъ онъ выражался въ своемъ универсалѣ [1]). Между тѣмъ, Татаре, пользуясь отсутствіемъ и польскаго и козацкаго войска, готовились напасть на русскія воеводства [2]), и потому Конецпольскій долженъ былъ прекратить войну. Статьи договора его съ Тарасомъ не дошли до насъ; польскіе лѣтописцы увѣряютъ, что Козаки были усмирены, малороссійскіе кратко замѣчаютъ, что »Козаки примиришася«, получивъ отъ Поляковъ обѣщаніе, что ни ихъ, ни поспольства впредь обижать не будутъ [3]). Но по послѣдствіямъ ясно, что Переяславская осада не довела ни до какого положительнаго результата, что силы Козаковъ—съ одной стороны и притязанія Поляковъ—съ другой остались по прежнему въ враждебномъ отношеніи и безъ видимаго превосходства того или другаго начала. Состояніе это не могло долго продолжаться, и чрезъ 2 г. мы встрѣчаемъ новую козацкую реакцію. Въ 1632 г., въ апрѣлѣ, скончался Сигизмундъ III, главный виновникъ уніи и гонитель козаччины; настало время между-царствія, и въ іюнѣ созванъ былъ конвокаціонный сеймъ, на которомъ обыкновенно разсматривались злоупотребленія и ошибки минувшаго царствованія, и всѣ недовольные могли представлять свои домогательства и требовать возстановленія на-

---

[1]) См. № LXXXIV, стр. 309.

[2]) См. № LXXXIII, стр. 306.

[3]) Лѣт. Грабянки. стр. 28.—Лѣт. Самовидца, стр. 4.— Latop. Jerlicza. T. I, стр. 38.—Pamiętniki. T. I, стр. 155, и др.

рушенныхъ правъ. Этимъ воспользовались Козаки, и посольство ихъ явилось на сеймъ, высказывая ихъ нужды и требованія. Въ началѣ 1632 г., у Козаковъ было два гетьмана вмѣстѣ: Андрей Гавриловичъ и Иванъ Петрыжицкій; обыкновенно полагаютъ, что они господствовали каждый въ одной половинѣ Украины и оба погибли въ междоусобной войнѣ, открывшейся между ними [1]), но предположеніе это, кажется, вполнѣ ошибочно. Мы имѣемъ войсковый листъ, утверждающій Петра Могилу главнымъ распорядителемъ братскихъ школъ, выданный отъ имени обоихъ гетьмановъ; изъ подписей явствуетъ, что они не находились между собою во враждебномъ отношеніи, ибо одно и тоже лице, Савва Гробневскій, писарь войска Запорожскаго, имѣлъ отъ обоихъ уполномочіе подписаться на актѣ [2]). Поэтому, вѣроятнѣе кажется предположеніе, что одновременно Гавриловичъ былъ гетьманомъ Козаковъ нереестровыхъ, Петрыжицкій-же реестровыхъ; послѣднее не подлежитъ сомнѣнію, если возьмемъ во вниманіе, что на первомъ изъ прилагаемыхъ писемъ, онъ подписался не гетьманомъ, а »старшимъ« войска Запорожскаго [3]), т. е. титуломъ, признаннымъ оффиціально по договору на Медвѣжьихъ Лозахъ за гетьманами Козаковъ реестровыхъ, что при немъ находились реестровые Козаки и что онъ отправлялъ посольства на сеймъ, слѣдовательно имѣлъ право на оффиціаль-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Т. I, стр. 206.—Маркевичъ. Т. I. стр. 130. — Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос., стр. 40.

[2]) Памятники, изданные Кіевск. Ком. для раз. древ. акт. Т. II, стр. 142.

[3]) См. № LXXXIX, стр. 327.

ныя сношенія съ правительствомъ. Послѣ смерти короля, единственнымъ представителемъ козаччины является Петрыжицкій, имя Гавриловича исчезаетъ совершенно; и это естественно: время междуцарствія давало болѣе надеждъ на возстановленіе правъ козацкихъ путемъ мирныхъ требованій, и потому всѣ силы сгруппировались около лица, представлявшаго легально, по понятію Поляковъ, козаччину. Петрыжицкій отправилъ немедленно пословъ на конвокаціонный сеймъ съ требованіемъ обезпечить права Православной церкви согласно съ обѣщаніемъ Сигизмунда III, которое тотъ далъ Козакамъ передъ смертію, и допустить пословъ козацкихъ къ участію въ избираніи короля, »какъ членовъ Речи Посполитой, охраняющихъ ея безопасность и жертвующихъ за нее жизнію въ битвахъ со всякими врагами« [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петрыжицкій отправилъ письма къ разнымъ сенаторамъ и между прочимъ къ князю Острожскому, съ просьбою оказать содѣйствіе посламъ козацкимъ. Сеймъ отвѣчалъ на эти требованія уклончиво: что штаты Речи Посполитой обратятъ вниманіе новаго короля на козацкія заслуги и пріймутъ мѣры, способствующія вѣротерпимости, но допустить Козаковъ къ участію въ избраніи короля не могутъ, такъ-какъ они солдаты въ службѣ Речи Посполитой, а не ея граждане [2]). Черезъ три мѣсяца Петрыжицкій отправилъ новое посольство на сеймъ избирательный; въ инструкціи, данной посламъ, поручалось имъ—припомнить сейму заслуги, оказанныя Козаками Речи Посполитой, и на осно-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Pamiętniki. T. I, стр. 175.

ваніи ихъ домагаться: обезпечить свободу вѣроисповѣданія для православныхъ, нарушаемую »нововыдуманными и неслыханными до сихъ поръ уніятами«, назначить Козакамъ постоянное жалованье съ прибавкою его для 2000 людей, вновь записанныхъ въ реестръ, и наконецъ, обезпечить судьбу нереестровыхъ Козаковъ, которыхъ, вслѣдствіе Куруковской коммиссіи, паны выгоняютъ изъ селъ, запрещая подданнымъ своимъ покупать ихъ имущество и, такимъ образомъ, ставятъ ихъ въ безвыходное положеніе [1]. Послы козацкіе нашли на сеймѣ опору въ тѣхъ немногихъ дворянахъ, которые остались еще вѣрны Православной церкви, и въ краснорѣчіи и умѣніи вести сношенія съ панами Петра Могилы, явившагося также на сеймъ хлопотать по дѣламъ церкви. Но Петрыжицкій понималъ, что ни краснорѣчіе, ни просьбы, не вызвутъ на сеймѣ никакихъ результатовъ, и потому рѣшился поддержать посольство гораздо болѣе существеннымъ образомъ: онъ собралъ козацкое войско, въ числѣ котораго находилось 16,000 реестровыхъ и столько-же, какъ полагали современники, нереестровыхъ, и двинулся съ нимъ на Волынь, безпощадно разоряя имѣнія тѣхъ пановъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ недоброжелательствѣ къ Козакамъ. Паны, испуганные за цѣлость богатыхъ Волынскихъ помѣстій, просили пощады посредствомъ агентовъ, отправленныхъ въ лагерь Петрыжицкаго, и обѣщали употребить всѣ усилія съ своей стороны для того, чтобы поддержать требованія пословъ козацкихъ; получивъ такое обѣщаніе отъ князей Острожскаго и Заславскаго,

[1]) См № XCIII, стр. 338.

Петрыжицкій пощадилъ ихъ имѣнія, но, не желая быть обманутымъ, расположилъ свое войско на Волыни [1]), подъ предлогомъ защиты этой провинціи отъ Татаръ, о готовящемся вторженіи которыхъ онъ самъ распустилъ слухи посредствомъ универсаловъ [2]). Такимъ образомъ, онъ ждалъ результата посольства, не скрывая, что, въ случаѣ отказа со стороны сейма »въ виду дальнѣйшаго преслѣдованія православныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, прійдется намъ порисковать здоровьемъ и имуществомъ« и начать войну съ Речью Посполитою [3]). Должно полагать, что эта демонстрація гетьмана снискала на сеймѣ между панами и шляхтою значительное количество защитниковъ для козацкаго дѣла, и ея вліяніемъ объясняются тѣ уступки, которыя сдѣланы были Козакамъ на избирательномъ сеймѣ, противъ обыкновенія Польскихъ штатовъ: на руки Петру Могилѣ данъ былъ дипломъ о неприкосновенности Православія, обезпечивающій церкви, духовенство и имущество церковное отъ притѣсненій со стороны шляхты и уніятовъ. Новоизбранный король, Владиславъ IV, обѣщалъ, притомъ, возвратить православнымъ всѣ прежнія епархіи, а для уніятовъ вытребовать въ Римѣ утвержденіе новыхъ. Петръ Могила былъ торжественно признанъ правительствомъ — Кіевскимъ православнымъ митрополитомъ, вопреки прежнимъ постановленіямъ правительства, переименовавшимъ эту митрополію въ уніятскую.

---

1) См. № XCI, стр. 30.

2) См. № XCII, стр. 333.

3) См. № XC, стр. 328.

Но, дѣлая эти уступки въ религіозномъ отношеніи, сеймъ умолчалъ совершенно о второй половинѣ козацкихъ домогательствъ, касавшихся правъ самой козаччины; правда, онъ не издалъ новыхъ стѣснительныхъ постановленій, не протестовалъ противъ умноженія количества реестровыхъ Козаковъ, не упомянулъ ни слова о договорѣ при Медвѣжьихъ Лозахъ, но ясно было, что шляхта, въ виду полковъ Петрыжицкаго, вѣжливо молчитъ, но не оставляетъ затаенной мысли о разрушеніи козачества и выжидаетъ благопріятной поры, не связываясь никакимъ обѣщаніемъ.

Итакъ, главный вопросъ, о существованіи общиннаго козачьяго элемента или о смѣнѣ его польско-шляхетскимъ началомъ, оставался неразрѣшеннымъ; обѣ стороны сформулировали только свои требованія: Поляки считали законными пункты, установленные на Медвѣжьихъ Лозахъ, Козаки — домогательства Петрыжицкаго, представленныя на сеймъ конвокаціонный; та и другая сторона старалась привести въ исполненіе свои требованія. Столкновеніе было неминуемо: Поляки почувствовали, что усмирить Козаковъ можно только тогда, когда отнимется у нихъ возможность бѣжать и сосредоточиваться на Запорожьи, а также когда между ними посѣянъ будетъ раздоръ; потому они до времени ласкали реестровыхъ, а между прочимъ строили на низовьяхъ Днѣпра крѣпость Кодакъ. Козаки догадались въ чемъ дѣло, и Запорожскій гетьманъ Сулима, въ 1635 г., разорилъ новыя укрѣпленія, а Козаки по-прежнему продолжали безпокоить шляхту, вступаться за поспольство, дѣлать набѣги въ Турцію, не хотѣли ограничиваться реестромъ и

повиноваться панамъ и старостамъ. Сулима былъ измѣннически взятъ и казненъ въ Варшавѣ [1]); но это не перемѣнило положенія. 1637 г. *Савалтовичъ*, назначенный старшимъ надъ Козаками, былъ убитъ ими за приверженность къ Польшѣ, на радѣ въ Боровицѣ, и преемникомъ ему избранъ *Павлюкъ*; послѣ этого, коронное войско двинулось на Козаковъ, но тѣ захватили артиллерію реестровыхъ, хранившуюся въ Черкассахъ, и начали сзывать къ себѣ посполъство [2]). Поляки поспѣшили, чтобы не дать имъ усилиться пока возстаніе не охватило всей козаччины. Многіе реестровые не приняли въ немъ участія по совѣту ревностнаго поборника Польши, Ильяша Караимовича, полковника Переяславскаго. Павлюкъ былъ застигнутъ подъ Кумейками гетьманомъ Потоцкимъ и, послѣ отчаянной битвы, ретировался въ Боровицу; здѣсь лагерь козацкій былъ осажденъ Поляками, и Козаки принуждены были сдаться на слѣдующихъ условіяхъ: они должны были просить прощенія за возмущеніе; выдать Павлюка, Томиленка и нѣсколькихъ другихъ старшинъ; повиноваться назначенному старшему; по первому приказанію отыскать и сжечь всѣ чайки; всю чернь вывести изъ Запорожья и выдать панамъ, и, наконецъ, составленіе реестра оставить на усмотрѣніе королевскихъ коммиссаровъ [3]). Вслѣдъ за тѣмъ, сеймъ рѣшилъ воспользоваться побѣдою и уничтожить со-

---

[1]) Description de l'Ukraîne par le sieur de Beauplan, стр. 9.

[2]) См. № CI, стр. 368.

[3]) Тамъ-же, стр. 369.

вершенно козаччину: выданные старшины были жестоко казнены, старшимъ назначенъ *Ильяшъ Караимовичъ* (извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ *Барабаша*), который сталъ самымъ ревностнымъ образомъ слѣдить за дѣйствіями Козаковъ и исправно доносить о нихъ Полякамъ: Армянинъ родомъ, онъ выслужился въ полкахъ козацкихъ, навербованныхъ королемъ въ 1635 году для прусской войны, и, успѣвъ заблаговременно снискать себѣ расположеніе пановъ [1]), совершенно чуждый интересамъ края, охотно, изъ-за личныхъ выгодъ, согласился быть слѣпымъ орудіемъ Поляковъ и проводить ихъ замыслы по отношенію къ козаччинѣ. Между тѣмъ, какъ онъ рачительно разыскивалъ и подавлялъ всякую тѣнь реакціи, Поляки развили на Украинѣ самый лютый образъ дѣйствія: сеймъ лишилъ Козаковъ, даже реестровыхъ, всѣхъ правъ, которыми они доселѣ пользовались; отправлены были на Запорожье отряды войска съ цѣлью перехватать и казнить бѣглецовъ; польскія войска расположились на Украинѣ, и жолнеры неистовствовали безнаказанно; висѣлица ожидала каждаго заподозрѣннаго въ излишней симпатіи къ козаччинѣ или въ желаніи возстанія; истязанія, которымъ подвергались духовные, Козаки, простолюдины, превосходили всякую мѣру [2]). Святыня была повсемѣстно оскверняема; въ это именно время, шляхтичи, не опасаясь силы козацкой, начали отдавать церкви

---

[1]) См. № XCVIII, стр. 357.

[2]) Костомаровъ. Борьба Укр. Коз. съ Польш. От. Зап., Т. CV, стр. 228.

въ аренду и всѣ церковныя требы предоставлять произволу жидовъ [1]). Не удивительно поэтому, если на слѣдующій-же годъ Козаки еще разъ попробовали счастья. Со всею рѣшительностью отчаянія они возстали подъ предводительствомъ Остраницы, Гуни и Филоненка. Война сначала велась съ перемѣннымъ счастіемъ, но, наконецъ, Козаки, осажденные въ лагерѣ надъ Старицею, послѣ геройской и продолжительной осады, должны были сдаться. Послѣ этой побѣды гнетъ польскій палъ безпрепятственно на всю Украину. Къ систематически обдуманному плану уничтоженія козачества прибавилась личная месть и заносчивость шляхты. Народъ безмолвно преклонилъ голову; кто чувствовалъ себя посильнѣе, тотъ бѣжалъ на Запорожье скитаться бездомно по степямъ. Но и туда досягали польскіе отряды: на низовьяхъ Днѣпра возвышалась Кодацкая крѣпость, и бѣглецы или гибли безпріютно въ степяхъ или должны были наниматься на службу хану. Гнетъ этотъ продолжался цѣлые 10 лѣтъ, обхватывая всю массу Южно-Русскаго народа: бывшихъ Козаковъ, духовенство и крестьянъ, которые не оставались безъ участія въ послѣдней борьбѣ, и во время Старицкой осады, пользуясь отсутствіемъ пановъ, удалившихся къ войску, бросились было разорять и грабить панскіе замки и дома [2]). Но главное гоненіе устремлено было на то сословіе, которое въ глазахъ народа считалось передовымъ, которое должно было, по его мнѣнію, водворить на Украинѣ общин-

---

[1]) Pamiętniki. T. I, стр. 254.

[2]) См. № CIV, стр. 379.

ный порядокъ, избавить ее отъ шляхетчины. Кромѣ общаго гоненія, шляхтичи присоединяли съ своей стороны личныя обиды и, пользуясь своимъ положеніемъ, злоупотребляли его силу. Они выпрашивали себѣ у правительства козацкія имѣнія, утверждая, что онѣ подлежатъ конфискаціи за участіе ихъ владѣльцевъ въ возмущеніи [1]); звали въ судъ Козаковъ за убіеніе родственниковъ своихъ во время войны и испрашивали на нихъ смертные приговоры [2]), и т. д. Обезсиленные Козаки не смѣли сопротивляться, и въ это десятилѣтіе Украина заглохла; по временамъ только шляхтичи, назначенные правительствомъ въ старшины козацкіе, дѣлаютъ съ Козаками и драгунами заѣзды на имѣнія богатыхъ пановъ, грабятъ ихъ и выжимаютъ деньги и продовольствіе отъ пановъ и крестьянъ [3]). Это безвыходное положеніе скоро довело народъ до крайности; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно сгладило всѣ несогласія и различія, до того существовавшія. Теперь всѣ были наравнѣ обижены, всѣ одинаково страдали; и потому-то, въ 1648 году, по призыву Хмельницкаго, весь народъ безъ различія сословій: реестровые и нереестровые Козаки, духовенство, крестьяне, мѣщане—дружно возстали и, опрокинувъ ненавистную шляхту, возстановили свой древній, Русскій общинный бытъ подъ именемъ козаччины.

Если взглянемъ на разсматриваемую эпоху, то будемъ въ состояніи установить слѣдующія положенія о судьбѣ и значеніи козаччины:

---

[1]) См. № CII, стр. 372.

[2]) См. № CIII, стр. 374.

[3]) См. № № CVIII и CIX, стр. 390—400.

Козаки есть не что иное, какъ остатки сохранившихся древне-славянскихъ общинъ, которыя являются съ характеромъ воинственнымъ, вызваннымъ мѣстными обстоятельствами, съ новымъ именемъ, возникнувшимъ изъ той-же военной обстановки.

Отъ времени появленія въ исторіи до Люблинской уніи, Козаки живутъ подъ управленіемъ князей изъ дома Гедымина, сохраняя и развивая, подъ ихъ правленіемъ, свое общинное устройство.

Люблинская унія подаетъ поводъ Польскому правительству и шляхтѣ къ ломкѣ общинныхъ вольностей и къ закрѣпощенію Козаковъ шляхтичами на общихъ началахъ польскаго права.

Желая разбить солидарное сопротивленіе со стороны Козаковъ, Баторій разрозняетъ ихъ, заманивая нѣкоторыхъ далекою надеждою шляхетства, сталкивая другихъ на степень крѣпостныхъ. Онъ раздѣляетъ, такимъ образомъ, Козаковъ на признанныхъ закономъ—реестровыхъ и непризнанныхъ имъ—нереестровыхъ.

Первыя возстанія Козаковъ противъ Польши отъ Подковы до Лободы, включительно, имѣютъ исключительно характеръ сословной борьбы за общинныя права.

Запорожье образуется изъ людей, бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго права изъ областей, въ которыхъ оно было водворено раньше, чѣмъ на Украинѣ. Оно образуется на тѣхъ-же общинныхъ началахъ, только видоизмѣненныхъ исключительнымъ положеніемъ. Запорожье, вначалѣ малочисленное и ничтожное, пріобрѣтаетъ значеніе только тогда, когда къ нему бѣгутъ Украинскіе Козаки, уходя отъ шляхетскаго гнета въ началѣ XVII вѣка.

Реакція Лободы пріобрѣтаетъ поддержку со стороны слугъ, т. е. бездомной шляхты; представитель ея—Наливайко, которому ошибочно приписываютъ характеръ козацкій.

Петръ Конашевичъ группируетъ и объединяетъ козацкія силы. Центромъ реакцій онъ избираетъ Запорожье и, пользуясь популярностію этого названія, онъ распространяетъ его имя на всю Украину. Конашевичъ старается привлечь весь народъ на сторону козаччины, освящая ея дѣло религіознымъ заступничествомъ и облегченіемъ посполъству входа въ Козаччину. Онъ успѣваетъ болѣе политикою и умѣніемъ пользоваться затруднительнымъ положеніемъ польскаго правительства, чѣмъ открытою борьбою.

Время отъ Сагайдачнаго до Петрыжицкаго—это время преобладанія мѣстнаго, общинно-козацкаго элемента. Время отъ Петрыжицкаго до Хмельницкаго—время постепеннаго возвышенія шляхетско-польскаго элемента и возрастающаго порабощенія козаччины.

Смотря по ходу борьбы, самое имя Козаковъ въ различное время имѣетъ различное значеніе: до Баторія Козаками называются исключительно общинники Украинные въ смыслѣ особеннаго сословія; съ этого времени—только Козаки реестровые, нереестровые-же называются своевольствомъ козацкимъ, своевольствомъ Украиннымъ, людьми своевольными, оказаченнымъ хлопствомъ, гультайствомъ. Подъ тѣми-же именами безразлично подразумѣвается все недовольное: возстающіе крестьяне, бѣглые слуги и т. п. Запорожцы въ XVI в. называются Козаками Низовыми или Козаками Запорож-

кими. Съ начала XVII в. вся козаччина, т. е. Запорожцы, реестровые Козаки и неерестровые, вмѣстѣ объединенные Сагайдачнымъ, получаютъ названіе »войска его Королевской Милости Запорожского«; потомъ, при паденіи козаччины, послѣднее названіе удерживается только за реестровыми. Кромѣ того, въ началѣ XVIII в. имя Козаковъ дается въ смыслѣ войска, а не сословія: 1) отрядамъ войскъ, навербованнымъ въ королевскую службу, изъ кого попало, на Украинѣ; 2) солдатамъ войскъ, навербованнымъ въ службу богатыми украинскими землевладѣльцами, т. е. такъ-называемымъ надворнымъ хоругвямъ.—Всѣ эти названія употребляются правительствомъ и шляхтою. Народъ смотритъ на дѣло иначе: онъ постоянно называетъ Козаками, или войскомъ Запорожскимъ, все то, что носитъ на себѣ военно-общинный, сословный характеръ; потому-то, возстающіе крестьяне, мѣщане и т. д. немедленно принимаютъ названіе Козаковъ, выражая этимъ именемъ достиженіе тѣхъ правъ сословныхъ, которыя составляли постоянный идеалъ Южно-Русскаго народа.

Примѣчаніе.—Между приведенными актами, нѣкоторые не относятся къ разсматриваемому періоду исторіи Козаковъ, а служатъ только документами, поясняющими біографію или генеалогію лицъ, замѣчательныхъ въ дальнѣйшей исторіи козаччины. Изъ нихъ выявляются слѣдующія біографическія подробности:

Гетьманъ Выговскій происходилъ изъ древняго боярскаго русскаго рода, утратившаго значеніе, но удержавшаго за собою названіе бояръ при Литовскихъ князьяхъ. Прѣдки его назывались Лучичи и жили на

вахъ королевскихъ слугъ въ Овручѣ. Въ 1541 г. они получили отъ короля Сигизмунда I участокъ земли въ селѣ Выговѣ и съ того времени стали называться Лучичи-Выговскіе. Со временемъ-же первая фамилія утратилась [1]).

Семейство Хмельницкихъ принадлежало къ бѣдной служилой шляхтѣ Волынскаго воеводства; въ актахъ мы встрѣчаемъ: Петра Хмельницкаго, слугу рукодайнаго пана Подгородецкаго, бѣжавшаго тайно отъ своего господина [2]), и »урожоного Яна Хмельницкаго въ воеводствѣ Волынскомъ и поветахъ его не оселого« и поземельной собственности не имѣющаго [3]).

Между шляхтою воеводства Кіевскаго было семейство Мазепы; одинъ изъ нихъ былъ осужденъ на безчестіе, за убійство шляхтича Зеленскаго, по настоянію родныхъ послѣдняго, и, потомъ, приговоръ этотъ былъ уничтоженъ, посредствомъ задобренія дѣтей убитаго [4]).

Наконецъ, послѣдній изъ приведенныхъ актовъ содержитъ полную генеалогію и біографію Адама Киселя, прославившагося въ званіи посла и посредника со стороны Поляковъ, во время войны ихъ съ Хмельницкимъ [5]).

Владиміръ Антоновичъ.

---

[1]) №№ LXXXVI, LXXXVII и LXXXVIII, стр. 314—325.

[2]) См. № XCIX, стр. 359.

[3]) См. № C, стр. 362.

[4]) См. №№ CIII и CX, стр. 374 и 397.

[5]) См. № CXI, стр. 401.

I.

Списокъ вещей отнятыхъ Сенькомъ Полозовичемъ, Намѣстникомъ Черкасскимъ, у козаковъ Черкасскихъ, которые пограбили эти вещи у купцовъ; а также опись вещей, конфискованныхъ Намѣстникомъ послѣ смерти козака Митенка, неоставившаго послѣ себя наслѣдниковъ. 150.

Господаръ, его милость на память казалъ записати, што Сенко Полозовичъ его милости речей далъ, што у Козаковъ Черкаскихъ побралъ, у князя Дмитриевыхъ козаковъ, на имя: у Душбекенича, а въ Мандрики, а въ Минки лицомъ повыймалъ есми; у Щуровы роты перекрали тыхъ купцовъ. Охматовы речи: шесть шубъ белинныхъ брушщатыхъ, а семый торлопъ бручатый же белиный, а пятери лисии ножчатыи бланы, а шесть локотъ сукна цвикольскаго; Щуровы роты козакъ умеръ Митенко, а после того козака на мене, на городъ пришлы отумерлые речи: двадцать чотыри локти сукна трицкого черленого, а семнадцать камней дорогихъ, а перло великое, а две пугвицы золотыхъ, а чотыри жемчужки маленкихъ; а тыи отумерлые речи у Митенково бурсника, на имя у Каленика, у козакажъ, а послѣ Митенка побралъ есми на себе, на городъ,

какъ же того обычай естъ, тыи отумерлые речи хто ближнего не маетъ, приходятъ на намѣстника Черкаского. Двадцатъ и чотыри локти сукна роздавалъ есми слугамъ на однорадки, а камене все и перла далъ есми самому господару великому королю у руки. *(Сей документъ значится между предъидущимъ, состоявшимся въ Вильнѣ апрѣля 4 дня, индиктъ 6-ой, и послѣдующимъ, состоявшимся въ Вильнѣ 7011 (1503) года января 4 дня, индиктъ 6-ой.)*

Метрическіе акты, состоящіе при 3-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. Книга записей № 6, стран. 217.

II.

Грамота, данная Сигизмундомъ I Пану Яну Пеньку, въ томъ, что онъ признается невиннымъ въ бунтѣ Каневцевъ и Черкасцевъ противъ Старосты Василія Тышкевича, не смотря на подозрѣніе, взведенное на него въ томъ, что онъ ихъ къ бунту подстрекалъ. — 1537. Марта 3.

Лета Божьего Нароженья тысяча пятсотъ тридцат седьмаго, мѣсяца марта третий день, индиктъ десятый.

Приездилъ до короля его милости, до коруны Польское, до Кракова панъ Янъ Петровичь Пенко, оповедаючи то, ижъ

принесенъ къ нему листъ господарский, где пишеть о бунтованью и збуренью Черкасцовъ и Каневцовъ, напротивъ старосты тамошнего, пана Василья Тишкевича, якобы мелъ онъ того причинцою быти, и къ тому бунтованью ихъ подводити; который жо листъ панъ Янъ передъ королемъ его милостью вказывалъ, и поведилъ передъ его милостью, ижъ предкове его и онъ самъ, зъ молодыхъ своихъ летъ предкомъ короля его милости, и за щастное нанованье самому его милости господарю верне, а цнотливе и стале служили; а и онъ тежъ, будучи отъ короля его милости на замокъ Киевский посланъ, и на тыхъ замкохъ Черкасехъ и Каневе мешкаючи, правдиве послуги свои его милости оказывалъ, а въ жадномъ выступе и перекaзе речи посполитое николи не дознанъ есть, и о томъ збуренью Черкасцовъ и Каневцовъ ни которое причины и направы его не было, и ничего о томъ не ведаеть, съ чего тое бунтованье ихъ вросло, и для которихъ причинъ противъ старосты его милости они то вчинили; а хтобы въ томъ его предъ господаремъ его милостью обвинилъ, и таковую справу о немъ далъ, хотячи того ся королю его милости справити, и невинность свою во всемъ оказати, и въ томъ ся усправедливити якъ на доброго, а цнотливаго залежить. А такъ король его милость, выслухавшы листу своего до пана Яна Пенка писанаго, и речей его, которыи онъ коло справы своее достаточне, а широце передъ его милостью преложилъ, рачилъ въ томъ невинность пана Пенкову узнати; ачкольве тотъ листъ господарский за великимъ бунтованьемъ оныхъ Черкасцовъ и Каневцовъ къ нему былъ писанъ, и въ таковое домниманье

его милости онъ былъ приведенъ, а гдыжъ панъ Янъ до короля его милости приездилъ, и справу певную коло того передъ его милостью вчинилъ, его милость господаръ тую всю справу пана Пенкову рачилъ приняти и во всемъ ей местцо и веру въ себе дати, и на томъ зоставити, ижъ тыи речи самому пану Яну и потомкомъ его чести и доброй ихъ славе не маютъ ничимъ шкодити, нынѣ и на потомныи часы.

Метрическіе акты, состоящіе при 3-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. Книга записей, № 21, страница 72.

III.

Универсалъ Сигизмунда Августа къ Козакамъ, переселившимся изъ городовъ и замковъ въ пограничныя съ Турціею области, въ которомъ имъ предписывается въ замки и города возвратиться, и состоять тамъ на службѣ, получая, назначенное Королемъ, жалованье, а также въ предѣлы Турецкіе не врываться, такъ какъ это нарушаетъ договоры заключенные съ Турціею. 1568. Ноября 20.

Жикгимонтъ Августъ Божю милостю, король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий, Лифлянтский и иныхъ.

Подъданымъ нашимъ, козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ Украйныхъ, безъ росказаня и ведомости

нашое господарское и старостъ нашихъ Украйныхъ, зъехавши, на низу, на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ перемешкиваютъ: Маемъ того ведомость, ижъ вы, на местцахъ помененыхъ, у входахъ розныхъ свовольне живучи, подданыхъ цара Турецкого, чабаномъ и Татаромъ цара Перекопского, на улусы и кочовища ихъ находечи, великие шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ нашихъ отъ неприятеля въ небезпечество приводите. Кгдыжъ царъ Турецкий также и царъ Перекопский зъ нами и съ панствы нашими перемире маютъ, котораго, и теперъ поновляючи, царъ Турецкий по смерти отца своего черезъ кашталяна Войницкого, пана Петра Зборовского, и черезъ чауша своего на писме до конченя намъ послалъ, хотечи зъ нами въ доброй приязни быти, толко абы зъ стороны панствъ нашихъ подданымъ его и Татарамъ Перекопскимъ также шкоды и лупезства не делали, якие бывали передъ тымъ; чого естлибы отъ насъ не погамовано, съ трудностю абысмо перемире моцно держатися для лихихъ и своволныхъ людей, для которыхъ такие вторжки отъ войскъ неприятельскихъ до панства нашого деются, то на собе вся Украина и далшие поветы отъ Украины добре чуютъ, якую шкоду и полонъ приймуютъ. Прото приказуемъ вамъ и конечно то мети хочемъ, ажбы есте, тымъ своволенствомъ своимъ панству нашому небезпечности не чинечи, и покою посполитого не нарушаючи, съ поля, зъ низу и зо всихъ уходовъ, до замковъ и местъ нашихъ вышли, а черезъ то тамъ своволне не ездили, чабаномъ цара Турецкого и Татаромъ цара Перекопского шкоды и лупезства чинити, на улусы и кочовища ихъ наежд-

чати не смели; ведже при замцехъ нашихъ знайдется вамъ служба наша, за которую жалованe каждый зъ васъ отъ насъ одержитъ, кеды тое своволности поперестанете, а где бы ся которые зъ васъ, о сесь листъ и росказанье наше господарское недбаючи, того ся важилъ; ино мы старостамъ нашимъ тамошнимъ Украйнымъ науку нашу дали, што они зо всими вами непослушными росказаня нашого чинити маютъ; такъ ижъ, яко нарушители покою посполитого, караня срокгого не увойдете.

Писанъ у Варшаве, Летъ Божого Нарожения 1568, месеца ноябра 20 дня.

(М. П.) **Матей Савицкий писаръ.**

Изъ Заславльскаго Архива Князя Сангушки.

IV.

Жалоба Пана Василія Гулевича на слугу своего рукодойнаго, Ивана Путошинскаго въ томъ, что Путошинскій, на основаніи фальшивой довѣренности, принялъ въ управленіе его маетность Сутесцы, оное разорилъ, устроилъ въ немъ притонъ ворамъ, которымъ допустилъ зарѣзать одного изъ Козаковъ Подковы, бѣжавшаго послѣ плѣненія самаго Подковы въ Немировъ и проживавшаго въ Сутесцахъ; и всѣми исчиленными поступками вовлекъ его, Гулевича въ отвѣтственность. **1579.** Іюня **16.**

Року 1579 мѣсяца июня 16 дня.

На рокахъ судовыхъ, земскихъ, Луцкихъ передъ нами, то есть: Станиславомъ Петровскимъ, Подстаростимъ, а Остафъемъ

Малинскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившися очевисто, въ замку Господарскомъ Луцкомъ, его милость, панъ Василій Гулевичъ, войскій Володимерскій, жаловалъ и оповедалъ тыми словы: ижъ дей Иванъ Путошинскій, будучи моимъ слугою рукоданымъ, смелъ того ся важити: напродъ, коли панъ Чолганскій у мене коня гнедого позналъ, котрогомъ я мѣлъ отъ пана Охна Красноселского, за которого ми давано сто копъ грошей Литовскихъ; я будучи дей на тотъ часъ забавеный пилнейшими потребами своими у двору короля его милости, послалъ есми того то Ивана Путошинскго до пана Охна Красноселского и съ тымъ конемъ, абы мя на року, яко есмо собѣ съ паномъ Чолганскимъ застановили у Вострозе, завелъ; якожъ дей и того коня гнедого, о которого заводъ быти мѣлъ, ему есми до рукъ далъ, и къ тому тотъ же дей Иванъ Путошинскій просилъ мя, абыхъ ему толко на зездъ коня якого далъ, поколбы зъ Браславля зъездилъ; я дей, и на страву добре его осмотревши, и коня есми ему рыжого лысого, стада своего позычилъ на зездъ толко; а онъ дей и того коня гнедого невѣдаю где подѣлъ, и того тежъ моего властного въ Костентинове за чотырнадцать копъ Литовскихъ продалъ; толко мнѣ выписъ съ книгъ Острозскихъ прислалъ, ижъ панъ Охно Красноселскій мене у права завелъ, а на тыхъ дву конехъ и до сего часу отъ него шкодую. А къ тому дей тогожъ лѣта минулого, въ року семдесятъ осмомъ, былъ есми забавленъ при дворе Короля его милости потребами своими, почавши отъ сейму ажъ до Луцкого ярмарку, тотъ дей Иванъ Путошинскій, усмотревши на то часъ погодный, и справивши

собѣ листы якиесь фалшивые, яко-бы ихъ мѣлъ отъ мене на врядъ Сутѣскій; а приехавши тамъ, доименя моего, оказовалъ ихъ отаману и войту моимъ у Сутесце, и за таковыми листы, посегнувши дворъ мой Сутѣскій, всю маетность мою што колвекъ тамъ было: быдло рогатое, коней ездныхъ чотыри, зо млыновъ розмеры по двѣ, лѣса, чинши грошовые и овсяные, вины, куницы, змирение, поезные и што колвекъ было пашнѣ въ гумнѣ, то все побралъ и тамъ же дей войменю моемъ Сутѣсцы, учинившися отъ мене урядникомъ, што было наславнейшихъ злодѣевъ, которыхъ имена славны по всемъ Подоли суть яко: Качора, Крадз-ва (sic), Ракошика и иншихъ, которыхъ я именъ на тотъ часъ пометати не могу, при собѣ у дворѣ моемъ ховалъ, и што было мяса старого свиного, десетинного, которого было полтей о сто кромъ подробовъ, все переелъ, а въ дворе моемъ, не толко плотъ коло двора, але и лавы, помосты попалилъ; которы дей злодѣеве, крадучи кони, до него, слышу, вожовали, якожъ дей у Хмелнику съ поставника покрали возники и колко валаховъ самого пана старосты Хмелницкого, которые дей кони застаты зъ вознымъ и зъ шляхтою въ стадѣ селскомъ, у Сутѣсцы; и о то мене, позвомъ кгродскимъ до Браславля панъ староста Хмелницкій позывалъ, абыхъ я того врядника своего, Ивана Путошинского ставилъ. Ино дей Путошинскій, написавши собѣ отъ мене моцъ до права, тамъ, на тые позвы, безъ вѣдома моего становилъ и едналъ умоцованыхъ пана старосты Хмелницкого, а съ того дей едная, иншее имъ заплатилъ, а въ тридцати золотыхъ завелъ у поруки приятеля моего, пана Михайла Микулинского,

который, мнимаючи быть его правдивымъ урядникомъ Сутескимъ, за него ручилъ. Ктому тежъ покралъ дей злодей комору у мещинина Браславского и зо всимъ тымъ беремямъ пришелъ до Сутески, до подданого моего, а, пришедши, тому то Ивану Путошинскому, мнимому вряднику моему оповедилъ; Путошинскій дей тое беремя отъ того злодея взялъ, а злодея пустилъ. Третее дей: посли Подковы, яко то его въ Немирове поймали, козаки ся разбегли, и оденъ перемешковалъ дей въ Сутѣсце, который, слышу, ижъ дей мѣлъ узолъ не малый чирвоныхъ злотыхъ и которые дей слуги, або дружина Путошинского, высадивши его вечеромъ на печунку вечерать, того козака зарѣзали, и въ реку, у Богъ его вкинули, чого дей панъ Комаръ, довѣдавшися, далъ знать уряду; а урядъ зъ вознымъ оного трупа нашли и поймали слугу, або товариша одного пана Путошинского, который, порвавши ножъ самъ собѣ горло перерѣзалъ, а панъ Путошинскій, обачивши дей то, ижъ ся вже тамъ былъ добре ославилъ, ктому ижъ вже въ Сутѣсцы былъ все выбралъ и спустошилъ, по корчмахъ въ Браславле, въ Немерове и у Вѣницы задолжилъ, дворъ мой вже былъ выелъ, спустошилъ, во млынехъ тежъ размеру не доставало, а подобно, ижъ тежъ ся мене до дому сподевалъ, отъ-толь зъехалъ; очомъ всемъ я дей не вѣдалъ, ажъ ми позовъ Браславскій, отъ мещанина Браславского положонъ, о покрадене коморы, абыхъ самъ сталъ и Ивана Путошинского поставилъ; ктому чоловѣкъ изъ Сутѣски приехалъ дей до мене, жалуючися, ижъ тотъ Путошинскій, не судечи правомъ, казалъ чоловѣку моему, абы жиду Шлафну заплатилъ чотырнадцать копъ;

и кгдымъ се дей о томъ довѣдалъ, посаломъ людей добрыхъ, упоминаючи пана Ивана Путошинского, ижъ то зле учинилъ: пахне то не толко горломъ, але и учтивостю; онъ дей до мене вказалъ, ижъ дей я Гулевичу не служилъ, и врядникомъ въ Сутѣсцы не былъ, естлимъ дей ездилъ до Сутѣски, яко приятелъ есми его тамъ былъ и рокъ съ Комаромъ рознялъ, и Красноселского на заводъ Чолганскомъ провелъ; а што дей ми ся Гулевичъ коня рыжого, стада своего упоминаетъ, которого яко-бы ми его мѣлъ на часъ позычати; ино дей ми онъ того коня далъ. Я дей, обачивши, ижъ Путошинскій то собѣ легце поважилъ, зъ возным и шляхтою есми до него тотъ позовъ Браславскій посылалъ, абы до Браславля ехалъ, и тамъ ся тому мещанину усправедливилъ, а мене въ томъ завелъ, обецуючи ему безпеченство о рѣчи мое властные, ижемъ его тамъ гамовати не мѣлъ; але то хотечи тутъ на пъриятели припустить; онъ ся дей хоробою зоможилъ, и повѣдилъ, якобы ся мѣлъ изъ санокъ збити; я дей муселъ до Браславля своимъ коштомъ отсель, зъ Волыня посылати, и тотъ позовъ былъ отложенъ съ тое причины, жемъ ся я закладалъ, ижъ я Путошинскому вряду тамъ въ Сутѣсце не давалъ, ани у мене на него справедливости прошоно. Потомъ дей другимъ разомъ мене тотъ-же мещанинъ листомъ замъковымъ, о учиненіи справедливости на поменувши, заразъ позвалъ; я дей и тотъ позовъ черезъ возного, до пана Путошинского посылалъ: панъ Путошинскій ся передъ вознымъ въ комору ухватилъ; возный его видечи напоминалъ, абы того не чинилъ, але жебы позовъ узялъ и вычолъ, а мене въ томъ завелъ; онъ дей на то дбати

не хотѣлъ, за которымъ позвомъ, недбаючи урядъ Браславскій на жадные обмовы и обороны правные мое, одно ижъ есмы Ивана Путошинского, врадника своего Сутѣского ку праву не поставилъ, шкоды всѣ на мнѣ вказалъ: а такъ вѣдаю дей то, ижъ Иванъ Путошинскій малую осѣлость маетъ, и тую жидомъ Свинюскимъ завелъ, а мнѣ дей шкоды великие починилъ, для чого ся дей передомною крыетъ, а ижъ дей то ему идетъ о горло; которого теперъ тутъ передъ вашею милостью судомъ здыбалъ, прошу, абы ми ся тутъ уистилъ, ино панъ Иванъ Путошинскій на то повѣдилъ: маю дей я оселость хоть не велику, и, еслимъ што кому виненъ, нехай ме зънее позываетъ, а я ся дей ему усправедливлюся въ томъ, заховалъ подле обычаю права и статуту; до жадного уищеня пана Путашинского примушати не хотѣлъ. А панъ Василій просилъ, абы то все ему было записано; што мы за прозбою его милости до книгъ справъ судовыхъ земскихъ записати казали.

Книга Земская Луцкая 1576,78 и 9, Листъ 516.

V.

Универсалъ Короля Стефана Баторія къ урядникамъ и шляхтѣ Воеводствъ: Кіевскаго, Подольскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, приказывающій имъ предотвращать вторженія людей своевольныхъ въ предѣлы Турецкіе. 1580. Генваря...

Stephan, z Bozey łaski krol Polski etc. wszystkim wobecz y kazdemu z oszobna: starostom, podstarosciem, dzierzawczom, xiązętom, panom y ryczęrstwu na ukrainie: ruskiey, kijowskiey, wołynskiey, podolskiey y braczlawskiey mieskaiączem, uprzeymem y wiernem nam milem Laske naszę, krolewską. Uprzeymie y wiernie nam mili! widząoz iako wiele nam y rzeczy pospolitey na tem nalezy, aby pacta, ktore mamy z turki, tatary y wolochy, statecznie trzymane byly, nie tylko pod them teraznieysem czasem, gdy szie walczeniem przecziwko moskiewskiemu zabawiamy, ale tesz y kazdego innego czaszu, thedy nie zaniechalismy thesz y tego, na tem teraznieyszem seymie walnem, wszem stanom proponowacz, aby tho za ich radą przesz nasz opatrzono bylo, iakoby z strony naszey, przesz ludzie swowolne nie dawala się pogranicznem samsziadom przyczyna do rozerwania pact y pokoiu pospolitego.

Jakosz, za zezwoleniem wszech stanow, na temze tho seymie iest tho opatrzono constitucią, iakoby takowi ludzie swowolni, ktorzyby z panstw naszych wtarzski iakie do samsiadow pogranicznych czynicz chczieli, karani bycz mieli do ktorey constituciey my, przystawaiącz tegosz seymu, moczą wszystkiem wam rozkazuiemy, abysczie szie w hamowaniu łaponiu, y karaniu ludzi takowych, swowolnych, wedle nauki, w constituciey tey opiszaney, zachowali y pilnie tego przestrzegali, iakoby, od ludzi naszych, zadna y naymnieysza przyczyna nie dawała szie do rozerwania przymierza. Thego iednak dokladaiącz, isz gdzieby z tych, ktorzyby wazyli szie wtarzki iakie z panstw naszych, do ziem samsziad przyleglych czynicz: slachczicz iaki nie osziadly, albo tesz miesczanin y ktosz kolwiek inszy plebeae conditionis osiadly, byl, iako constitntio obmawia poimany, aby iednak, w dalszem przecziw takowemu kazdemu postępku y karaniu iego, nicz szie besz nauki naszey nie dzialo, ale do rozkazania naszego, zeby w wiezieniu byl trzymany y chowany, poimany y zalapiony byl; aby od tego starosty albo kogoszkolwiek innego, od ktorego by poiman byl, do wiezienia uszadzony y w nim, asz do nauki naszey, iakoby daley karany bycz mial, trzymany y chowany byl. Czo, zeby wszem do wiadowosczi przysło y na potym, aby zaden przyczyny nie miał wymawiania szie niewiadosczią iaką o tey rzeczy, rozkazujemy starostom naszem ten nniversal, naprzod do xiąg grodu swoiego wniescz, a potym gi wszedzie po powieczie swoiem obwolacz y w domy slacheczkie, takze do miasth y miasteczek wszytkich, tak naszych, iako y slacheczkich rozeslacz. Pod łaską naszą krolewską. Dan w Warschawie, dnia... miesiącza Stycznia, roku

panskiego tysiącz pięczseth osmdziesiątego, panowania naszego czwartego.

Stephanus rex mpr.

Акты метрики коронной, кн. 123, г. 1579—1582 включительно, листъ 99.

VI.

Сознаніе Возного въ томъ, что въ Церкви Ивана Богослова, въ замкѣ Луцкомъ дѣйствительно находится сукно, назначенное Королемъ для Козаковъ. 1584. Іюня 18.

Року тисеча пятьсотъ осмъдесятъ четвертого, мисеца июня осмогонадцатъ дня.

Передо мъною Стефаномъ Кнегининъскимъ, будучимъ на местъцу пана Станислова Петъровъского подъстаростего Луцъкого, ставъши очевисто возъный повету Луцъкого Фронцъ Бромиръский, ку записанъю до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ вызналъ тыми словы: ижъ дей дня сегоднешънего, вышей писаного, при мне возъномъ и при шъляхъте, при мне будучой, Миколая Зубърику, а Войне Порядъничу Зашъчитовъскомъ, на потъребе пана Старискoго, коморъника его королевъское милости, на вряде кгродъскомъ Луцъкомъ сукна, печатъю его запечатованого, естъ его королевъское милости, козакомъ, черезъ

пана Старенъского послано чотыры белый, зоставилъ, и въ замъку вышънемъ тутошнимъ Луцъкимъ, въ церъкви Святого Ивана Богослова естъ зложоно, которогожъ я зознанъе возного до книгъ кгродъскихъ Луцъкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1584 года, листъ 434 на оборотъ.

VII.

Протестъ Кіевскаго градскаго Магистрата противъ Князя Матеуша Вороницкаго, Намѣстника Воеводства Кіевскаго, принудившаго Магистратъ принять въ городскую темницу 11 Козаковъ, обвиняемыхъ въ убіеніи королевскаго Посла Глубоцкаго, и выданныхъ Гетманомъ Козацкимъ, Княземъ Михаиломъ Ружинскимъ. 1585, Ноября 17 дня.

Року по нароженю Сына Божого 1585 г., мѣсяца Ноября 17 дня.

Писали и прысылали до вряду замку господаръского Житомирского, до мене, Миколая Каменского, подстаростего Житомирского, отъ его милости пана Семена Дениска Матфеевского, старосты Житомирского установленого: войтъ, бурмистръ и радцы съ присяжники и все посполство места Господаръского Киевского, права местского Майдемборского, на вряде оповедаючи о томъ: ижъ дей тыхъ не давныхъ часовъ, въ року теперь

идучомъ, тисеча пять сотъ осмѣдесятъ пятомъ, мѣсяца Ноябра второгонадцать дня князь Михайло Ружминскій, гетманъ козаковъ Запорожскихъ и зъ иншими козаками, товарышми своими Запорожскими прислали черезъ посланцовъ своихъ: черезъ Олексея Орла а Войтеха Мясопуста козаковъ одиннадцать Запорожскихъ, окованыхъ, менечи быти тотъ князь Ружинскій и зъ козаками Запорожскими, якобы ты одинадцать человѣковъ, збунтовавшися, посланца Его Королевское Милости нашого милостивого пана, небожчика пана Глубоцкого замордовали и утопили и тыхъ одинадцати человѣковъ узнали, и нашли быть винными и прислали ихъ зде, до вряду кгродского замку Господарского Киевского, до везеня, абы были осажоны; то пакъ дей его милость, князь Матушъ зе Збаража Вороницкій, наместникъ воеводства Киевского, не хотечи оныхъ вязневъ козаковъ до везеня замку Его Королевское милости вряду кгродского Киевского приняты, и ихъ осадити не хотелъ; але заразомъ зъ вознымъ, и съ тыми козаками: зъ Олексеемъ Орломъ а Войтехомъ Мясопустомъ, тыхъ вязневъ до насъ, до ратуша прислалъ, чинечи подъ волности и права наши намъ въ томъ кривду и безправе, чого есмо никгды чинить не повинны, а ни подъ то не подлегли, абыхмо яковыхъ колвекъ до везеня ратушнего злочинцовъ приймовати, осажати и стеречи мели, то намъ теперъ князь Матушъ Вороницкій черезъ возного и козаковъ тыхъ вязневъ прислали, абыхмо ихъ до везеня местского, до ратуша осадили и стерегли, и такъ черезъ возного до насъ указалъ: если дей тыхъ вязневъ до везеня ратушного не озмете и стеречи не будете, тогды я указалъ тымъ коза-

комъ, абы тыхъ вязневъ передъ вами, албо передъ ратушомъ поставивши и покинувши, а на васъ дей самыхъ на войта, бурмистра и радцовъ и всихъ мещанъ Киевскихъ у кгроде записати кажу; а такъ мы, бачечи, ижъ то есть речъ не малая, боячися тежъ звирхности Его Королевское милости нашого милостивого пана, а звлаща зъ стороны замордованя посланца Его Королевское Милости, отъ своволныхъ людей козаковъ, небожчика пана Глубоцкого, за тяжкою неволею и зъ великою шкодою нашею, оныхъ одинадцать вязневъ до везеня местского, ратушнего, до далшее науки Его Королевское милости, нашого милостивого пана приняти мусили, а потомъ дей есмо ходили сами до князя Вороницкого, и просили есмо его милости, абы его милость намъ такового безправя надъ право и волности наши чинити не рачилъ, а тыхъ вязневъ до моцнейшого везеня осадилъ, бо дей въ насъ ту въ Киевскомъ ратушу, яко на Украйни, везеня такъ моцного, яко увъ-ынШихъ местехъ Его Королевское милости нетъ, бо дей все будоване деревянное досьть слабо и небезпечно, а мы дей отъ таковыхъ свовольныхъ людей козаковъ и сами въ домехъ нашихъ яко на Украины, во всемъ месте Киевскомъ о здоровю своемъ не безпечны; а князь дей Вороницкій на то намъ поведилъ: ижъ дей я тыхъ вязневъ до везеня кгродского Киевского пріймовати не хочу, але до васъ дей есми до ратуша, до везеня местского, презъ возного отослалъ, абы дей есте ихъ у везеню посадивши, сторожою доброю опатрили и стерегли, а я вамъ буду, и теперъ готовъ, и словомъ своимъ обецую, на што и руку свою даю вамъ, помочъ ку сторожи вашой людей замко-

выхъ, такъ ремесниковъ, яко и иншихъ присуду замкового на каждый день и ночь по шести человека, самыхъ каждого особами ихъ стеречи и пилновати, якожъ дей мы, слышачи то отъ князя Вороницкого, просили есмо, абы его милость то намъ казалъ записати, а его милость князь Вороницкій на то намъ поведилъ, ижъ дей я вамъ того записовати не кажу, бо того не потреба, и возного намъ на то, на осведчене, придати не хотелъ, што мы, видячи то, мусили есмо отъ его милости зъ нищимъ одыйти. И просилъ панъ войтъ, бурмистръ, радцы и зо всею братею своею места Киевского, аби тое оповедане ихъ въ книги замковые Житомирские записано было, и тамъ записати казалъ.

Книга Гродская Житомирская 1585. Листъ 114 на оборотъ.

VIII.

Жалоба Пана Юзефа Яблонскаго, Намѣстника Коденскаго на Лукіана Чернинскаго, называющаго себя Гетманомъ и набывшихъ съ нимъ Козаковъ, въ томъ, что они вмѣстѣ съ хлопами разграбили мѣстечко Кодню. 1587. Марта 18.

Року по нароженю Сына Божого 1587, мѣсяца Марта 18 дня.

Пришедши до вряду: мене Миколая Каменского, подстаростего Житомирского, отъ его милости пана Семена Дениска Матфе-

евского, старосты Житомерского, установленого, панъ Юзефъ Яблонскій, наместникъ Каденскій его милости пана Фридриха Тишкевича Логойского, воеводича Берестейского, обтежливе на вряде жаловалъ и оповедалъ: ижъ дей тыхъ часовъ прошлыхъ, въ року теперь идучомъ, тисеча пятсотъ осмъдесятъ шостомъ, мѣсяца Марта шостогонадцать дня, зъ недели на понеделокъ въ ночи, могло дей быти годинъ три въ ночъ, ниякиесь козаки па имя: Лукянъ Чернинскій, который кажетъ себе Гетманомъ звати, а ниекійсь Ивановскій, а Патока, а Пергатъ, и иншихъ козаковъ не-мало, и хлоповъ простыхъ, которые зъ селъ се зобрали, могло дей быти конныхъ и пешихъ о колко сотъ, безъ бытности пана моего, приехавши подъ место Кодню, ночнымъ обычаемъ, а въ тотъ часъ была трывога отъ Татаръ, и оные козаки, учинивши окрикъ, на место, у ночи ударили, и, уломившись у место кгвалтомъ, великие кривды и шкоды такъ его милости пану самому, мне и мещаномъ починили: маетности, гроши готовые, сребро, шаты, плате белое, кони, быдло, овцы брали и грабили; а мы розумели ихъ быти Татарами, а кгды мещанове до себе пришли и до стрелбы, почали ихъ зъ места выпирати вонъ, иншие козаки, выпадши зъ места, казали на трубахъ трубити, и фолварки почали коло места палити, а иншие въ месте и на фолваркахъ почали маетность зъ домовъ и зъ загородъ брати и грабити, а меновите, то есть, взели и пограбили, припадши ночю до дому моего, речей власныхъ пана моего, которые на тотъ часъ у мене въ захованю были, то есть меновите, порвали скрыню и вынесши съ коморы на дворъ, оную скрыню розбили и розлупали, взели

и пограбили съ тое скрыни: грошей готовыхъ копъ чотыриста, которые гроши прислалъ былъ панъ мой зъ Логойска пану Прежовскому отдавати, и на иншие потребы, свои сребра лыжокъ два тузины, о которыхъ панъ мой ведаетъ штокоштовали, цыну талѣровъ тузиновъ два зъ олстрами, клячъ стадныхъ Турскихъ две гнедыхъ, одна зъ лысиною, которые мелъ отъ кнежате Жеславского; а моихъ власныхъ речей съ коморы моее взели и пограбили, то есть, сукна Лунского, темносинего шестнадцать аршиновъ, ермякъ сукна Люнского синего и зъ шнурами, едвабу чирвоного, который коштовалъ чотыри копы грошей, женскихъ суконь две, одна сукна зеленого Артафинового, а другая сукна чирвоного Люнского зъ оксамитомъ, которые коштовали копъ дванадцать грошей, коней два зъ седлами, которые коштовали копъ чотырнадцать грошей, а седла три копы грошей, пулгаковъ два съ кресами, которые коштовали чотыри копы грошей, сагайдаковъ два зъ луками и стрелами, которые дей коштовали по две копы грошей; у мещанина Коденского, у Есипа въ дому его взели и пограбили ложниковъ два, которые коштовали копу грошей, клячъ две гнедыхъ, которые коштовали осемъ копъ грошей, овецъ тридцатеро; а на фолварку зъ загороды взели: телятъ отъ коровъ двое, тамже подле загороды пасеку, то есть, ульевъ сорокъ со пчолами на голову выбили, и медъ побрали и пограбили; у Мицка Прихожого взели и пограбили: жупановъ два, сукна Муравского, которые коштовали по сту грошей, ложникъ одинъ, который коштовалъ полъ копы грошей, коня тисового и зъ седломъ, за которого давано шесть копъ грошей, а седло коштовало копу грошей, у тогожъ Мицка,

на фолварку, за местомъ, въ гумне конми потравили а иншое попалили, то есть, жита стоговъ два, въ которыхъ было копъ шестдесятъ, гречихи стогъ, въ которомъ было копъ двадцать, проса стогъ, въ которомъ было копъ тридцать, гороху стогъ, въ которомъ было копицъ тридцать; у Васка у Татарина: овецъ двадцатеро, ягнятъ сеголетнихъ пятеронадцатеро, у пасеци улевъ двадцать со бчолами на голову выбили, у гумне проса стоговъ два, въ которыхъ было копъ пятдесятъ; у Игната съ кременое взели и пограбили, спустошили и спалили: то есть, стогъ жита, въ которомъ было копъ сорокъ, два стоги проса, въ которыхъ было копъ семъдесятъ, у тогожъ Игната съ погреба въ гумне улевъ сорокъ малыхъ со бчолами на голову выбили; у Павла у Бакуновича въ гумне взели збожя молочоного: овса меръ дванадцать, проса, въ которыхъ было копъ осмъдесятъ; у Михна Пикулича взели и пограбили: воловъ чотыри, за которыхъ далъ по сту грошей, овса стогъ, въ которомъ было копъ сорокъ, то потравили и попсовали, куровъ тридцатеро; у Лаврика у Сала: два волы, за которые далъ три копы грошей, стогъ жита, въ которомъ было копъ двадцать, гречки стогъ, въ которомъ было копъ двадцать пять; у Грицка Олейника взели и пограбили: воловъ два, которые коштовали три копы грошей, а въ гумне въ жите, въ просе и у ячменю шкоды починили, которыхъ шкодъ шацуетъ собе три копы грошей; у Войвана Бердника взели и пограбили: три волы, за которые далъ пять копъ грошей; у Васка Кушнера взели и пограбили: клячу сивую, за которую далъ чотыри копы грошей; у Копаша винника взели и пограбили: клячу тисавую, за ко-

торю далъ три копы и двадцать грошей, вола одного, за которого далъ осемъдесятъ грошей; у Войны Заблоцкого взели и пограбили: воловъ чотыри орамыхъ, овецъ трицатеро, коня гнедого, за которого дано шесть копъ грошей, куръ пятдесятъ; у Радка Куриловича взели и пограбили: клячъ доморослыхъ шесть, тамъ же въ гумне, въ жите, у вовсе и во вшелякомъ збожю, которое на тотъ часъ было, шкоды починили, которыхъ шкодъ шацуетъ собе десять копъ грошей; у Андрея Нивошты взели и пограбили: воловъ чотыри, которые куплены по две копы грошей, клячу гнедую, за которую далъ былъ чотыри копы грошей; у Андрея Струка взели и пограбили: воловъ два, которые коштовали три копы и деветъ грошей; у Данила Романовича взели и пограбили: воловъ три, за которые дано пятъ копъ грошей, клячу сивую, которая коштовала полчетверты копы грошей; у Мойсѣя взели и пограбили: клячу вороную, которая коштовала три копы и двадцать грошей; у Касяна взели и пограбили: воловъ два, за которые дано три копы и двадцать грошей, коня вороного, за которого дано пять копъ грошей. То дей все ты козаки и хлопы простые, ночнымъ обычаемъ побравши и пограбивши, попаливши и попустошивши, тоежъ ночи на свитаню, у понеделокъ, мѣсяца Марта семънадцатого дня, пошли прочъ; якожъ дей есми того часу, скоро по онымъ кгвалте и наеханю ихъ, сусѣдомъ околичнымъ паномъ шляхте оповедалъ, и тутъ, передъ вашею милостью, яко на вряде бывшомъ Короля Его Милости то оповедамъ. И просилъ панъ Юзевъ Яблонскій, именемъ его милости пана своего, самъ отъ себе и отъ всихъ мещанъ места

Коденского, абы тая жалоба и оповедане въ книги замковые Житомирские записана была; штомъ записати казалъ.

Книга Гродская Житомирская 1582—1588 Г. Листъ 137 на оборотѣ.

IX.

Жалоба Пани Ягнешки Василевой Козаровской на Пана Яцка Бутовича въ томъ, что онъ, въ мирное время, собравъ нѣсколько сотъ Козаковъ Низовыхъ и инаго рода людей, и снабженный помощію отъ Князей Кирика Ружинскаго и Матуша Вороницкаго, на маетность ея Форощъ напалъ, ея домъ совершенно ограбилъ пожитки частію роздалъ Козакамъ, частію взялъ себѣ, потомъ самою маетностью насильно овладѣлъ и людей рабочихъ изъ нее выгналъ, а вознаго для освидѣтельствованія своихъ насилій не допустилъ. **1590**, Февраля **14**.

Року 1590, месеца февраля 14 дня.

Писала и присылала до мене, Себестиянна Кавецкого, подстаростего Житомиръского, земянка господарьская земли Киевское, уроженая пани Василевая Козаровская, пани Якгнешка Волъского, жалуючи и оповедаючи о томъ: штожъ дей году теперъ идучого, деветъдесятого, месеця февраля девятого дня, въ небытности моей въ ымеию моемъ, лежачомъ въ земли Киевской, въ замку и месте Форощи, недбаючи на покой

права посполитого, и подъ часомъ сейму теперешнего, коронного, балного, Варшавского, въ року теперъ идучомъ, деветъдесятомъ, за чимъ вси справы судовъ вшелякихъ уставать звыкли, и надъ звыклости и подступъки правные способившися собе множство людей рознаго народу, о колко сотъ козаковъ низовыхъ и тыхъ, которые дей въ ыймeню моемъ Фороіщи приставство собе мели, и ни въ чомъ се ихъ тамъ не выстерегано, давши дей имъ впередъ певную заплату, его милость, панъ Яцко Бутовичъ, хоружий Киевъский зъ сыномъ своимъ Семеномъ, маючи тежъ собе помочниковъ: не оселую дочку свою Яцковую Вербовецкую Марю Бутовичовну, которую дей онъ въ дому своемъ переховываетъ, и зъ людми ему тежъ дей на помочъ даными отъ князя Кирика Ружинского, зъ ыймeня его тамъ прилеглого, Котелни, за змовою, а впередъ тежъ порозумевшися дей зъ урядникомъ моимъ Форощенскимъ, Крыштофомъ Варъденъскимъ, который дей въ томъ зраду уделалъ, наславши дей моцно, кгвалтомъ на тотъ замокъ, место, домъ, а спокойное мешкане мое того помененого сына своего Семена, съ тыми всими помочниками своими, незмерные дей мне шкоды и грабежи тамъ за тымъ таковымъ насланемъ кгвалтовнымъ его, черезъ того сына своего Семена поделалъ; а забравши и заграбивши дей тамъ кгвалтовне впередъ всю маетность, добра мое, злото, сребро, гроши готовые, до дому своего Брусилова тое дей все отпровадивши, а ку пожитку своему обернувъши, всѣ спряты домовые, што колвекъ дей одно речю рухомою названо и поменено быти можетъ: кони, быдла, волы кормные и плуговые зъ желизы и зъ снастямъ плуговыми, пасеки до-

сытъ значно и немало улѣевъ зъ пчоламы, узяли—колко сотъ меды пресные въ кадяхъ, стрелбу замкувую, шмыкговницы, гаковницы, пулгаковницы и ручницы, порохи, салетры, серки, оловъ, зброе, панцыри, пуклери, шишаки, начине пушкарское и ковалское, котлы пивные и горелчаные, ценъ, мѣдъ, замки нутрѣные, оздобные завесы, шкла въ скрыняхъ на оболоны до замку накупленые, гвоздѣе кгонтовое у фаскахъ, балясы ку охандоству замку покупленые, столы флядровые и зедли, фарбы разное, спижу замковую, солоды, муки, пшеницы, жита, масла, сыри, мясо въ полтехъ и збожя въ гумне, въ стыртахъ зложоные и вымелки зъ млына, также начиня вшелякие домовые и броварные; то дей все, кгвалътовне тоежъ тамъ забравши и заграбивши, въ ровный делъ, звычаемъ добычи въ земли поганской, межи козаковъ низовыхъ и тыхъ всихъ помочниковъ своихъ тратилъ и давати дей сынови своему велелъ; а то дей все межи козаковъ розделивъши, маючи дей при собе того зрадцу врядника моего тамошнего, долги розные ведле рейстру, въ которые при немъ были, не мало грошей готовыхъ межи мещаны тамошними собе дей повыбиралъ, кгвалтовне повытягалъ, а тымъ дей всимъ учинилъ мне шкоды, яко две тисечи копъ, а по таковомъ дей то вже кгвалтовномъ выграбиню и забраню маетности добръ, въ дому спокойного мешканя моего и по учинку томъ своемъ фортелномъ, убегъши замокъ и место, маючи дей еще собе ку помочи, способленого на то, князя Матуша зе Збаража Вороницкого, подвоеводего Киевъского, зъ неякимъ вознымъ Киевскимъ и зъ особами певными, при немъ будучими, которыхъ всихъ имена онъ самъ лепей

ведаетъ и ихъ знаетъ, на завтрее, месеца февраля одиннадцатого дня, тамъ же, до Форощи зведши его именей дей съ того замку и места зъ людей, зъ кгрунътовъ тамошнихъ Форощенскихъ трехъ сотъ и петнатцаты чоловека рабочихъ, кгвалтовне и безправне спокойного держаня и уживаня моего отнявши, и выгналъ, и выбилъ, а ку пожитку своему дей тое все собе обернулъ, ставы спустные, аренды зъ млыновъ и корчомъ медовыхъ, горелчаныхъ и пивныхъ на себе забралъ, збоже на ланехъ моихъ засеяное, роли на зябли и целины, на проса поораное, ку уживаню своему поотнимавши, собе привернулъ, а тымъ дей таковымъ выбитемъ своимъ, съ того всего, яко се естъ впередъ поменило, вделалъ дей шкоды яко шесть тисячий копъ грошей Литовскихъ. И, хотечи дей она въ томъ врядовне поступити, взявши ведомость ажъ отъ приятелей своихъ о таковомъ кгвалъте, заразъ послала тамъ ку обвоженю и оказаню таковогo-то кгвалъту возного Киевского, Крыштофа Дроздецъкого зъ шляхтою людми добрыми; нижли дей ихъ тамъ до Форощи не только на оказане и видене правное всего того допустити, але дей еще всюды по дорогахъ, здалека коло места сторожу засадили и розложили, ижъ жаднымъ способомъ тамъ ехати не допустили, и людей тамошнихъ, никуды зъ места не выпускаючи, моцно заборонилъ, абы ниякое ведомости о таковомъ кгвалътовъномъ, безправномъ и фортелъномъ учинку его нихто не възялъ, якоже и тотъ возный зде, на вряде,—тымижъ словы вышей речоными, а нейначей ку записованю до книгъ вызнане свое на писме, подъ печатю своею подавши, вделалъ; и просила пани Коза-

ревъская, абы тое оповедане еи и сознане возного до книхъ кгродскихъ Житомирскихъ записано было, што естъ записано.

Книга земская Житомирская, съ 1590 по 1644 годъ, листъ 3 на оборотъ.

X.

Жалоба Ярошa Ченовицкаго, старшины Козацкаго на Iосифа Немирича, который, поймавши его въ своемъ имѣнiи, самовольно посадилъ въ тюрьму. **1590. Iюля 6.**

Року 1590 месеца, июля 6 дня.

Пришедши передъ мене, Себестияна Кавецкого, подстаростего Житомирского, обтежливе и плачливе жаловалъ панъ Ярошъ Ченовицкий, войска Запорозского: ижъ дей ехалисми потребою своею черезъ имене его милости, пана Есифа Немирича, суди земского Киевского, Черneховъ; то дей его милость, панъ Есифъ Немиричъ, судя земский Киевский, прославши слугъ своихъ, мене самого на доброволной дорозе поймавши, звезали и до Чернехова, именя его, приведши, до везаня и въ ланцухъ усадилъ, и листы, побравши, поодпечатовавши ихъ, читалъ. Ошто просилъ панъ Ярошъ Чено-

вицкий, абы тое оповедане его у книги Житомирские записано было, што я записати казалъ.

Книга земская Житомирская, съ 1590—1644 годъ, листъ 9.

XI.

Универсалъ Короля Сигизмунда III-го о учрежденіи отряда изъ 1000 человѣкъ для удержанія Козаковъ отъ вторженій въ сосѣднія Государства. 1590. Іюля 25.

Zygmunth III, z łaski Bożey, król Polski, wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflantskie, etc. y Królestwa Szwedzkiego własny dziedzicz y przyszły król.

Wszem wobecz y każdemu z osobna, ktoregosż kolwiek stanu y dostojeństwa ludziom, oznajmuyemy: isz będącz wiadomi, jako wielkie y częste niebezpieczenstwa przychodziełу na thę rzecz pospolitą przez swawoleństwo ludzi ukrainnych, y, baczącz, czo na tym rzeczy pospolitéj nalieży, aby taka swawolia była pochamowana i wienczey sie zagranicznikom przyczina niedawała do targania pokoju y rozrywania przymierza starożytnego, taką ordynacyą, albo postanowienie za pozwoleniem y radą Panów Rad Coronnych, którzy teraz przy nas są, około pohamowania tego swawoleństwa czyniemy, jakośmy przedtym y na

seymie blisko przeszłym, Warszawskim do dalszego y gruntowniéjszego postanowienià naszego zachowali byli wsłużbie tysiąncz człowieka dla pochamowania swowoleństwa ukrainego, tak y teraz, podług listu naszego przypowiedniego na te służbę wydanego, przypowiedzielismy służbę tysiąncz człowieka, nad którymi przekładamy starszym urodzonego Mikolaja z Buczacza Jazłowieckiego, Starostę naszego Sniatyńskiego, A porucznikiem urodzonego Jana Ozyszewskiego, który to starszy z Porucznikiem przebrac będzie powinien tysiącz człowieka, pachołkow cwiczonych y do boju godnych, ktorych ta powinnoszcz będzie, tego strzedz, jakoby w Państwach samsiedzkich, z którymi pokój y przymierze mamy, zaczepki nie były y zeby sie znimi pokój wczalie y nienaruszenie zachował, powinni będą uczynić przysięgę czisz przebrani od Starszego albo jego porucznika, którzy nam nieprzysięgli posłuszeństwa przed Commissarzami tymi, które tam do nich posełamy y przed starszym swym albo porucznikiem, Nam Zygmuntowi Trzecziemu, z Bozei łaski Krolowi Polskiemu, y Potomkom Naszym, y Rzeczy pospolitey bydz we wszystkim posłusznym: naprzod Nas jako Pana zwierzchniego, a przytym Starszego y Porucznika jego, yako od nas przełożonego w ten sposób ze wszeliaką pilnoszcią y staraniem pokoju z samsiedzkimi państwy przestrzegacz, każdemu człowiekowi wtargnienia do Państw Samsiedzkich, szkód czynienia bronicz będą, przeciw ludziom y majętnosciom państw samsiedzkich nad wolą, wiadomoszcz y wskazanie nasze albo starszego ich, zaczepek ani sami zaczynać, ani inszym czynicz niedopuszczą.—Czoby też wiedział i baczył szkodliwego, ze przestrzegacz y oznaymiwacz nie zanie-

cha, jako o nieprzyjacieliu, tak o nieposłuszeństwie y swey woli ukrainnych ludzi. Przeciw nieprzyiaczielowi tesz, gdyby do tego przyszlo, podług naiwienkszey możności stawi się, z ludzmi, które ma miecz pod moczą swą we wszystkim wiarę, pilnoszcz y posłuszeństwo zachowa, y zadnego pachołka, o ktorymby starszy nie wiedział, miecz na służbie nie będzie.

A iszby te powinnosż swoie bronienia swawoleństwa ukrainnego lepiei wykonać mogli, y poddani tesz naszy lieżami od nich uciążeni nie byli, naznaczamy tym ludziom miejszcze na uroczysku Kremienczuku, albo na polie, które z nich bendzie się im po tego liepsze y sposobnieysze widziało, na ktorym miéjszczu wskażemy zbudowacz Castell z drzewa, z Starostw y Dzierżaw naszych, Dnieprem przypuszczywszy, o czo do starostw naszych Dzierzaw, które nad Dnieprem lieżą listy z Cancellariey naszy dacz rozkazalismy. Zywnoszcze tym sposobem onym naznaczamy: z dzierzaw naszych, wzglię̨dem lieży, każdy posłuzny człowiek raz wrok bendzie powinien dacz po mierczе mąki, y onę tym to ludziom odwieszcz. Za którym opatrzeniem zywnoszczą, nie mają żywnoszci z maiętności naszey poddanym naszym Duchownym y Swieczkim bracz, ani szkod, ani krzywd czynicz, a jeżeliby się który tego poważył, starszy albo Porucznik ma z niego nieodwłoczną sprawiedliwość uczynić—wszakże też nikt nadtymi ludzmi nie bendzie miał zwierzchności y znich sprawiedliwoszci nie ma czynicz; telko przełożony albo jego Porucznik. O którą zywnoszcz rozkazaliśmy dać uniwersały do Starost y Dzierzawiecz naszych, żeby onę do tych ludzi czo rychliey teras odesłacz wskazali, y na potym rok od roku odsyłali.—A dla lepszej

wiary to postanowienie ręką swą podpisaliśmy, i pieczęcią Coronną zapieczętowacz rozkazali.—Datum w Crakowie dnia XXV. Miesiącza Lipcza, Roku Pańskiego MDXC Pierwszego, Panowania Naszego czwartego. — Sigismundus Rex.

Акты метрики коронной № 136 листъ 254. 1591 года.

XII.

Жалоба Князя Яроша Острожскаго на Гетмана Коссинскаго за то, что онъ напалъ въ Бѣлой Церкви на домъ Князя Курцевича-Булыги, ограбилъ его и позабиралъ мемрами Княземъ Острожскимъ данные, а также принадлежащіе ему привилегіи на Староства Бѣлоцерковское и Богуславское, которые хранились у Князя Булыги. **1592**. Генваря 9.

Року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ второго, месеца генвара девятого дня.

Присылалъ на врядъ кгродский Луцкий, до мене Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, велможный княжа Янушъ Острозскй, воевода Волынский, староста Белоцерковский и Богуславский, служебника своего, пана Яна Шостовицкого, оповедаючи на Криштофа Косиньского, который на сесь часъ гетманомъ козацкимъ се учинилъ, такъже и на все войско ко-

заковъ Низовыхъ о то, ижъ они въ року теперъ прошломъ деветдесятъ первомъ, месеца декабра двадцатъ-девятого дня, выежъдчаючи зъ Белое–Церкви, пришедши кгвалтовне въ домъ князя Дмитра Курцевича Булыги, подстаростего Белоцерковского, въ Белой Церкви, снать зъ направы чиее, добывшисе тотъ Косинский до коморы его, маетность всю его побралъ и шкатулу съ клейнотами, съ пенязми, зъ листами взялъ, въ которой дей было не мало мамърамовъ княжати его милости, князю Булызе до розныхъ справъ повероныхъ и листовъ приватныхъ, къ тому привилея такъ княжати его милости, пана воеводы Киевского, яко и его милости пана воеводы Волынского на староство Белоцерковское и Богуславъ, такъже на кгрунтъ Розволовъский и Великую Слободу и на Рокитную, належачие, до схованья князю Булызе даные, зо всимъ взялъ, шкоды великие починалъ. Просилъ абыто до книгъ записано было, што я записаты казалъ.

Книга справъ поточныхъ гродскихъ Луцкихъ, 1591 съ 1-го ноября по 1592 мая 31, листъ 185 на оборотъ.

XIII.

Листъ Королевскій, предписывающій сообщать свѣденія о людяхъ свовольныхъ Комиссарамъ, нарочно для этаго назначеннымъ; а также приказывающій урядамъ карать по закону людей свовольныхъ. 1592 Генваря 16.

Року тисяча пятьсотъ деветьдесятъ второго, месеца марца двадцать четвертого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, отъ дня девятогонадцать месеца марца, въ року звышъ написанномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами: Щаснымъ Кгалезкимъ, подстаростимъ, а Матеемъ Стемъпковскимъ, судьею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, кгды справа зъ рейстру судового припала межи ее милостю пани Лясотиною, пани Марьею Бутовичовною, а паномъ Василемъ Козаревскимъ, теды умоцованый пана Козаревского подалъ до суду листъ, нижей помененый, его королевъское милости до пановъ комисаровъ писаный, а панъ Лесота просилъ, абы тотъ листъ до книгъ былъ уписанъ, для подпоры праву своему, которого мы вписать казали, и такъ ся въ собе маетъ: Żygmunt III, z łaski Bożei krol Polski, wielki, xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie. Żmoiedskie,

Iflanskie et cet. y kroliewstwa Szwiedzkiego nabliższy dziedzicz y przïszły krol. wszem wobiecz y każdemu z osobna, komu to wiedzicz nalieży, a mianowicze: starostom y dzierżawczom dobrz naszich krolewskich, w woiewodzstwie Wołynskim będączim, także też urżedom y pospolstwu wszelakemu w miastach y w miasteczkach, y wsiach naszich, w tym że woiewodztwie, mieszkaiączim, werne nam miłym: doszło do uszą naszych, yż na Ukrainie woiewodztw: Wołynskiego, Kiiowskiego, y Brasławskiego nie odno wielkie y niesłychane szkody, krziwdy, łupieżstwa i mordy tak w mieściech i miasteczkach iako i we wsiach, od ludzi niektorych swowołnych, ktorzy ani na zwierzchnoszc nasze, ani na prawo pospolite nicz szię nie oglądaią, są poczinione, ale stamtych mieiscz ieszcze w panstwa sąsiedzkie, prźeciwko przimierżom z niemi uczinionemi, wtargnienia bywaią; za czem wielekroc nieiedno wiernosci wasze, któźi na Ukrainach mieszkacie, ale wszitka rzecz pospolita w wielkie niebezpeczenstwa od możnych sąsiad prziwiedziona bywa, co, iz za sobą nietelko zniszczenie pożitkow naszich, ale y poddanych naszich ciągnie, a co większa, wzruszenie pokoiu; dla tego, zabiegaiąc temu, aby szię takiego swowolenstwa koła, tak bardzo rospuszczone, zachamowali, naznacziliszmy do tego comisarze nasze, któremesmy poruczyli, aby szię o them pilnie dowiadowali, skąt takie krźiwdy i mordy początek swoy wzieli, y od ktorych ludzy też sprawe Bogu naprod, potem y nam y prawu przeciwnie, pochop mają, a dowiedziawsziszie, aby s takimi ludzmi występnemi według prawa postąpili, przeto roskazuiemy wiernym nam, abyscie wsziscy s urżędu i powinnoszci i s posłuszenstwa swego, na

requisitią komisarow naszich, sprawe o takich ludziach swowolnych, nam y prawu nieposłuszych, przed nimi dali, y takowych do sprawy y rozsądku ich stawili, a, którzych by na onczas u mieszkaniach swych nie było, na spisku podali y tak w tem sobie postąpili, iakoby napotem przi wiernoszciach waszych wina iaka, dla ochronienia złych ludzy, niezostała, gdyź nam nie co inszego idzie, ieno aby dobrzy, w pokoiu będąc, praw y swobod swych zaziwali, y rzecz pospolita prze ich swąwolą tak często nie przichodziła, co byc nie może, poki swowolni ludzie, które spokoinych ludzy zwykli turbowac, y z ich maiętnosci korysci swey patrac, karani nie będą; uczinicie to wiernoszci wasze s powinnoszci swey i dla łaski naszei. Dan w Wislicy, dnia XVI-go miesiąca stycznia, roku Panskiego MDXCII-go, a panowania naszego roku piątego. У того листу печать его королевское милости, а подписъ руки такъ написано: „Sigismundus rex," который же то, вышей менованый, листъ слово въ слово естъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ уписанъ.

Книга справъ поточныхъ гродскихъ Луцкихъ, 1591 съ 1 ноября по 1692 мая 31. листъ 378.

XIV.

Свидѣтельство, выданное на Сеймѣ Князю Константину Острожскому, въ томъ, что, не по его винѣ, и не смотря на его предостереженія, Речь Посполитая не предприняла подчинки полуразрушенныхъ крѣпостей въ Кіевѣ и въ Бѣлой Церкви, которыя потому и не въ состояніи будутъ отразить козаковъ. 1592. октября 15.

Zigmunth etc. Oznajmujemy wszem wobecz y każdemu zossobna, komu wiedziecz należy, Isz przed nami y wszystkiemi stany, a potem w Cancellariey naszey, Jaśnie Oswieczony Constantin Xiąże Ostroskie, wojewoda Kijowski, Marszałek Ziemie Wołyńskiey, Starosta Włodzimierski uczynił takoie opowiedzenie y protestacyą w ten sposób:—Isz, tak jako po wszystkie inne sejmy przeszłe, opowiedział się Jego Mosc Pan Wojewoda Kijowski Królowi Jego Moszci y wszystkiey Rzeczy Pospolitey o barzo złym opatrzeniu miasta y Zamku Kijowa także y Białej Czerkwie y o nabieganiu na toż Miasto y zamek Kijowski przez kozaki Niżowe, także y otym, że tam to miasto, ani obrony, ani potrzeb żadnych, ktorymby się czasu niebezpieczeństwa poratowacz mogło, niema, y owszem takie są ruiny, że nieprzyjacziel ze wsąnd, skąnd chcze, wniszcz może, jakoż Kozaczy Nizowi po

kilkakrocz na miasto y na zamek Kijowski nachodzieli y działa czo lepsze, prochy y wszytkę strzelbę gwałtem pobrali, których y do tego czasu niewróczili, a nieopatrznoszcz y niedostatki tam te Kijowskie są takie, ze okrom wielkiego kosztu y nakładu poratowane bydź nie mogą, a prowenta zamkowe ledwie sam urzęnd Grodzki zniossą—y, by tesz na barziey chciał sprostacz temu Jego Moszcz Pan Wojewoda, sam niè może, ani powinien— Aby tedy Rzecz pospolita w tym ostrzezona była, zwłaszscza, isz na tych Zamkach y miejszczach wiele należy.—I ktemu, aby na potym, uchowaj Boże niebezpieczeństwa y przypadku jakiego, Jego Mość Pan Wojewoda winowan niebył, opowiedział się y prosił Jego Krolewskiej Mości, takze y Rzeczy pospolitey, aby tam to mieszcze opatrzeli y obwarowali.—A isz nieopatrzeli, tedy, tey protestaciey y opowiadanià swego żeznanie, prosieł żebyśmy do Xiąg Naszych wpisacz y pod pieczęczią Koronną wydacz onę jemu rozkazali.—Datum w Warszawie na Seymie Walnym Koronnnym dnia 18 Octobra 1592 roku.

Акты метрики коронной № 137, 1592 годъ, листъ 427.

XV.

Объявленіе обывателей земли Волынской, съѣхавшихся въ Луцкъ на судебные сроки, о томъ, что они засѣданія судовъ закрываютъ и отлагаютъ по поводу вторженія козаковъ въ Волынское воеводство, такъ какъ вторженіе это требуетъ ихъ вооруженнаго противудѣйствія и угрожаетъ безъопасности всей Речи Посполитой 1593 Генваря 11.

Року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ третего, месеца генвара второгонадцать дня.

На рокахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, отъ дня семого месеца генвара, въ року теперешнемъ деветъдесятъ третемъ припалыхъ, и судовне отправованыхъ, передъ нами: Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростымъ и Матеемъ Стемпъковскимъ, судѣю, урядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившися очевисто у суду, ихъ милость панъ Криштофъ Витвинский, подстолий Волынский, панъ Иванъ Шпаковский, а Панъ Матфей Рогозенский подали до виписованя до книгъ кгродскихъ Луцкихъ интерцизу, постановене ихъ милостей некоторыхъ пановъ радъ и рыцерства, шляхты, обывателей воеводства Волынского, тыхъ которые се до лимитации и постановеня своего

головного подписали, которую инътерцизу, до вписованя до книгъ приймуючи, передъ собою читать казали и такъ се въ собе маетъ: Мы рады, духовные и свецкие дакгнитаре, урядники земские, шляхта, рыцерство, обыватели воеводства Волынского, которые се есми тутъ, до Луцка, на роки земские и рочки кгродские были зъехалисе, ижъ за ознайменемъ ясне велможного пана его милости княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, также и каждый зъ насъ, маючи певню ведомостъ о великомъ небезпеченстве въ речи посполитой отъ людей свовольныхъ, которые се называютъ быти козаками Низовыми, а вторгнувши въ панства коронные, у воеводства Киевское и Волынское, обычаемъ неприятелскимъ, замки и места такъ его королевское милости, яко и шляхетские поседаютъ, и людей забияютъ и мордуютъ, палятъ и пустошатъ и до присегъ на послушенство свое примушаютъ, подбиваючи ихъ подъ годъ(sic) на послушенство свое, маючи теди мы справы свое, запозвы на роки такъ земские яко и кгродские, для справъ своихъ есмо ся были зъехали, абы речы посполитое за тымъ великое нибезпеченство, нетолько свое але и иншихъ панствъ коронныхъ (sic), порозумевшисе есмо зъ собою згодне, преложивши то ихъ милости паномъ судовымъ такъ земскимъ яко и кгродскимъ, таковое небезпеченство, тые вси справы наши: запозвы такъ земскими яко и кгродскими на роки земские и кгродские, теперъ припалые, на сесь часъ ухиливши ихъ до другихъ роковъ и рочковъ, отложили есмо, а о тымъ небезпеченстве обмышливаючи, и тому злому на часъ забега–

ючи, о томъ черезъ писане и братю его королевское милости ознаймити есмо умыслили, а на теперешнихъ рокахъ земскихъ и рочкахъ кгродскихъ одинъ противъ другого року пилновати, а позвовъ своихъ попирати, не маемъ, што собе добрыми цнотливыми словы зѣстити обецуемы, на которое застановене наше, для лепшое веры, руками нашими подписавшися, и печатми запечатовали. Писанъ въ Луцку, дня еденнастого месеца генвара, року тисеча пятысотъ деветъдесятъ третего. До тое интерцызы подписъ рукъ ихъ милости пановъ радъ въ тые словы: Janusz Zasławsky, woiewoda Podliaskij, ręką swą swym imiem wszech braczy. Кирилъ Терлецкий, епископъ Луцкий и Острозский самъ отъ себе и иныхъ пановъ брати именемъ. Jan Charlinsky, podkomorzy Luckij imieniem swym y wszystkych braczy. Михайло Линевский самъ отъ себе и именемъ инщихъ пановъ брати: Котораяжъ то, вышей менованая, интерцыза слово въ слово естъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ уписана.

Книга гродская Луцкая, 1593 года, № 41, листъ 39 на оборотъ, (*)

(*) Тотъ-же актъ внесенъ и въ книгу Гродскую Владимірскую 1593 года Листъ 19-й на оборотѣ.

XVI.

Посланіе шляхты повѣту Луцкого, къ шляхтѣ повѣту Владимірского, объявляющее ей о рѣшеніи шляхты Луцкой прекратить судебное дѣлопроизводство по причинѣ вторженія козаковъ, и приглашающее шляхту Владимірскую приступить къ такому же рѣшенію. 1593 Генваря 11.

Року 1593, мѣсяца генвара 14 дня.

На рочкохъ кгродскихъ Володимерскихъ, въ року теперешнемъ, деветдесятъ третемъ, мѣсяца Генвара четвертого-надцать дня припалыхъ, передъ нами: Федоромъ Загоровскимъ, подстаростимъ, а Демяномъ Павловичомъ, судею, врядниками кгродскими Володимерскими ихъ милость, Александръ Загоровскій, а панъ Янушъ Угриновскій покладали листъ ихъ милости пановъ радъ, дикгнитаровъ, урядниковъ земскихъ и шляхты, рыцерства, обывателей воеводства Волынского, подъ печатми ихъ милости, до всихъ въ обецъ писаный, о небезпеченстве отъ людей свовольныхъ Речи Посполитое, просечи, абы былъ актыкованъ, которого мы, огледавши, и для вписованя до книгъ пріймуючи, передъ собою читати казали и такъ ся въ собе маетъ: велможные, урожоные, милостивые и ласкавые

панове и братя наши! службы наши братерские ласце вашей милости нашихъ милостивыхъ и ласкавыхъ пановъ и брати отдаемы. Ознаймуемы вашей милости ижъ, кгдысъмы ся были зъехали тутъ, до Луцка на роки земские кгродские, для справъ нашихъ, маючи ведомость певную, такъ съ писаня велможного пана его милости кнежаты Костентина Острозского, воеводы Киевъского, яко и сами будучи ведомы, ижъ, скупившися людей своволныхъ войско немалое, замки и места такъ Его Королевское Милости, яко и шляхетские, обычаемъ неприятеля посторонного посидаютъ, людей забиваютъ, мордуютъ, палятъ и до присягъ на послушенство собе примушаютъ, што яко Речь Посполитую въ небезпеченство приводятъ, што ваша милость наши милостивые и ласкавые панове братя сами такъ добре, яко и мы ведати и бачити рачите; въ чемъ мы, которые ся есмо тутъ, до Луцка были такъ на роки земские, яко и на рочки кгродские зъехали, видячи таковое небезпеченство речи посполитое, чому забегаючи, а зголившися сполне, а бачачи того быти потребу, о томъ, такъ Его Королевской Милости, яко и пану Гетману ознаймити, спосродку себе упросивши братю нашу, до Его Королевской Милости, ознаймуючи о томъ, и просячи о оборону, яко то Его Королевская Милость есть повиненъ, такъ-же и до его милотси пана гетмана послали есмо; а преложивши то ихъ милости паномъ судовымъ, такъ земскимъ, яко и гродскимъ, абы ихъ милость, за таковымъ небезпеченствомъ Речи Посполитое, на сесъ часъ отъ судовъ своихъ субелседовали (sic), и зголившися на то, всѣ справы наши такъ запозвы земскими, яко и кгродскими, на

роки и рочки теперь припалые, до другихъ роковъ и рочковъ отложивши справъ своихъ, оденъ противко другому року пилновати, а позвовъ своихъ попирати не маемъ; просимы теды вашу милость, нашихъ милостивыхъ и ласкавыхъ пановъ и брати, абысте ваша милость, до того зъгодного постановленя нашого прихилившися, а то зъ милости противко отчизны, часови теперешнему даровати, а справъ своихъ на рочкахъ кгродскихъ Володимерскихъ, на день чотырнадьцетый мѣсяца генваря, въ року теперешнемъ, девятьдесятъ третемъ припалыхъ, пилновати, и позвовъ оденъ противко другого попирати, не рачили, але рачей тымъ часомъ о томъ небезпеченстве Речи Посполитое обмышливати и таковому небезпеченству въ часъ забегати рачили; такъ, якобы ся тотъ огонь далей не ширилъ, держимы то о вашей милости, нашихъ милостивыхъ и ласкавыхъ пановъ и брати нашой, же то ваша милость, зъ милости своее противко отчизне учинити, будете рачили, за тымъ ся ласкамъ вашей милости и милости братерской пилне залецамы. Данъ зъ Луцка, дня первого надцеть мѣсяца Генвара, въ року деветьдесятъ третемъ. Вашей милости нашихъ милостивыхъ и ласкавыхъ пановъ и брати зычливые братя и слуги, рады, дикгнитары, урядники земские и шляхта, рыцерство, обывателе воеводства Волынского на роки земские кгродские Луцкие згромажоные.

Книга гродская Владимірская 1593, листъ 21.

XVII.

Универсалъ королевскій, сзывающій шляхту Воеводствъ: Волынскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго на посполитое рушеніе противъ Козаковъ, которые по непріятельски имѣнія шляхты разоряютъ, а самихъ шляхтичей и мѣщанъ къ присягѣ на вѣрность себѣ, насильно приводятъ. 1593 Генваря 16.

Лѣта Божего Нароженя 1593, мѣсяца Генваря 29 дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Володимирскихъ, у тры недели по трехъ Кроляхъ, Святе Римскомъ, въ року теперешнимъ, деветьдесять третемъ, мѣсяца генваря двадцать семого дня припалыхъ, и отправовати се въ замку его Королевское милости Володимирскомъ зачатыхъ, передъ нами: Андреемъ Валентовичомъ Заленскимъ зъ Слубице, судьею, Кгригоремъ Киселемъ Низкиницкимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими повету Володимерского, постановившися очевисто панъ Янъ Суликовскій, оповедалъ и покладалъ листъ его Королевское милости, подъ печатю коронною и съ подписомъ руки Короля его милости, въ которомъ его Королевская милость, нашъ милостивый панъ рачилъ росказать написати до всихъ вобецъ воеводства Киевского, Волынского и Браслав-

ского обывателевъ, ознаймуючи о великомъ своеволенстве Козаковъ Низовыхъ, упоминаючи, жадаючи, абы противку имъ, для загамованя свовольности ихъ рушили, яко то ширей, меновите на томъ листе его Королевское милости описано и доложено есть; и просилъ панъ Суликовскій, абы тотъ листъ до книгъ земскихъ вписанъ былъ, который мы листъ, для вписованя до книгъ принемши, и его въ голосъ передъ собою и всими обывательми на тотъ часъ, на рокахъ, зде, въ замку Володимери будучимъ, приводечи каждому до ведомости, прочитать велевши, слово отъ слова до книгъ земскихъ записать казали, который такъ ся въ собе маетъ:

Zygmunt III z Bozey łaski Krol Polsky, Wielkie Xiąze Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieczkie, Zmodzkie, Ynflantskie, y Krol Szwedczky dziedziczny.

Wszystkim w obecz y kazdemu zosobna: dignitarzom, urzędnikom, stanu szliachetskiego ludziom y ynym obywatelom Kiiowskiego, Wołynskiego y Braczławskiego woiewodstw uprzeymie, y wiecznie nam miłym, łaske nasze Krolewską. Uprzeymie y wiernie nam mili! tak sie dalieką rozbiezała swawolia nizowich kozakow, ze nasze, PP. Senatorow y szlachetskich ludzi miasta mocą y sposobem nieprzyiacielskim dobywaią, plądruią, poddane morduią, dobytki y sprzenty domowe zabiraią, a czo wientsza, tak sźliachetskiego, iako y mieskiego stanu ludzie do oddawania sobie przysięgi y posłuszenstwa przymuszaią; czo iz iest przeciwko dostoienstwu naszemu y pokoiowi pospolitęmu, niechcącz, aby ta swawolia daliey krewiła, napominamy y zadamy uprzeimie y wiernie, zebyscie sie z gotowoscią, iako moze bycz naywięt-

sza, kazdy z uzrzeymości waszych do Konstantynowa, tam z ludzmi waszimi drugimi y z Jasnie Wielmożnym Woiewodą Kiiowskim, iako nayprędzey stawili, y, złąciwszi sie podług naiwiętsze moznosci swey, themu swowolienstwu zabiegac pomogli, iakoby ci swowolni ludzie, czo rychliey pohamowani byli, czo, yz zachodzi bezpieczenstwo, a pokój pospolity uprzejmosci Waszych gdysz by tym zapału pożarem y kazdego z uprzeym. (sic), pewnismi tego, ze to, dlia dobra pospolitego y dla bezpiecenstwa samich siebie, y ochronienia wolnosci y maietnosci, z chącią uczinicie. Dan w Warszawie, dnia XVI miesiąca Stycznia Roku Panskiego MDXCIII. Sigismundus Rex. Paulus Koszuczky.

Книга земская Владимірская 1593, 1594 и 1595. Листъ 27.

(Тотъ же универсалъ внесенъ въ книгу Гродскую Владимірскую 1593 года, листъ 5-ый на оборотѣ и вторично листъ 47-ой на оборотѣ).

XVIII.

Объявленіе шляхты повѣту Владимірскаго о томъ, что она прекращаетъ судебное дѣлопроизводство по поводу возстанія Козаковъ, которые уже вторглись въ Воеводство Волынское, и противу которыхъ Князь Константинъ Острожскій, въ силу Королевскаго Универсала, собираетъ шляхетское ополченіе въ Константиновѣ. 1593. Генваря 29.

Лѣта Божего Нароженя 1593, мѣсяца Генваря 29 дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, у тры недили по трехъ кроляхъ, святе рымскомъ, въ року теперешнемъ; деветьдесять третемъ, мѣсяца генваря двадцатъ семого дня припалыхъ, и отправовати, въ замку его королевское милости Володимерскомъ зачатыхъ, передъ нами: Андреемъ Валентовичемъ Заленскимъ зъ Слубицъ, судьею, а Григоремъ Киселемъ Низкиницкимъ, подсудкомъ, врадники судовыми земскими повету Володимерского, постановившися очевисто, возный повету Володимерского, панъ Михайло Голубъ Сердятицкий, ку записаню до книгъ земскихъ Володимерскихъ податъ выписъ кгродскій Володимерскій, зъ уписанемъ листу ихъ милости пановъ дикгнитаровъ, урадниковъ и всего рыцерства, шляхты,

обывателевъ воеводства Володимерского, въ которомъ ихъ милость спольне отступили всихъ справъ своихъ правныхъ на рокахъ, которыеся судити были почали, въ року теперешнемъ, деветьдесятъ третемъ, у три недили по трехъ кролехъ, римскомъ святе, якимъ же кольвекъ способомъ припалые, ижъ одинъ противъ другому попирать, и уставаня року на сесь часъ для потребы кгвалтовнуе речи посполитое занехали, яко то ширей на выписе кгродскомъ и листе въ тотъ выпись вписанымъ описано, и доложоно есть, который мы тотъ выпись кгродскій, до насъ черезъ пана Голуба, для вписаня до книгъ поданы, слово отъ слова записати казали, и такъ ся въ собе маетъ: Выпись съ книгъ кгродскихъ Володимерскихъ: лѣта Божого нароженя тисеча пять сотъ деветьдесять третего, месяца генъваря двадцетъ девятого дня, на вряде кгродскомъ Володимерскомъ, передомною Иваномъ Бобрыковичомъ, будучимъ на местцу его милости пана Федора Загоровского, подстаростего Володимерского. Исакий Долмацкий, возный енералъ воеводства Киевского, Волынского и Браславского покладалъ листъ ихъ милости, пановъ дыкгнитаровъ, урядниковъ земскихъ и всего рыцерства, шляхты, обывателевъ воеводства Волынского, подъ цечатьми и сподписми рукъ ихъ, въ которымъ ихъ листѣ, сполне отступуючи всихъ справъ своихъ правныхъ, и одинъ противъ другому попираня и уставаня року на сесь часъ занехиваючи, и видечи быть потребу кгвалтовную речи посполитое, и сповинности суженя роковъ ихъ милости пановъ судовыхъ вызволяютъ, яко шырей въ томъ листе доложоно есть, и просилъ отъ ихъ милости всихъ въ обецъ,

абы до книгъ былъ въ писанъ, котораго я, для въ писованя до книгъ прыймуючи, передъ собою читать казалъ, и такъ ся въ собе маетъ: Мы дикгнитаре, урядники земские и вси рыцерство, шляхтичы, обывателе воеводства Волынского, которые, маючи на роки земские Володимерские, въ року теперешнемъ, тисеча пять тотъ деветьдесять третемъ, ве три недели по Трехъ Кроляхъ, рымскомъ святе припадаючие, запозвы зъ розеймовъ, зъ росписовъ, зъ одесланя, зо вшелякихъ стопновъ правныхъ, на разсудокъ суду земского Володимерского, на тыхъ рокахъ теперешнихъ, такъ поводовое, яко и отпорное стороны, справы своеи, потребы до книгъ для зезнаваня и въ писованя записовъ и выймованя выписовъ, зъ ехалися есмо на тые роки до Володимера; ознаймуемы, ижъ, маючи ведомость певную отъ ясне велможного, его милости, княжати Костентина Острозкого, воеводы Киевского, маршалка землѣ Волынское, старосты Володимерского и отъ иныхъ многихъ брати нашой зъ украины, зъ воеводства Киевского и Браславского и писане до себе отъ пановъ брати, такъ же згромажоныхъ до Луцка, на прошлые роки земские Луцкие, въ року теперешнемъ, тисеча пять сотъ деветьдесять третемъ, на завтрые Трехъ Королей, рымского свята прыпадаючие, о великой небезпечности панства Короля его милости отъ своволенства украинного, отъ Козаковъ, которые обычаемъ непрыятельскимъ не мало замковъ, местъ и селъ украинныхъ повоевавши, зголдовавши маетность брати нашей, шляхтичовъ оныхъ краевъ, и никоторыхъ самыхъ особъ въ неволю до везеня побравшы, теперъ зъ немалымъ войскомъ, зъ арматою, способомъ неприятельскимъ, южъ до воеводства

Волынского притегнули, умысливши, далей панства Короля его милости пустошити и плондровати, противъ которымъ южъ не мало брати нашей на отпоръ, занехавши роковъ и справъ своихъ правныхъ згромадилося до купы, до ясне велможного его милости княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского, до Костентинова, якожъ и Королъ его милость, черезъ унниверсалъ свой, о тыхъ небезпечностяхъ намъ ознаймивши, упоминать насъ рачилъ, абыхмы зъ милости противъ отчизны своее, въ часъ такимъ небезпечъностямъ забегаючи, на опоръ, противъ тыхъ людей своволъныхъ, до купы ся до Костентинова, до его милости, княжати, воеводы Киевского згромадили и тамъ сполне зъ ыною братею, которыхъ южъ тамъ не малое зобране есть, за Божею помочью, отпоръ тымъ своевольникомъ дали; прото и мы, нехотечи въ оказаню мети противъ отчизны своее быти последнейшими, и, постерегаючи, абыхмо вси до дальшое небезпечности и згубы волъности и свободъ нашихъ посполу з горлы и зъ маетностями нашими, за злымъ предсявзятемъ тыхъ своволниковъ, не пришли, умысливши зъ доброе воли нашеи, водлугъ приможеня, на отпоръ противъ тымъ своволъникомъ всполокъ до купы, до брати нашеи рушитися, такъ тежъ, абы ся и тые братя, которые тамъ въ купе сутъ, на сужене роковъ теперешнихъ, южъ неогледали, абы ся тые роки, въ отправованю справъ, то есть въ приймованю зезнаваня, и въ писованя до книгъ разныхъ записовъ, и выймованя съ книгъ выписовъ, черезъ пановъ судовыхъ, отъ тридцатого дня южъ зачали, еднакъ въ дальшихъ поступкахъ, всихъ справахъ вашихъ правныхъ, отъ дня нинешнего, месеца генваря двадъцатъ девя-

того, на тыхъ рокахъ, на разсудокъ судейскій, запозвы и зо вшелякихъ стопновъ правныхъ, ку зознаванъю и записованю до книгъ, розныхъ справъ нашихъ припалыхъ, доброволне на сесь часъ отступуемы, и оденъ противъ другому попираня и уставанъя року занехивамы, вцале собе на потомъ, во всѣхъ справахъ нашихъ, всѣ поступки правные на каждомъ стопню правномъ зоставуючи, и просили есмо ихъ милости пановъ судовыхъ: пана Анъдрея Заленского зъ Слубицъ, судьи, пана Григоря Киселя Низкиницкого, подсудка и пана Федора Солтана Бутятицкого, писара, абы, тыхъ роковъ южъ далей неотправуючи и некончачи, казали ихъ отволати; якожъ ихъ милость, видечи въ томъ нашу добровольную згоду и потребу того быти кгвалтовную, казали тые роки отволати, а мы пановъ судовыхъ, съ повинности суженя на сесь часъ тыхъ роковъ, выпусчаемъ, и о то имъ ниякихъ трудностей правныхъ вечными часы задавати немаемъ, и на то дали есмо ихъ милости паномъ судовымъ сесь нашъ списъ, зъ нашими печатьми и съ подписомъ власныхъ рукъ нашихъ. Писанъ у Владимеру, року тисеча пять сотъ деветьдесять третего, месяца генваря двадцетъ девятого дня. Janusz Zasławsky woiewoda Podlaszky, ręką swą, Jan Swięcziczki łowczy Chełmsky, Василей Гулевичъ, войский Володимерский, Mikołay Hrabia, Jan Pilitowsky ręko swą, Jędrzy Czorniewsky ręko swą, Macziey Wygnansky ręko swą, Krysztoph Witwinsky reką swą, Jerzy Trzina ręką swą, Jan Wichowsky ręko swą, Jakub Łysakowsky ręko, Jerzy Owłoczimsky, Olexus Skretowsky manus p., Михайло Ласко рукою власною, Янъ Киселевичъ рукою, Михайло Мелешко рукою, Тимофей Черневский, Krysztof

Miszkowsky ręko własną, Богданъ Солтанъ рукою, Iwan Bobzykowicz ręką swą, Лазаръ Иваницкий, Malber Owłoczimsky ręką swą, Федоръ Калусовский городничий рукою, Mikołay Waskowsky, Лавринъ Иваницкий власною, Семенъ Костюшковичъ Хоболтовский власною рукою, Иванъ Обухъ рукою, Andrey Pawłowsky ręką swą, Adam Narucewicz Krywobłoczky, Marcin Woyczieсhowsky, Andrey Dachnowicz ręką, Янъ Ласко Черъчицкий рукою власною, Янъ Григоревичъ Клецкий зъ участниками, Федоръ Костюшковичъ рука власная, Федоръ Костюшковичъ рука власная, Семенъ Резановичъ рука власная, Исакий Долмацкий возный енералъ власная рука, Иванъ Русальский власная рука. Который же то листъ ихъ милости пановъ шляхты, обывателевъ воеводства Волынского слово отъ слова до книгъ кгродскихъ записати казалъ, и сесь выпись съ книгъ подъ печатью кгродскою есть выданъ. Писанъ у Володимери Станиславъ Кандыба писаръ.

Книга земская Владимірская 1593, 1594 и 1595 годъ, листъ 28.

(Тоже объявленіе внесено и въ книгу Гродскую Владимірскую 1593 года, листъ 54 на оборотѣ).

XIX.

Листъ, данный Князю Острожскому Гетманомъ Криштофомъ Косинскимъ, старшиною и всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, въ которомъ они, будучи осаждены подъ Пяткомъ Княземъ Острожскимъ, извиняются за обиды, причиненныя въ именьяхъ Князя, обѣщаютъ выбрать другого Гетмана вмѣсто Косинского, не нападать на сосѣднія Государства, не причинять убытковъ маетностямъ князя Острожскаго и его друзей, при немъ находящихся, выдать ихъ слугъ, къ Козакамъ перебѣжавшихъ, возвратить оружіе и имущество, у Пановъ забранное; за исполненіеже сего договора они ручаются присягою. **1593.** Февраля **10.**

Року 1593, мѣсяца Марца 15 дня.

На вряде кгродскомъ Володимерскомъ, предо мною Федоромъ Загоровъскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, коморникъ его милости, ясне велможного кнежати, воеводы Киевского, панъ Петръ Бережъницкій покладалъ листъ гетмана, сотниковъ, ватаманъи и всего рыцерства войска запорозского, подъ печатью гетманъскою и подъ печатью войсковою, также подъ печатми и съ подписми рукъ людей зацныхъ, его милости ясневелможному кнежати Острозкому, воеводе Киевскому, на утверженье певного застановенья даный, яко ширей въ томъ

листе есть доложоно. И просилъ именемъ княжети его милости, абы до книгъ былъ уписанъ, которого я огледавши, и для вписованя до книгъ пріймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ се въ собе маетъ: Я, Крыштофъ Косинскій, на тотъ часъ гетманъ, а мы сотники, атаманья, все рыцерство войска запорозского вызнаваемо тымъ листомъ нашимъ, ижесмы, мимо великие добродейства и ласки ясневелможного пана Костентина кнежати Острозкого, воеводы Киевского маршалъка земли Волынское, старосты Володимерского, которые его милость намъ всему войску и каждому зъ насъ зъ особна по всѣ часы вѣку своего, зъ милостивое ласки своей панской показовать, и веле доброго для насъ чинити рачилъ; а мы, запомневши того всего, немалосмы прикростей и шкодъ его милости самому и деткамъ его милости, слугамъ и подданнымъ ихъ милости поделали, и завинили; ласки ихъ милости собе нарушили, которые-то всѣ выступъки наши, за унижеными а пилными прозбами и за причиною веле людей зацныхъ, будучи ихъ милость подъ Пяткомъ, то все зъ милостивое ласки своей, яко панове хрестиянские, не прагънучи пролитя кръви нашей, намъ отпустить рачили; для чого мы, все рыцерство войска, вышей менованого, тые всѣ кондыцые, намъ отъ ихъ милости кнежатъ поданые, и тутъ въ томъ листе нашомъ менованые, выполнимы, напередъ обецуемъ, и присегою своею утвержаемъ: ижъ отъ тыхъ часовъ пана Косинского за атамана не меть, и овшемъ на Украине заразомъ иншого, на тое месте, надалей за недель чотыри наставить, а потомъ въ послушенстве Королю Его милости, не чинечи жадного розмерья зъ суседми посторонними

панствъ Его Корелевской милости, нашого милостивого пана, на званныхъ местцахъ, за пороги быть, лежъ жадныхъ, ани приставствъ, шкодъ, ани кривдъ жадныхъ въ державахъ кнежатъ ихъ милости и въ маетностяхъ ихъ милости, также въ державахъ и маетностяхъ приетелъ ихъ милости: его милости кнежати Александра Вишневецкого, старосты Черкаского и иныхъ, на тотъ часъ при ихъ милости будучихъ, и тежъ въ маетностяхъ и державахъ слугъ ихъ милости не мевать и не чинить; збеги, здрайце кнежатъ ихъ милости и слугъ ихъ милости, до насъ збеглыхъ, выдавать, и оныхъ у себе не переховывать, стрелбу где колвекъ взятую на замкахъ, местахъ, яко и въ державахъ ихъ милости окромъ Триполскихъ вернуть, также и хорогве, кони, быдла и речи рухомые, теперь въ маетностяхъ кнежатъ ихъ милости побраные, вернуть маемо, также челядь обое плъти, которая есть при насъ, отъ себе отправить, и вечне у кнежатъ ихъ милости въ стародавной милости мешкать, и николи противъ ихъ милости зъ жаднымъ чоловекомъ не преставать, и овшемъ ихъ милости служить, которые то все кондыцие, вышъ менованые, какъ отъ ихъ милости поданые, мы, все войско ихъ милости поприсеглисмы вечне, цале и ненарушенѣ, ненайдуючи жадныхъ причинъ, здержать, ведле ихъ заховать вечными часы; а тоя присега наша въ тые слова есть: я, Крыштофъ Косинскій, мы, сотники, атаманья и все рыцерство войска запорозского одинъ за другого и каждый зъ насъ за себе присегаемъ Пану Богу въ Тройци Единому, который створилъ небо и землю на томъ, ижъ мы всѣ и каждый зъ насъ зособно, маемъ и винни бу-

демъ ты всѣ кондыцие, на томъ листе намъ поданые, и помененые, ихъ милости кнежатомъ Острозкимъ, цале и ненарушене, не найдуючи жадныхъ причинъ ку розрушеню, здержати и водле нихъ противъ ихъ милости, также напротивко ихъ милости пановъ и приятель слугъ и подданыхъ ихъ милости вечными часы заховать, такъ намъ Пане Боже поможъ! а если бысмы несправедливе присегали, Пане Боже насъ скарь каждымъ неприятелемъ нашимъ! и скарь насъ Пане Боже на душахъ и на телехъ, въ тымъ и въ пришлымъ веку! а для лепшое певности и утверженя нашого вечного, тотъ листъ я, Косинскій рукою власною своею подписалъ, и печать свою прикладаю, также и мы всѣ войсковую печать до того листу приложить росказали, и, которые зъ насъ писать умели, на то есмо руки свои подписали; просилисмы тежъ ихъ милость велможныхъ пановъ, которые на тотъ часъ, при томъ были: его милости пана Якуба Претвица зъ Кгавронъ, кашталяна Галицъкого, Трембовелского старосты, его милости пана Александра кнежати Вишневецъкого, Черкаского, Каневского, Корсуньского, Любецъкого, Лоевского старосты; его милости пана Яна Кгулского, войского Трембовелского; его милости пана Вацлава Боговитина, хоружого земли Волынъское; его милости пана Василя Гулевича, войского Володимерского, што ихъ милость, на прозбу нашу уделати рачили, и печати свои до того листу нашего приложивши, руки свои подписать рачили. Деялося подъ Пяткомъ, року Божого тисеча пятсотъ деветдесятъ третего, мѣсяца Февраля десятого дня: Krzysztof Kosinsky ręką swą, Иванъ Кречкевичъ писарь войсковый, именемъ всего войска

рукою, Jakub Pretwic z Gawron C. H. T. S. ręką swą, Alexander Xiąze Wiszniewеckie, S. Czerkasky etc., Wacław Bohowitin, chorąży Wołynsky, Василій Гулевичъ войскій Володимерьскій, Jan Hulsky woysky Trebowelsky. А такъ я тотъ вышей менованый листъ, за прозбою пана Бережъницъкого, до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1593 г. листъ 190.

XX.

Жалоба Пана Василія Гулевича, на родича своего, Михайла Гулевича, за то, что онъ, воспользовавшись смутами козацкими, выпросивши себѣ сотню козаковъ у Гетмана Коссинскаго, и, собравши охотниковъ, напалъ на его имѣнія, и старался силою оными овладѣть, при чемъ Василій Гулевичъ представилъ, пойманнаго при заѣздѣ, слугу Михайла Гулевича. Приводится разсказъ о дѣлѣ этого слуги, — 1593. Мая 11.

Року тисяча пятьсотъ деветьдесятъ третего, месеца мая одинънадъцатаго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мъною Миколаемъ Вилковскимъ, буркграбимъ и намѣсникомъ подъстароства Луцъкого, ставши очевисто Матысъ Славокгуръский, енералъ, а Станиславъ Янковский, возные повету

Луцъкого, до книгъ ку записываню сознавали, ижъ дня еего-дънешнего, у вовторокъ, року, теперъ идучого, деветдесятъ третего, месеца мая первогонадъцать дъня, панъ Василей Гулевичъ, войский Володимерский, обличне ставшы передъ паномъ Миколаемъ Вилковскимъ, на тотъ часъ будучимъ на мѣстпу пана Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, жаловалъ и оповедалъ на сыновца своего пана Миколая Янушевича Гулевича зъ Долгого, который естъ выволанъцемъ, ижъ онъ, обычаемъ злодейскимъ, розбойницкимъ, способивши собе на помочъ болшей двохъ сотъ чоловека, звлаща козака Низового, именемъ нѣякого Дашка, подданого князя Кирика Руженского, зъ Заволоча, зъ его сотнею, и иныхъ лотровства немало, зрадливе, неотповедъне, хотечи именне моѣ Сутѣсские, ведъле звыклости свое першое выплондровать, вылупити и вывоевать, року, теперъ идучого, деветьдесятъ третего, месеца априля второго дня, съ четверга на пятпицу, маючи тежъ при собе приятелей своихъ, звлаща Марину Комаровну Трещиную, суседу мою, которая отъ зятя ее, именемъ Станислава Кгочовскаго, который вышпекговавшы тамъ-тое именъе мое, безпечное, же мене въ немъ не было, по того Михайла Янушевича умыслне ездилъ, и зъ нимъ воспологъ, и съ тымъ всимъ ихъ товарыствомъ, на йменъе мое Сутѣску былъ ударилъ, нижли за Божою помочъю врядникъ мой, будучи зъ Вѣницы и отъ иныхъ приятелей моихъ перестережоный, ударивши въ звонъ на кгвалтъ, способившысе зъ людьми оборону учинилъ, качъми (sic) колко чоловековъ ранили, толкожъ яко мамъ ведомость, не шкодливе, а зъ нихъ колко лотровства упало; онъ, ижъ Сутѣски достати

не могъ, зо всею тою дружиною своею и съ тымъ то Кгочовскимъ ударилъ на йменѣе мое Янковъ, тамъ, ижъ ему здолать не могли, людей побилъ, кгвалты белымъ головамъ, мужаткамъ, дѣвкамъ починилъ, кони, быдло побралъ, коморы полупилъ, пасеки подралъ, черезъ тотъ день у пятницу, и черезъ ночъ у суботу въ Янкове мешкалъ, потомъ въ суботу, вывоевавши Янковъ, до Сутѣски знову подъданыхъ моихъ Янковскихъ посылалъ, до врядъника моего и до людей Сутискихъ, абы, хочутъ ли быти живи, имъ передалися, а, если не передадутся, обецуючи имъ, жадного живого не зоставити, жону дѣти и всю маетность въ полонъ побрати, а, кгды ему того не позволили, онъ се зо всимъ тымъ лотровствомъ до именья моего Витавы обернулъ; врядникъ мой, будучи въ томъ часе приспособеный, такъ въ люде моихъ зъ ыныхъ селъ, яко и въ приятелѣ, и тежъ урядъ былъ собе въ тымъ часе способилъ: возного енерала на огледанье тыхъ шкодъ, што се стали въ Сутѣсцы и въ Янкове, напередъ, нижли они прышли, забигъ до Витавы, хотечи се имъ боронити, а они потомъ, пришедшы до Витавы, кгды имъ врядникъ мой подъданыхъ моихъ боронити хотелъ, запалили село, подъданого моего въ Витаве, тамъ же слугъ и подъданыхъ моихъ тамошнихъ Сутѣскихъ никоторыхъ позабияно, а нѣкоторыхъ шкодливе поранено, але зъ ласки Божое оборону врядникъ мой Сутѣский учинилъ, ихъ колко десять чоловековъ, яко маю вѣдомость, забилъ, и сотника ихъ Дашка, ажъ мусели передъ нимъ утекать до именя и двора пана Юрья Черленковского, войского Браславского, бо, слышу, слуги пана Черленковского были помочниками тому

то Михайлу, а нѣякий Миско, Трубачъ пана Черленковского былъ шпѣкгомъ межи людми моими въ Сутисце, и, ажъ до потканья въ Витаве; тамъ же, отъ урядника моего до тыхъ розбойниковъ, зрадивцы, утекъ; и тые слуги пана Черленковского того розбойника моего Михайла Янушевича Нилочовского, у дворъ того пана Черленковского упровадили, якожъ на тотъ часъ, урядникъ той, съ того, лотровъ тыхъ, розбойниковъ, поймалъ живыхъ чотырохъ: трохъ отдалъ на врядъ Браславский, а тутъ ми одъного, четвертого зъ нихъ прислалъ, которого я передъ ваши милости ставлю, и даю его на врядъ тутошний, а прошу о везене, который есть на томъ розбою и на лупе пойманъ; якожъ панъ Василей Гулевичъ, войский Володимеръский мелъ при собе двухъ возныхъ: одного Матыса Славокгурского, а другого Станислава Янковского, при которыхъ тое оповедане свое чинилъ, на того злочинцу своего везенья просилъ, а такъ я, Миколай Вилковский, выслухавшы жалобы и оповеданья войского Володимерского, пана Василя Гулевича, пыталъ есмы того вязня, хтобы былъ? и откуля, дъля чого, и отъ кого, якимъ способомъ пойманъ? Онъ, при тыхъ, вышей менованыхъ, возныхъ и шляхте, тыми словы повѣдилъ: ижъ мене зовуть Григорей Василевичъ Зджанский, который первей сего служилъ у пана Александра Загоровского, и кгды былъ послухъ, же козаки воеводу Киевского воюютъ, тутъ, въ Луцку, намовилъ мене Михайло Янушевичъ Гулевичъ, абы зъ нимъ ехалъ, поведаючи же добра, пожиточная служба будеть; я, будучи пахолъкомъ убогимъ, потребуючи запоможенья, присталъ есми до него, который отселя, зъ Волыня,

просто ехалъ до брата своего, пана Миколая до Корнина, и, кгды ся брата свого о тое еханье свое до Сутѣски радилъ, и о помочъ просилъ, братъ ему на то не радилъ, и помочи ему дати не хотелъ, а въ томъ часе панъ Миколай до Иванова, до другого именья своего былъ отъехалъ, а панъ Михайло, панъ мой, у которогомъ я слугою рукодайнымъ былъ, ехавши до козаковъ, упросилъ у пана Косиньского, гетмана козацкого, который позволилъ, и далъ ему на помочъ Дашка, сотъника, зъ его сотънею, къ тому было охвотъниковъ зъ нимъ немало слугъ и подданыхъ пана Миколаевыхъ, чоловековъ зъ двадцать, и нѣшто стрелбы пана Миколаевы, шмикговницъ сколько взялъ былъ съ Корнена, и ехалъ до Сутѣски, даючи тую справу, же безъ жадного бою, хлопи ся Сутѣские ему поддадуть, и врядника отступять, которымъ всѣмъ козакамъ, зъ маетьносгей Сутѣскихъ нагороду и заплату, за працу чинити обецовалъ, и такъже, кгды есмо позно до Сутѣски приехали, врядникъ на кгвалтъ у звонъ ударилъ, мужики насъ у село не пустили, козаки ся на Михайла фрасовали, ижъ имъ не то обецовалъ, онъ ихъ благалъ, и обернулъся зо всѣми нами до Янкова, тамъ же въ Янкове, черезъ цалый день у пятницу, также и черезъ ноцъ до суботы, были есмо; а въ суботу пришли есмо были до Витавы, у Витаве врядникъ пана войского Сутѣский, зобравшися, далъ намъ битву, насъ поразилъ, и живыхъ насъ чотырохъ чоловековъ, найме: Левка Кошевъского, Василья Матусовича, Матуса Ждановского, Черняковъ зъ сотни Дашковы, и мене четвертого поймали, яко слугу рукодайного Михайлова; тожъ есмо у Браславли, кгды насъ на

вряде ставлено, вызнали; я, яко слуга рукодайный, мусялъ есми тамъ ехати, где была воля и росказанье пана моего: не былъ есми ему товарышомъ, толко сдугою, а слуга муситъ чинити волю пана своего, кгдыжъ панъ своимъ власнымъ именьемъ повѣдилъ Сутѣску, и безъ битвы мелъ ее сосѣсти, и заплату намъ, такъ козакомъ за працу, яко и намъ слугамъ за службу чинити въ Сутѣсцѣ мѣлъ, и, кгды той справе и повести, зъ обеюхъ сторонъ такъ пана войского, яко и того вязня Жчаньского, зрозумѣлъ, возными при той справе будучими, то все осветъчилъ, которые, тую справу всю выслухавши, реляцыю на письме подъ печатьми своими до книгъ ку записыванью подали. Казни замъковое боронити есми, на того вязня Григория Дчаньского, который ся менилъ быти слугою пана Михайла Янушевича, пойманымъ на тымъ учинку, не могъ, нижли за сторожу не подыймовался, которого войский Володимерский панъ Гулевичъ, сторожею своею осмотрѣти, пилъновати, также и кормити маеть; а такъ я тое сознанье, возныхъ помененыхъ, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати есми казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1593 года, листъ 450.

XXI.

Объявленіе Шляхты Волынской о томъ, что она готова явиться на ополченіе противъ козаковъ, по первому призыву Воеводъ Кіевского и Волынского; такъ какъ занятіе козаками Кіева, въ случаѣ, если они тамъ утвердятся, и Волынской шляхтѣ угрожаетъ не малою опасностію. — 1593. Сентября 13.

Року 1593 мѣсяца, Сентебра 15 дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Володимерскомъ, передо мною Федоромъ Загоровскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши очевисто его милость панъ Гаврило Гаетъскій, маршалокъ на сеймику, при обираню депутатовъ на рокъ пришлый, девятьдесять четвертый, до сужене справъ на суды головные трибуналские припалыхъ, отъ всихъ обывателей воеводства Волынского згодне обраный, покладалъ листъ згодного застановеня ихъ милости пановъ обывателей воеводства Волынского, запечатовный, и руками ихъ милости подписаный, ижъ, еслибы ихъ милость панъ воевода Киевскій и панъ воевода Волынскій, о якомъ небезпеченстве отъ козаковъ Низовыхъ ознаймили, теды на часъ и местце отъ ихъ милости назначоное, противъ козаковъ, яко неприятелевъ отчизны, ру-

шившисе, водле потребы поступовати, яко ширей въ томъ листе есть описано, и просилъ, абы тотъ листъ до книгъ кгродскихъ былъ вписанъ, который слово въ слово такъ се въ собе маетъ: Мы, рады духовные и свецкие, дикгнитаре, врядники и все рыцерство, шляхта, обыватели воеводства Волынского на сеймикъ елекцыи, обираня депутатовъ на суды головные трибуналскіе, въ року теперешнемъ, тисеча пятсотъ деветъдесятъ третемъ, въ перъшій понеделокъ по нароженью панъны Маріе, свята Римского, на местцу певномъ у Володимери згроможоные, озънаймуемъ, ижъ, зъехавшисе намъ тутъ до Володимера, такъ для обиранья депутатовъ на суды звышъ менованые, яко и для намовъ и застановеня вынших потребахъ и долегливостяхъ Речи нашое Посполитое, звлаща подъ часомъ отеханя Его Королевское милости съ короны Полское, упатруючи, великие небезпечности отъ людей своволныхъ, козаковъ Низовыхъ, отъ которыхъ часу недавно прошлого небезпеченства и шкоды великие въ краяхъ Подолскихъ сталися, яко ведомость певная отъ ихъ милость пановъ воеводъ и старостъ Украинныхъ часто кротъ насъ доходитъ, же знову, ничого недбаючи, ни присяги свое, которые такъ Его Королевской милости, яко и намъ учинили, и констытуцыю, на сойме теперъ учиненую, до столицы воеводства Киевского, зъ арматою, войною втягнули: згроможати, и тамъ осести хочутъ, где, чого Боже вховай, если-бы осели, якая бы небезпечность и въ тутошнихъ краинахъ намъ быти мусело, кождый то бачити можетъ, которымъ небезпечностямъ, хотечи въ часъ забегти, упросили есмо ихъ милость ясне велможныхъ пановъ, пана воеводы

Киевского и пана воеводы Волынского, абы ихъ милость, водлугъ звыклое милости свое, противко речи посполитое то учинили, а стражъ певную надъ козаками мели, а, где бы ведомость певная, о якомъ небезпеченстве отъ нихъ была, аби намъ ихъ милость знати давали, и его милости пану гетману коронному, а мы зъ ознайменемъ ихъ милости, на месце отъ ихъ милости назначоное, вси, яко противко неприятелеви отчизны, и съ паномъ хоружимъ воеводства Волынского зъехати, и противъ нихъ, яко противъ непріятелеви отчизны, при ихъ милость панехъ воеводахъ Киевскомъ и Волынскомъ рушити се маемо, и такъ зъ ихъ милостями противко ихъ поступовать, и зъ ними починать, яко зъ непріятелемъ того потреба указовать буде, и то собе добрымъ, цнотливымъ, шляхетскимъ словомъ нашимъ прирекаемъ выполнити, и зыстити повинни будемъ, а тое постановене наше должей трывати (sic) не маетъ, едно до зверненя Его Королевское Милости пана нашого, до короны Полское. Писанъ у Володимери, лѣта Божого нароженя тисеча пятсотъ деветдесятъ третего, мѣсяца Сентебра третего надцать дня, который же то листъ вышей менованый слово отъ слова до книгъ кгродскихъ есть записанъ.

Книга гродская Владимірская 1593 г. листъ 656.

XXII.

Жалоба шляхты Брацлавской на Наливайка, въ томъ, что онъ разогналъ своими угрозами съѣздъ, на судебные сроки въ Брацлавль съѣхавшійся; а потомъ, когда шляхта съѣхалась на эти сроки вторично, и отказала ему въ квартирахъ и продовольствіи, то онъ напалъ на нее вмѣстѣ съ мѣщанами Брацлавльскими и многихъ шляхтичей перебилъ и ограбилъ. 1594. Октября 17.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесять четвертого месеца октебра семогонадцать дня.

Писалъ и присылалъ на врядъ кгродский, въ замокъ господаръский Луцкий, до мене Александра Семашъка на Хупъкове, кашъталяна Браславъского, старосты Луцъкого, его милость панъ Василей Гулевичъ войский Володимеръский, жалуючи и оповедаючы тыми словы: ижъ дей, маючи я злеценье отъ брати своеи такъ дыкгнитаровъ, яко и всеи шляхты воеводства Браславъского, абымъ тую скгаркгу и оповеданъе на врядъ вашей милости тутошъний Луцкий внесъ, и оповедалъ кривду всеи речи нашои посполитои, которая ся деетъ отъ людей своволъныхъ, на тамътомъ краю, у воеводстви Браслав-

скомъ, ижъ, кгдысмы были на рочкохъ городовыхъ у Браславъли, месеца сентебра шостого дня, въ року теперъ идучомъ, деветдесятъ четвертомъ, которые рочки почалися были судить въ небытности козаковъ у Браславли, и кгды ся рочки отправовали, Наливайко зъ своею дружиною, притегнувшы отъ Киліи и Тегинѣ, хоть былъ тамъ сроменъ (sic), предъся (sic) судови городовому былъ страшенъ, черезъ посли свои до пана Байбузы, писара городового, грозечи посылалъ, для чого писаръ бавитися у Браславъли не хотелъ, и, светчывшися нами, рочки выволать росказалъ, за чимъ есмо безъ справедливости зъ Браславля розъехати мусели, потомъ, кгдыхъ мы ся зъехали до Венцыка (sic) на обаране депутатовъ на суды трыбуналские, просились мы суду земъского, абы намъ роковъ не зволокивали, до Браславъля на роки земские Михалские ехали, и суды свои отправовали; панове судовые мовили намъ, абысмо зъ ними ве сполекъ вкупе до Браславля (ѣхали), было бо ихъ (козаковъ) пресъ полъторы тисечи подъ Тегинею згинуло, а иншые были по местечкахъ и по селехъ до домовъ своихъ розышлися, а предъся намъ росказовали давать собе стацею и померные, яко и первей, идучи до Тегине, по селехъ нашихъ выбирали стада, по колко сотъ коней, также волы, яловицы чередами брали; мы, маючи на баченю першейе трудности, которые некоторыхъ зъ брати нашее за часу явчого потыкали, абыхъ мы также помочниками Наливайку не были поличоны, съ посродку себе послали есмо брата нашого, пана Григоря Цурковского до козаковъ, ознаймуючи имъ, ижъ имъ стацеи далей дать не можемъ, абыхъмо помочниками его не были на-

зываны, къ тому писали и сказали есмо до войта и мещанъ Браславъскихъ, жебы ся тымъ противко насъ не обърожали, же громадою въ одномъ местцы до Браславъля зъ судомъ земскимъ едемо; они посла нашого, пана Цуръковского загамовали, и намъ о воли своей не ознаймили; и кгдысьмы приехали подъ Браслявлъ, сталисьмы на ночъ на кгрунте пана Шаска, хоружого Браславского, по недалеку вишшей Городищча его Вышковского, надъ рекою Бугомъ; яко люде спокойные, никому не даючи причины до злого, то панъ войтъ Браславский, Романъ Тиковичъ, зъ бурмистрами и райцами, и зо всемъ ихъ посполитствомъ, маючи собе на помочъ того то чоловека незбожного, Наливайка зъ его дружиною, якобы съ полночи скоро нападшы на насъ, побили, помордовали, пана Ивана Гордеевича Микулашского окрутне на смерть замордовали, также колконадцять чоловековъ слугъ нашихъ позабияли, помордовали, къ тому насъ самыхъ не мало шляхты и людей служебъныхъ окрутне поранили, покололи, посекли, маетности наши, што при насъ были: шаты, листы, гроши готовые, кони побрали, зо всеи маетности насъ злупили, якожъ утеклися есмо заразъ скаргою до вряду тамошнего Вецицкого (sic), кажды меновите кривду свою записалъ, и вознымъ и шляхтою осветчилъ, и тутъ, за порученемъ брати своеи, вашей милости то оповедаю, и освечаю, и прошу, абы то было записано. Што естъ записано.

Книга гродская Луцкая, 1594 г., № 43, листъ 1292.

XXIII.

Листъ Королевскій, освобождающій мѣщанъ Луцкихъ отъ сбора съ нихъ чопового, по причинѣ разоренія, причиненнаго имъ отъ Наливайка. 1595. Декабря 1.

Року 95 месеца, декабра 15 дня.

На вряди кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Богушемъ Гулевичомъ Воютинскимъ, наместникомъ подстароства Володимерского, ставши очевисто славетные панове: Матфѣй Демковичъ, лавникъ присяглый, а Ярушъ Сустичъ, писаръ, врядники места его королевское милости Луцка, показали листъ королевский его милости, Рускимъ подписомъ подписаный, печатю коронною припечатованый, и рукою власною его королевское милости подписаный, мѣсту Луцкому, о отпущене чопового въ року теперъ идучомъ, деветьдесять пятомъ, на сойме пришломъ Краковскомъ уфаленого, за нагорожене шкодъ и спустошеня, отъ Наливайка и его козацтва, въ месте Луцкомъ поделаныхъ, даный; просили, абы читанъ, и ку записаню до книгъ принятъ былъ, которого листу я, огледавши, и до актыкованя его при-

нявши, читать есми его передъ собою казалъ, который слово отъ слова такъ се въ собе маетъ: Жикгимонтъ третий, Божю милостю королъ Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитъский, Инфлянтский, Волынский, Кгодский, Вандалский и дединъный королъ Полский (sic) (*) урожоному Миколаеви Семашкови, поборци воеводства Волынского, верне намъ милому, ласка наша королевская. Урожоный, верне намъ милый! ускаржалисе намъ обтежливе мещане Луцкие, подданые наши на своволное козацтво, отъ которыхъ велми на маетностяхъ своихъ пошкожоны, и шарпаны суть, и били намъ чоломъ, абыхмо, взглядомъ таковаго обвиженя невинного ихъ, въ податкохъ поборовыхъ сего року, въ Кракове зъ сойму уфаленыхъ, пофолкговавши, што колвекъ зъ нихъ на поратоване шкодъ ихъ уступили; прето мы, господаръ, прихиляючися до прозбы преречоныхъ мещанъ Луцкихъ, яко слушной, на поратоване шкодъ ихъ, отъ козацтва поднятыхъ, съ податковъ повинныхъ поборовыхъ самое толко чоповое, окромъ иного податку, мѣсту тутошнему Луцку, до сойму пришлого, або до далшое резолюцыи нашое, отпустили есмо; о чомъ верность твое абысь вѣдалъ, и того то чопового отъ места Луцка на тотъ часъ не отбиралъ, и не вытегалъ, и мещанъ Луцкихъ въ томъ занехалъ, и до екзекуции жадное абысь зъ ними не поступовалъ, верности твоей росказуемъ, и конечно то по верности твоей митъ хочемъ, чого иначей не учинишъ съ повинности своее и для ласки нашое королевское. Писанъ въ Кра-

---

(*) Ошибка: должно быть Шведскій.

кове, лѣта Божого Нароженя тисеча пятьсотъ деветъдесятъ пятого, месеца декабра первого дня, а нанованя королевствъ нашихъ: Полского осмого, а Шведского второго. Sigismundus rex. Fłorian Ołeszko. Которого то вписаня до книгъ его королевское милости листу и выписъ есть выданъ.

Книга гродская Владимірская, 1595 г., листъ 753.

XXIV.

Жалоба слуги епископа Луцкаго, Терлецкаго въ томъ, что онъ, будучи посланъ епископомъ изъ Кракова въ Луцкъ, для врученія тамошнему протопопу документовъ на сохраненіе на время поѣздки Терлецкого въ Римъ, былъ на дорогѣ настигнутъ людьми неизвѣстными, которые у него документы отняли; по расказамъ мѣстныхъ жителей, онъ узналъ, что это были козаки подъ командою Ростопча. 1595. Октября 7.

Року тисеча пятьсотъ деветъдесять пятого, месеца октебра семого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Юремъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, оповедалъ, и плачливе жаловалъ, служебникъ его милости, въ Бозе велебного, отца Кирила Терлецкого, эксархи и епископа Луцкого, Григорей Степановичъ тыми словы: ижъ дей былъ посланъ отъ его милости,

отца епископа Луцкого, зъ важными справами, зъ листы, и зъ мамрамы его милости владыки Луцкого, и иншихъ епископовъ зъ Кракова, тутъ, до протопопы и наместника его милости Луцкого, абы тые справы и мамрамы, въ справахъ духовныхъ водлугъ науки и писанъя листовъного, отдалъ до схованя церковного, подъ тотъ отездъ владыки его милости до Риму, протопопе Луцкому, которогожъ дей то слугу его милости Григоря, року теперешного деветъдесять пятого, месеца сентебра двадцать семого дня, поткавши съ тое стороны перевозу Завихвостского, въ бору, слуги нѣякие килканадцать на конехъ, кгды дей ся за опытанемъ ихъ поведилъ быти владыки его милости Луцкого слугою, заразъ дей его, оскочивши, поймали, били, шарпали, и тые листы и мамрамы, зо всѣми иншими справами нашедши при немъ, съ торбочкою отъ него оторвали, и взявши то все, прочъ ехали. О которыхъ питалъ дей ся по дорозе, въ людей обчихъ, чие бы они были, и кому служать, а естлибы ихъ хто зналъ, оповедаючи ся съ тою кривдою на нихъ; и така дей ему справа дана: жебы мѣли быти люде Украиные, козаки ниякись Ростопча, и зъ ыншими, товариствомъ своимъ; и просилъ, абы тая жалоба и оповеданъе его до книгъ было записано, што я записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1595 года, листъ 416 на оборотъ.

XXV.

Объявленіе Пана Семашка, старосты Луцкого о томъ, что онъ не могъ явиться къ законному сроку въ Луцкъ, для исполненія своей обязанности предсѣдателя суда, потому, что былъ осажденъ войскомъ Григорія Лободы въ собственномъ своемъ замкѣ Хупковѣ. 1596 Генваря 10-го.

Року тисеча пятсотъ девятьдесятъ шостого, месеца Генвара десятого дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, въ замокъ господарский Луцкий, до мене, Юря Кошиковского, Буркграбего и Наместника подстароства Луцкого, велможный его милость, панъ Александеръ Семашко на Хупкове, Каштелянъ Браславский, Староста Луцкий служебника своего, Юря Глаза, оповедаючися въ тые слова: ижъ дей дошла мене ведомость, же дня оногдашнего, месеца Генвара пятого, въ року нынешнемъ, тысеча пятъсотъ деветдесятъ шостомъ, некоторые особы внесли протестацыи свое до книгъ кгродскихъ Луцкихъ на мене и на врядъ мой кгродский Луцкий о несужене рочковъ, которые подъ тымъ часомъ, ку судовному отправованю припадали, якобы тые рочки, кромѣ слушное причины, отволаны и сужоны быть не

мели, противко которымъ протестацыямъ естъ отъ урядниковъ моихъ кгродскихъ Луцкихъ присяглыхъ Подстаростего и Писара, которые на тотъ часъ тутъ, на уряде были и местца свое судовые заседали оповеданя учинены сутъ; однакоже я, яко Староста уряду того, подстерегаючи, абымъ о тое несужене рочковъ отъ кого, до якое трудности не пришолъ, противко таковымъ протестацыямъ такъ се самъ зъ особы своее оповедаю, ижемъ якъ того дня выше мененого, которого рочки ку сужeню припадали, у великой небезпечности и облеженью въ маетности своей, въ замку Хупковскомъ отъ людей своволныхъ, збойцовъ войска Григоря Лободы былъ, также и теперъ, ажъ до сего часу естемъ, и зъ замку нигде волного выйштья не маю, и для тое небезпечности къ Луцку на онъ часъ и день помененый быть не могломъ; вшакже, маючи урядъ зуполный и присяглый, въ томемъ самъ ничого виненъ не естъ. Которое то оповеданe служебника его милости, пана Браславского до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ 13.

XXVI.

Сознаніе Возного о томъ, что онъ былъ въ селѣ Коростятинѣ, имѣніи Семашки, старосты Луцкого, и удостовѣрился на мѣстѣ въ томъ, что нѣкто, Остафей Слуцкій, именующій себя сотникомъ Гетмана Лободы съ товарищами своими, бѣглыми слугами, на это имѣніе напалъ, людей поранилъ и ихъ имущества ограбилъ, при чемъ былъ самъ застрѣленъ, а многіе изъ его товарищей пойманы. 1596. Февраля 2.

Року тисеча пятсотъ деветъдесятъ шостого, месеца Февраля второго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною, Щаснымъ Кгалезскимъ, Подстаростимъ Луцкимъ, постановившися очевисто Возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Григорей Вербский, ку записанью до книгъ кгродскихъ Луцкихъ созналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего, деветъдесятъ шостого, месеца Генвара тридцатъ первого дня, за приданемъ вашей милости врядовымъ, маючи я при собе двохъ шляхтичовъ: пана Петра Перекладовского, а пана Амброжого Чернолозского, былъ есми во йменью его милости, велможного пана Александра Семашка на Хупкове, Каш-

таляна Браславского, Старосты Луцкого, Коростятине, тамъ, за оказанемъ тивона тамошнего, на имей Зѣнца, виделъ есми въ домахъ тамошнихъ окна и двери порубаные, и зъ ручницъ постреляные, также виделъ есми подданыхъ тамошнихъ Коростятинскихъ побитыхъ, пораненыхъ, то есть: у атамана помененого Зѣнца виделъ есми рану на руцѣ правой, палецъ мезиный у должъ на полы ростятый; Игната боярина тамошнего виделъ есми окрутне киими збитого и змордованого. У Паца, подданого тамошнегожъ виделъ есми также киими увесь хребетъ побитый, синий; также виделъ есми у Гринца Щотки хрыбетъ, руки, ноги, голову окрутне побитою и змордованого, съ которого такового окрутного збитя и змордованъя не ведомо, если живыи будуть; тамъже передо мною Вознымъ, помененый тивонъ съ поддаными тамошними оповедалъ: ижъ дей дня оногдашнего месеца Генвара двадцат осмого, зъ Суботы на Недѣлю, въ ночѣ, могло быти колко годинъ въ ночъ, Остафей Слуцкий, Сотникъ, зобравъшися зъ многими помочниками своими, меновите зъ неякимсь Ганскимъ, атаманомъ, зъ Заремъбою, Поплавскимъ, Матияшемъ и иншими многими слугами, которыхъ онъ лепей имена и прозвиска ведаеть и ихъ знаеть, наехавши моцно кгвалтомъ на йменье Коростятинъ, тамъ же поведаючися быть Сотникомъ Гетмана Лободы, насъ кгвалтовне побилъ, поранилъ, помордовалъ, маетность нашу, отбиваючи замки до коморъ своволне бралъ, и шкоды незмерные починилъ, который то Остафей Слуцкий, яко принцыпалъ а кгвалтовникъ, самъ есть забитъ, которогомъ виделъ зъ рушницы постреленого, а никоторые помочники его на имя: Ган-

ский, Пясецкий, Сикорский, Карлинский, Заремба, Поплавский, Матияшъ, Евхимъ, яко кгвалтовники, при томъ кгвалте суть пойманы, што все якомъ виделъ, и штомъ отъ тивона и подданыхъ тамошнихъ слышалъ, передъ вашою милостю сознаваю. А такъ я, тое очевистое сознане Возного енерала, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ,

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ 55.

XXVII.

Жалоба Яроша Терлецкого въ томъ, что Семеринъ Наливайко и Флоріанъ Гедроть, съ нѣкоторыми земянами Пинскими и съ людьми своевольными, разграбили его имѣнія въ Пинскомъ поветѣ, и потомъ уѣхали домой въ Степань, имѣнье князя Острозского. Въ наѣздѣ съ ними участвовалъ священникъ Дамьянъ Наливайко, братъ Семерина. 1596. Февраля 18.

Року тисеча пятьсотъ деветдесятъ шостого, месеца февраля осьмогонадцать дня.

Передо мною Александромъ Семашкомъ, кашталяномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, жалосне и плачливе оповедалъ врожоный панъ Ярошъ Терлецкий, же его дошла певная ведомость, съ повету Пинского, ижъ тамъ ниякийся Семеринъ Наливайко и Флориянъ Кгедроти злого зобраня людей, маючи дей

направлеными собе вожами и некоторыхъ особъ зъ земянъ повету Пинского: Павла Кмиту, недалеко мешкаючого отъ маетности моее, и иншихъ зъ собою не мало зобравши людей своволныхъ, а выправившихся зъ маетностей княжати его милости, пана воеводы Киевского, наехали дей ему неприязненымъ обычаемъ, первей на Дубую, именье его, а потомъ на дворъ Отовчичи, въ повете Пинскомъ лежачий, обычаемъ кгвалтовнымъ, маючи дей вазнь и серце злое противъ его милости, въ Бозе велебномъ, отцу епископу Луцкому и Острозскому, пану и брату его, который до Риму ехалъ, мстячися снать за то, тамъже дей оные обадва дворки его зобрали, злупили, и сплондровали, врядника, слуги, челядь, побили, поранили; злото, сребро, права, привиля, листы важные, мамрамы на долги и иншие на маетности и справы пилные, кони сздъные и вшелякое забране (sic) отъ мала, до велика побрали, и полупили, и съ тымъ, укрываючися по некоторыхъ домехъ шляхетскихъ, уехали до мѣста княжати его милости, пана воеводы Киевского, Степаня, которое всее маетности своее, въ Отовчичахъ толко будучое, што на тотъ часъ вспомнети могъ, ширей особливый реестръ списавши, для уписаня его до книгъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ, который такъ се въ собе маетъ: Рестръ вписаня маетности мене, Ярошa Терлецкого побраное, и полупеное во йменю и дворе моемъ и малжонки моее Отовчицкомъ, въ повете Пинскомъ лежачомъ, за наеханемъ кгвалтовнымъ, въ року теперешнемъ, тисеча пятъсотъ деветдесятъ шостомъ, месеца февраля четвертогонадцать дня, то естъ въ скрыни взято: привилей на паркгаминѣ на имене Дубую, въ повете Пинскомъ лежачое,

и всѣ листы купчие, верные, и выписы врядовые и листъ делчий справы, и листы верные, и иншие на сумы пенезей, на имене Порецкое, въ повете Пинскомъ лежачое, и выписъ кгродский, и листъ верный на тую отчизну небожчика пана Богуфала Тура на имене Порецкое, которое откупилъ, яко отчизну свою у небожчицы матки пана Миколая Кирдѣя и у него самого, у сына его пана Миколая Кирдѣя, выписъ съ книгъ земскихъ Пинскихъ на именье тоежъ Порецкое же, пановъ Туровъ (sic) Остафъя и Кирдѣя отъ того именя отсужоно, привилей на паркгамине на имене Отовчичи, въ повете Пинскомъ лежачое, и иншие листы вежные, и выписы врядовые на имене Мотоле въ повете Пинскомъ лежачое, справъ и листовъ вечныхъ, и выписовъ врядовыхъ на имене Пирковичи, въ повете Пинскомъ лежачое, немало другое право, листы вечные на тоежъ имене Пирковичи отъ пана Мархотки Валавского, вечистый на пецный кгрунтъ именя Пирковицкого, три листы великихъ на папере Александрейскомъ, на имене Зубачь, въ повете Берестейскомъ лежачое, на суму пенязей отъ небожчика пана Богуфала Тура и малжонки его, на двесте и деветдесятъ копъ грошей мне даные, въ которой суме держало Зубаче. А особно на тыежъ Зубачѣ справъ и декретовъ трибуналскихъ много, штомъ выйскалъ у пана Падковского, мамрамъ небожчика пана Богуфала Тура голшей (sic) написаный, подъ печатю, и съ подписомъ руки его, и подъ печатю малжонки его небожчицы, а въ того мамраму приятелскихъ печатей три, то естъ: пана Лаврина Тура и брата его пана Ивана, и пана Яна Федюшка, мне съ певного постановеня даный, привилевъ три короля его ми-

лости Стефана, на паркгамине писаныхъ, съ печатми привѣсистыми, и съ подписомъ руки господарское; потвержене на тыежъ кгрунты и именя мои въ повете Пинскомъ; справа зъ Данилевичи, и другие листы судей полюбовныхъ, належачие именѣ Отовчицкому съ Полкотицкимъ кгрунтомъ, и о розграничене кгрунтовъ тыхъ, реестра делчие именя Отовчинъ и Пирковичъ съ паны Турами, и иншихъ листовъ и справъ судовъ полюбовъныхъ о кгрунты и о островы Пирковицкие не мало; реестръ поль и сеножатей всихъ Порецкихъ, подъ печатю и съ подписомъ руки пана Ивана Телятицкого, и подъ печатю малжонки его, у фастикулехъ двохъ, справъ и листовъ барзо много потребныхъ, належачихъ на кгрунты и на именя, также тежъ справы и листы старые на кгрунты Пирковицкие и на ограничене кгрунтовъ Пирковицкихъ, зъ кгрунтами Довечеровскими и Брошевичами; особно листовъ на долги и выписовъ врядовыхъ у фастыкулехъ не мало, листы верные и вся справа на именье Глинную, власную отчизну небожчика пана Богуфала Тура, которое имене приложонымъ правомъ приходитъ на потомки небожчиковские, листы граничные именя Отовчицкого, зъ селомъ Колодѣевичами и зъ селомъ Гоховомъ, справъ и листовъ много на кгрунты Порецкие и Отовчицкие, противъ суседовъ сугграничныхъ, листы и справы дому ихъ належачие, то есть: листъ одинъ отвороный братий повинныхъ ихъ, пановъ Терлецкихъ скилконадцатма печатми и съ подписомъ рукъ ихъ, имъ належачий, выписъ съ книгъ кгродскихъ замку Премыского, сознанья брати ихъ пановъ Терлецкихъ, поприсяженья повинности и ревное зъ ними третий выписъ земский повету Пинского, въ

той же речи до того листы и справы пилно потребъные на часть (sic) близкости ихъ въ Терле належачие одъ продка ихъ, Мартина Терлецкого имъ позосталые, а готовыхъ грошей у скрыни копъ полторы тисечи Литовскихъ, у другой скрыни, где листы и привиля были, золотыхъ чирвоныхъ пять тисечей, монеты копъ петдесятъ Литовскихъ, въ той же скрыни ланцушковъ золотыхъ два, въ кождомъ было по осмидесятъ чирвоныхъ злотыхъ, третий ланцушокъ, важило въ немъ двадцатъ чирвоныхъ, клейнотъ съ каменемъ шафирками, купленый за полтораста таляровъ, манели золотые въ которыхъ важило семнадцатъ чирвоныхъ золотыхъ, перстенковъ золотыхъ шесть съ камнемъ рознымъ, коштовали двадцатъ чирвоныхъ золотыхъ, сребра позлотистого: рострухановъ великихъ два, коштовали копъ тридцатъ Литовскихъ, троха меншихъ кубковъ золотистыхъ три, заставныхъ у десети копахъ, чаръ великихъ по три гривни две, чарокъ меншихъ, среднихъ, безъ позлоты две, заставныхъ у шести копахъ, лыжокъ сребныхъ великихъ дванадцать, зъ олстромъ коштовали семнадцатъ копъ Литовскихъ; у третей скрыни великой было грошей готовыхъ монѣты копъ Литовскихъ двѣсте и сорокъ, поясовъ позлотистыхъ три, коштовали по дванадцати копъ грошей Литовскихъ, ковшовъ сребромъ оправныхъ два, въ нихъ гривенъ две, жупанъ аксамитный, чорный, новый, китайкою чирвоною подшитый, который коштовалъ двадьцатъ две копе грошей Литовскихъ, жупанъ адамашки целое съ подпивкою, который коштовалъ дванадцать копъ грошей Литовскихъ, жупанъ фалюндышовый, бурнатый, новый, съ подшевкою коштовалъ дванадцать копъ грошей Литовскихъ, бражка на среброглаве, пе-

релъ великихъ съ пунталами одна, коштовала копъ тридцатъ две Литовскихъ, тканка перловая съ пунталы, коштовала копъ двадцатъ осмъ Литовскихъ, бражка на талѣте съ перлы и съ пунталы, коштовали копъ тридцать Литовскихъ, чепцовъ Венацкихъ едвабныхъ два, купленыхъ по чотыри золотыхъ Полскихъ, шубка соболя зъ бобромъ, адамашкомъ чорнымъ крытая, коштовала копъ петдесятъ Литовскихъ, шубка куня зъ бобромъ, кгрубриномъ чорнымъ крыта, коштовала копъ двадцатъ чотыри грошей Литовскихъ, газука (sic) аксамиту взористого, белоголовская, чорная коштовала копъ двадцать чотыри Литовскихъ, летниковъ два китайченыхъ, брамованыхъ, новыхъ, одинъ бурнатый, а другий гвоздиковый, коштовали по осми копъ грошей Литовскихъ; лѣтникъ адамашки зеленое, зъ оксамитомъ, безъ брамъ, новый, коштовалъ тринадцатъ копъ грошей Литовскихъ, сукня фалюндышу бурнатного, зъ брамами, коштовала дванадцатъ копъ грошей Литовскихъ, сукня утерфину зеленого, локотъ чотыри, купленый локоть по полторы золотого Полского, туваленъ шовкомъ шитыхъ зе злотомъ на сѣткахъ шестнадцатъ, коштовали сорокъ копъ грошей Литовскихъ, плащи нови два, одинъ китайчаный, а другий мухаяровый, коштовали копъ пятъ Литовскихъ, шовку розного литра, купленого за две копе грошей Литовскихъ, полотна коленского, тонкого штука, куплена за двадцат золотыхъ Полскихъ, рубковъ крамныхъ чотыри, а пятый флямский, купленый за десеть золотыхъ Полскихъ, ручниковъ тонкихъ, ткацкихъ поставъ, и брусовъ коленскихъ два, пулгаковъ, костю оправныхъ, гецованыхъ деветь, кождый купленый по семи золотыхъ Полскихъ, ручницъ короткихъ, гецованыхъ,

костю оправныхъ, шесть, кождая куплена по чотыри талеры, ручницъ пташныхъ, кгвинтованыхъ две, кождая куплена по осми золотыхъ Полскихъ. При которомъ браню и злупеню тыхъ речей, вышей помененыхъ, хлопецъ на онъже часъ, Степанко, которогомъ мелъ пана Яна Калинского, при ономъ наезде, зрадивши мя, пана своего, и повыдававши певную маетность мою, отъ мене поверону тымъ неприятелемъ и кгвалтовникомъ, зъ дому моего зъ ними зъ Отовчинъ, утекъ прочъ, и, яко ми далъ знати врядникъ мой Отовчицкий, Якубъ Дамашевский, змордованый, и змучоный, черезъ писане власное руки своее, жебы ся тотъ наездъ и незмѣрная шкода отъ тыхъ злыхъ людей стала зъ росказаня княжати его милости пана воеводы Киевского, што до певнейшое ведомости волный поступокъ иле съ права належати буде, собе въ томъ зоставую, и заховую, и еще до того, яко маю ведомостъ отъ тогожъ Домашевского, же тамъ былъ и попъ Острозский при томъ наезде на домъ мой, братъ того Наливайка, Демянъ, и тотъ, маетность также мою немалую забравши, зъ нею до Острога, до дому своего отехалъ, которые тые всѣ шкоды, на реестру списавши, ку записанью до книгъ подаю. И просилъ панъ Терлецкий, абы тое оповедане и жалоба его до книгъ кгродскихъ Луцкихъ была записана; што я записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ 73 на оборотъ.

XXVIII.

Универсалъ Королевскій, объявляющій шляхтѣ Волынской, что коронное войско отправлено противъ козаковъ и приглашающій ее соединиться съ этимъ войскомъ. 1596, Генваря 27.

Року 1596 месеца, февраля 24 дня,

На врядъ кгродский, въ замку господарскомъ Луцкомъ, до мене Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого отданъ есть листъ его королевское милости, съ печатъю коронъною и съ подписомъ руки его королевское милости, до всихъ вобецъ писаный, котораго я принявши, и до книгъ актыковати казалъ, который такъ ся въ собе маетъ: Жикгимонтъ третий, Божю милостю королъ Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянтский, а Шведский, Кготский, Ванъдалский дедичный королъ, вшемъ вобецъ и кождому зъ особна, которого колвекъ стапу и достоенства людемъ рыцерскимъ, уприйме и верне намъ милымъ, ласку нашу королевскую. Уприйме и

верне намъ милые, ижъ своя воля Украинная, не досытъ маючи на тыхъ збродняхъ, которые на Украине до того часу чинили, далий въ панъствахъ нашихъ скупившися, поступуютъ: мѣста, мѣстечъка, муницые, домы шляхетские беретъ, плюнъдруетъ, палитъ и не вылечоные кривды чинитъ, за радою пановъ радъ нашихъ, на тотъ часъ при насъ будучихъ, хотечи безпеченъства речы посполитое, а шкодамъ подданыхъ нашихъ забегъчи, писали есмо до гетмановъ, жебы войско противко нимъ рушили, яко противко неприятелемъ коронъным поступили; тотъ же запалъ уже праве до упреймостей и верностей вашихъ доходитъ, которому, кгдыбы ся не забежало, тожъ, бы ся, чого не зычимо, маетностямъ, деткамъ, жонамъ и самымъ же уприймостямъ и верностямъ вашимъ одъ тыхъ своволныхъ людей деяло, што ся по тые часы вашой брати другой звлаща при Украине стало; про то уприймостей и верностей вашихъ напоминаемъ, жебысте ся до войска нашого не съ повинъности, але зъ милости ку отчизне и для самыхъ себе безпеченъства, яко на рыхло стегали, а, знявшися зъ войскомъ нашимъ, рушилися противко тымъ людемъ своволънымъ, яко праву противънымъ и съполное тое всихъ уприймостей и верностей вашихъ отчизне неприятелемъ, што, же, схутъю для самыхъ себе и речи посполитое безпеченъства учините, певни есмо того. Данъ въ Кракове, дня двадцатъсемого, месеца генъвара, лета Божого Нароженъя тисяча пятъсотъ девятдесятъ шостого, а панованъя королевствъ нашихъ: Полского девятого, а Шведского року второго. У того листу печатъ его королеоское милости притисненая коронная, а подписъ руки въ тые слова: Sigismundus

rex. Fłorian Ołeszko. Который же тотъ листъ его королевское милости, спочатку, ажъ до конъца, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати есми казалъ.

Книга записовая гродская Луцкая, 1595 генваря 1 по 1597 сентября 13, листъ 16 на оборотъ.

XXIX.

Реестръ убытковъ, причиненныхъ въ мѣстечкѣ Тучинѣ и селѣ Коростятинѣ, имѣніяхъ Александра Семашка священникомъ Острожскимъ, Даміаномъ Наливайкомъ, княземъ Вороницкимъ и Александромъ Гулевичемъ. 1596, февраля 26.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ шостого, месеца февраля двадцать шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Юремъ Кошиновскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцъкого, ставши очсвисто, возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Григорей Вербский, ку записованю до книгъ тыми словы сознал: ижъ дей наместникъ пана Яна Игорейховского, врядника Тучинского, Карпъ Игуменъ, а атаманъ Коростятичский Зѣнецъ оповедали, и покладали передо мною реестра починеныхъ шкодъ, въ месте Тучине и въ

дворцу Тучинскомъ и тежъ въ селѣ Коростятине, во йменьяхъ велможного его милости, пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Брацлавского, старосты Луцкого, отъ попа Острозского, брата рожоного Семерина Наливайка, отъ князя Петра Станиславовича Вороницкого, и отъ пана Александра Демяновича Гулевича, и отъ иншихъ козаковъ сотни ихъ, и просили, абымъ тые реестра до вряду кгродского Луцкого, для вписаня до книгъ кгродскихъ Луцкихъ, подалъ, которые я вашей милости, яко вряду, подаю, а такъ я, тые реестра, отъ возного енерала воеводства Волынского Григоря Вербского принявши, до книгъ вписати казалъ, и такъ се въ собе маеть: реестръ шкодъ места Тучинского, когорые козаки починили: Напродъ войтови, Мордушови: коний трое, за шестъ копъ, меру взели, пива варъ, за семъ копъ, вола и корову забито, мацъ семъ овса, две мацы солоду, пановокъ мѣденыхъ две, и котелъ, сковородъ железныхъ чотыри, и паръ чотыри сошниковъ, домовыхъ речей за двадцать копъ грошей шкоды учинили. Логвинови: взели скуръ петнадцатъ, петдесятъ паръ черевиковъ. У Ювдака: коний двое, кожуховъ три, овса мацъ десетъ, сокѣръ две. Федкови клячу и вепра убили, сермягу (взели). У Мозоля взели клячу. У Галушки взяли клячу. У Гури взели: коня, кожухъ и петъ мацъ овса, редно и подушку. У Гаврила взели клячу. Шепетуси взяли: клячу, сермягу, (sic) сало. У Ивца: мацъ десетъ овса, пенезей десетъ копъ, сермягу, хомутъ. У Макара: клячу, овса мацъ десетъ, колпакъ, хустъ бѣлыхъ веле побрали. У Остапа Тихиля взели: клячу, седло, рогатину и лицы, коней двое, кошулъ три, хомутъ, сокѣру. У Камуни взели: коня, ряденъ две, овса три

мацы, ечменя мацу, гороху осмаку. У Голочка: сермягъ две, ечменя две мацы, четвертку гороху, редно и косъ две, муки пшеничное четвертку. У Куца: коний двое, вепра забили. У Лаврруха: взели: коня, овса мацъ три. У Ивана взяли коня. У Тупты взели: коня, овса мацъ чотыри. У Ивана Товстого взели коня. У Борейки взели коня, шатъ што было все побрали, и жонѣ его кгвалтъ учинили. Мицови все побрали, щто мелъ, и жоне кгвалтъ учинено. Деревяци клячу взели, шапокъ две, ложникъ новый, сермягу, невесткамъ двомъ кгвалтъ учинили. Савостьянови коня взели и кожухъ, и жонѣ его кгвалтъ учинено. Босковн жоне его кгвалтъ учинено. Ткачови Янови клячу, полотна двадцатъ локотъ, и овса мацу, и три фартухи. Кузмѣ взяли клячу. Яскови коня взели. Курилови клячу взяли. Супрунови жонѣ его кгвалтъ учинено. Темкловы шкоды: коня взели, полдевети мацы овса взели, полъ вола взяли мяса, бодню взяли съ платемъ, косъ две. Ренкови Пиршукови взяли: семъ копъ пенязей, сермягъ две, кужухъ новый, овчинъ, нятъ чиненыхъ скуръ, седло, чоботы чирвоные, масла горшокъ, сокѣру, сыра дѣжку. Михалови: кожухъ и шатъ белыхъ все, што мелъ. Гочкови взяли клячу, сокѣръ две, и самого мало не утопили. Фалиови пять мацъ овса взято и ложникъ, и возъ взято, и копаницу, и свердѣлъ, и долото, и мясо все, што было въ хате. Седелникови Харитонови взяли коня, и яловицу зарѣзано, седелъ пятъ, злупивши комору, бѣлое плате побрано. Стецкови Мелникови взяли коня, вепра забили, яловицу забили, кожуховъ два взяли. Брысови коня взяли. Байкиразови Семенови коней взели двое, петъ мацъ овса. Яцкови Семерникови коней взяли

клячу, зъ боднею побрали всѣ белье, хусты и свиню забили. Максимови коня. Кушнереви: жупанъ съ хребта знели, локотъ тридцатъ полотна, кошуль три. Ювсюкови клячу взели. Опанасови взели ручницу, дежку масла, петъ мацъ овса, три наволоки съ подушокъ. Матфееви петъ мацъ овса, полотна локотъ петнадцать. Олексееви взяли: скуру, опонча, трое желѣза конские, копаницу, котелъ, хомутъ, свердловъ три, десетъ мацъ овса. Потапови: седло, стругъ, сверделъ. Мискови: шаблю, седло Пихилови: коня, две косе, серповъ два, сокѣръ двѣ, сало, свердловъ два, кошуль две, боты и шапку, сошниковъ два. Нестакови Пхилови: кляча, желѣза конские, две паре ботовъ, чотыри кошули, три мацы овса. Семерникови: шаты всѣ побрано, и кгвалтъ жонѣ его учинено. Андросови Серменикови взято три мацы овса. Сасце Тишкови ваято: коня, петь мацъ овса, сукню, кошулъ пятъ, тридцать локотъ полотна, невесте кгвалтъ учинено. Сѣтникови взято сукню и около сѣтей панскихъ поврозы пообрѣзовали, и седло, и подушку, и кошулъ чотыри. Ковалеви: клячу, и жонѣ его кгвалтъ учинено, Ивановичу Яновичу взяли: две ручницы, сагайдакъ, вепровъ два, овса мацъ петнадцать, яловицу, меду ведро, восажонокъ взяли, шаблю, жупанъ. Братови Романови побрано, што было убозства, все, и кгвалтъ жонамъ двема учинено. Дубровскому взяли: клячу, овса мацъ петнадцать, шаблю, и сагайдакъ, и жупанъ, и ручницу. Андрееви Харитонови жонѣ его кгвалтъ учинено. Попови взяли: коня, возъ, хомутовъ два, шаблю, и кордъ, кожухъ новый, скуръ чиненыхъ, баранихъ чотыри, тимцовъ (sic) два чирвоныхъ, две седле, три мацы овса, косы две, боты двое. Юрченяти

клячу взяли, овса взели мацъ шесть. Кузме Чорному: кгвалтъ дѣвице его учинили и домъ му спустошили, згола ничого не зоставили. Карпови Гуменникови кошуль узели чотыри, и клячу, и жупанъ, и двое убране, и двое боты, и скуръ овчихъ чиненыхъ семъ, сокѣръ две, и кожухъ, и коса, сошниковъ два, овса мацъ чотыри. Яцкови жонѣ кгвалтъ учинено, же ледве сама не умре, и все сплендровано. Жучонкови клячу. Масеви Семерникови клячу. Стравныхъ речей тыхъ мы не могли переписать, бо у жадного ничого не зоставили, то естъ гусей, куръ, качокъ, сберовъ масла. Реестръ шкодъ Коростятичскихъ, которые козаки починили: ве дворцу на продъ, жеребцовъ десеть и коней два, што въ стайни стали, стада осмъ клячъ взято, што налепшихъ тыхъ коней зобраныхъ. Взято пять каплуновъ, тридцать куръ, деветдесятъ качокъ, десетъ гусей, комору розбили и всю маетность взяли. Шкоды села Коросятичского: У Степана Павловича взели: сагайдакъ и наймитови ухо урезано, и пчолъ двое выдрано. У Трокия Яцка: шаблю сокѣру, кошуль две и коня. У Романа: сани двое, и сермягу, и боты и кошуль пять, и овса полторы мацы, и куръ три, и косу. У Яцка кошуль десеть. Тивонови ухо урезано по кутѣнь. У Гаврила ухо урезано, кошуль шесть и кожухъ новый, прадива кругъ въ полтораста. У пасечника: семеры бчолы выдрано, кошулу и две сермяги, сукна простого тридцать локоть, кошуль съ петнадцать праве добрыхъ, скуръ две воловыхъ. У Луки клячу и две сале. У Парфена, седло зъ войлокомъ, кошуль две, и сынови его уха урезано, и збито, и змордовано самого, и на дорозе его покинули. У Садовничого кошулъ чотыри, ряденъ две, сокѣру и

коеу. У Логвина: коморы полупано, жупановъ шесть, ермяковъ шесть, шубокъ три, бобровыхъ две, бодню розбито, бѣлое платье побрано и пулгакъ. У Петра клячу. У Иляша взято клячу, бчолъ пятеро выбрано Яхимови клячу взято, и ручницу, и шаблю, и раденъ две, и коня взяли. У Стедениченяти Ренка овецъ двое. У Шаповала Остапа взяли кордъ и седло. У Шотки взяли клячу и двое боты мужицкихъ. У Рубина взяли ермякъ синий, люнский, взяли сокѣру и гусевъ семъ, и вепра, и лезиво ременное, и пенязей сто грошей Литовскихъ, бчолы двое выдрано, и самого збили, и косы две, и шлякъ узяли, и три разы его мучили, стрелами руки кололи. Зенцови узели две делѣи: люнская одна, а другая зеленая, шубку белчую взяли, бодни две розбили зъ белыми шатами, и побрали: ручницъ две, перинъ две попали и подушки, бчолъ шестеро подрали. Веремиеви взяли коня и бчолъ двое выдрано, бодню розбили, и плате белое побрали. У Лучка клячу взяли. Петрковому сынови ухо урезано. Изанови Вашини взято: трое коней, а сермягу, и три пороховницы съ порохемъ, кошуль шесть У Наума взели: трое коний, два вепри взяли, и двое поросятъ забили и взяли. Иванови ухо урезано. У Сидора взяли коровъ две. У Гуменника: клячу взяли, и ухо урезали, и копенякъ взято. У Тимоша: коня взято и сагайдакъ зъ белымъ платемъ, бодню розбили съ хустами, и бчолъ двое выдрали, дѣжку меду и масла дѣжку другую. У Белявы ременное лѣзѣво его взяли, и сынови ухо урезано. У Фурса Исаличина взяли двое коней и зъ седломъ. И Журакови ухо урезано. Чейкизови бчолы выдрано двое и коробку меду взели. Реестръ шкодъ ве дворцу Тучинскомъ, ко-

торые козаки починили: напродъ быдла: воловъ одиннадцать, коровъ шесть на отеленю, быковъ шесть, гусей двадцать и четвере, куръ шестдесятъ и четвере, каплуновъ осмнадцать, качокъ дванадцать, свиней осмеро, поросятъ малыхъ осмеро, въ гумне зъ мацу овса было, то взяли, гречки полъ мацы, жита зъ мацу зепсовали, въ гумне солоду съ полъ мацы было, и тотъ потравили конми. Шкоды дворника Тучинского: напродъ коня, пенязей пять копъ, што было шатъ белыхъ съ тыми зложане (sic) розбили и побрали, шапокъ две, шаблю. Валкови, слузе пана Кгореховского взели коня. Стасеви Машталереви взяли лукъ, шатъ белыхъ што было побрали. Наехавши въ ночи, такъ починили; невесту ве дворе зкгвалтовали, которая была зъ мѣста до дворца утекла, жито въ стыртахъ толко цѣло, а што се овса троха зостало, то въ снопахъ порозносили. Михнови Байкарабови: выдрано двое бчолы, ведро меду, чтыри полти мяса, ручницу, сермягу, масла дѣжку. Который же то реестръ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ 92 на оборотъ.

XXX.

Жалоба атамана Коростятинского Зенца на князя Петра Вороницкого и пана Александра Гулевича въ томъ, что они грабили село Коростятинъ и отрѣзывали крестьянамъ уши. 1596, Февраля 20.

Року тисеча патъсотъ деветъдесятъ шостого, месеца февраля двадцатого дня.

Пришедши на врядъ господарский кгродский Луцкий, до мене, Юря Кошиковского, буркграбего и наместника подстаросства Луцкого, атаманъ велможного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, Коростятинский Зѣнецъ, обтежливе жаловалъ, и оповедалъ: ижъ дей дня девятогонадцать месеца февраля, року теперешнего, деветдесятъ шостого, въ небытности его милости пана моего, такъ тежъ и въ небытности урядника его милости Тучинского, пана Яна Кгореховского, князь Петръ Станиславовичъ Вороницкий, и панъ Александеръ Демяновичъ Гулевичъ зъ сотнями своими, отпровадивши попа Острозского Демяна, брата рожоного Наливайкова до йменья его милости пана воеводы Киевского, места Острога, зъ маетности, которые во йменю, месте Тучине, въ

фолваркахъ, яко и въ иншихъ селахъ пана моего отъ мала до велика побравши, и приехавши до села Коростятина, тамъ же морды, бои и окрутенства великие, а праве тиранские почи-нили, и уши подданнымъ его милости пана моего Коростятинскимъ, человекомъ одицнадцатимъ поурезовали, остатокъ маетностей нашихъ забрали. И просилъ, абы тое оповедане его было принято и записано, а на огледане таковаго окрутного бою, морду подданныхъ Коростятинскихъ просилъ о приданье возного; я ему зъ уряду придавши возного, Григоря Вербского, и тое все до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ 86.

XXXI.

Жалоба намѣстника Тучинскаго на попа Наливайка въ томъ, что онъ ограбилъ въ мѣстечкѣ Тучинѣ домъ господскій и дворы мѣщанскіе. 1596, Февраля 26,

Року тисеча пятсотъ девятдесятъ шостого месеца февраля двадцатъ шостого дня.

Присылалъ на врадъ кгродский Луцкий, до мене, Юрья Кошиковского, бурkграбего и наместника подстароства Луцкаго, наместникъ пана Яна Игореховского, врадника Тучинскаго, Карпъ Игуменъ, жалуючи, и оповедаючи на попа Острозского, брата рожоного Семерия Наливайка о томъ, ижъ дей року теперешнего деветдесятъ шостого, месеца Февраля семогонадцатъ дня, который, маючи почотъ людей немалы, збойцовъ и лупезцовъ съ передникомъ гуфцемъ, подъ сто чоловѣка, яко збойца впередъ идучи, передъ войскомъ Наливайковымъ, брата своего, и, маючи возъ одинъ скарбный въ шестъ коней, а два возы скарбныхъ же по четыри кони, а купецкихъ вузковъ по два кони деветъ, зъ лупы и скарбами, приехавши до йменья его милости, вельможного пана Алексиндра Семашка на Хупкове, кашталяна

Брацлавского, старосты Луцкого, пана моего, места Тучина, и сталъ господою у дому Дубровского, который то попъ, мовою своею убезпечалъ, ижъ братъ его Наливайко не мелъ зъ войскомъ своимъ, на меня его милости пана моего Тучинского, ити, за которымъ дей то убезпеченемъ, коней его милости ездныхъ, и жеребцовъ нигде не отводилъ, ани быдла не выпровожалъ есми зъ дворца его милости Тучинскаго; и, гды самъ Наливайко зъ войскомъ своимъ до Тучина притегнути мелъ, тогды дей тотъ попъ Острозский до дворца его милости пана моего Тучинскаго зо всимъ тымъ людомъ, збойцами, товарышами и помочниками своими, и зъ возами всими уехалъ; тамъ же кони его милости ездные, жеребцы и быдло, съ фолварку его милости зъ собою забравши, и тежъ коня Станислава Коменского взявши, до дому своего, до Острога отправадилъ, то естъ меновите: коней его милости пана моего ездныхъ осмъ, жеребцовъ семнадцатъ, клячъ стадныхъ, што лепшихъ выбравши, осмъ; ку тому маетности у подданыхъ его милости мещанъ Тучинскихъ коней, быдла, шатъ, сребра и грошей готовыхъ не мало налупивши, маючи у Острозе, у дому матку свою и брата рожоного Наливайкова и сестру рожоную, зо всимъ тымъ до дому своего, до Острога отвезъ, и тотъ увесъ лупъ и грабежъ отпровадилъ. А такъ я тую жалобу и оповедане его до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ 96 на оборотъ.

XXXII.

Сознаніе возного о томъ, что князь Петръ Вороницкій и Александръ Гулевичъ дѣйствительно въ селѣ Коротятинѣ 11-ти человѣкамъ уши обрѣзали и другіе жестокіе поступки совершили. **1596**, Февраля 28.

Року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ шостого, месеца февраля двадцать осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною, Юремъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, ставши очевисто возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Григорей Вербский, ку записованью до книгъ кгродскихъ Луцкихъ тыми словы вызналъ: ижъ дей року теперешнего деветдесятъ шостого, месеца февраля двадцать второго дня, былъ есми, за приданьемъ отъ вряду кгродскаго Луцкого, во йменю его милости, велможного пана Александра Семашка на Хупкове, Кашталяна Браславского, Старосты Луцкого, въ селе Коростятине, виделъ есми у Сенка Михалевича ухо урезано, у Найдена ухо урезаное, у сына Бе-

лавина, Пацка ухо урезано, у Авдѣя Селивоновича ухо резано, у Семена Рубинова, наймита ухо резано, у Панаса Петриковича ухо врезано, у Андрея Перфиновича ухо врезано, у во Йвана Кучитова брата ухо врезано, у Гаврила Приймы ухо врезано, у Матфея Сушковича ухо врезано; а Клима Белавича окрутне збитого, Ивана Рубина всего опухлого, збитого виделъ есми, которое то порезанье ушей и избитье собе, подданые его милости пана Браславского, отъ Князя Петра Станиславовича Воронецкого, и отъ пана Александра Демяновича Гулевича, которые дей брата рожоного Наливайкова, попа Острозского, до Острога отпроважали, и назадъ зъ Острога, съ сотнями своими едучи за войскомъ, кгвалты, бои, тутъ во йменью его милости пана Браславского, починили и маетностей нашихъ немало зъ собою побрали. А такъ я тое очевистое возного сознанье до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года листъ 99 на оборотъ.

XXXIII.

Сознаніе возного о томъ, что, когда онъ отправился въ Острогъ отнимать кони, похищенные священникомъ Дамъяномъ Наливайкомъ въ Коростятинѣ, то священникъ съ угрозами его прогналъ; а когда онъ обратился въ замокъ Острожскій за свидѣтелемъ, то ему посовѣтовали уходить поскорѣе. 1596, Февраля 29.

Року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ шостого, месеца февраля двадцатьдевятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною, Юремъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстаротства Луцкого, возный енералный, шляхетный Григорей Вербский, ку записованю до книгъ тыми словы вызналъ: ижъ дей року теперешнего, тисеча пятъсотъ деветъдесятъ шостого, месеца февраля двадцат осмого дня, маючи при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Станислава Вербовскаго и Якуба Скрицкого, ездилъ есми зъ служебникомъ пана Яна Кгореховского, врядника Тучинского, Валентымъ Плевкою до Острога, тамъ же есми у дому попа Острозского, брата Нали-

вайкова рожоного, засталъ есми коней три: то есть одного полового, съ петномъ его милости пана Браславского, которого тотъ Плевка менилъ быти ступакомъ его милости пана Браславского, другого мышатого жеребца, третего плеснивого, белоногого съ петномъ, обадва его милости пана Браславского, тамъ же, у тогожъ попа засталъ есми у дому коня зрыжастрокатого, того менилъ быти дворника Тучинского, а звилчата полового, того поведилъ быть слуги пана Кгореховского, Станислава Каменского, и, кгды есми хотелъ тые вси кони личковати, тогды тотъ попъ Острозский, братъ Наливайковъ самъ мне около губы почалъ кивати, и до кия порвался, а потомъ, способивши брата своего рожоного и другихъ такихъ же помочниковъ своихъ немало, оныхъ коней личковати не допустилъ, и за нами гонилъ; потомъ, кгды есми зъ шляхтою и съ тымъ служебникомъ пана Кгореховского до замку Острозского пошолъ, тогды поткали есмо брата рожоного пана Ждана Боровицкого, войского Луцкого, и просилъ тотъ помененый Валентый Плевка о вижо (sic) на застате, въ дому попа Острозского, брата Налевайкова, тыхъ коней; тогды тотъ Боровицкий поведилъ: вижа я вамъ дати не могу, але вамъ ражу: уеждчайте оттоль прочъ, бо всѣ погинете; и то все тотъ Плевка мною, вознымъ и шляхтою, при мне будучою, осветчивши, мусели ночю прочъ уеждчати. Котороежъ то очевистое возного сознанье до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ 101.

XXXIV.

Сознаніе Возного о томъ, что онъ ѣздилъ въ замокъ Межирицкій, къ державцу Скотницкому требовать вознагражденія для Пана Семашки, Каштеляна Брацлавскаго, за убытки, причиненные подданными Мижирицкими въ его имѣніяхъ. Скотницкаго не было тогда въ замкѣ Мижирицкомъ, но Возный нашелъ въ немъ до 200 человѣкъ, мѣщанъ межирицкихъ и крестьянъ окрестныхъ селъ, которые называли себя сотнею войска Лободы, а также скотъ и лошадей, которыхъ они награбили въ имѣніяхъ Семашки. Урядникъ замка—Соколовскій и арендаторъ, жидъ Еся сказали Возному, что они не въ правѣ учинить справедливости надъ этими людьми въ отсутствіи державцы, но обѣщали до окончанія дѣла не выпускать ихъ изъ замка; когда-же Возный хотѣлъ клеймить лошадей, забранныхъ въ имѣніяхъ Семашки, то этого ему не допустили сдѣлать и съ побоями выгнали изъ замка. —1596, Марта 7.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ шостого, месеца Марца семого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарьскомъ Луцкомъ, передо мною, Юремъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто Возный енеральный, шляхетный Остафей Ратомский, ку записаныю до

книгъ кгродскихъ Луцкихъ созналь тыми словы: ижъ дей року, теперъ идучого, тисеча пятсотъ деветьдесятъ шостого, месеца Марца второго дня, маючи я при собе шляхту, людей добрыхъ: Петра Перекладовского, а пана Яна Климашовского, за приданемъ врядовымъ, былъ есми на справе и потребе его милости, велможного пана Александра Семашка на Хупкове, Кашталяна Браславского, Старосты Луцкого, то есть, за посланемъ его милости пана Браславского, ездилъ есми зъ старцемъ его милости Селищъскимъ, Грицкомъ, до его милости пана Яна Скотницкого, державчого места Межиречa и селъ до него належачихъ, и, кгды есмо до Межиречa приехали, и до брамы замку Межирецкого пришли, просили есмо, абы насъ до замку пущено, где заледве насъ пустить казано, а, вшедши въ замокъ, пыталися есмо о самомъ пану Яну Скотницкомъ, где бы на тотъ часъ былъ? которого намъ въ Межиречу бытъ не поведили, толко нѣякого Петра Соколовского, урядника, а Есю, жида-арендара Межирецкого, при которыхъ тамъ-же тежъ, въ замку ниякого Охрема Гуменницкого, мещанина Межирецкого и при немъ двесте чоловѣка людей: мещанъ и подданныхъ Межирецкихъ, Дивенскихъ и Щикичанскихъ бачили есмо, которого-то Гуменницкого, Сотникомъ войска людей своволныхъ, збойцовъ отъ Григоря Лободы быть меновано, а другихъ мещанъ: ниякихъ Пилипа Зарывченя, Дороша и Гордѣя Проскурничичовъ, Стася Комаровича, Марка зятя Пекарина, Висря Зарывченя, Молявку Богданчича, Велеся, Ивашка Олищченя, Ивашка Москалишина, Сестричича, Ивана Русаковича, Миска Кривопишу. Зъ села Дивня: Федора Колищченя, Федора Шелесте-

ня, Гацка Калинчича, Молявку Пшончича, Фецика Пшончича, Кузму Соловъевича, Левка Ластовчича, Ивашка Хотѣну. А зъ Щикичина: Андрея Онушченя, Онанку Настичича, Ничипора, зятя Игнатова, Мойсея Путиловича, Мишка Денисовича, Корнила Осиповича, атаманами тоежъ сотни Гуменницкого быти поведили намъ; которыхъ то поменныхъ: Петра Соколовского, урядника и Еси, жида арендара, кгды помененый старецъ его милости пана Браславского, въ небытности тамъ на тотъ часъ самого пана Скотницкого, о вчинене справедливости, на тыхъ всѣхъ, вышей имены помененыхъ, при нихъ въ замку Межирецкомъ будучихъ, мещанъ, подданыхъ Межирецкихъ, Дивенскихъ и Щикичанскихъ просилъ, даючи вину, и жалобу чинечи такъ на оныхъ самыхъ: Петра Соколовского а Есю, жида арендара Межирецкого, яко и на помененыхъ, при нихъ также будучихъ, мещанъ, подданыхъ Межирецкихъ, Дивенскихъ и Щикичанскихъ, о починене кгвалтовъ белымъ головамъ, боевъ, мордовъ людемъ невиннымъ поронене, побите подданыхъ на смерть, луповъ побране маетности, и пограбене коней, презъ двесте, быдла рогатого—на пятьсотъ поголовья, пенязей готовыхъ—на две тысечи копъ грошей Литовскихъ, подданымъ его милости пана Браславскаго, въ месте Хупкове, и въ селахъ: Селищу, Утинкахъ, Быстричахъ, Холопахъ, Серхове, Моквине, Дрыховыхъ озерцахъ и Милотине, черезъ нихъ сталыхъ. Где немало такихъ коней, клячъ и быдла рогатого: воловъ, коровъ, яловицъ, озимковъ и иншого презъ килка сотъ въ замку Межирецкомъ бачили есмо, што все старецъ и подданые пана Браславского, которые зъ нами тамъже были, меновали, ижъ

дей то кони и въсе быдло есть власное наше, подданыхъ его милости пана Браславского, зъ волости Хупковское, домовлявючисе, абы ото все съ тыхъ, верху менныхъ: Охрѣма Гуменницкого и всихъ иншихъ менованыхъ, и, которые одно при нихъ на тотъ часъ были, подданыхъ Межирицкихъ, Дивенскихъ и Щикичанскихъ справедливость учинена, и тые всѣ шкоды подданымъ его милости пана Браславского нагорожены были; теды помененые Соколовскій, урядникъ и Еся, жидъ арендаръ Межирецкие, поведили: ижъ дей мы съ тыхъ мещанъ и подданыхъ Межирецкихъ, Дивенскихъ и Щикичанскихъ никому жадное справедливости ни о што не вчинимъ, и жадныхъ шкодъ такимъ нагорожати не кажѐмъ, яко и сами не будемъ; кому треба, нехай собе до его милости пана Скотницкого едетъ. Што верху-менованый старецъ, мною вознымъ и шляхтою помененою осветчивши, по вторе у Петра Соколовского, урядника и Еси, жида арендара домовлялсе, абы, за невчиненемъ слушное справедливости зъ тыхъ то, вышей мененыхъ людей, тые кони черезъ мене, возного личковатъ допущено было; а якъ самого того Охрема Гуменницкого, Сотника, также и тыхъ, которые се атаманами бытъ поведели, въ припоруце, въ сороку тисечей золотыхъ Полскихъ, до усправедливеня, зъ замку Межирецкого не спущано. А тотъ урядникъ и арендаръ, вышей менованые, поведили: ижъ дей мы всѣхъ тыхъ верху-менованыхъ подданыхъ пана своего, въ той припоруце и въ арեште приймуемъ, и до усправедливеня жаденъ зъ нихъ не уйдетъ, и о то ся каждому справятъ, а што се дотычетъ коней, тые вамъ личковать допускаемъ, которые кони, кгдымъ Возный,

при шляхте помененой, личковатъ почалъ, и вже былъ трое коней зличковалъ, Петръ Соколовский, урядникъ и Еся, жидъ арендаръ Межирецкий съ тыми всими людми, поддаными Межирецкими, Дивенскими и Щикичанскими, не допускаючи намъ остатка тыхъ коней личковати, насъ зъ замку Межирецкого выгнали и отъ коней, и били, што все тотъ старецъ его милости пана Браславъского, мною, Вознымъ и шляхтою осветчивши, и съ тымъ есмо зъ Межиреча отехати мусели. А такъ я тое очевистое сознане возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, справъ поточныхъ, 1596 года листъ 129.

XXXV.

Приговоръ къ смертной казни Судомъ Гродскимъ Луцкимъ людей своволъныхъ, пойманныхъ во время грабежа Села Коростятина, которымъ доказано было, что они, именуясь Сотнею войска Лободы, занимались въ Луцкѣ и окрестностяхъ его разбоями и грабежемъ и дѣйствительно намѣривались соединиться съ Лободою.—1596, Марта 30.

Року тисеча пятсотъ деветъдесятъ шостого, месеца Марца трилцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ передо мною, Александромъ Семашкомъ на Хупкове Кашталяномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, где на тотже часъ при мне были урядники мое кгродские Луцкие: Панъ Щасный Кгалезский, Подстаростий, а панъ Матесъ Стемпковский, Судья и иныхъ пановъ обивателей такъ Воеводства Волынского, яко и иныхъ пановъ шляхты, кгды ся отправовала справа съ тыми, которые при небожчику Остафию Слуцкомъ, который ся звалъ Сотникомъ войска людей своволныхъ, козаковъ Гетмана Лободы, (были) Андреемъ Ганскимъ, который ся озывалъ атаманомъ сотни того то Слуцкого, который то небожчикъ Остафий Слуц-

кий, Сотникъ, яко кгвалтовникъ и бунтовникъ на кгвалте, во именю Коростятине самъ есть забитъ, а атаманъ Ганский зъ другими помочниками и товарышами своими, на имя: Адамомъ Пясецкимъ, а Адамомъ Сикорскимъ, Зарембою, Яномъ Карлинскимъ, Гавриломъ Плавскимъ, Матияшемъ, Евхимомъ на томже кгвалте суть пойманы, и до везеныя замку тутешнего Луцкого............. даны, и кгды были передъ урядомъ поставлены, также кгды никоторые речи розныхъ особъ, черезъ нихъ кгвалтовне побраные, и при нихъ на томже кгвалте въ Коростятине найденые, и зъ ними самими посполъ на врядъ тутошнiй Луцкий отданые, тутъ же, на праве были положоные, поставленые, то есть меновите: кони семъ, сукня блакитная, любская, жоноцкая, зоксамитомъ; листы справы его милости пана Василя Загоровскаго, ермякъ блакитный, Швебединскiй, ручница пташая, лись (sic) подшитая; киру блакитного локоть семь, на которыхъ, на продъ его милость панъ Василей Загоровский, Кашталяновичъ браславский чинилъ жалобу словную, тымъ способомъ: ижъ року теперешнего, деветдесятъ шостого, месеца Генваря двадцать пятого дня, съ четверга на пятницу о килька годинъ вночъ, небожчикъ Остафий Слуцкий, Сотникъ, Андрий Ганский, атаманъ, Адамъ Пясецкий, Адамъ Сикорский, Заремба, Янъ Карлинский, Гаврило Плавский, Матияшъ и зъ ыными многими товарышами и помочниками своими, съ разнымъ оружьемъ, войне належачимъ, недбаючи ничого на боязнь божую и и на срокгость въ праве посполитомъ на таковыхъ лотровъ, розбойниковъ, людей свовольныхъ, бунтовниковъ, покой посполитый взрушаючихъ, уфаленою, не отповедне, не пристойне, а

праве зрадецки, лотровски и розбойнымъ обычаемъ нашедши моцно кгвалтомъ, на господу мою, которуюмъ на тотчасъ мелъ въ месте Луцкомъ, въ Троецкой улици лежачую, въ дому мещанина Луцкого Станислава Главера, тамже, подкопавшися до пивницы, яко злодѣи и розбойники, а съ пивницы добившися до синей, тамже кгды были вси, пыталемъ, хто бы былъ? а Ганский поведилъ: ижемъ есть Михайло Гулевичъ, чомумъ кгды неверилъ, абы то былъ панъ Гулевичъ, таже они, чинечи досыть предсявзятому, злому умыслу своему, зъ сеней вломившися кгвалтовне до избы, мене, яко чоловека хорого, никому ничого а ни имъ самымъ невинного, спокойного, покоемъ права посполитого убезпечоного, мене самого збили, змордовали и нецнотливе, а непристойне зранили, обелжили, ажемъ заледве утекъ до замку тутошнего Луцкого; и то все заразомъ, передъ паномъ Подстаростимъ, на вряде оказалъ и объявилъ, при чомъ маетность мою, штомъ одно мелъ на тотчасъ при собе, въ господе менованой, то все кгвалтовне побрали, и на пожитокъ свой обернули, то есть; на продъ взявши шкатулу мою, и оную розбивши, вынели зъ неи справу правную, которуюмъ мелъ съ паномъ братомъ моимъ, зъ его милостью Княжатемъ Юрьемъ Михайловичемъ Чорторiйскимъ, до запису, где съ поступку правного декретъ трибунальский одержаломъ былъ, которымъ ми на Князю Чорторыскомъ шесть тисечей золотыхъ польскихъ присужоно, тую всю справу, процесъ ее и декретъ взяли, въ чомъ собе шацую шкоды на шесть тисечей золотыхъ польскихъ; другую справу взяли, которуюмъ мелъ съ тымже Княземъ Чорторыскимъ, братомъ моимъ, до

кгроду о грабежъ и съ паномъ Юрьемъ Вербицкимъ, въ забранью тое справы шацую собе шкоды на тисячу золотыхъ польскихъ; тамже взели квитъ отъ Федора Пузовского на осемъ золотыхъ, мне належачій, въ тойже шкатуле взели петличекъ турецкихъ, золотомъ и блакитнымъ шолкомъ барзо чудно робленыхъ, полтора тузина, петлицъ пару великихъ до копеняка зъ золотомъ и кармазыномъ червонымъ, арабца (sic) зъ золотомъ и блакитнымъ шолкомъ чудне зробленые и новые взяли, што ме коштуютъ тридцать золотыхъ польскихъ; тамже взяли въ ворку полотняномъ зготованыя кольца выбияные мое, яжовые, позлотистые, зъ брайцарками (sic) зъ гапликами и пряжками позлотистыми, яко на чотыри ряды до накгловковъ, наперсковъ и пожвовъ, што ме коштуетъ двадцать копъ грошей литовъскихъ; грошей готовыхъ взяли ничого большъ, только полтора золотыхъ польскихъ; въ попсованю шкатулы, где ее лупали, шацую себе шкоды на полтретя золотыхъ польскихъ; Пясецкий взялъ курту червоную, которая ме коштуетъ десять золотыхъ польскихъ, сукна киру блакитного взяли локоть десять, што ме коштуетъ полчетверта золотыхъ, сукно сталовое, которое мя коштуетъ полтора золотыхъ польскихъ, постель взяли, которое сама колдра куплена за шестьдесятъ золотыхъ у болоховца, навлочекъ четыри новыхъ, двей рубковыхъ, а две коленскихъ; а тые рубковые зъ лыштвами венецкими и форботами безъ лиштовъ, посередъ того простирадла форботъ нашито, а третее коленское; товальну (sic) рубковую одну зъ лиштвами широкими, вышитыми; кошуль рубковыхъ двѣ, а третяя коленская, двѣ штучки полотъна рубкового, шесть ло-

котъ полотъна ткацъкого, въ которыхъ, вышъпомененыхъ, полотенныхъ речей шацую собе шкоды на двадцать копъ грошей литовскихъ; панчохи взяли, за золотый купленые, мѣшокъ, за полъзолотого купленый, шапку чорную, аксамитную, куны подшитую, коштовала пятнадцать золотыхъ польскихъ; што все побравши и забравши на пожитокъ свой, где, они сами лепей ведаютъ, обернули и то все, такъ тое кгвалтовное найштье, подкопане подъ домъ, бой, раны свое, яко и шкоды, притомъ сталые, заразомъ навряде тутошнемъ оповедавши, и возный обведши, оказавши, и осведчивши, до книгъ кгродскихъ луцкихъ записати далъ, чого доводечи, показалъ выписъ съ книгъ кгродскихъ луцкихъ, подъ датою року теперешнего, деветъ десятъ шостого, месеца Генваря двадцать шостого дня учиненную, и по таковой жалобе словной, просилъ и домовлялъся, абы тые то злочинцы, розбойники, люде свовольные и бунтовники, покой посполитый взрушаючие, за таковые злые поступки и збродни ихъ, срокгимъ караньемъ на горле караны были, указуючи то съ права посполитого и конституцыи, о таковыхъ людехъ свовольныхъ и бунтовниковъ уфаленое, аже подъ срокгое каране за таковые свои зложинства, кгвалты, розбое каранемъ на теле и на горли подлегли, а до того ижъ его королевская милость о тыхъ свовольникахъ писати рачилъ, ижъ бы на нихъ за таковые поступки ихъ, екъзекуцыя выконана была. На которую таковую жалобу пана Загоровского, Анъдрей Ганъский, будучи очевисто съ другими товаришами его: Адамомъ Пясецкимъ, Адамомъ Сикорскимъ, Яномъ Карлинскимъ, Зарембою, Гавриломъ Плавскимъ, Матияшемъ и Евхимомъ, пове-

дилъ, ижъ зъ небожчикомъ Остафьемъ Слуцкимъ, Сотникомъ своимъ и съ товаришами своими нашли есмо были на господу пану Загоровскому, и, абы мне панъ Загоровский непозналъ, зваломся Михайломъ Гулевичомъ, а Пясецкий шкатулу розлупалъ, и што въ ней было розобрали есмо все, на што Пясецкий поведилъ: ижъ, ачемъ зъ ними посполу былъ въ товаристве, алемъ шкатулы не лупалъ, только самъ Ганский, и домовлялся, абы на томъ Ганский присягу учинилъ, якомъ я тую шкатулу разлупалъ, а я готовъ меча утерпети, або, еслибы то зъ суду было наказано, я зо всими товаришамы естесмы готовы Ганского, яко принцыпала тоее все справы поприсягнути, ижъ што колвекъ есмо таковогo збродного чинили, то все за побудкою, намовою, радою и початкомъ его, кгдыжъ Ганский, мешкаючи въ Князя Януша Станиславовича Вороницкаго, въ Омелянику, и небожчика Остафья Слуцкого, а при немъ насъ усѣхъ намовилъ, абы, сотню зобравши, ехалъ зъ нимъ до войска Гетмана Лободы, якожъ есмо и поехали были, и небожчикъ Слуцкий, Сотникъ нашъ, кгды былъ забитъ на кгвалте и коналъ, на тотъ часъ плакалъ и нарекалъ на Ганского, атамана, ижъ его до того привелъ и намовилъ; а Ганский поведилъ: ижъ мене поприсегати не потреба, бося и самъ знаю, жемъ тамъ былъ зъ ними посполу. Карлинский поведилъ ижъ, кгдысь мы нашли на господу пану Загоровскому, тамъ Ганский далъ мне былъ колдру пана Загоровского вколо атласу червоного, а всередине злото...... иншие речи на тотъ же часъ розно розшарпаны были. Потомъ мещане места Луцкого и Жиды обоего збору: Рабанъского и Караимскаго, зо всимъ посполитствомъ чинили жалобу на тыхъ же свовольниц-

ковъ, ижъ не пооднокротъ зъ небожчикомъ Остафьемъ Слуцкимъ, который ся менилъ быть сотникомъ войска Лободина и Андреемъ Ганскимъ, атаманомъ, кгвалты, бое, розбое чинячи, своволне въ месте тутошнемъ Луцкомъ отбиваючи двери у коморъ, маетности кгвалтовне брали и лупили, также, до пивницъ двери отбиваючи, и ламълючися, меды и иные напое усилне, и кгвалтовне брали, и часу одного, приехавши въ ночи неведоме подъ ратушъ и домъ пушкаря и слюсара местского, Ивана Лазоровича, и добывшися въ домъ, до коморы крамное ратушъное, где ремесло пушкарское челядь его отправовала, короткихъ ручницъ три, а полгаковъ деветь кгвалтовне побрали и домъ ратушъный злупили, и потомъ, перенявши суседа нашого, мещанина Малхера Балвера, который шелъ отъ хорого, тамъ же его збили, и зранили, тамже на тотъ же часъ мещанку места луцкого, Войтеховую Абтекарку, которая пахоля его милости пана подкоморого луцкого зъ дому зъ виномъ выпровожала, въ того пахоляти вино отнявъши зъ кгарцемъ, самую зшарпали; также тежъ року теперешнего, деветъ десятъ семого, месеца Генваря шостого надцать дня, тотже Остафей Слуцкий, Сотникъ, атаманъ Ганский съ помочниками своими: Княземъ Янушомъ Станиславовичемъ Вороницкимъ, Микитою Викгурою, Северином Жуковецкимъ и иншими многими помочниками, съ понеделка на волторокъ о килька годинъ вночъ, нашедши кгвалтовне въ домъ Клима Котольника за Глушцемъ, тамже добившися и вломившися кгвалтовне, въ тотъ домъ, замъки до коморъ и до пивницы, и двери повыбиявши, речей не мало побрали, то есть меновите: делию червоную, фален-

дишовую, бакгазиею подшитую, жупанъ синий, тифтуховый, зъ кгузиками сребными, пулгаковъ два, кордъ, шапку одну кунами, а другую лисами подшитую, шапку оксамитную, шаблю заставную росткову его милости пана Киевского, тлумокъ зъ речами Кгорецкого, кошулъ двѣ мужскихъ, а жонскихъ двѣ, перемишокъ двѣ и ручникъ, боты козловые новые, бачмакги сафяновые, поясъ сребный, съ пивницы меду бочокъ две взявши, и въ чолнъ впровадивши, и на Красное отвезли, а инши пошли и, самого того господара, суседа нашого звезавши, утопити хотели, ажъ ся заледве упросилъ; такъ тежъ другого суседа нашого, Супруна Скрыпку тыежъ менованые кгвалтовники, наславши товариша своего Ганъского на домъ его, вночи, съ кильку надцати чоловековъ имъ подобныхъ, добывшися въ домъ, и до пивницы вломившися, бочку меду съ пивницы взявши, и на возъ вставивши изъ места повезли. Уставичне незмерные шкоды, ... кгвалговне тыежъ пречоные особы намъ мещаномъ, купцомъ и всему посполству, ажъ до выехання зъ Луцка того то Остафья Слуцкого съ товаришами его верхуменоваными до войска Лободина (чинили), чого всего доводечи, и на нихъ инстикгуючи, показовали оповеданя и возныхъ сознаня на вряде учиненые, при чемъ просили, абы тые то верхупомененые особы, на кгвалте пойманые, и до везеня отданые, а теперь передъ врядомъ, до учиненя зъ нихъ справедливости поставленые, справедливость водле права и росказанья Его Королевское Милости зъ нихъ, яко людей свовольныхъ, кгвалтовниковъ, розбойниковъ и бунтовниковъ, покой посполитый взрушаючихъ, учинена была, то есть, ижъ бы за таковые злые учинки ихъ, на теле и на

горле караны были; за которою таковою жалобою, отъ мещанъ луцкихъ учиненою, Пясецкій поведилъ: ижъ, кгды мы отъ господы пана Загоровского, справивший тамъ што была потреба, ехали, Ганскій мовилъ небожчикови Слуцкому, Сотникови: ижъ пане Сотнику, потреба намъ стрельбы; тамъ же Слуцкій поведилъ, быти своихъ полгаковъ чотыри у того пушкара, за чимъ Ганъский, зъседши съ коня, самотреть зъ Сикорскимъ и зъ слугою Кошъчиномъ, ручницъ короткихъ три, а полгаковъ деветь у того Ивана Слюсара, въ томъ дому ратушномъ побрали. А Ганский поведилъ: ижемъ только ручницъ три взялъ, а Сикорскій три, Кошчинъ слуга три, а потомъ, кгды товарыши его сознали, же Ганский тые усѣ ручницы, у того пушкара побраные, у себе мелъ, до того тежъ ся Ганский призналъ; а потомъ Пясецкий поведилъ: ижъ часу одного просилъ насъ усихъ Князь Янушъ Станиславовичъ Вороницкий на копу меду, тамже пошедши за Глушецъ, у Клима Котельника взяли барило меду съ пивницы, а бочку росточили; и видилъ боты и бачмакги у хлопца Ганского, жупанъ безъ кгузиковъ, тотъ ямъ за росказанемъ небожчика Слуцкого взялъ, иншихъ речей, абы мели брать, не бачиломъ. Потомъ Левко Кушънеръ чинилъ жалобу на тыхъ же свовольниковъ: ижъ дей на тотже часъ, кгды кгвалтовне находили на домъ Клима Котельника, тогды перенявши на улици въ ночи мене, чоловека спокойнаго, никому ничого, а ни чимъ невинного, кгвалтовне розбили, и жупанъ зъ мене синий, каразѣевый зняли, шапку лисы подшитую, а мене самого утопити хотели, и уводу подъ мостъ укинули, ажемъ заледве уфатился за стовпъ, задержалъ, што Ганский обачивши

на мене зъ ручницы стрелилъ, и зъ ласки Божое, хибылъ; до чого ся Ганский и самъ зналъ, а до знятья жупана и шапки Карлинский признался. Потомъ Левко Мыльникъ зъ места Луцкого скаржилъся: ижъ, поткавши мене, тыежъ свовольники, тамже мене самого збили, зранили, и розбили, и Ганский у мене тисавого, лысого коня отнялъ; а Ганский поведилъ: ижемъ я у тебе жадного коня неотыймовалъ, только небожчикъ Слуцкий, Сотникъ, взявъши, и Сикорскому на немъ ехати далъ, до того ся Сикорский зналъ; а Мыльникъ поведилъ: ижъ, яко Ганский у мене коня отнялъ, на томъ готовъ есми присягу учинити, за которымъ таковымъ домовенемъ того то Левка Мыльника, зъ розсудку права присяга ему была наказана, и Возный, до прислуханья ее, шляхетный Матысъ Славокгурский былъ приданъ, которуюжъ то присягу заразъ передъ урядомъ, при Возномъ менованомъ учинилъ, и выконалъ въ тые слова: ижъ того коня, у него въ дорозе перенявши кгвалтовне, Ганский отнялъ, и его самого збилъ и зранилъ, за которымъ таковымъ выконаньемъ присяги, тотъ конь ему зъ уряду былъ отданъ. Потомъ Олексий зъ Белева чинилъ жалобу въ тые слова: ижъ року теперешнего, деветьдесять шостого, тыежъ свовольники зъ Остафьемъ Слуцкимъ, который ся менилъ быть Сотникомъ Гетмана Лободы, зъ Ганскимъ, атаманомъ и тыми помочниками своими, тутъже будучими, наехавши моцно кгвалтомъ на именье его милости пана Анъдрея Одинца, тамъже насъ, подданныхъ тамошнихъ окрутне и немилостиве побили и помордовали, стацыю собе давать казали, которую стацыю, видячи мы таковый утискъ и кгвалтъ, оную имъ дати есмо мусили, потомъ они,

мало на томъ маючи, тамже у мене до коморы двери выбивши, и скрыню розлупавши, взяли зъ нее жупановъ два люньскихъ изъ кгузиками сребнеми и гермакъ люнский синий изъ шкурами чорными, сукню блакитную люнскую, жонецкую, зъ оксамитемъ, шапокъ жоноцкихъ оксамитныхъ двѣ, полотна локоть шестьдесятъ, шапку лисы подшитую, кошулю колинскую жоноцкую, грошей готовыхъ шестъ копъ и иныхъ речей барзо много. По которой таковой жалобе тыето свовольники, а напродъ Сикорский поведилъ: ижъ Ганского слуга зъ другими, взявши тую скрыню и розбилъ ее въ кузни, и тые речи розобрали; Гаврило Плавский знался, ижъ жупанъ одинъ взялъ; Заремба знался, ижъ тежъ одинъ жупанъ узялъ, а кгузики серебреные, отъ него отпоровъши, Слуцкий взялъ и кгермакъ тежъ Слуцкий взялъ, а сукню жоноцкую слуга Ганского далъ мне нести, и ямъ ее у тороки былъ увезалъ. Ганский взялъ гроши, шапку одну и пороховницу, полотно тое слуга Ганского взялъ; а Ганъский ся зналъ, ижъ тые гроши, пороховницу и шапку взялъ; иншихъ речей неведаемъ. Потомъ, ставши шляхетный панъ Прилуцъкий, жаловалъ въ тые слова: ижъ року теперешнего, деветъдесятъ шостого, месеца Генвара двацать семого дня, впередъ помененые: Остафей Слуцкий, менуючеся быть Сотникомъ войска Лободина и зъ Андреемъ Ганскимъ, который ся меновалъ быть атаманомъ сотни Слуцкого, зъ ыншими помочниками и товарышами своими, приехавши кгвалтовне до именя Житина, тамже бравши кгвалтовне стацыю въ подданыхъ тамошнихъ, и брата моего пана Андрея Прилуцкого намовляли, абы имъ товариша (sic) до войска Лободина помогъ, который кгды на

то не позволилъ, и позволити не хотелъ, тамже его окрутне и нелитостиве, а праве тирански посторонками и нагайками збили, змордовали и зранили, а у подданого тамошнего, наймя Осипа, коня кгвалтовне взели и кгермакъ синий швебединский изъ шнурами; а у корчмы, въ шинкарки, у пояся зъ мешкомъ урвали грошей три копы; на которую таковую жалобу Пясецкий поведилъ: правда то есть, ижъ его Слуцкий, Сотникъ нашъ, зъ Ганскимъ, атаманомъ пана Прилуцкого намовляли, абы намъ товарыства Лободы допомогъ, на што кгды панъ Прилуцкий не позволилъ, тамже его небожчикъ Слуцкий, Сотникъ нашъ, изъ Ганскимъ нагайками и посторонками били, а того коня у того подданого, также и гроши у шинкарки зъ мешкомъ у пояса урвалъ Ганский, атаманъ нашъ, чого ся Ганский не крилъ. Потомъ, ставши подданый зъ Деряжны, на йм Исай Скуратъ, чинилъ жалобу на тыхъже своовольниковъ, ижъ дей, кгды выехали зъ Житина, тамже въ дорозе и мене, человека никому ничого ани имъ самимъ невинного, збили, змордовали и коня у мене, шерстью сивого, зъ седломъ, кгермякъ белый брезинский отняли и розбили; а Ганский поведилъ: правда, ижемъ того коня у него взялъ, алемъ ему мовилъ, абы за нами тотъ то Исай Скуратъ шолъ до ночлегу. хотечи ему того коня его отдати, и вернути, нижли онъ упорне того учинити и за нами ити не хотелъ; зачимъ тотъ то Исай Скуратъ брался до присяги, яко тотъ есть властный конь его, въ дорозе черезъ Ганского отъ него кгвалтовне есть взятъ, на чомъ теды ему присяга была наказана, которую заразъ тутъ же, передъ урядомъ при возномъ, Матысе Славокгурскомъ учинилъ и выконалъ,

въ тые слова: ижъ правдиве въ дорозе, перенявши его тые свовольники, и Ганский самъ отнялъ у него того то коня, и есть его властный; по которомъ выконаню тоее присяги, тотъ конь зъ уряду ему былъ отданъ. А потомъ Пясецкий зъ ыншими поведилъ: ижъ Ганский небожчика Слуцкого намовилъ, абы ся учинилъ Сотникомъ, и, зобравшися, ехалъ до войска Лободина, а отъ того войска Лободина, взявши килка сотни, мелъ на якогось шляхтича въ Киевской земли, на домъ наехати, и тамъ за ниякоесь побране почту своего мститисе, якожъ и ехали есмо, нижли ся намъ непощастило, ижъ насъ въ Коростятине поймано, и сотника нашего, Остафья Слуцкого на кгвалте забито; чого ся Ганский не прилъ; тотежъ тотъ Пясецкій поведилъ, ижъ Ганский, яко атаманъ нашъ зъ небожчикомъ Слуцкимъ, Сотникомъ нашимъ тамъ были постановили, ижъ, кгдыбы который колвекъ зъ насъ утекъ, або утекалъ такового розстреляти мели, и насъ пильновали. Потомъ, ставши Тивонъ Коростятинский, наймя Зѣнецъ зъ суседами своими зъ именья Коростятина, наймя: Игнатъ бояринъ, пакъ Гринецъ Щотка, чинили жалобу на тыхъ же свовольниковъ таковую, ижъ року нинешнего деветдесятъ шостого, месеца Генваря двадцать осьмого дня, зъ субботы на недѣлю, въ ночи, въ небытности его милости пана Браславскаго, пана нашого, во именю Коростятине, наехавши моцно кгвалтомъ на тое то имене Коростятинъ, Остафий Слуцкий Сотникъ, изъ Андреемъ Ганскимъ, атаманомъ, съ товаришами своими: Адамомъ Пясецкимъ, Адамомъ Сикорскимъ, Яномъ Карлинскимъ, Зарембою, Гавриломъ Плавскимъ, Матияшемъ и Евхимомъ и зъ иными многими помочниками,

собе подобными, тамъ же поведаючи ся быть Козаками зъ войска Гетмана Лободы, и насъ самыхъ окрутне побили и поранили, и маентность нашу, отбиваючи коморы, кгвалтовне брали, и лупили, а кгды есмы, зобравшися, немогучи на собе таковото утяженя большей зносити, и долей тое крывды терпети, почали ся есмо имъ отъ того кгвалту отнимати, тамже, на томъ кгвалте Остафей Слуцкий, Сотникъ, яко кгвалтовникъ, самъ есть забитъ, а тые помочники его и съ принципаломъ помененымъ Ганскимъ, атаманомъ, пойманыи, и тутъ передъ урядомъ поставленныи, иншие повтекали, о чемъ есть оповеданя на врядехъ учиненые, и сознане Возного, который таковото кгвалту оглеталъ, показали выпись съ книгъ кгродскихъ Луцкихъ оповеданя и Возного сознаня въ той справе учиненые, и при томъ бралися до присяги, хотечи ихъ, яко кгвалтовниковъ поприсягнути до которого учинку помененые свовольники до всего добровольне ся признали, а за тымъ тые то помененые подданые Коростятинские присягу водлугъ домовеня своего заразъ передъ урядомъ при Возномъ, Григоремъ Вербскимъ учинили, и ихъ, яко кгвалтовниковъ и бунтовниковъ поприсягли, за которымъ выконанемъ присяги, вышейпомененые поводове вѣ просили, абы тые обжалованые, яко злочинци, на теле и на горлехъ караны были, по которыхъ таковыкъ жалобахъ пречечоныхъ, передомною на вряде певне чиненыхъ, я ихъ, достаточне зъ обу сторонъ выслухавши, и добре зрозумевши, а бачачи то, ижъ на каждую жалобу на тыхъ свовольниковъ, передо мною, при вряде моемъ, то есть: Пану щасному Кгалезскимъ, Подстаростимъ, а пану Матею Стемпковскому, судьею и иными многими людми

добрыми, на тотчасъ до тое справы зграмажоными, отъ розныхъ особъ чиненую, и яко противъ одныхъ кгвалтовниковъ, разбойниковъ и бунтовниковъ инстикгованую, тые то свовольники, яко: Андрий Ганский, который, таковую свою волю усильне ростегаючи, и беручи ся до войска Лободина, атаманомъ ся звалъ, и товарыши его: Адамъ Пясецкий, Адамъ Сыкорский, Янъ Карлинский, Заремба, Гаврило, который ся звалъ Плавскимъ, Матияшъ съ Полоное, Евхимъ зъ Житина, до таковое своеволе очевисто ся знали, ижъ, за намовою Ганского, зъ Остафиемъ Слуцкимъ, Сотникомъ, до войска Гетмана Лободы, зъ нимъ ехали; и такъ въ месте Луцкомъ кгвалты, нахоженье на господы, на домы местские и побранье маетностий лупы чинили, такъже по селахъ и въ дорозе розбияли, кгвалтовне маетности людей вольныхъ, имъ ничого невинъныхъ, брали, лупили и шкоды чинили имъ, право посполитое, покой, имъ обварованый, зкгалтили и въ вины, яко бунътовники, покой посполитый взрушаючие, каранемъ на теле и на горле подлегли; прихиляючися теды въ томъ всемъ до права посполитого и констытуцый, о таковыхъ бунтовникахъ утвореные, также и до листа Его Королевское Милости, до мене, о тыхже свовольникахъ писаного, наказую, абы его милость, панъ Загоровский, такъ же и мещане Луцкие, которымъ ся таковые шкоды (стали), тамъ, при таковой жалобе своей, тыхто свовольниковъ, яко бунтовниковъ, розбойниковъ и кгвалтовниковъ поприсягнули. Панъ Василей Загоровский поведилъ: поневажъ дей до всихъ речий и кгвалтовного нахоженя на домъ, и побраня маетности, они ся сами добровольне знаютъ, надъ которое таковое призване никоторого

доводу большъ ани присягъ чинити не есть потреба, и, указавши то съ права посполитого, домовлялся, абы каранемъ на горле всказаны были; места Луцкого, отъ тыхъ то свовольниковъ укрывжоные, поведили: абы дей водле права таковое присяги чинити не было потреба, однакъ мы, будучи окрутне одъ нихъ не поодноокротъ свовольне зъубожоны, и таковые долеглости отъ часу немалого уставичне терпимъ, и на собе зносимъ, таковое присяги, если бы съ права слушне учинить была потреба, оное выконать незбороняемъ ся. А потомъ никоторые зъ шляхты, при мне, на вряде, на тотъ часъ, и при той справе будучие, поведили: ижъ дей, хотяжъ ся то показало, же они никоторые маетности, часовъ певныхъ, у розныхъ особъ брали, до чого ся и сами добровольне, а не зъ жадного примушеня знали, за то караня на горъли терпить не подълегъли, только-бы за доводомъ укрывжоныхъ, въ нагорожене имъ шкодъ платить суть повинны, што я, бачачи таковые розные интенцые и зданя ихъ, сказуючи ихъ всихъ яко злочинцовъ на горло, и зъ выконанемъ тое екъзекуцыи, подъ которую подлегли, задержавшися для тыхъ то сентенцый, и несквапяючися надъ некоторыми зъ насъ, але тыми, которые ся быть меновали людъми народу шляхетского, меновите: Андриемъ Ганскимъ, атаманомъ и тоее всее справы принципаломъ, также и товарышами его: Адамомъ Пясецкимъ, Адамомъ Сыкорскимъ, Яномъ Карлинскимъ, Зарембою, хотечи о томъ всемъ подостатку Его Королевской Милости ознаймити, а науку и росказанье Его Королевской Милости взявши, будетли на то позволене и потверженье сего декрету моего, одъ Его Королевское Милости, таковую высшей-

помененую екъзекуцыю, симъ моимъ декретомъ на нихъ сказаную, росказать выконати. А што се дотыче инъшихъ товарышовъ ихъ, то есть: Гаврила, который ся звалъ ниякимъ Плавъскимъ, а Матияша съ Полоное и Евъхима зъ Житина, людей тежъ своволныхъ и народу простого, надъ тыми южъ есть, по всказанью сего декрету моего екъзекуцыя, каранемъ на горле, выконана, и суть постинаныи. И то все до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть записано.

Книга гродская Луцкая справъ поточныхъ, 1596 года Листъ 193.

XXXVI.

Донесеніе Возныхъ, о томъ, что люди свавольные посполитые, пойманные при нападеніи на Коростятинъ, казнены; и что передъ смертію они повторили сознаніе своей вины. — 1596 Апрѣля 1.

Року тисеча пятъ сотъ девятъдесять шостого, месяца Априля первого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передомною, Александромъ Семашкомъ на Хупкове, Каштеляномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановшися очевисто, Возные енеральные шляхетные: Матысъ Славокгурский а Филипъ Верпетинский сознали тыми: ижъ дня сегоднешнего, вышей помененого, при собраню велю людей зацныхъ; шляхты, кгды Гаврило, который ся менилъ ниякимъ Плавскимъ, Матияшъ съ Полоное, именья его милости, Отца Владыки Луцкого, а Евхимъ съ Житина, людей народу простого, которы при сотнику, Остафию Слуцкомъ и атамане, Андрѣю Ганскомъ, изъ иншими товаришами ихъ, на кгвалъте, яко кгвалтовники и бун-

товники въ Коростятине пойманы, и до везенъя тутошнего Луцкого отданы, а правомъ посполитымъ одъ певныхъ особъ, яко люде свовольные, кгвалтовники поконаные были зъ суду, выданы на смертъ; а будучи на пробе, и идуче на смертъ, напродъ Матияшъ поведилъ: ижъ Андрий Ганский, атаманъ нашъ, намовилъ былъ небожчика Остафъя Слуцкаго, Сотника, который на кгвалте, черезъ насъ, у нихъ тутъ, (sic) у везенъю будучими, въ Коростятине чиненый, естъ забитъ; а мы при немъ, яко Сотнику своемъ, пойманые, абы зъ нами ехалъ до Гетмана Лободы, а тамъ отъ толь взявши козаковъ, Ганский мелъ на домъ одному шляхтичови подъ Киевомъ наехати, и тамъ на немъ мститися за ниякоесь побране почту своего, якожъ, выправуючися до войска Лободина, бывали есмо въ дому Князя Януша Станиславовича Вороницкого, въ Омелянику, и зъ нимъ по килька кротъ, беручи кгвалтовне у мещанъ Луцкихъ бочками медъ съ пивницъ, пияли, а инъший, до Омелъяника препровожаючи, тамъ пияли, и часу одного Сотникъ нашъ и атаманъ Ганский, змовившися съ Пясецкимъ, съ товаришами: Сикорскимъ, Зарембою, Карлинскимъ и зъ ынъшими, нашли есмо были на господу пану Загоровскому, и тамъ Пясецкий зъ Ганъскимъ шкатулу розбили, и што было побрали, такъ постелъ, яко инные речи, а, вышедши зъ господы пана Заговорского, и выежджаючи съ места Луцка, тамъ же Ганский, атаманъ мовилъ Сотникови: ижъ намъ потреба стрельбы. Тамъ же заразъ Слуцкий на коню сталъ подъ ратушомъ, а Ганский съ другими товаришами, зъседши съ коней, и добывшися до пушкара, до избы, и взяли полгаковъ деветь, короткихъ ручницъ три, потомъ,

за Глушецъ выехавши, принявши до себе товарыство Млодзяновского, тамъ же Млодзяновский зъ небожъчикомъ Слуцкимъ и Ганскимъ кушнера, наймя Левка поймавши, и зняли зъ него жупанъ, котораго взялъ Карлинъский, и самаго утопити хотели, якожъ были у воду укинули, а, выехавши зъ Луцка, беручыся въ дорогу до Лободы, Ганъский, перенявши въ дорозе ниякого Левка и отнялъ коня тисавого лысого, а самого збилъ, и бороду урезалъ, а потомъ, потрафивши другого человека, тотъже Ганский отнялъ коня сивого зъ седломъ и зъ ермякомъ брезинскимъ, и, приехавши до Билева, тамъ же въ одного мужика тамошнего побрали никоторые речи и скрынку, которую Ганского слуга розбилъ у кузни, и то все, што тамъ было, побрали, а потомъ, приехавши до Житина, тамъ же пана Анъдрия Прилуцкого Ганъский и зъ Слуцкимъ намовляли, абы зъ ними до Лободы ехалъ, на што, кгды Прилуцкий непозволилъ, тамъ же его небожчикъ Слуцкий и Ганъский, нагайками и стрычъками збивши, и коня у поданого тамошнего взявши, въ дорогу далий до войска Лободина тягнучи, и собе товарыство болшей прибираючи, приехали есмо до Коростятина, именъя его милости пана Браславского, тамъ же насъ на кгвалте поймано и пана моего, небожчика Слуцкого, Сотника забито. Гаврило Плавский въ тыежъ слова поведалъ, и до того ся зналъ: иже у Белеве, побравши кгвалтовне никоторые речи у подданныхъ тамошнихъ и мне Ганского слуга далъ былъ сукню жоноцку зъ оксамитомъ, и тамъ былъ Ганский зъ небожчикомъ Слуцкимъ, Сотникомъ постановилъ: хтобы кольвекъ зъ насъ утекати мелъ, и хотелъ таковогo мели розстреляти, и стереговали насъ. Ев-

тухъ поведилъ: же мели есмо ехати до Лободы, и на то мя Ганский зъ Слуцкимъ намовили, и коня ми были своего дали, а большей ничого не вѣдаю, бомъ того дня, котораго насъ поймано на томъ кгвалте въ Коростятине, до нихъ въ товариство присталъ былъ; а за тымъ каранъе на горле подняли, и суть постинаны. Котороежъ то сознане возныхъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ зиписано.

Книга гродская Луцкая, 1596 годъ—Листъ 206 на оборотъ.

XXXVII.

Протестъ Бурграбія Луцкаго и возного Енеральнаго, противъ учениковъ школы, состоящей при костелѣ Святой Тройцы въ Луцкѣ, которые отбили у нихъ и освободили одного изъ свовольныхъ людей, Адама Пясецкого, приговореннаго на смертную казнь, въ то самое время, когда его на мѣсто казни, вмѣстѣ съ товарищами его, провожали. 1596, Мая 25.

Року тисеча пятъ сотъ деветьдесять шостого, месяца Мая двадцат пятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передомъною, Александромъ Семашкомъ на Хупкове, Кашталяномъ Браславкимъ, Старостою Луцкимъ, постановившися очевисто шляхетный Юрий Кошиловский, Бурêграбий замку Луцкого, маючи при собе Возного енеральног о, Матыса Славокгурского, зъ осветченемъ оповедалъ, и протестовалъ на жаковъ школы костела головного тутошнего, въ замку въ окольномъ Луцкомъ, Светое Тройцы лежачого, тымъ способомъ: ижъ дня сегоднешнего, вышейпомененого, кгдымъ провадилъ зъ замку

тутошнего Луцкого, зъ везеня козаковъ, людей своволныхъ при Остафию Слуцкомъ, Сотнику, яко кгвалтовниковъ въ Коростятине пойманыхъ, до места и ратуша тутошнего Луцкого, на каране ихъ, за таковые учинки ихъ, яко бунтовниковъ, покой посполитый взрушаючихъ, а то чрезъ декретъ врядовый суду тутешнего кгродского Луцкого, также за декретомъ его Королевское Милости, и кгдысмы шли зъ ними мимо костелъ, менованный, тамъ же, выпадши съ того конвенту жаки зъ многими помочниками своими, на то снять способными, и одного съ тыхъ вязновъ, наймя Адама Пясецкого, упорне и кгвалтовне отняли, и до конвенту пречечоного отпровадили, и оного, водле декретовъ пречечоного, каранемъ на горло скарати недопустили. Якожъ Возный помененый, Матысъ Славокгурский, ку записованю до книгъ кгродскихъ Луцкихъ сознал тыми словы: ижъ дня сегоднешнего, вышей помененого, кгды Андрий Ганский, Янъ Карлинский, Адамъ Пясецкий и Заремба, люде своволные, которые при Евстафию Слуцкомъ, Сотнику войска Лободина, въ Коростятине на кгвалте пойманые, и правне яко злочинце, бунтовники, покой посполитый взрушаючие, черезъ декретъ уряду тутошнего кгродского Луцкого, и Его Королевское Милости суть сказанные караньемъ на горлахъ; и за тымъ теды зъ уряду и везеня тутошнего замкового на смерть были выданые, и до ратуша местъского провожоные, и, кгдысмы шли съ поменеными своволниками мимо конвентъ и костелъ головный тутошний, въ замку на пригородку лежачий, Светое Тройцы, тамъ же, выпадши съ помененого конвенту жацы тамошние зъ многими помочниками, на то приготованными, учинивши

окрикъ, и одного везня, на ймя Адама Пясецкого, кгвалтовне отняли, и до конвенту менованого усильне впровадили, и оного, абы заплату и каране на горло, водле росказаня Его Королевское Милости отнеслъ, недопустили. А такъ я, тое очевистое сознане возного принявши до книгъ кгродскихъ Луцкихъ, записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года, листъ — 313 на оборотѣ.

XXXVIII.

Универсалъ Королевскій къ обывателямъ Воеводствъ: Волынскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго, приглашающій ихъ людей, разбѣжавшихся послѣ разгромленія Козаковъ, и остающихся безъ службы, хватать, не дозволять имъ собираться въ купы, въ случаѣ самоуправства съ ихъ стороны казнить смертію, не пропускать въ Запорожье, а Запорожцевъ невпускать на Украину. — 1596, Сентября 1.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ шостого, месеца сентебра четвертогонадцать дня.

На вряде кгродскомъ Луцкомъ, передо мною, Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, постановившися обличьне у суду, урожоный панъ Ввринецъ Бережецкий, Ловчий Киевский и Дворанинъ его Королевское милости, покладалъ листъ его Королевское милости, и домовлялъся, абы принятъ, и публикованъ, и до книгъ уписанъ былъ; которого, публиковать казавши, и до книгъ уписати казалъ, который слово отъ слова такъ ся въ собе маеть: Жикгимонтъ третий Божъю милостью Король Полский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский,

Мазовоцкий, Жомоитский, Ифлянтский и тежъ Шведский, Кготский, Вандалский дедичъный Король всимъ вобецъ и каждому зъ особна, а звлаща Воеводомъ, Кашталяномъ, Маръшалъкомъ, Дикгнитаромъ, врядомъ вшелякимъ, земъскимъ, кгродскимъ и инымъ всимъ обывателемъ, шляхте, рыцерству, такъ же Старостомъ и державцомъ нашимъ и всимъ подданымъ Войтомъ, мещаномъ въ местехъ и местечъкахъ нашихъ и тежъ князьскихъ, панскихъ, у воеводствахъ Киевскомъ, Волынскомъ и Браславскомъ упрейме и верне намъ милымъ ласка наша Королевская. Маемъ того ведомость, же съ того, недавно розъгроменого войска людей своволныхъ козацкого, некоторые своволники еще при замкахъ, местехъ и местечкахъ нашихъ такъ и по селахъ нашихъ господарскихъ и шляхетъскихъ туляютьсе, и, безъ службы бавечисе, знову зась до таковоежъ купы збиратисе, поголоски о собе и пригрозки пущаютъ, чому, въ часъ забегаючи, мы, Господаръ напоминаемъ верность вашу, и росказуемъ, абысте таковымъ людемъ, которыхъ, яко великий ся запалъ былъ до своеволи всчалъ, маючи на доброй печи, до збиранья знову онымъ не допущали, и овшемъ, таковыхъ и зъ наймнейшое купы, хоть бы ихъ до одного пять або шесть чоловека безъ службы прилучилосе, росполошивали, и поскромяли; однихъ везеньемъ, даванемъ до замъковъ нашихъ, а иныхъ гултяевъ, безъ службы будучихъ, яко лозныхъ, злапца гдебы збродни якие всчинали, своволъне жили, моръды, кгвалты, бои, розбои, погрозки чинили, (имали) и на горъле карали; также и тыхъ, которые бы зъ оселъ, зъ горы (sic) выволанци и иные, зрадившипановъ своихъ, на Украину збегали, службы не маючи, а листовъ

свядечъныхъ особе не указуючи, гамовали, поскромяли, и въ дикие поля и на запороги и инымъ всякое конъдыцый таковымъ ходити забороняли; а людемъ укривжонымъ справедливости зъ нихъ чинили; тежъ Запорожцовъ, абысте зъ Запорожъя на Украину, где бы ся выгребать хотели, не пущали, и противко нимъ, яко неприятелемъ короннымъ конъно, збройно повъстали и пристани до береговъ моцно боронили, и заховалибыстеся въ томъ всемъ подлугъ констытуцыи, на прошломъ сейме о томъ козацстве уфаленое; иначей не чинечи конечно съ повинъности своее, и для задержанья покою въ отчизне своей. Писанъ у Варъшаве, лѣта Божого Нароженья тисеча пятьсотъ деветьдесятъ шостого, месеца Сентебра первого дня, а панованя королевствъ нашихъ Польского девятого, а Шведского третего року. У того листу печать коронная и подпись руки его Королевское милости въ тые слова Sigismundus rex. Floryan Oleszko. Который то листъ его Королевское милости съ початъку, ажъ до конъца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1595 генваря 1 по 1597 сентября 13, листъ 180 на оборотъ.

Тотъ-же Универсалъ записанъ въ книгу гродскую Владимiрскую за 1596 годъ.—Листъ 328 на оборотъ

XXXIX.

Протестація Епископа Терлецкаго о похищеніи Козаками въ Пинскѣ его документовъ, которые онъ отправилъ туда, для сохраненія на время поѣздки своей въ Римъ.—1596, Декабря 2.

Року тысяча, пятсотъ деветдесятъ шостого, мѣсеца Декабря второго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передомною, Щаснымъ Кгалезскимъ, Подстаростимъ Луцкимъ, постановившися очевисто, вбозе велебный, Его Милость, Отецъ Кирилъ Терлецкій, Ексарха Епископъ Луцкій и Острозскій, оповедалъ: ижъ дей часу отеханя своего до Риму, въ року прошломъ, девятдесятъ пятомъ, маетность свою немалую спровадилъ Его Милость былъ въ край Полескій до Пинска, и межи иншими дей скарбы, черезъ руки брата своего, пана Ярошa Терлецкаго, до схованя, въ домъ Григорію Крупе, мещанину Пинскому поверилъ, и далъ ризницу свою власную зъ уборы и великими коштовными обряды и апараты епископьими; а особно мамрамовъ два своихъ, для великое и певное потребы зоставилъ

дей Его Милость, и вложилъ до тое рызницы, у скрыпю замкнулъ, и запечатовалъ, въ которыхъ дей мамрамехъ печать самого Его Милости, Отца Владыки и подпись руки, Пресвитеровъ килъка Луцкихъ подписалися тежъ, а печатей и подписъ рукъ приятельскихъ у одного мамраму три, а меновите: Пана Андрея Кивирецкаго, Пана Стефана Русина и Пана Сасина Русинажъ Берестецкого, Писара кгродского Луцкого; а у другого мамраму зъ вырезанемъ кустодѣи (sic) только одна печать Его Милости самого, съ подписъю вышменованныхъ особъ, и местце на приятельские печати зоставлено. Обавяючися Его Милость Владыка, за тыми мамрамы абы до якое безпечности не приходило, въ небытности Его Милости, тутъ въ Панствѣ Короля Его Милости. Часу отехапя до Рыму, черезъ непріятелей внутрънихъ и своволенство козацкое людей злыхъ, маетность Его Милости въ тамътомъ краю Пинскомъ вся забрана, злуплена, орозпрошана, и тые мамрамы Его Милости зъ маетностью суть тамъже побраны, о которомъ наезде, злупеню и зобраню маетности, протестація дей Его Милости ширей въ собе обмовя, а ижъ ся о тыхъ мамрамехъ, при чиненъю протестацыи доложить запомъняло, преведши собе на паметь Его Милость тые мамрамы, зъ маетностъю погинулые и побраные, протестовался и просилъ, абы для прошлыхъ часовъ было то до книгъ врядовыхъ принято и записано, што я, принявши, записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1596 года. Листъ 884 на оборотъ.

XL.

Сознаніе возного о томъ, что онъ доставилъ позовъ Князю Острожскому отъ пана Семашки, который его позываетъ за то, что Князь Острожскій не учинилъ справедливости по дѣлу съ священникомъ Даміяномъ Наливайкомъ. 1596 Декабря 5.

Року тисеча пятъ сотъ деветьдесятъ шостого, месеца Декабра пятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною, Юрьемъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто возный енеральный воеводствъ: Киевского, Волынского и Браславского, шлахетный Станиславъ Яшевский, ку записаню до книгъ кгродскихъ Луцкихъ, созналъ въ тые слова: ижъ дей, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, положилъ есмы позовъ кгродский Кременецкий по ясне велможного его милости Княжа Костентина Острозского, Воеводу Киевского, Маршалка земли Волынское, Старосту Володимерского, писаный; у браму замку его милости Дубеньского уткнулъ есми, въ жалобе велъможного его милости,

пана Александра Семашка на Хупкове, Кашталяна Браславского, Старосты Луцкого, о невчинене справедливости отъ Кнежати его милости, Воеводы Киевского, съ попа его милости Острозского Демяна, брата Наливайкова, яко разбойника, што все шире и достаточне, на томъ позве описано, и выражоно естъ, за которымъ позвомъ зложилъ есми рокъ Княжати его милости, Воеводе Киевскому, ку праву стати на рочки кгродские Кременецъкие, которые припасти, и сужоны быти маютъ въ року теперешнемъ, тисеча пятъ сотъ деветдесятъ шостомъ, месеца Декабра девятогонадцать дня, передъ судомъ кгродскимъ въ замъку Кременецкимъ. А такъ я тое очевистое сознане возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года. — Листъ 888 на оборотъ.

XLI.

Жалоба слугъ епископа Терлецкаго, на Ждана Боровицкого, Старосту Острожского за то, что когда они явились въ Острогъ съ вознымъ и универсаломъ королевскимъ, предписывающимъ выдать Епископу слугу его Гедройта и требовали выдачи Гедройта и удовлетворенія отъ Семерина Наливайка, то Боровицкій арестовалъ ихъ на епископскомъ дворѣ и отправилъ въ тюрьму, а потомъ отослалъ въ гродскій судъ въ Кременецъ. 1596, Декабря 7.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ шостого, месеца декабра семого дня.

Передо мною, Александромъ Семашкомъ на Хупкове, Кашталяномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановившися очевисто, на вряде кгродскомъ въ замку господарскомъ Луцкомъ, шляхетные: панъ Даниелъ Олизаровский, земенинъ повету Луцкого, а панъ Лукашъ Кгротъ, слуги велебного въ Бозе отца Кирила Терлецкаго, ексархи, епископа Луцкого и Острозского, жалосне оповедали, и светчилися на пана Ждана Боровицкого, войского Луцкого, яко Старосту Острозского его милости пана Воеводы Киевского, ото, ижъ дей, за посланемъ насъ отъ его милости пана на-

шого, при возномъ енерале, шъляхетномъ пану Григорю Лемешовскимъ, зъ листы его королевское милости, такъ до врядовъ вшелякихъ, яко и до всихъ вобецъ становъ духовныхъ и светскихъ писаными, о выдане и позволене въ маетностяхъ ихъ милости, гдебы былъ пристигненъ Флориянъ Кгедройтъ, пойманя волного его милости отцу епископу Луцкому того то Кгедройтя, яко слугу и здрацу его милости, до его милости Воеводы Киевского отъ Короля его милости писанымъ, отворонымъ, въ которомъ его королевская милость писать рачилъ, же, маючи о томъ его королевское милости певную ведомость, иже свовольникъ и злочинца коронный Семерий Наливайко, злупивши маетность церковную владыцства Луцкого, и властную маетность владыки его милости Луцкого, и Ярошa Терлецкого, брата его, часть тое маетности Богданови, врядику Степанскому, а серебра немало черезъ Старушича, мещанина Острозского, на робене мисурокъ и сагайдаковъ, до Острога одослалъ, а немалую тежъ маетность тотъ Наливайко брату своему рожоному, попу Острозскому Демяну далъ, а потомъ и черезъ слугу своего, Юрка Черкасовича, прозываемого Куницкого до тогожъ попа золотые чирвоные отослалъ; ижъ бы его милость, панъ Воевода Киевский, тые маетности онымъ вернути росказалъ, и справедливость зъ нихъ неотволочную учинилъ, и кгдысмы волне, явне, ясне, волностями шляхетскими, покоемъ и правомъ посполитымъ будучи обваровани, о томъ то Флориану Кгедройтю, маючи певную ведомость, же въ Острогу месте ясне вельможного Княжати Костентина Острозского, Маршалка земли Волынское, Старосты Володимерского перемешкивалъ, тамъ до

Озтрога, въ року теперешнемъ, тисеча пятсотъ деветьдесятъ шостомъ, месеца Ноябра двадцать осмого дня приехали, хотечи листы Его Королевское Милости оказати Княжати его милость пану Воеводе Киевскому, о выдане Кгедройтя просити, и въ невиданю оного врядовне до справы припоручити, и въ томъ ся во всемъ водли листу Его Королевское Милости и права посполитого заховати, также и о учинене справедливости зъ урядника Степанского Богдана и съ того попа Острозского брата Наливайкова зъ Старушича и съ Куницкого у Княжати его милости жадати, тогды панъ Войский Луцкий, Староста Острозский, доведавшисе о Возномъ и о насъ, не допустивши намъ того выконывати, але запомневши срокгости правное, зневаживши собе покой посполитый и волность шляхетскую, насъ, людей учтивыхъ, ни кому ни въ чомъ и оному невинныхъ, самъ черезъ себе и черезъ велю слугъ Княжати его милости, поймавши насъ у дворе пана нашого, въ замку околномъ Острозскомъ епископскомъ, до двора своего, тамъ же въ замку, якобы якихъ лотровъ привелъ, и мене и Грота, розобравши зъ оденя, постронками бити хотелъ, пытаючи по што быхъмо до Острога приехали отъ отца Владыки Луцкого, тедыхъмо то пану Боровицкому поведили съ чимъ и по штосьмы тамъ приехали; ничого передъ ся на то недбаючи, насъ до турмъ местскихъ розно посажалъ, и въ ней, за сторожью день и ночъ голодомъ морячи, у везеню держалъ, а потомъ на болшую взгарду права посполитого и волность шляхетскую, бы якихъ злочинцовъ повезавши, на конехъ до замку Кремянецкого, на врядъ, до везеня, презъ слугъ Княжати его милости, товарышовъ своихъ,

ниякихъ Филипа и Бруховского также Учацкого, кладучи на насъ и на его милость пана нашого речи не былые и потварные, отослалъ; который то врядъ, видечи насъ людей шляхетныхъ, ни въ чомъ неподойзреныхъ, и невинне до везенья отдаваныхъ, постерегаючи въ томъ права и волностей шляхетскихъ, до оного везеня взяти насъ не хотелъ, и также насъ, такъ помордованыхъ, змороныхъ голодомъ, утрапеныхъ везенемъ, тые то посланцы Боровицкого отбегли. И просили, абы тое оповедане ихъ до книгъ принято, и записано было, которое я, принявши за прозбою ихъ, до книгъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1596 года.— Листъ 909 на оборотъ.

XLII.

Жалба Пана Григорія Котельницкаго на мѣщанъ Луцкихъ, за причиненные ему побои и убытки, при чемъ одинъ изъ участвующихъ въ нападеніи на него мѣщанъ, называлъ себя Наливайкомъ. — 1598 Іюня 21.

Року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месеца июня двадцат першого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Луцкомъ, предомною, Миколаемъ Чарноцкимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, ставшы очевисто панъ Григорей Котелницкий, подалъ до вписаня въ книги кгродские Луцкие выписъ съ книгъ кгродскихъ Володимерскихъ, съ печатю кгродскую и съ подписомъ руки писара кгродского Володимерского, оповеданя своего на мещанъ о збите и зранене свое, яко ширей въ томъ выписе нижей описано есть; а такъ я, тотъ выписъ принявши, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ уписати казалъ, который такъ ся въ собе маетъ: Выписъ съ книгъ кгродскихъ Володимерскихъ: лита Божого Нароженья тисеча пятъ сотъ деветдесятъ осмого, Июня десятого дня, на вряде кгродскомъ Володимерскомъ, про небытность

уряду кгродского Луцкого, передо мною, Федоромъ Загоровскимъ, яко найблишимъ уряде, постанововшися очевисто земенинъ повету Луцкого, шляхетный Григорий Котелницкий, обтежливе и жалосне оповедальсе на мещанъ Луцкихъ, а меновите: на Богуша Ванковича, Бурмистра, Яска Андросовича, Олексия Андросовича, Антона Литвина, прозываемаго Процопу, Миска Пилиповича Бурмистра, Семена Согнейковича, Семена Федоровича Райцу, о то, ижъ дей року теперешнего, деветъдесятъ осмого, месеца Июня пятого дня, у пятницу, кгды я, маючи потребу пилную до Володимера ехати хотелъ, пошолъ есми за Глушецъ, до перевозу, если бы перевозники у берега съ поромомъ были; тамъ же, кгдымъ у перевозу порому ани перевозниковъ не засталъ, и вернуломся до мѣста, а кгдымъ былъ на мосте Глушецкомъ, приходечи до брамы, не вѣдаючи ни отъ кого о жадной небезпечности, до того будучи покоемъ права посполитого шляхетского убезпечонъ, и не только абымъся съ кимъ бити хотелъ, але анимъ о томъ мыслилъ, кгдыжъ уже отъ шести лѣтъ день ото дня имъ далей, тымъ горей естемъ неспособностю здоровъя страпеный, и ледво ходити, а часомъ и мовити не могу, то пакъ звышъ помененыи Бурмистрове и мещане менованыи, Бога и пристойности людемъ учтивымъ приналежачое (забывши), способившы собе до предъ севзятого умыслу и учинку ихъ мещанъ и иныхъ, имъ добре знаемыхъ, чоловѣка о дви тисечи, и повинного того Богуша Бурмистра, который ся зоветъ Наливайкомъ имъ добре знаемый, также сепачовъ, слугъ бурмистровскихъ не мало, всѣхъ зъ оружемъ розмаитымъ вахтарскимъ, то естъ зъ шефелинами, зъ усписами, зъ дардами,

зъ рогатинами, также съ киими, всѣ одностайными голосы крикнувши: „бийте, забийте того злого чоловѣка!“ а на ратушу на кгвалтъ, и по всѣхъ церквахъ Русскихъ въ звоны зазвонившы, тумультъ великий людей, а згола все мѣсто такъ старший, яко и посполитого чоловѣка позбуривщы, нападши на мене на томъ мосту Глушецкомъ, окрутне а нелитостиве безъобронного чоловѣка, барзо схорялого збили, змордовали и, поймавъшы мене, яко якого злочинцу, у воду подъ дворъ пана Стефана Кнегининского укинули, тамъ же у водѣ киими, дручемъ, рогатинами, каменми и спустками, хотячи мя утопити, у водѣ били, мордовали, ажъ нѣкоторыи люде почтивые, вѣдаючи о томъ, жемъ не есть звадцою и ку тому барзо схоралый, припадшы, ратовали, и зъ воды выволоклы, утопити не дали, въ тотъ же часъ, при томъ кгвалтовномъ бою стало ми шкоды, то есть меновите згинуло ми: съ чересомъ золотыхъ Польскихъ тридцать, золотыхъ чирвоныхъ двадцать, сикгнетъ золотый, въ которомъ важило осмъ чирвоныхъ золотыхъ, шабля, хустка, Турская шапка; и еще мало на томъ маючи, же мя такъ невинне збили, змордовали, але еще, порвавшы, дали мя до рукъ сепачомъ, позовчикомъ бурмистровскимъ, которые яко якого злочинцу, приткнувши ми до боковъ зъ обудвухъ сторонъ мечѣ добытые, бючи пошийкуючи, соромотечи, на ратушъ у везеню осадили, тамъ же на ратушу, у везеню ажъ до смерканя держали, ажъ, доведавъшися его милость панъ Аврамъ Линевский, на тотъ часъ Судя того места Луцкого, жемъ невинне есть такъ окрутне збитый, и змордованый, и обелжоный, пришодши зъ Вознымъ енералнымъ, шляхетнымъ Филипомъ Жабичомъ Вер-

петинскимъ, осветчившы опымъ вознымъ таковое збите, обелжене и везене мое, мене на поруку у звышъ помененыхъ Бурмистровъ и мещанъ, зъ везеня взялъ. При которомъ оповеданю тутъ же будучи очевисто шляхетный Филипъ Жабичъ Верпетинский, Возный енералный, ку записаню до книгъ сознал, ижъ, маючи при собе двохъ шляхтичовъ: пана Яна Воронича Боротинского, а пана Ярота Гулялницкого, пана Григоря Котелницкого, чоловѣка спокойного и вже отъ лѣтъ шести барзо хорого, окърутне збитого, змордованого и всего у водѣ змочоного и болотомъ помазаннаго, у везеню, за сторожою, въ ратушу Луцкомъ засталъ, которого панъ Аврамъ Линевский, вже на смерканю зъ везеня у Бурмистровъ и мещанъ Луцкихъ узявшы, до балвѣра отослалъ, якожъ кгды балвѣръ его опатровалъ, за оказанемъ его виделомъ на немъ раны синие, битые, попухлые и кривавые; вся голова и шия побита, плечи и руки, хрыбетъ и перси окрутне побитые, попухлые, синие, што собе менилъ быти панъ Котелницкий отъ Бурмистровъ, мещанъ и всего поспольства мѣста Луцкого ему, яко есть въ оповеданю вышей написано, сталое; съ которого збитя окрутного не ведати если живъ будетъ. И просилъ панъ Котельницкий, абы таковое оповедане его и сознане возного было до книгъ записано, што урядъ записати казалъ, на што и выписъ съ книгъ подъ печатю кгродскою Володимирскою Григорю Котелницкому есть выданъ. Писанъ у Володимери. У того выпису печать кгродская Володимерская, и подпись руки Писаря кгродского тамошнего тыми словы: Станиславъ Кандыба Писаръ кгродский Володимерский, корикгованъ съ книгами. Который же то выписъ съ початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая, съ 1598 генваря 8 по 1600 сентября 19, листъ 174.

XLIII.

Прошеніе пана Охрема Грузевича объ томъ, чтобы ему выдано было право казнить его слугу Мацка Мартыновича, гдѣ-бы тотъ ни былъ пойманъ, такъ какъ приговоръ къ смертной казни на него уже изданъ Судомъ Митрополитскимъ, за бѣгство отъ Грузевича и нападеніе на домъ послѣдняго вмѣстѣ съ сообщниками, при чемъ они Грузевичу нанесли побои, слугу ранили и имущество Грузевича и его сына ограбили. 1605, Мая 16.

Року тисеча шесть сотъ пятого, месеца Мая шостогонадцать дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Григоремъ Обухомъ Восчатинскимъ, Буркграбимъ и Наместникомъ подстароства Володимерского, ставши очевисто шляхетный панъ Охремъ Грузевичъ, жаловалъ и оповедалъ: ижъ злодея, паробка и зрайцу своего Мацка Мартиновича, который се быти меновалъ родомъ зъ местечка Дубное, который часовъ недавныхъ и у Москве, зъ Царевичомъ Московскимъ Дмитромъ служачи, людей на службу обернули (sic), утекши отъ мене, немало ми покрадши и зашкодивши,

людей своволныхъ, гултяйскихъ до колконадцать чоловековъ зобралъ, и зъ оными, на домъ мой въ местечку Озерянехъ наехавши, мене самого зшарпалъ, збилъ, слугу сына моего, Марка Грузевича, которого былъ въ отеханью по справахъ Княжны Ее Милости панее Воеводиное Волынское, при речахъ своихъ зоставилъ, Яна Кремпского зранилъ, и вси речи его, што одно на тотъ часъ тамъ мелъ, кони ездные побравши, полупивши, до войска отехалъ; на прошломъ ярмарку Володимерскомъ, о зборе, поймалъ былъ его, и до везеня, въ замку его милости, въ Бозе велебного, Отца Митрополита Киевского, Владыки Володимерского, въ которого маетности мне тотъ бой и лупъ сынови моему отъ того зрайцы и его помочниковъ сталъ, даломъ, и сынови моему ознаймиломъ, абы до попартя противко нему справы, яко противко сполному зрайци и злодееви нашому прибылъ, который, доведавшися о приеханю его милости Отца Митрополита до владыцтва Его Милости Володимерского, заразъ до Его Милости приехалъ, и о справедливость самого злочинци просилъ, которого Его Милость, Отецъ, въ Бозе велебный, Отецъ Митрополитъ Киевский, яко особа духовная судити не хотечи, на то особъ зацныхъ килка депутовати, высадити рачилъ, которое мое справы, зъ очевистого ихъ мовеня сторонъ и признаваня моего Мацка, до всѣхъ тыхъ речей менованыхъ, добровольного, декретомъ своимъ наказавши пречоному сынови моему оного правне присягою поконати, на горло его сказали, который, будучи въ везеню, выконаня на немъ правное екзекуции року теперешнего, тисеча шестъ сотъ пятого, месеца Мая пятогонадцатъ дня, зъ оного выломалъ и утеклъ есть,

съ причины и помочи чиее, того вѣдити не могу. Противко которому, яко на горло сказаному, целую дорогу хотечи мети до выполненья на немъ екзекуции правное, где бымъ его, або сынъ мой пристигнути могъ, яко и противко тому, хто бы му помочю до того учиненя былъ, довѣдавшися, абы правне зъ нимъ о то чинити могъ такъ самъ отъ себе яко и именемъ преречоного сына своего Марка Грузевича, и повторе се протестовалъ, и просилъ, абы тое оповеданье его принято было. Што принявши, до кънигъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская, 1605 года № 3, листъ 317.

XLIV.

Жалоба Князя Адама Вишневецкого, на Іосифа Лисовского и другихъ слугъ своихъ, за то, что они вломались силою въ его замокъ Брагинскій и разграбили его казну. 1606, Іюля 27.

Року тисеча шесть сотъ шостого, месеца Августа первонадцать дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Иваномъ Шабаномъ Гноенскимъ, Буркграбимъ и Наместникомъ подстароства Володимерского, постановившися очевисто слуга велможного Княжати Адама Вишневецкого, шляхетный панъ Станиславъ Подорецкий, покладалъ выпись съ книгъ кгродскихъ мозырскихъ, подъ печатю Подстаростего тамошнего Мозырского и съ подписомъ руки писарское, признаня очевистого возного енерала шляхетного Ивана Лозки, передъ которымъ вознымъ преречоный Княжа Вишневецкое осветчене чинилъ на власныхъ слугъ своихъ рукоданыхъ, меновите: на Езофа Лисовского, на Адама Прозку яко принципалы и помочники ихъ, нижей помененые, о найстье

кгвалтовное, ночнымъ обычаемъ, черезъ нихъ, на замокъ Брагинский и починене шкодъ, и побране речей не мало, просечи, абы тотъ выпись былъ принятъ, и до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ былъ уписанъ, который такъ ся въ собе маетъ: выписъ съ книгъ кгродскихъ староства Мозырского: року тисеча шесть сотъ шостого, месеца Июля двадцатъ осмого дня. На вряде его королевское милости, въ замку Мозырскомъ передо мною, Мартиномъ Заполскимъ, Наместникомъ Мозырскимъ, будучимъ отъ его Милости, пана Александра Полонского, Подстаростего Мозырского, въ отъеханю его до Коруны, на рокошъ, для приймованя справъ кгродскихъ зоставленый, постановившися очевисто Возный енералъ воеводства Киевского, шляхетный Иванъ Лозка, подалъ квитъ свой подъ печатю и съ подписомъ руки своее, ку записаню до книгъ власныхъ, осветченя велможного Княжати Адама Вишневецкого, которое учинилъ мне, на власныхъ слугъ своихъ рукоданыхъ, меновите: на Езофа Лисовского, на Адама Брозку, яко принцыпалы и помочники ихъ: Павла Плядовского, Яна Кгаворецкого, Кожуховского, Варможовского, Миколая Шумского, Себестияна Савицкого, Матюша Брозкий, Янковского, Кордышевского, и иншихъ, по йменю и прозвыску самыхъ ведомыхъ, въ тые слова: ижъ тые пречоные слуги, съ тыми помочниками своими, умыслъ злый, непристойный, праве зрадецкий передъ себе взявши, неоглядаючися на учтивость и повинность свою шляхетскую, въ року теперешнемъ, тисеча шесть сотъ шостомъ, месеца Июля двадцать семого дня, зъ середы на четвергъ, праве на свитаню, коли есче всѣ люде спали, змовившися яко зрайци на здорове

пана своего, а умыслне до замку Брагинского места, зъ господъ своихъ одностайне скупившися, съ полгаками, зъ шаблями, добытьми, въ замокъ ся кгвалтовне уломивши, а за остороженемъ Княжати, и бороненемъ се, до покою панского добытсе не могучи, челядъ при Княжати его Милости, на тотъ часъ, такъ мужчизны, яко и белые головы при боку его Милости будучую, розогнавши, а предъсевзятя своего, за оною обороною и недобытемъ ся до покою не доказавши, яко зрайци и злочинцы до скарбцу, где вся маетность рухомая его Милости въ схованю была, ланцухъ напередъ и замки отбивши, вломалися; тамже на первей соболи, што на переднейшихъ сороковъ шесть, шацункомъ три тисечи золотыхъ Полскихъ, кгермакъ аксамитный соболями подшитый, шацункомъ тисеча золотыхъ Полскихъ, жупанъ аксамитный злотоглавомъ подшитый, шацункомъ золотыхъ сто Полскихъ, шаблю оправную злотистую, шацункомъ золотыхъ Польскихъ двесте, шлыкъ мармурковый, шацункомъ золотыхъ Полскихъ осмдесятъ, а рядъ злотистый, шацункомъ чотырейста талеровъ, а такъ же, шкатулу отбивши, готовыхъ пенязей золотыхъ чирвоныхъ полтора тисеча, ланцухъ золотый, въ немъ чирвоныхъ двесте, манеле золотые, въ немъ чирвоныхъ золотыхъ сто, перстени пару съ каменми дорогими, шацункомъ чирвоныхъ золотыхъ полтораста, побравши, полупивши обычаемъ злодейскимъ, коней есче до того подданыхъ Княжати его Милости до колко на поли порвавши, зъ места Брагиня повтекали, яко злодее и зрайцы, пана своего не ушановавши, але овшемъ такое злодейство пополнивши, яко одни розбойници по дорогахъ розбияючи, и кгвалты чинечи, не ведать

где се подели; а особливе тотъ то пречечоный Лисовский, будучи у Княжати его Милости слугою старшимъ, праве всю маетность его Милости, такъ шафунокъ пенязей есче на Москве, яко коне, рынъштунокъ маючи на рукахъ своихъ, а того не здавши, ани личбы учинивши, и овшемъ есче челядъ другую не мало ихъ, которые такъ же зашкодивши Княжати его Милости не мало, побунтовавши, и оныхъ ку собе розмовивши, такъ зъехалъ. И то все, помененымъ вознымъ, Княжа его Милостъ осветчивши, яко се поменило, заразъ тогожъ часу, дня и годины огледши, отбитя того скарбцу и шкатулы съ пенязми до вряду черезъ тогожъ Возного ку записаню отнесъ, которое осветчене и обводь шкодъ починеныхъ, пречечоный возный, яко се оному Княжа его Милость светчилъ, на письме до книгъ подалъ, которое оповедане Княжати его Милости и зознане енерала Киевского въ книги кгродские Мозырские есть записано. Съ которыхъ книгъ выписъ сесь, подъ печатю моею мене Александра Полонского, Подстаростего Мозырского, его Милости, Княжати Адаму Вишневецкому выданъ. Писанъ у Мозыри. У того выпису печать Пана Подстаростего Мозырского, а подписъ руки въ тые слова: Василей Ратомский, Писаръ кгродский Мозырский. Который же то выписъ, за прозбою и поданемъ пречечоного пана Подорецкого, а за принятемъ моимъ, увесъ, съ початку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ есть уписанъ.

Книга гродская Владимирская, 1606 года, листъ 384 на оборотъ.

XLV.

Универсалъ Гетмана Козацкого Изаповича, предостерегающій Уряды Украинные о предстоящемъ нападеніи Татаръ, по причинѣ голода въ Крыму, при этомъ Гетманъ приглашаетъ Уряды позаботиться о защитѣ края. 1606, Декабря ......

Року тисеча шестъсотъ семого, месеца Генвара двадцатого дня.

Всимъ вобецъ и каждому зъ особна, кому то ведати належитъ, ознаймую, же отданъ естъ на врядъ кгродский Володимерский универсалъ, або листъ, ознаймуючи отъ Гетмана и Козаковъ Запорозскихъ, которые даютъ знать о небезпеченстви отъ Татаръ, который такъ се въ собе маетъ: при отданю по волностий своихъ, (sic) съ повисти достаточной певныхъ вязней, взяли есмо достаточную ведомостъ, ижъ на сходи теперешнего мѣсеця Декабра, яко скора Днѣпръ на звыклыхъ перевозехъ стане, Царевичъ, старший сынъ царя Кримского, зъ великою потяжностю войска свого, певне а певне въ панства Круля, Пана нашого тягне; съ повисти тыхъ езыковъ зрозумѣли есмо барзо,

ижъ впилной опатръности потреба се мѣти всей Украини Поднѣпрьской, мы пре то, яко вѣрнии слуги Круля его Милости, Пана нашого и речи посполитое, не хотечи быти въ повинности своихъ рицерскей не дбали, есмо доносимо тую престрокгую до вѣдомости Вашей Милости, яко уряду Украинского, жебы у Вашей Милости въ лепшой опатрьности быти рачили, нижли передъ тымъ, не легцеважечи собѣ того замыслу безсуръмянского, кгды то есть вѣсти не омылные; жадаемо при тымъ у Вашей Милость, жебы Ваша Милость, съ повинности своихъ урядовъ, до инщихъ мѣстъ Украинныхъ и тамъ далей на волость, съ тоею вѣдомостю не омешкаючи, послали и самы оспалыми, яко урядъ Украины не будучи, не обезпечаючися на то, ижъ подъ часъ такои новины омылне бываютъ, а то разъ те врѣцѣ (sic) плоне быти не могутъ, для незмероного кглоду, который на тотъ часъ въ Ордѣ пануе. Подписъ у того листу: подписъ руки самого Пана Гетмана и всего рыцерства: Hrehori Yzaporowicz hetman i wszitko ricerstwo Zaporozskie. Который же то листъ вышеменований, за прозбою пана Григоря Изаповича до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ есть записанъ.

Книга гродская Владимiрская, 1607 года, № 6, листъ 43 на оборотъ.

XLVI.

Жалоба Стефана Немирича на Григорія Пашкевича въ томъ, что онъ лѣтомъ, еще 1610 года, собравъ нѣсколько тысячъ людей своевольныхъ, грабилъ имѣнія принадлежащія какъ Немиричу, такъ и другимъ дворянамъ, что при этомъ онъ подданыхъ обижалъ, женщинъ насиловалъ, хлѣбъ истреблялъ и т. п., такъ что Немиричъ принужденъ былъ уплатить ему выкупъ. Не удовлетворившись этимъ, въ началѣ 1611 года, Пашкевичъ собралъ новый отрядъ, возвратился въ имѣнія Немирича и возобновилъ грабежи и разбои: нѣсколькихъ подданыхъ его онъ умертвилъ, и слугу его захватилъ и увелъ въ пленъ; наконецъ, заманилъ самаго Немирича къ себѣ, будтобы для переговоровъ о вознагражденіи, напалъ на него измѣннически и принудилъ искать спасенія въ бѣгствѣ, при чемъ онъ убилъ одного изъ подданыхъ Немирича. 1611, — Генваря 14.

Року 1611 месеца, Генвара 14 дня.

Писалъ и присылалъ до мене, Григоря Кочуровского, Подстаростего Житомирского урожоный его милость панъ Стефанъ Немиричъ, обтежливе жалуючи и оповедаючи на ниякого Григоря Пашкевича, который се отзываетъ слугою Княжати его милости, Яхима Корецкого о то, ижъ менованый Григорей Па-

шкевичъ, будучи оказыею людей свовольныхъ побужоный, а снатъ и выволанцемъ съ панствъ Его Королевское Милости, подъ заслоною и назвискомъ рыцерства Низового Козацкого, которые сполне зъ нимъ розбое, наезды и кгвалты на маетности шляхетские бавятсе, тогды тотъ Григорей Пашковичъ, не па метаючи ничого на добрую славу, пристойностъ и боязни Божии, злучившись зъ ними, и порозумевшись, и скупивши, будучи отъ нихъ за старшого и Полковника обраный, взявши къ собе другихъ Полковниковъ, ниякихъ: Старинского, Макгдаленского, Федора Кныша, Козича и иншихъ Полковниковъ людей свовольныхъ немалое личбы, которыхъ могло быть до осми тисечей, которыхъ тотъ то Пашкевичъ, яко принцыпалъ самъ всихъ Полковниковъ и всего того люду и войска имена и назвиска ведаетъ, и усадившись тотъ то Григорей Пашкевичъ, съ помочю того свовольного люду, яко одинъ розбойникъ на маетность мою всю, такъ Черпеховскую, яко и Шершневскую, на самое место Чернеховъ, на местечко Андриевъ, на село Красноселку на село Троковичи, на Горбашу, на Высокое и Девочки, на Стырты, Иванковъ, на Корытища, на местечко Шершневское новоосажоное, Стефановъ, на Старое-село, Шершни, на Новаки и Соболевку и на маетность мою Приборску: на Сукачи, на Пироговичи и Мойскоковичи року прошлого, тисеча шесть сотъ десятого, летомъ, мало не черезъ увсе лето кгвалтомъ наезджаючи, великие, незмирные шкоды мне и подданымъ моимъ чинилъ, которыхъ то подданыхъ моихъ, по всихъ тыхъ маетностяхъ моихъ, звышъ менованыхъ, билъ, мордовалъ и съ тыми помочниками и людми своими белые головы, му-

жатки и девки уцтивые кгвалтилъ, а, змоцнившись въ тыхъ людехъ свовольныхъ и въ стрелбе военной, яко одинъ неприятель поганский наступовалъ на здорове и мене самого, ажемъ, уходечи небезпеченства здоровъя моего и згубы далшое маетности моее и убогихъ подданыхъ моихъ, помененому Пашковичеви далемъ двохъ коней добрыхъ, которые двохъ сотъ галеровъ стояли и золотыхъ чирвоныхъ. моихъ власныхъ, пятьдесятъ, а такъ, забегаючи покоеви моему, не могучи ся спротивить моцы, кгвалтови тыхъ свовольниковъ, и не хотечи напотомъ серца злого имъ, напротивъ себе, чинити, мимо себе пустилемъ вси тые наезды, лупы, кгвалты, бое, розбое, шкоды летние, которыхъ ошацовать не могу; также тежъ не было того села моего и местечка, абы въ каждомъ мне и подданымъ моимъ не сталосъ шкодъ розмоитымъ способомъ, кгвалтовне, отъ того Пашкевича и его помочниковъ, ему подобныхъ голтаевъ, волоцугъ и розбойниковъ починеныхъ, окромъ битя, мордованя и кгвалтовъ чиненя, одно въ побраню коней и розныхъ, а не зличоныхъ речей, всего если не болшей тогды на сорокъ тисечей золотыхъ Полскихъ могу положити, и покладаю, а збожя розмаитого, озимого и яринного, на поляхъ пожатого и не пожатого, самопусть потравилъ съ тымъ лотровствомъ, пошкодилъ, и вниведъ обернулъ, и шкоды въ томъ не малые починилъ; которыхъ се отъ него стало, въ потравеню збожъ, по всихъ тыхъ вышей менованныхъ маетностяхъ моихъ, на семъ тисечей золотыхъ Польскихъ, зо всими своволными своими людми и помочниками, не уконтентовавшись зброднею, лупы, кгвалты, наезды своими и починенемъ шкодъ впродъ

незносныхъ, вышей меновенныхъ, прибравши до себе еще немало людей своволныхъ, а то: неякого Войтеха Маличинъского, Януша Липъского, Оршула и Петрашка Рекетовъ, Василия Давыдовича, Балажия, Кштеяна, Януша Тхоревского, Войтеха Брезинъского и инъшого ихъ товарыства Сербовъ, а то въ помочь собе знову ненасычоного лакомства, и хтивости пожитку непристойного, кгвалътовного и розбойничого, уняты будучи зо всими тыми своволными людьми, налупивъшисе, и набравъшисе по розмаитыхъ местьцахъ, въ земли Его Милости, Пана нашего милостивого, зъвротъ учинилъ до тыхъ же маетностей моихъ, а, ненасычоный будучи первшими лупезствы и кгвалты, року теперъ идучого, тисеча шесть сотъ одиннадцатого, месеца Генъвара девятого дня, наехавши помененый Пашкивичъ напередъ на маетность мою, местечко Шершневъское, Стефановъ, урядника и слугу моего, добре урожоного, шляхтича, Яна Рожковъского, безвинъне ухфативши, поймалъ, звезалъ, яко неприятель поганинъ, тамъ же, на сторону отложивши вшелякую пристойность, въстыдъ и боязнь Божую, летьце собе поваживши самую цноту, покой посполитый, правомъ обварованный, змоцнившисе въ людехъ своволныхъ, не маючи жадное цноты, ничого на славу добрую, ничого на почтивое не погледаючи, розмаите се надъ поддаными моими, безъ погамованъя, по погански и по содомску, явне паствилъ; жоны и девки учтивые подданыхъ моихъ кгвалтилъ, а маючи мало на томъ, еще тые белые головы, мало не по поясъ кошули пообрезовавши, пасучи лотровские свое очи, яко быдло якое, награваючись зъ нихъ, гналъ по улици, и кгвалты немалые починилъ: поддавыхъ по-

билъ, помордовалъ, а никоторыхъ, позабиявши на смерть, ни маемъ ведомости где ихъ тела подевалъ, а меновите: забилъ двохъ Рудниковъ: Демка и Кгреся и подданыхъ моихъ: Потея, Юрка, Игната, Якуба позабиялъ, и тела ихъ, побравши зъ собою, не маешъ ведомости где поховалъ, железа зъ рудни моее, моего возовъ петъдесятъ взялъ, шинъ довъгихъ, кождый возъ по полчварта золотого шацую, Блажиеви Рудникови моему, взялъ два поставы каразыи, лазурового сукна, и въ томъ же местечку взялъ подданымъ моимъ коней семнадцатеро, каждый конь по десяти копъ грошей купленый, въ коморахъ барзо реечй немало, въ тыхъ же подданыхъ моихъ Шершневъскихъ побралъ, и на свой пожитокъ, посполу съ помочниками своими сполный, обернулъ, который огуломъ на полторы тисечей шацую; и такъ, окървававивши тамъ-тую маетность мою, позабиявши подданыхъ моихъ, и спросны екъсцесы, а барзо не цнотливые, псотливые пополнивши, и помазавши мужатки и девки цнотливые, злупивши и зобравши подданыхъ моихъ всихъ, которые заменованые тутъ метъ хочу, кгдыжъ всихъ не минула шкода и кгвалтъ, такъ же ледве живыхъ ихъ зоставивши, зо всего убозства, безъ вшелякого милосердъя обнажилъ, а наветъ, и на томъ не переставши, слугу моего, звышъ менованого, учтивого шляхтича, привезавши до шии поворозъ, при коню его вести росказалъ. И зо въсими тыми своими, собе во въсемъ подобными лупезцы, збойцы, умысливши сплюндровать всю маетность мою, шолъ до Анъдриева, местечка моего, который, кгды у Верове, маетности Его Милости, пана Адама Олизара сталъ, толко въ полмили отъ Анъдриева, писалемъ до него,

просечи о милосердье надъ подданными моими, абы се вжды въ далшомъ зломъ предъ се взятю своемъ погамовалъ, и того слугу моего, невинного, Яна Рожковского выпустилъ; на што всказалъ до мене: ижъ мелъ его выпустити, а тымъ часомъ, на продъ его зъ ыншими гултаями выправившись, минаючи Андриевъ и Чернеховъ, послалъ звезаного, а самъ другого дня, то есть десятого месеца Генвара, року теперъ идучого, тисеча шесть сотъ одинадцатого, на маетность мою и местечко Андреевъ, уже у вечоръ наехавши, зъ мнозствомъ лотровства подобного собе, съ помочниками своими, яко хотелъ, збытковалъ: побралъ и полупилъ подданыхъ моихъ Андреевскихъ, которымъ шкодъ учинилъ на пятьдесятъ копъ грошей Литовскихъ, а, починивши такъ много низличоныхъ шкодъ въ маетностяхъ моихъ, и поплюндровавши способомъ поганскимъ, слуги моего мне не выдавши, ехалъ зъ Андреева, и, скупившись еще зъ другимъ товарыствомъ, которые тежъ по сторонахъ отъ него на лупъ на маетности шляхетские, а особливе до маетности и волости пана Олизаровы Топориское, отъ него розосланы были, и съ тыми всими своволники и гвалтовники, здрайцы, яко и самъ тотъ то Григорей Пашкевичъ, положилъсе въ селе суседскомъ Вежове, о чомъ я доведавшись, ижъ вже въ бокъ маетности моее, уходечи зъ лупы починеными и зъ слугою моимъ Рожковскимъ, писалъ есми до него, просечи яко о того слугу моего, абы его выпусилъ, и побраные маетности подданыхъ моихъ, иле быть може поворочалъ, на остатокъ просилъ его, абы хотелъ зо мною самъ порозуметись, и скилкунасту коней толко, абы не зе всеми, на помирковане и успокоене до мене приехалъ,

тогды онъ прислалъ до мене ниякого Чубинского съ тымъ, же я до вашей милости не поеду, але ваша милость до мене приедь, а поеднайсе зо мною, а я обезпечаю рыцерскимъ словомъ своимъ, и за все рыцерство шлюбую, же се зъ вашою милостю приятелски обойду, если то для мене учинишъ, и слугу вашой милости отдамъ, и шкоды вашой милости нагородятъ; бо то бачу, ижъ не правемъ вашей милости, для того обавяюся самъ до вашей милости ехати; и, кгды мене въ томъ здрадецко поступуючи зо мною, упевнилъ, надию маючи въ обетницы его о нагороде своихъ яко колвекъ шкодъ и жалю, упросивши до себе, зъ роты его милости пана Яворянского, въ Житомиру лежачое, жолнеровъ товарышовъ трохъ, то есть: пана Яна Домбровского, пана Руцкого, пана Кгидзинского, и приятеля одного къ тому взявши, то есть пана Александра Мирского, и при томъ съ челядю своею о килку десятъ коней яхалемъ до него, спустивши на слово его, которого завше нагорши човекъ, былебы што колвекъ цноты мелъ, звыклъ стеречи; и, кгдымъ се южъ приближалъ до села Бежова, ужилемъ пана Александра Мирского, абы впродъ до того то Пашкевича ехалъ, и доведалсе, што се тамъ деетъ, если безпечне ехати? а самъ однакъ ехалемъ за нимъ въ тыежъ тропы, который то панъ Алекъсанъдеръ Мирский до него ехалъ, тамъ же, кгды ве сърodекъ села въехалъ, заразъ тотъ то Григорей Пашкевичъ, выпадши, и обачивши мене приближаючогосе ку селу, до оного всего войска своего, которого могло быти полторы тисечей, всихъ розшикованыхъ, крикнулъ, абы заразъ, зо всихъ сторонъ мене огорвувши, бытву мне дали, а на пана Мирского заразъ,

до себе не припусчаючи, съ килку ручницъ стрелили, а такъ ледве ушедълъ отъ нихъ въ цале, подъ которымъ коня однакъ пострелили, и заразъ, яко одинъ зрайца, тотъ то Пашкевичъ Григорей зо всими тыми людми своволъными, иле ихъ было, которыхъ онъ самъ имена ведаетъ и знаетъ, навалне пустивши се противко мене, о здоровъе мене самого и о горло хотечи приправити, густую стрелбу на мене пустили, и усильне южъ на мене натирали, такъ, ижъ въ онъ часъ подданого моего мещанина Чернеховъского, на йме Семена Сухореброго на смертъ забили, и замордовали, и зъ живого мертвымъ учинили, якожъ, зо въсихъ сторонъ видечи я великое небезпеченъство и злый а зрадецкий и нецнотливый умыслъ того то Григоря Пашкевича и люду при немъ своволного, жадное цноты не маючого, помочниковъ его войска не малого на мене бъючого, и наступуючого, дале не маючи инъшого сродку, одно Бога и невинъность свою до охъроненъя и захованъя живота моего, въ малой личбе килку десятъ коней зо мною будучихъ, противко такъ великому войску, я, застановивъшисе впродъ, волалемъ, и напоминалемъ того то Григоря Пашковича, абы се гамоватъ хотелъ одъ такъ злого, зрадливого предъ се взятъя своего, который се упросити и угамовати не далъ, и офъшемъ, уфаючи у великой личбе войска не малого, змоцнившисе противко мене, зъ малымъ людомъ стоячого, южъ на мене, яко одинъ зрайца наступовалъ, стреляючи, а, кгды южъ не могло иначей быти, муселомъ ему уходити, боронечи здоровъя своего, и одбиваючисе ему, ижъ заледве оборонною рукою ушолъ есми одъ него, и убеглъ до местечка моего Чернехова, и такъ за ласкою Божою,

а за невинностю моею, унесъ есми въ цале здоровъе мое, пре то теперъ прошу, абы тая протестацыя моя до книгъ принята была, а Возного приданъя на огледанъе до Чернехова, Анъдриева и Шершневъ подданыхъ ранъныхъ и избитыхъ, если бы были где налезны, такъже просилъ, заховуючи собе цалое право зъ стороною объвиненою съ принъцыпаломъ и помочниками, прихиляючисе до права посполитого, въ суде належного, и яко отъ Его Королевское Милости росказанъе покажесе, съ тымъ людемъ своволнымъ, збродливымъ, квалтовъ и мордовъ полнымъ поступитъ не занехаю. Огулъную мою протестацыю, на вси прошлые екъсъцесы ихъ и теперешнее погледаючи, до книгъ уряду вашей милости доношу. А я, зъ уряду своего, яко Подстаростий, придалемъ его милости пану Немиричу, на тую справу, и огледанъя, и възятъя ведомости се, Возного енерала, шляхетнаго Адама Петровъского, и тую протестацыю его милости до книгъ записати есми казалъ, што есть записано.

Книга гродская Житомирская, 1611 г. листъ 16.

XLVII.

Сознаніе Возного о томъ, что дѣйствительно Пашкевичемъ и его товарищами убитъ одинъ изъ подданныхъ Немирича, другіе-же изувѣчены и избиты, дочери ихъ изнасилованы, имущества ограблены, а также, о томъ, что онъ видѣлъ слѣды многочисленной погони, гнавшейся за Немиричемъ. 1611—Генваря 15.

Року 1611, месеца Генъвара 15 дня.

На вряде Его Королевское Милости, замку Житомирского, передо мною, Григоремъ Кочуровскимъ, Подстаростимъ Житомирскимъ, постановившись очевисто Возный енералъ воеводства Киевского, шляхетный Адамъ Петровский, ку записаню до книгъ сознал, и того сознаня своего квитъ подъ печатю, и съ подписомъ руки своее писаный, тыми словы подалъ: я, Адамъ Петровский, Возный енералъ земли Киевское, сознане мое до книгъ, на кротце, въ тые слова приношу, ижъ, будучи я отъ вашей милости, пане Подстаростий, очевисто приданый его милости, пану Стефанові Немиричові, року теперъ идучого, тисеча шестьсотъ первогонадцать, месеца Генвара четвертогонадцать дня, былемъ на потребе его милости, въ месте Чер-

нехове, тамже на продъ указалъ мне его милость панъ Стефанъ Немиричъ тело забитого зъ ручницы подданого и мещанина своего Черпеховского, Семена Сухоребраго, а пана Александра Мирского коня у ногу постреленого меновалъ отъ Григоря Пашковича, который слугою Княжати Его Милости Яхима Корецкого менуетсе, огледалъ есми, на возехъ привезеныхъ изъ Шершневъ, ранныхъ подданыхъ его милости пана Немиричовыхъ старыхъ и молодыхъ людей, Анъдриевлянъ, потлучоныхъ, побитыхъ кистенями, шаблями, раны розмаитые по головахъ, по хрыбте, по ногахъ и рукахъ, которыхъ имена въ реестре моемъ, отъ мене его милости пану Немиричови даномъ, подъ печатю и съ подписомъ руки моее суть списаны, такъ, ижъ заменованые ихъ тутъ призываю. Которыхъ было чоловека семъдесятъ, тые крычали и волали на тогожъ Григоря Пашъковича и на люди, при немъ своволне идучие, же были побиты, потлучоны, поранены и дочки ихъ покгвалчоны, пошкаражоны, маетности побраны, полупены, што его милость панъ Стефанъ Немиричъ тожъ на тогожъ Пашкевича твердилъ, и мною, Вознымъ осветчалъ, поведаючи, ижъ въ протестацыи своей всѣ его зрадецкие ексцесы, которую до вряду Житомирского донесъ есми, и отослалемъ, достатечне суть описаны, и указалъ ми поле подъ местомъ Чернеховомъ, отъ дороги Бежовское, где отъ коней земля зъ снегомъ змешана, отъ войска немалого, и ажъ отъ самаго Бежова до Чернехова такъ земля удоптана, то поведилъ и менилъ на Пашкевича и на войско его, ижъ за нимъ, кгды его до Бежова до себе взывалъ, до себе не припустивши, гонилъ, билъ люди мое и одного ме-

щанина моего, вышей менованого, забилъ на смерть и мене зрадливе о смерть хотечи приправити, ижъ заледве оборонною рукою, одбияючись ему и помочникомъ его, уйшолъ до Чернехова, а то знаки суть гонитвы тоее за мною, почавши отъ села Бежова, ажъ до Чернехова, а, немогучи вже мѣне досыть чинити, назадъ вернулисе, якожъ не малое подобенство, ижъ такъ было и много шляхты, на тотъ часъ прибылое до его милости пана Немирича, тожъ посведчало, и великое щасте приписовали, ижъ рукъ ихъ на тотъ часъ самъ его милость, панъ Немиричъ уйшолъ; а при томъ была шляхта, люди добрые: панъ Ярошъ Хряновский, а панъ Анъдрей Киховский. А ямъ, што слышалъ и виделъ, до книгъ тутошныхъ признаваю, и доношу. Которое сознане возного до книгъ врядовыхъ есть записано.

Книга гродская Житомирская, 1611 года. Листъ 19 на оборотѣ.

XLVIII.

Протестація Стефана Немирича противъ Якова Лемеша въ томъ, что онъ по личной враждѣ, и, желая завладѣть и удержать за собою добычу Пашкевича, а при томъ отклонить всякое отъ себя подозрѣніе, обвинилъ предъ судомъ Немирича въ убіеніи Пашкевича, между тѣмъ какъ виновниками его были крестьяне изъ села Топорищъ. 1611, Генваря 15.

Року 1611, месеца Генвара 15 дня.

Писалъ и присылалъ до вряду Его Королевское Милости, замку Житомирского, до мене, Григоря Кочуровского, Подстаростего Житомирского, его милость панъ Стефанъ Немиричъ, оповедаючи на Якова Лемеша о то: ижъ дошла мене ведомость, яко бы онъ року теперешнего, тисеча шестьсотъ одинадцатого месеца Генвара третегонадцать дня, маючи передъ тымъ неуkoенный и незычливый и полный умыслъ неприязни противко мене, не ведать якимъ духомъ важилсе, и смелъ внести на мене непристойную и барзо фальшивую протестацыю, снать на змове съ Козаками, и зъ розными помочниками, и поддаными своими, и зъ розными свовольными людми, съ которыми онъ, яко маю ведомость, Григоря Пашкевича якуюсь здобычъ его

и немалую, которую зъ лупежства былъ помножилъ, и зъ моихъ маетностей тотъ Лемешъ собе привлащилъ, и, яко слыхать, же въ обороне моей, кгды се Топорищане, подданые его милости пана Олизаровы, мало не вся волость зъехала, просить Григоря Пашковича о свое кони и речи, на онъ же часъ въ полю, кгды на нихъ Григорей Пашковичъ наступовалъ, розумеючи, же мой людъ былъ, отъ нихъ былъ постреленый зъ ручницы, и якобы былъ забитый; тогды въ томъ розруху, кгды ихъ страхъ огорнулъ тыхъ людей своволныхъ, тогды самъ Лемешъ речи, лупы и здобычи тамътые, привлащивши себе, за оными Козаками уганялсе, и, не ведати, если самъ Пашкевича не забилъ, а отбежоные речи и маетности его, яко маю ведомость, помененый Лемешъ съ поддаными своими прикрылъ, и собе привлащилъ, и мужиковъ своихъ помучилъ и на смерть одного, яко слыхать, замучилъ для тыхъ луповъ, грошей и розмаитыхъ речей и того всего уходечи, абы свою вину на мене вЪложилъ, смелъ мене потварити забитемъ того то Пашковича, и побранемъ розмаитыхъ маетностей рухомыхъ, и побранемъ речей розныхъ подданыхъ его, яко о томъ его мниманая и фальшивая, доброй славе моей дотккливая, протестацыя, черезъ него непристойне учиненая, въ собе обмовляетъ; въ которомъ то учинку фальшивомъ, почуваючись я быть невиннымъ, тое мое оповеданє и репротестацые противко тому одверсарови моему смыслному, Якови Лемешовы вношу, и правне о тую потварь зъ нимъ чинити оферую, просечи, абы то было до книгъ записано; штомъ принявши записати казалъ, и есть записано.

Книга гродская Житомирская, 1598 г., листъ 19.

XLIX.

Жалоба Пани Маруши Пашкевичовой на Пана Стефана Немирича въ томъ, что онъ, напавъ на дорогѣ ея мужа, возвращающагося съ товарищами спокойно изъ похода въ Москву, съ порученіями и листами Королевскими и Гетманскими, убилъ его для того, чтобы завладѣть значительною добычею, которую тотъ накопилъ во время похода и провожалъ къ себѣ домой. Дѣйствительно Немиричъ завладѣлъ добычею какъ Пашкевича, такъ и товарищей его, изъ числа которыхъ нѣсколько человѣкъ онъ также убилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ. 1611 года, Генваря 30.

Року 611, месеца Генвара 30 дня.

Постановившися очевисто на вряде Его Королевское Милости, въ замку Житомирскомъ, передо мною Григоремъ Кочуровскимъ, Подстаростимъ Житомирскимъ, шляхетне урожоная пани Маруша Дедеркаловна, малжонка, некгды зошлого съ того света, небожчика пана Григоря Пашкевича, зъ неутоленемъ и великимъ жалемъ плачливымъ жаловалась, и протестовала на урожоного пана Стефана Немирича, яко прынъцыпала учинку шкараднаго, нижей менованаго, и на урожоного пана Петра Велюгорского, яко явного помочника, ижъ тотъ Стефанъ Немиричъ и съ тымъ паномъ Велюгорскимъ и зъ многими ихъ

помочниками, взявши ведомость отъ многихъ людей яко мой мужъ небожчикъ, панъ Григорей Пашкевичъ, который то впродъ, не лютуючи здоровъя своего, а потомъ и въсее маетности свое, ехалъ до Москвы на послугу Его Королевское Милости и речи посполитое, где, яко рыцерскому чоловеку належало, повинность свою, служачий, отдавалъ; за чимъ Его Королевская Милость, за ровно зъ иншимъ рыцерствомъ, оного, на послуги свое затягнувши, далъ ему короговъ, и подъ послушенство его певъный полкъ людей рыцерскихъ поручить рачилъ; надъ которымъ бывши полковникомъ, по розныхъ местцахъ въ Москве, за росказанъемъ Его Королевское Милости значне служилъ, а потомъ оного, для инъшихъ потребъ, и зобранъя, и зведенъя болшей людей рыцерскихъ, зъ листами своими, яко Его Королевская Милость, такъ и Его Милость, панъ Гетманъ, тутъ до панъства тутошнего ехати росказати рачили; то пакъ небожчикъ, малжонокъ мой, отправивши, и отдавши значне послуги свое Его Королевское Милости, на многихъ местцахъ въ Москве, за таковымъ розказанъемъ, оттуль, ку домови убогому своему ехалъ, звыклыми волными и безпечными местцами и дорогами, не маючи ниякого принагабанъя, але, яко се годитъ, досытъ спокойне, ажъ тутъ уже пришедши, подъ маетность по недалеку того пана Немирича, яко чоловекъ безпечный, и никому ниякое причины не даючи, зъ некоторыми людми, товарышами своими, слугами Его Королевское Милости, которые зъ нимъ для розмаитыхъ потребъ ехали гостынъцемъ, а дорогою звыкълою, а ижъ се ночъ приближила, приехавши до села Бежова, до маетности пана Лемешовы и пана Корчевского

и тамъ, за дозволенемъ оныхъ станулъ ночовати, и ночовалъ съ товарысъствомъ, и зъ слугами, и зо всеми маетностями своими, не сподеваючисе зъ жадное стороны ниякого небезпеченства и зрады; то пакъ панъ Немиричъ, и съ паномъ Велюгорскимъ, и зъ ынъшими многими помочниками своими, на то приспособлеными, которыхъ они назвиска и имена значне знаютъ и ведаютъ, а възявши имъ передъ тымъ часомъ певную ведомость, ижъ небожчикъ, малжонокъ мой тоею дорогою, черезъ его маетность ехать мелъ, и до того ижъ шъпекги надъ ними мелъ, за часу уставленые, отъ которыхъ ведалъ, ижъ небожчикъ, малжонокъ мой, не мало маетности своее властное розмаитое, которую зъ Москвы за ласкою Божею и счастемъ Его Королевское Милости, а выслугою своею и презъ добычъ провадилъ, учинивши раду, а пропомневши боязни Божее и срокгости права посполитого и винъ, въ немъ описаныхъ, не дбаючи на славу, ани на пристойность стану своего шляхетского, зневаживши покой посполитый, а възявши передъ себе злый умыселъ а непристойный, а мало коли въ томъ краю слыханый, способивши собе за часу на учинокъ, ниже менованыхъ, ровныхъ собе, товарышовъ на помочь о килка сотъ коней, зъ розмаитымъ оружемъ военнымъ, которыхъ по розныхъ местцахъ долинахъ, хростахъ, дорогахъ розсадивши и ушиковавши; мало што не въ ночи, месеца Генвара одинадцатого дня, въ року теперъ идучомъ, тисеча шестъ сотъ первомънадцать, а будучи лакомствомъ на маетность и здобычъ малжонъка моего заведеный, абы то все што при немъ и въсихъ тыхъ, шъто при нимъ, которые зъ нимъ ехали и слугъ его, выдаръ снадней; найпервей

слугу своего зъ листомъ до него прислалъ, на здраде просечи его до себе, до Чернехова, на честь, а самъ южъ былъ зо всими своими помочниками готовымъ; за чимъ небожчикъ малжонокъ мой, не будучи оному ничого винънымъ, не вымовляючись, и не мыслечи о жадной здраде, умыслне до него ехати рушилъ се зъ месца, зъ ночлегу своего зо въсемъ будучи его прозбою убезпечоный, ехалъ дорогою, а кгды южъ зъ села оного зъ Бежова выехалъ, а въ тотъ часъ, зо въсехъ сторонъ, онъ самъ Немиричъ и съ тымъ паномъ Велюгорскимъ и зо въсеми своими товарышами и помочниками, зъ боку ударивши, обычаемъ розбойнымъ, непристойнымъ, впродъ на возы ударивши, где вся маетность и здобычъ небожчиковъская вся была, ударили, што небожчикъ обачивши, прибегъ, хотечи просети, абы въ покою былъ захованый, и што бы за причина таковою розбою. Тамъ же заразъ, обачивши небожъчика мужа моего самого, не маючи ниякого милосердъя, але окрутне а не лютостиве, здрадецко, нецнотливе, непристойне помененого небожчика, малжонка моего, пана Григоря Пашкевича, шъляхътича себе ровного, при той же маетности его, розбойнымъ обычаемъ забилъ и на смерть замордовалъ, заступивши на доброволной дорозе, и зо въсее маетности его, которое при небожчику было розмаитое, яко золота, серебра робъленого и ламаного, клейнотовъ и перелъ, шатъ коштовныхъ, яко злотоглововыхъ, алътемъбасовыхъ и инъшихъ, розмаитыхъ едвабныхъ и штуками розмаитыхъ акъсамитовъ, адамашокъ, атласовъ, китаекъ розное масти и футеръ такъже, яко соболихъ, рысихъ, мармурковъ, кунихъ, бобровъ, лисихъ и инъшихъ розмаитыхъ, чого всего шацункомъ

истотнымъ коштовало сто тисечей золотыхъ Полскихъ, а готовыхъ грошей, которые на небожчику уставичне были, чирвоныхъ золотыхъ, у золоте две тисечи золотыхъ чирвоныхъ; а на возе во двохъ скрипяхъ, въ которыхъ было монетью розною и талярми, такъже монетою Московъскою и Полскою и чирвоными золотыми, двадцать тисечей золотыхъ полскихъ; а особливе коней почтовыхъ, зъ розными рынъштунъками и радами серебръными и инъшими простыми, которыхъ было дванадцать возниковъ, (sic) цукговъ шесть, которые у возехъ скарбныхъ, подъ тыми всими маетностями шли и инъшихъ коней и речей рухомыхъ не мало, чому шапунокъ на две тисечи золотыхъ Полскихъ, окромъ маетности челеди и слугъ. Такъже и товарышовъ его кгвалтовне, здрадливе розбилъ, злупилъ и побралъ, заступивши на доброволной дорозе, а мало маючи на таковымъ неслыханнымъ, здрадливымъ, срокгимъ учинъку, водлугъ воли своее выконанымъ, помсту незвыклую, не хрестянъскую надъ теломъ небожчиковъскимъ, южъ по смерти его чинилъ, и оное тело нетъ ведома где потаемне спалилъ, алъбо снать утопилъ; товарышовъ, слугъ, челяди небожчиковъскихъ такъже на смертъ помордовалъ и позабиялъ, а другихъ, живо повезавши, до везенъя, до дому своего, Чернехова побралъ, и теперъ держитъ инъшихъ товарышовъ его. А, ижъ заразъ по таковомъ учинъку и несчасливомъ припадку, который поткалъ небожчика, малъжонъка моего, не могла есми такъ прудко такового жалосного оповеданъя моего, на вряде нинешнимъ учинити, а то за великою хоробою моею, подъ часъ лежанъя моего въ пологу, а того, ижемъ такъ заразъ певное и досконалое ведомости ни о

чомъ взять не могла, предъ великимъ жалемъ и фрасунъкомъ моимъ, ажъ теперъ, заховуючи собе однакъ и на потомъ, за възятемъ далшое ведомости, по праву тое мое протестацые, такъже сынови небожъчика, малжонъка моего, пану Крышътофу Пашкевичу, о таковую менованую кривду отца его, который теперь есть на далекой дорози до Москвы, передъ тымъ припадкомъ отца его, а малжонъка моего, отъ Его Милости, Княжати Самоеля Корецкого, пана его отосланый; а скоро панъ Богъ его знеситъ (sic) въ томъ достаточне, поступать правне не занехаетъ, и инъшие особы, которымъ тамъ на тотъ часъ кривды и шкоды сталисе, при томъ, на онъ часъ, розбою, при которомъ тогожъ тамъ часу листы Его Королевкое Милости, такъже и Его Милости, пана Гетмана, которые ему, небожъчикови малжонъкови моему были даны, такъ завартые, яко и отваристые, приповедные и листы Его Милости, Княжати Самойля Корецкого, тые вси побраны суть; а о инъшихъ кривдахъ и шкодахъ, взявши яко найпрудшую ведомость, и о тыхъ всихъ чинить и поступовать правне не занехаю, о которую такъ незносную кривду и шкоду, о забите и замордованъе малжонка моего, никому инъшому вины не даю, и не протестуюсе о небожчика, малжонъка моего, только тому пану Стефану Нимиричу и съ помочниками его, о што прошу, абы тое оповеданъе о такъ великий жалъ мой, и въси кривды и шкоды, за тымъ походячые, были приняты, и до книгъ записаны, ижъ то за наездомъ и заступенъемъ на доброволной дорозе отъ его сталося, яко вышей есть описано, о што правне чинить не занехаемо. И просила пани Пашкевичовая, абы тое оповеданъе до книгъ врядо-

выхъ замку господарского Житомирского принято и записано было, штомъ, принявши, записати казалъ и есть записано.

Книга гродская Житомирская, 1611 г., листъ 40.

L.

Жалоба товарищей Пашкевича на Стефана Немирича въ томъ, что онъ на нихъ, спокойно возвращающихся изъ военнаго похода, на дорогѣ напалъ, начальника мхъ, Пашкевича и нѣсколько товарищей убилъ, остальныхъ изранилъ, а нѣкоторыхъ взялъ въ плѣнъ и держитъ въ тюрьмѣ въ своемъ имѣніи, Черниховѣ, а имущество всѣхъ ихъ ограбилъ. 1611, Генваря 30.

Року 1611, месеца Генвара 30 дня.

Постановивъшисе очевисто передо мною, Григоремъ Кочуровъскимъ, Подстаростимъ Житомирскимъ шляхетне урожоные: панъ Войтехъ Малачинъский, а панъ Янушъ Липъский, Оршулъ, Петрашко Рекетовъ, панъ Василь Давыдовичъ, Балажий, Ишътванъ, Янушъ Дхоревъский, Войтехъ Брезицкий и инъшие товарыши, яко чужоземци, которые всѣ, яко и вышъ помененые,

чинили оповеданъе и обътежливе жаловали тыми словы: штожъ, будучи намъ на послугахъ Его Королевское Милости и речи посполитое особемъ килкумъ десятъ, при небожчику пану Григорю Пашкевичу, Полковнику, который былъ на послузе Его Королевское Милости и речи посполитое, и въехавши намъ подъ короговъ его, ему отъ Его Королевское Милости даную, подъ которою есмо, яко люде рыцерские, на послугу Его Королевское Милости затягненые, въехали, и при небожчику, во вшелякихъ потребахъ будучи, и не лютуючи здоровъя своего, въ колко потребахъ значныхъ были, и послуги наши сполне Его Королевской Милости и речи посполитое, въ земле Московъской, при небожчику пану Григорю Пашъковичу, вцале пристойне, слушне, рыцерско отдавали, а кгды теды небожчикъ, панъ Григорей Пашкевичъ, Полковникъ, за ведомостю такъ Его Королевское Милости, яко и Его Милосты (sic) пана гетманского и за листами, будучи на який часъ вызволеный и посланый, при которымъ мы всѣ, которые будучи есмо отъ небожчика зъ нимъ затягненые, не обавляючись, ани выстерегаючисе жадного небезпеченьства, на которое есмо никгды никому не зарабяли, а, яко люде рыцерские, черезъ увесь часъ послуги наши пристойне отдавали, и съ каждымъ се слушне заховали, то пакъ по тотъ часъ увесь истъя нашого дорогами и гостинъцами звыклыми, на которыхъ есмо всюды безпечне и пристойне шли, и насъ не гамовано, яко тыхъ, которые есмо никому кривды и шъкоды въ тегъненъю нашомъ не чинили. А въ року теперъ идучомъ, тисеча шестъсотъ первомънадцатъ, месеца Генъвара одинадъцатого дня и, кгды есмо пришли до маетности пана

Стефана Немирича, черезъ которую всю маетность его идучи спокойне, и заховуючи се пристойне, никоторое трудности не задавали, ажъ кгды вже вышли есмо зъ маетности его и пришли есмо до маетности пана Лемешовы и пана Корчевъского, до села Бежова, на ночълегъ, яко люде дорогою не малою змордованые, и, не споведаючисе на собе никоторое зрады ани подступку, але будучи безпечные при небожчику, пану Григорю Пашкевичу, Полковнику своемъ, тамъ же помененый панъ Стефанъ Немиричъ, кгды вже есмо мели выходитъ съ того села Бежова, въ которомъ есмо зъ волею и ведомостю пановъ того села стали, нетъ ведома, для которое причины, взявши передъ себе ниякий злый умыселъ, зъ много помочниками своими, которымъ онъ самъ имена и назвиска ихъ лепей знаетъ и ведаетъ, впродъ на возы скарбные Полковника нашого зошлого, пана Григоря Пашкевича, а потомъ и на наши, въ томъ же полку будучие, и на насъ самыхъ; а впродъ на самого небожчика, пана Григоря Пашкевича ударивши, которого то непристойне забилъ и замордовалъ, при которомъ забитю и намъ, людемъ рыцерскимъ шкоды не малые се стали отъ пана Стефана Немирича, о которые се протестуемо, а, ижъ на сесъ часъ, не могучи о шкодахъ своихъ певное сумы такъ и кони и о въшелякие маетности наши при томъ бою, забитю, розбою класти, потомъ, кгды се истотъне, отъ товарыства выведавши, часу права на реестру списанымъ показать будемъ готовы, а до того, инъшихъ товарышовъ нашихъ поранивши, помордовавши, до себе, до маетности своее, до Чернехова, до везенъя побралъ, и теперъ держитъ, а некоторыхъ на смерть позабиялъ,

а меновите: Мигаля Сербина ранилъ, Марка Сербина ранилъ, Войтеха Малачинъского, Анъдрея Брезинъского, а пана Григоря Полицкого и Поручника нашого, пана Раквиренца Липъского, на смерть забилъ и замордовалъ и тела ихъ, нетъ ведома где, потаемне, подевалъ, о што все, заховавши волное чинене, и иншихъ укрывжоныхъ правные протестацые и поступъки, напротивко помененого пана Стефана Немирича, пана Петъра Велюгорского и инъшихъ помочниковъ ихъ, о которыхъ бысмо се меновите могли напотомъ выведать, протестуемосе, и оповедаемъ, о которое оповеданъе просимъ, абы на уряде нинейшимъ принято, и записано было. Котороежъ то оповеданъе звышъ помененыхъ особъ до книгъ врядовыхъ, замку господарского Житомирского принято и записано есть.

Книга гродская Житомирская, 1611 г., листъ 37.

LI.

Сознаніе Возного о томъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ раны, нанесенныя многимъ изъ товарищей Пашкевича, и что потомъ, отправившись въ Чернеховъ, видѣлъ тамъ 7 изъ нихъ, заключенныхъ въ тюрьму, а также добычу, отнятую у нихъ Немиричемъ. 1611, Генваря 30.

Року 1611, месеца Генвара 30 дня.

На уряде Его Королевское Милости, замку Житомирского, передо мною, Григоремъ Кочуровскимъ, Подстаростимъ Житомирскимъ, постановившись очевисто Возный енералъ воеводства Киевского, шляхетный Тарасъ Опарипеский, ку записанъю до книгъ созналъ, и того сознанъя своего квитъ съ подписомъ руки своее писаный тыми словы (представилъ): Подалъ я, Тарасъ Опарипеский, Возный енералъ воеводства Киевъского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, штожъ въ року теперъ идучомъ, тисеча шестьсотъ первомънадъцатъ, месеца Генъвара осмогонадцатъ дня, зъ очевистого преданъя отъ уряду Его Королевское Милости замку Житомирского, на справу урожоной пани Марине Дедер-

каловне Григоревой Пашкевичовой, такъже урожоному пану Войтехови Малачинъскому, пану Янушу Липъскому, Оршулю и Петрашкови Рекетови, пану Василю Давыдовичу и инъшимъ товарышомъ, ижъ то пакъ, упередъ помененая пани Пашкевичовая, передо мною вознымъ осветчила, и жаловала, ижъ панъ Стефанъ Немиричъ, яко принъцыпалъ, а панъ Петръ Велюгорский, яко помочникъ и зъ ыншими ихъ помочниками многими, небожчика малжонъка ее, пана Григоря Пашкевича, который ехалъ зъ Москвы, будучий на послузи Его Королевское Милости и зъ ыншими товарышами своими, а ехалъ ку домови, черезъ маетность пана Немирича, который то панъ Немиричъ и зъ ыншими помочниками своими малжонъка ее небожъчика, пана Григоря Пашкевича, обычаемъ розбойнымъ заступивши, на доброволной дорозе забилъ, и замордовалъ на смертъ, и тело небожчиковъское нетъ ведома где поделъ, и зъ маетностъю его всее, которая на тотъ часъ при немъ была, розбилъ, злупилъ и побралъ; также и челядъ его до везенъя, до маетности своее, до Чернехова побралъ и осадилъ, о чомъ протестацыя головная, на него учиненая, ширей о томъ светчитъ, тогожъ часу, помененый панъ Войтехъ Малачинский и съ товарышами своими, передо мною Вознымъ, на тогожъ, помененого пана Стефана Немирича, на пана Петра Велюгорского и на помочниковъ его оповедалъ, ижъ подъ часъ замордованъя небожчика пана Григоря Пашкевича, съ которымъ яко слуги Его Королевское Милости, подъ одною короговъю въ полку его служачи, посполу ку домови зъ нимъ ехали, где тогожъ часу, заступивши на доброволной дорозе, пана Полковника нашого забивши

на смерть, замордовавши, товарышовъ нашихъ не мало на смерть замордовалъ, а меновите: пана Григоря Полицкого и Поручника нашого, пана Реквиренъца Липъского также на смерть забилъ, и замордовалъ, и зо въсее маетности и здобычи нашое насъ злупилъ, и побралъ, другихъ товарышовъ нашихъ пострелялъ, поранилъ, и до везенъя до маетности своее, до Чернехова побралъ. По которомъ оповеданъю, ранъныхъ тыхъ мне, Возному оказовали, и объводили, а меновите: у Мигаля Сербина виделомъ рану на левой стороне въ голове, у Марка Сербина виделомъ рану тятую на руце левой, у Войтеха Малачинъского рану тятую на руце левой, у Анъдрея Брезинъского рану постреленую съ полгака въ губу. А по объведенъю, и оказанъю тыхъ мне ранъ Возному, былемъ взятый, и ехалемъ до Чернехова, до маетности пана Немирича, для застинъя (sic) инъшихъ товарышовъ и слугъ небожъчика пана Пашъкевича у везенъю, где я, бывши месеца Генъвара двадцать третего дня, сегожъ року, теперъ идучого, тисеча шесть сотъ первогонадцать въ дворе, въ Чернехове, виделомъ въ турме, у везенъю седячихъ, на йме: Саву и Деметра, Мегала, Бориса, Василя Демитрашка, Марка Рекетого, Семена, Анътона, которыхъ вязневъ, мною Вознымъ объводилъ, и осветчилъ на пана Немирича, ижъ безвинъне при забитъю небожчика пана Пашкевича на добровольной дорозе, побравши всю маетность оныхъ, осадилъ, и везенъемъ трапитъ, яко людей невинъныхъ, слугъ Его Королевское Милости, а товарышовъ небожчика пана Пашкевича. Такъже тогожъ часу, тотъ же панъ Войтехъ Малачинский, мне, Возному оказовалъ челяди небожчиковское не мало, также и

возы скарбные, и кони, што меновалъ, ижъ то властные речи небожчиковские, которые при забитю его побрано, што я все, за оказанемъ его, слышалъ и виделъ, и на томъ далъ сесь мой квитъ, подъ печатю и съ подписомъ руки моее власное. Писанъ въ Житомиру. Котороежъ то очевистое сознане Возного помененого, при квите его учиненое, до книгъ врядовыхъ замку господаръского Житомирского принято и записано есть.

Книга гродская Житомирская, 1611 года, листъ 38 на оборотъ.

LII

Возраженіе Немирича противъ жалобы Пани Пашкевичевой, въ которомъ онъ утверждаетъ, что жалоба эта не что иное, какъ выдуманная на него клевета, и что Пани Пашкевичевая какъ лице неизвѣстное, происхожденія низкого, ему не равнаго, не заслуживаетъ довѣрія. 1611, Февраля 4 дня.

Року 1611, месеца Февраля 4 дня.

Писалъ и присылалъ до вряду Его Королевское Милости, замку Житомирского, до мене Григоря Кочуровского, Подстаростего Житомирского, Его Милость, панъ Стефанъ Немиричъ, оповедаючи на ниякую Марушу, которая се менитъ Дедеркаловною Григоревую Пешкевичовую о то, ижъ дошла мене ведомость, якобы тая то Пашкевичовая, не будучи мне ровная, року теперешнего, тисеча шестьсотъ одинадцатого, месеца Генвара тридцатого дня, важиласе и смела внести на мене непристойную и барзо фалъшивую протестацыю, которую хотели екъсцесы зрадецкие, розбойничие, поганъские и непристойные мужа своего, Григоря Пашкевича окрыти, учинивши оную не-

рыхло по мое протестацыи на того то злочинцу, мужа ее, через мене внесеное о морды, и кгвалты, и лупезства его, которые пополнилъ въ маетностяхъ моихъ розныхъ, о чомъ ширей въ моей протестацыи доложоно; тогды тая то Маруша Пашкевичовая, не ведать отколя вырвавшисе, спросную, доброй славе моей и уроженъю моему старожитному, не маючи жадного прировнаня въ учтивомъ зо мною, доткливую и потварливую и неподобную, иле въ молодыхъ и въ добромъ выхованъю летехъ моихъ, въ пристойности, въ учтивости, доброй славе кохаючомусе, и покой милуючому, и покоеви своему хотя и зъ шкодою своею забегаючому, и барзо образливую протестацыю, оповеданъе и реляцые Возныхъ, до книгъ, на мене внести и ославити, збываючи злыхъ екъсцесовъ мужа своего, а надто, будучи такъ темною и незначною особою, и подъ звиръхностю, якомъ слышалъ, Княжати Его Милости, Яхима Корецъкого, безъ всякого розмыслу, яко белая голова жадного розмыслу и розуму не маючи, зле, непристойне и нецнотливе съ помочниками своими, на добрую славу мою торгнуласе; а розбоемъ и забитемъ мужа своего, якобы через мене пополненымъ, не подобнымъ, который былъ воскомъ людей свовольныхъ собе подобныхъ обточоный, мене спотварила, змыслила, фалшиве и непристойне, которая въ свое учтивости жадно се не чула речъ на мене неподобная, яко о томъ ее мниманая, брыдкая, потвары наполненая протестацыя, тое то Маруши, особы якоесь легкое, незначное, тутъ передъ врядъ вашей милости внесеная, ширей въ собе обмовляетъ; въ которомъ то учинку потварномъ и фалъшивомъ, ничого не будучи виненъ,

и почуваючисе въ той невинъности моей, сее оповедане и репротестацыю, на противко той то Маруше Пашкевичовой, до вашей милости доношу, и если естъ шляхътянъка и годна того будетъ, або подданая чия, чинитъ о тотъ фалъшь и потваръ ее, въ суду належного, правне не занехаю. А на сесь часъ прошу о приняте и записанъе до книгъ тое репротестацыи мое, што я, принявши, до книгъ записати казалъ, и есть записано.

Книга гродская Житомирская, 1611 г., листъ 51.

LIII.

Возраженіе Немирича противъ жалобы товарищей Пана Пашкевича, въ которомъ жалоба эта называется клеветою, а подавшіе ее, какъ лица неизвѣстныя и низкаго происхожденія, не заслуживающими довѣрія. 1611, Февраля 4.

Року 1611, месеца Февраля 4 дня.

Писалъ и присылалъ до уряду Его Королевское Милости, замку Житомирского, до мене, Григоря Кочуровского, Подстаростего Житомирского, Его Милость, панъ Стефанъ Немиричъ, оповедаючи на ниякихъ людей, особъ незнаемыхъ, легкихъ, то естъ: на ниякого Войтеха Малечинъского, Януша Липъского, Оршала, Петрашка Рекетова, Василя Давыдовыча, Балажия, Иштъвана, Януша Дхоревъского, Войтеха Брезинъского и инъшое якоесь товарыство, едностайное чожоземци, о то, ижъ дошла мене ведомостъ, якобы тые особы, вышей помененъные, на змове зъ ниякою Марушею, прозываючеюся Дедеркаловною Григоревую Пашкевичовую и инъшого лотровъства и помочниковъ небожчика, яко они поведаютъ Григоря Пашкевича, зъ субордынованымъ

Вознымъ отъ себе, ниякого Тараса Опарипеского (sic), не будучи мне во въсемъ ровные, року теперешнего, тисеча шестъ сотъ одинадцатого, месеца Генвара тридцатого дня, важилисе и смели внести на мене непристойную и барзо фалъшивую протестацыю, которую, хотели екъсцесы зрадецкие, розбойничие, поганъские и непристойные вожа своего Григоря Пашкевича окрыти, учинивши оную не рыхло по мое протестацыи на Пашкевича внесеное о морды, и кгвалты и лупезства его, которые онъ зъ ними, яко помочниками своими, пополнилъ въ маетностяхъ моихъ розныхъ, о чомъ ширей въ моей протестацыи доложоно, тогды тые то звышъ помененые особы, мне незнаемые и неведомые, не ведать отколя вырвавшися, спросную доброй славе моей и уроженъю моему старожитному, не маючи жадное ровности въ учтивомъ моемъ, зо мною, дотклививую и потварливую и не подобную, иле въ молодыхъ летахъ моихъ въ пристойности, учтивости, въ доброй славе кохаючомусе, и покой милуючому, и покоеви своему хотя и зъ шкодою своею забегаючому, и барзо образливую протестацыю, о пожеданъе и реляцыи возныхъ, до книгъ на мене внести и ославити, збываючи злыхъ екъсъцесовъ своихъ, а надто будучи так темными и незначными особами, безъ всякого розмыслу, кгволи охроненъю збродни, розбоевъ и лупезствъ своихъ, при Пашкевичу выконаныхъ, зле, непристойне и нецнотливе, на добрую славу мою торгнулисе; а розбоемъ и забитъемъ вожа своего, якобы черезъ мене пополненымъ, неподобнымъ, который былъ воскомъ людей своволныхъ обточоный, починенъе имъ якихсъ шкодъ и везенъемъ ихъ товарыства мене спотварили, змыслили фалшиве и не при-

стойне. Которые въ своей учтивости жадной се не чули речъ на мене неподобную, яко о томъ ихъ мнеманая, брыдкая, потвари наполнеаая протестацыя ширей въ собе обмовляетъ, въ которомъ то учинъку потварнымъ и фалшивомъ, ничого не будучи виненъ, и почуваючисе въ той невинъности моей, сее оповеданъе и репротестацые, на противко тыхъ то особъ вышей менованыхъ вношу, о тотъ фалшъ и потваръ, и чинитъ правне, пристигнувши ихъ у суду належъного, не занехаю. А на сесь часъ прошу о принятъе и записанъе до книгъ тое репротестацыи моее; што я, принявши, до книгъ записати казалъ, и есть записано.

Книга гродская Житомирская, 1611 года, листъ 50.

LIV.

Жалоба Князя Соломерецкого на козаковъ Топежина, Шульжина и Старынского, которые называютъ себя Полковниками въ службѣ Королевской въ томъ, что они его имѣнія разорили, подданыхъ убивали и порозгоняли, и разбивая по дорогамъ не допустили его на срокъ ѣхать на сеймъ, куда онъ избранъ былъ депутатомъ отъ шляхты Пинскаго Повѣту. 1613, Декабря 15.

Року тисеча шестсотъ тринадцетого, месеца Декабра пятогонадцеть дня.

На вряде кгродскомъ Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, Буркграбимъ и Наместникомъ подстароства Володимерского, ставши обличне урожоный Его Милость Княжа Миколай Левъ Соломирецкий, Подкоморий Пинский оповедалъ въ тые слова: ижъ ихъ милость, панове братя обывателе повету Пинского, обравши мене на сеймику посломъ, зъ другимъ колекгою моимъ, на теперешний сеймъ Варшавский, якожъ я, Миколай Левъ Соломирецкий, кгдымъ уже праве выежджалъ на сеймъ, зъ маетности своее Высоцкое, въ повете Пинскомъ лежачое, въ той же маетъности моей помененой, року тепере-

шнего, тисеча шестъ сотъ тринадцетого, месеца Ноября, заехали мя Козаковъ до пяти тисечий полку Топежина и полку Шулжина, такъже полку Старынского, которые се меновали быти Полковниками Его Королевское Милости войска Козацкого, которые то Полковники, зо всимъ своимъ войскомъ Козацкимъ, лежачи въ местечку моимъ Высоцку, также въ Дубравицы, въ тымъ же повете Пинъскомъ и во всихъ селахъ моихъ, презъ две недели, оную мою маетность мястечко Высоцкъ, Дубровицу и села, до нихъ належачие, сплюндровали и въ нивечъ обернули: збоже, живность вшелякую, быдло, кони и все, одъ подданыхъ моихъ побравши, самыхъ порозганяли, и другихъ ми на смерть побили такъ ижъ пустекъ дви части въ маетъности моей почынили, якожъ я, выдечи такий утискъ такъ подданыхъ моихъ одъ тыхъ Козаковъ и небезпечностъ дороги своей, мусилемъ омешкати на сеймъ, за чимъ ихъ милости паномъ брати омешкатъ се мусило въ послуже; а ижъ за тою небезпечностъю одъ тыхъ Козаковъ, не моглемъ, яко ихъ милости паномъ брати обывателемъ Пинъскимъ дати знати, ани до уряду протестаций послати, кгдыжъ всюду по дорогахъ одъ оныхъ Козаковъ небезпечно было, кгдыжъ никому не препущаютъ, одераючи, справы и листы однимаючи, теперъ а позне едучи я въ тымъ же посолстве, на сеймъ, тутъ, на першимъ уряде кгродскомъ Володимерскимъ, протестуюсе. И просилъ Княжа Его Милость, абы то осветченье его было принято и записано, што естъ записано.

Книга гродская Владимiрская, 1613 года № 12, листъ 775 на оборотъ.

LV.

Универсалъ Королевскій, приказывающій Козакамъ Запорожскимъ: изъ отрядовъ расходиться домой, оставить квартиры, занятыя ими въ владѣніяхъ Королевскихъ, отказаться отъ намѣренія вторгнуться въ Валахію, или другое какое бы то ни было Государство сосѣднее, чтобы не нарушать заключеннаго съ ними мира; угрожающій въ случаѣ ослушанія отправить противъ нихъ войско Коронное и подвергнуть ихъ отвѣтственности передъ мѣстными Урядами. 1613, Декабря 21.

Року тисеча шестъ сотъ тринадцетого, месеца Декабря тридцатого дня.

До уряду нинешнего кгродского Володимерского, до мене, Павла Кличевского, Буркграбего и Наместника подстароства Володимерского, пришедши урожоный его милость, панъ Захарияшъ Яловицкий, Секретаръ Его Королевское Милости, подалъ универсалъ Его Королевское Милости, до войска Запорозского писаный, въ Которомъ Его Королевская Милость росказовати рачилъ, абы се съ купъ своихъ на мейсца звычайные розехали, и въ панстве Его Королевское Милости, по волостяхъ не лежали, ани бавили, также и до земли Волоское и въ инъшие панства

прилеглые входити, примѣра зъ ними речи посполитое торгати и нарушати не важилисе; о чомъ универсалъ менованый щирей въ собе обмовляетъ, а такъ я, врядъ, тотъ универсалъ, водлугъ росказаня Его Королевское Милости, до ведомости всемъ становъ приводечи, черезъ Возного объволати, и ихъ милости обывателомъ повету Володимерского, казавши его вписати до книгъ, выписы розесклаломъ; который универсалъ такъ се въ собе маетъ: Zygmont III, z Beżey łaski Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflanskie, i Szwedski, Gottski, Wandałski dziedziczny Krol. Wszem wobecz y każdemu z osobna, komn to wiedziec należy, woyska Zaporowskiego ludziom, ninieiszym pisaniem naszem wiadomo czyniemy: wzielismy tę pewną wiadomosc, że się do kup niemałych, po roznych mieyscach zbieracie, y mimo zwierzchnosc nasze, na surowe w prawie pospolitem opisane, nie ogledaiąc się karania, nie tylko po włosciach panstw naszych z ucisnieniem ych wielkiem bawicie się, ale y do ziemie Wołoskiey wnisc się gotuiecie, pokoy z ziemią tamtą dawno postanowiony y zachowany rwac, targac y psowac chcecie, który wasz zamysł swowolny, koronne na seimie teraznieyszem posłyszawszy stany, y wszystka prawie iednostainem głosem gorąco, abysmy te swowolą wasze hamowali, y karali, żądała (od) nas rzecz pospolita, dla czego, w tey mierże, bezpieczenstwu rzeczi pospolitey dogadzaiąc, więc y naszey dosyć czyniąc panskiey powinnosci, powagą seimu teraznieyszego piłnie y surowo wam roskazuiemy: abyscie zaraz, za oddaniem sobie tego pisania naszego, przez urodzonego Zachariasza Jałowickiego, Sekretarża naszego, z kup swych, na mieysca zwyczaine roziachawszysie,

nie iedno we włosciach koronnych szkod czynic dalszych zaniechali, ale y do ziemie Wołoskjey y w insze panstwa przyległe wchodzić, przymierza z niemi rzeczi pospolitey targać, rwać y naruszać nie ważelisię; a gdziebyscie w tem swoiem zamysle stanąwszy, posłuszni roskazaniu naszemu być, y powadze seymu teraznieiszego dosyc czynić niechcieli, tedy przeciwko wam, woiskom rzeczi pospolitey y urzędnikom naszem woiennem postąpić, iako przeciwko nieprzyiaciołom oyczyzny swey roskazuiemi, y znosic was kazemy, na dobrach, żonach, dzieciach waszych swowolą y nieposłuszenstwo wasze karać będziemy, a nadto wolą nasze y wszystkiei rzeczi pospolitey Starostom naszym y urzędom wszelakim do wiadomosci prziwodząc, pilnie roskazuiemy, zeby takie swowolnicy, którzy by się woley naszey przeciwili, ymali, karali y wszystkiemi swowoli ich zabiegali sposoby, dla łaski naszey ynaczey nieczyniąc. Dan z Warszawy na seimie walnym koronnym dnia XXI, miesiąca grudnia, roku Panskiego MDCXIII, panowania krolestw naszych: Polskiego XXVI, Szwedskiego XX. У того универсалу Его Королевское Милости печатъ притисненая коронъная, болшое канъцелярии, а подъписъ руки Его Королевское Милости, также и писарское тыми словы: Sigismundus rex. Ioan Kucborski. Который то теды универсалъ Его Королевское Милости на местцахъ звыклыхъ естъ объволанъ, публикованъ и до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимеръскихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская, 1613 года, № 12, листъ 784.

Универсалъ этотъ заявленъ и на Гродѣ Луцкомъ. Смотри Книга Гродская Луцкая. Годъ 1613—1614. № 10—Листъ 291.

LVI.

Универсалъ Королевскій, которымъ предписывается всѣмъ войскамъ, составившимъ войсковыя конфедераціи, разъѣхаться по домамъ, такъ какъ жалованье уже имъ уплочено; въ случаѣ-же ослушанія, универсалъ поручаетъ Гетману, Воеводамъ и Старостамъ, поступать съ ослушниками какъ съ врагами отечества. 1614. Мая 15.

Року тисеча шестъ сотъ чотырнадцатого, месеца Мая тридцатого дня.

До уряду и книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, старостинскихъ, Володимерскихъ, до мене, Абрама Дворецкого, Буркграбего Володимерского, постановившисе очевисто шляхетный панъ Алексанлръ Ясинский, Писарь места Ковля, подалъ универсалъ Его Королевское Милости, съ печатю коронною и съ подписомъ руки Его Королевское Милости, до всихъ вобецъ ихъ милостей, пановъ обывателевъ короны Полское и до его милости пана Гетмана, и до ихъ милости Пановъ, Воеводовъ, Старостовъ писаный, ознаймуючи о людехъ своволныхъ, которые по заплате войску Московскому, роспустивши хоронкгве по местцахъ розныхъ, зъ местца на местце помыкаютсе, и стацие собе роска-

зуютъ давать, и люди невинные утежаютъ, абы ихъ милость такъ, яко кгвалтовникомъ волности и покою посполитого поступовали, и срокгость правъ описаныхъ на нихъ екзеквовали, о чомъ листъ менованый Его Королевское Милости ширей въ собе обмовляетъ. А такъ я, врядъ, тотъ универсалъ принемши, копии зъ него переписаные, на местца звыклые поприбияти, и до ведомости всихъ приводе и, Возному, шляхетному Миколаеви Закревскому обволати росъказаломъ, который универсалъ такъ се въ собе маетъ: Zygmonth III, z Bożey łaski Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowetskie, Zmudzkie, Inflanskie i Swedski, Gotski, Wandalski dziedziczny Krol. Wszem wobec y każdemu zosobna, komu to wiedziec należy, oznaimuiemy, że acz y prawa dawne srodzie tego zakazały, aby nikt, priwata autoritate, chorągwi rosciągać, y ludzi za tem kupami niepotrzebnemi y wyciąganiem żywnosci uciążać nieważeł się, na przeszłym jednak sejmie, upatrzuiąc stany coronne niebespeczęnstwa z przezczłych żołnierskich confederatij ustawą seimową opatrzeli to, aby po zapłacie y rozwiedzieniu tych confederatij, rzecz poszolita od tak wielkiego, który wynisczeniem swym ponosiła, ciężaru, wolna została, reassumuiąc ostrosc prawa y dawnieiszych constitutji przeciwko tym, ktozy by upornie, wziąwszy pieniądze, z kup się roziechac nie chcieli, uchwały seimowey niesłuchali, szkody y krzywdy wszelakiego stanu ludziom czynili; a, że po wzięciu dostateczney zapłaty, y rozwiedzieniu przez commisarze nasze confederatij wszystkich, najduią sie takowi, ktorzy ani na zwierzchnosc nasze, ani na prawo pospolite, ani na obowiązek swoy dbaiąc, po rożnych mieiscach zgromadnie się pomykaiąc, stacje wyciągaią,

przeto przychodzi nam tego zażyc przeciwko takowym, czego nam prawo pospolite y uchwała seimu przeszłego w takowem razie pozwolila. Napominamy tedy na przod takowych wszytkich, ktorzy kołwiek w confederatiach, pod roznemi woisk imionami beli, aby zaraz, zwinąwszy chorągwie, spokoinie y bez szkody y uciązenia ludzkiego, się roziachali, kupami i wyciąganiem stacii nikomu się nie przekrzyli, pokoiu pospolitego nie targali, a przeciwko takowym, ktorzi by tego napominania naszego słuchac y prawu pospolitemu posłuszni byc niechcieli, przychilaiąc sie do uchwały seimu przeszłego, daiemy moc Hetmanom, Woiewodom y Starostom naszym, aby tak, iako przeciwko gwałtownikom wolnosci y pokoiu pospolitego, postępowali y srogosc praw, o tem napisanych, na nich exequowali, a zeby to do wiadomosci wszystkich przyszło, chcemy to mieć, aby Starostowie naszi y ich Namistnicy ten uniwersał na mieiscach zwykłych publikowac, a potem do xiąg grodskich wpisać roskazali. Dan w Warszawie dnia XV, miesiąca May, roku Panskiego MDCXIV, panowania naszego Połkiego XXVII, Swedskiego XXI roku. У того универсалу Его Королевское Милости печать притисненая коронная, а подписъ руки Его Королевское Милости тыми словы: Sigismundns rex. Который же то универсалъ до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ естъ уписанъ, и на местцахъ звыклыхъ, презъ возного, вышъ менованого, естъ обволанъ и публикованъ. Писанъ у Володимери.

Книга гродская Владимірская, 1611 года, № 13, листъ 404.

LVII.

Универсалъ Гетмана Жолкевскаго къ кварцяному войску, которымъ, по поводу сопротивленія Козаковъ, недозволявшихъ Королевскимъ войскамъ располагаться на квартирахъ, на Украинѣ, приказывается этому войску приготовиться на всякій случай къ отпору, но не нападать на Козаковъ и не раздражать ихъ, въ ожиданіи результата переговоровъ, для веденія которыхъ отправлены Королемъ Комиссары къ Козакамъ. 1614, Ноября 20.

Stanisław Żółkiewski, Woiewoda Kiowski, Hetman Polny Koronny, Barski, Kamionaczki etc Starosta.

Ich Msci m PP. Rothmistrzom, a w niebytnosci, PP. Porucznikom y wszytkiemu Rycyrstwu woiska Jego Królewskiey Mosći Quarcianego, ktore na ten czas iest w Ukrayinie Kiowskiey, wiadomo czynię. Dochodzi mię, że Kozactwo swowolne, którzy na włosci mieszkają, Roth niektorych, na stanowiska odemnie ukazane, puscicz niechcieli. Isz w tych dniach respons ma bycz z niemi, iako się Nizowcy zechcą zachowacz, iesli postanowieniu, ktore Ich Mosć PP. Commiszarze za poruczeniem Jego Królewskiey Mośći uczynili, podlegacz, alboli tesz przeczycz bendą.

Przeto tedy władzą Jego Królewskiej Mośći y moią, Hetmanską roskazuie, żebyscie Waszmość, dokąd się ta wiadomośc nieodkryie, zaczepek, z ktorych mogłoby do gomonu, albo krwie rozlania iakiego przyscz, zchraniali się, y niedawali do tego przyczyny. Lecz, gdyby woli y rozkazania Jego Królewskiej Mośći y postanowieniu Commiszarskiemu przeczycz y przeciwicz się chcieli, iuszby Waszmościom nielza, iedno, do kupy się zebrawszy, czynicz przeciwko niem iako przeciwko nieprzyiaciołom Oyczyzney za powodem Jego Mośći Pana Kazanowskiego, ktory albo iusz sam iest, albo nie mieszkanie będzie. A y sam gdzieby się taka pokazała potrzeba, stawicz się w posrzodek Waszmościow niezaniecham. Więcz, isz y to mię dochodzi, że woyska Tatarskie na męztwo wodza obkoczowały, bądzcie Waszmość, za wszelakiem przypadkiem, gotowi czynicz co powinnośc Waszmościow niesie. Od Roth się nierozieżdżaicie. A iesliby Jego Mość Pan Kazanowski tak prętko nieprzybęł, a potrzeba przypadła, tedy przedsię skupiwsy się; wszak niemało między Waszmościami, ktorem nie nowina w potrzebach bywacz, obrawszy starszego, za powodem iego czyncie Waszmość co czas y potrzeba ukaże. Datt. w Zołkwi d. 20 IX bris 1614.

Stan. Zołkiewski (L. S.)
Woiew. Kiowski.

Изъ Заславскаго архива Князя Романа Сангушки.

LVIII.

Отвѣтъ Короля, Сигизмуда III на прошеніе Козаковъ, въ которомъ Король имъ объявляетъ, что Сеймъ порѣшилъ, не смотря на ихъ прошеніе, оставить въ полной силѣ статіи, установленныя Королевскими Комиссарами. 1615 .... Апрѣля.

Zygmuth III.

Wszem w obec mołoycom Zaporowskim, wiernie nam miłym łaskę naszę Krolewską. Byli u nas Posłowie wasi, ktorzi przi zwykłym pokłonie y opowiedzeniu powinnego nam poddanstwa, oddali list wasz. Prziięlismy łaskawie y Miłościwie to poselstwo y pisanie wasze; przyszło nam iednak, isz blisko Seym nadchodził, zatrzymac się z odprawą Posłow waszych, abyśmy to PP. Senatorom naszym y Stanom wszytkim Koronnym y W. X. Lith. do uwazenia podali, co Commisarze nasi z wolei y poruczenia naszego postanowili. W czem takie stanęło zdanie wszytkiey Rptey, abyśmy wam według tego, iako Commissarze nasi postanowili zachować się roskazali, gdy z tym droga zawiera się swowolenstwu, ktore pod imieniem y titułem waszym, siła złego robi. Panstwa nasze pustoszy, samsiedzkie naiezdza. Jest ta tedy wola nasza,

aby wojsko wszytkie Zaporowskie, w porządku, od Commisarzow naszych opisanem, na zwykłych mieiscach spokoinie się zachowało, Hetmanowi naszemu posłusnym beło. Rząd przistoiny, y sądy zachowało, zbiegow miedzy się nieprziimowało, Panstw cudzoziemskich nie naiezdzało, na włośc Coronną y W. X. Lith. swowolnie y pod Chorągwiami nie wychodziło, żadnych krziwd y doległosci nikomu nie czynili, y we wszystkim postanowieniu Commisarskiemu posłusnie beło, co gdy uczynicie, my nie telko łaskę naszę Krolewską wam ofiaruiemy, ale tesz, aby umowiony przez Commisarze nasze doroczny żołd was dochodził, staranie uczynimy. Dan w Warszawie dnia ..... miesiąca Kwietnia Roku Panskiego MDCXV, Panowania naszego Polskiego XXVIII Swedzkiego XXII roku.

Изъ Заславскаго Архива Князя Романа Сангушки.

LIX.

Универсалъ Сигизмунда III, объявляющій о томъ, что уже высланы Комиссары для переговоровъ съ Козаками Запорожскими, которые запретятъ имъ вторгаться въ владѣнія Турецкія; въ случаѣ ослушанія, Универсалъ предписываетъ жителямъ Воеводствъ Украинныхъ, не посылать никакихъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ на Низъ, подъ опасеніемъ смертной казни. 1616, Декабря 29.

Року 1617, месеца Генвара 16 дня.

Принесеный и отданый естъ на врядъ Его Королевское Милости, въ замокъ Житомирский, до мене, Яна Галчиновского, Подстаростего Житомирского листъ универсалъ Его Королевское Милости, подъ печатю коронною канцелярыи меншое и съ подписомъ власное руки Короля Его Милости, дата зъ Варшавы, черезъ урожоного пана Станислава Мышку зъ Варковичъ, до всихъ вобецъ шляхты, обывателевъ и урядовъ въшелякихъ местъ и местечокъ тутъ, у воеводстве Киевъскомъ, даючи вѣдати о высланю комисаровъ до козаковъ войска Запорозскаго, и абы онымъ жадныхъ потребъ до Запорожа не давали, гамуючи и забегаючи своволенство ихъ, якобы на море ходить не важились,

и примера съ цесаремъ Турецкимъ не розрывали, писаный, о чомъ ширей тотъ универсалъ въ собе обмовъляетъ, которого я, врядъ, съ повинности своей впродъ по местцахъ звыклыхъ Возному енералови воеводства Киевъского, опатръному Василю Сосницкому обволать и публиковати казавъши, а потомъ и самый слово въ слово до книгъ уписать. Который такъ се въ собе маеть. Жикгимонтъ третий, Божю милостю Королъ Полский, Великий Князъ Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский, Шведский, Кготский, Вандалский дедичный Королъ, всѣмъ вобецъ и каждому зъ особна, кому бы то ведети належало, а меновите: урядомъ кгродскимъ, местскимъ и иншимъ всѣмъ местъ и местечокъ Украинныхъ державцомъ и обывателемъ ласку нашу королевъскую. Для такъ частыхъ наездовъ и такъ великихъ шкодъ въ панствахъ Цесара Турецкого, которые се черезъ козаки деютъ, обавятисе приходить намъ и речы посполитой вшистке розерваня съ Цесаремъ Турецкимъ примеря, за чимъ се тежъ намъ черезъ Чаушовъ своихъ оповедалъ, про то, забегаючи тому речи посполитой небезпечеству, посыламы певне Комисары наши до Киева, которые бы съ посланцами козаковъ Запорозскихъ, што певъного около порадку и пристойного послушенства постановили, о чомъ тежъ онымъ самомъ ознаймуемъ, росказуючи имъ при томъ, абы жадного приготованя на пришлую весну на море не чинили, и жадное болше оказии до розерваня примеря съ цесаремъ Турецкимъ не давали, а если бы еднакъ въ томъ послушными се не стали, и до комисаровъ нашихъ до Киева на денъ перший Марца прибыть не хотели, хочемы то меть по верностяхъ

вашихъ, абысте зъ местъ и местечокъ, также державъ своихъ жадное живности, проховъ, оловов на низъ не пусчали, такъ же вшелякихъ чолновъ и статковъ водныхъ готовить и приспособять заказали, и зготованые на вшелякихъ местцахъ гамовали, а хто бы колвекъ се важилъ противъ сему росказаню нашому, помененые речи на низъ посылати, таковый горломъ и маетности страченемъ маеть быти карани; што абы иначей не чинили для ласки нашое и съ повинности своей. Дата у Варшаве, дня двадцать девятого Декабра, року 1616. Пановання королевствъ нашихъ: Полского двадцать девятого, а Шведского двадцать третего року. У того универсалу печать коронная канцелярыи меншое, а подписъ руки его королевское милости въ тые слова: Sigismundus rex. Подписъ руки писарское Jac. Żadzik secreth.; што все про паметь до книгъ замку Его Королевъское Милости Житомерского есть принято и записано.

Книга гродская Кіевская въ Житомірѣ, 1617 года листъ 34 на оборотѣ.

XL.

Жалоба Скомороского на Козаковъ—Сербовъ Князя Острожского въ томъ, что они брата его на дорогѣ убили и ограбили. Возный, отправленный для освидѣтельствованія, сознаетъ что видѣлъ трупъ убитаго, и огнестрельную на немъ рану. 1617 года, Августа 19.

Року тисеча шесть сотъ семнадцатого, месеца Августа деветнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Володимерскомъ, передо мною, Томашомъ Кгозимирскимъ, Буркграбимъ и Наместникомъ подстароства Володимерского, постановившисе очевисто шляхетный Марцинъ Скомороский, слуга урожоного пана Матея Стемпковского, Подчашого Волынского, братъ рожоный одное матки небожчика Войцеха Радонского, прихиляючисе до першое протестации черезъ урожоного его милость пана Матея Стемпковского, Подчашого Волынского учиненое, явне се светчилъ и оповедалъ на паны жолнере, Козаки Сербы Ясне Освецоного Княжати Его Милость, Януша Острозского, Кашталяна Краков-

ского, которые лежу мають въ мастности Фалимицкой, въ Сядмерикахъ, а суть подъ регитентомъ урожоного пана Жикгмонта Муховецкого, слуги Кнежати Его Милости пана Красинского, которыхъ именъ и прозвискъ ведати не могу на тотъ часъ, ижъ тые то панове жолнеры, не помнечи ничого на право посполитое и покой посполитый, ани на престойность свою и на вины, въ праве посполитомъ описаные, року нинешнего, дня оногдашнего, месеца Августа пятогонадцать дня, выпадши съ становиска своего, килкадесятъ коний на гостинецъ, который идетъ зъ Володимера до Хоболтовы, тамъ же, на томъ гостинцу доброволномъ, переняввши небожчика Войцеха Радонского, брата его, который за паномъ своимъ, паномъ Матеемъ Стемпковскимъ, Подчашимъ Волынскимъ, одъ Буга, на колясе однымъ конемъ ехалъ, и речий немало панскихъ везъ; тамъ же оного невинне, не одповедне, на колясе сидячого, безбронного пострелили, и постреливши, зъ оное колясы постреляного смертельныхъ (sic) скинули на землю, а оную колясу съ конемъ, зъ речами взяли, и обычаемъ лупу кгвалтовне пограбили и до становиска своего до Сядмерокъ...... Фалимицкого одпровадили; одъ которого то пострелу окрутного, дня оногдашнего, то есть месеца августа шостогонадцать, скоро его до балвера, до Володимера привезено, изъ того света зшолъ. И просилъ о придане Возного на огледане и поволане того окрутного замордованъя брата своего, шляхетного Войцеха Радонского. А такъ я, прихиляючисе до права посполитого, на огледане и поволане того забитого, придалемъ Возного енерала, шляхетного Андрея Хойнацкого, который то Возный енералъ тамъ, при погребе

бывши, сознал, ижъ того забитого, шляхетного Войцеха Радонского видилъ дня нинешнего, и видилъ рану пострелу праве въ хрибте, диру немалую, куля зъ него не вышла, але въ немъ, хрибетъ покгрухотавши, зостала, о которое забите, за мужобойце всю роту Козацства .... поволалъ разъ, и другий, и третий, и четвертый мимо право на рынку, на улицахъ въ Володимери, маючи при собе шляхту людий добрыхъ пана Яна Стрийского и Войцеха Кгродецкого, и просилъ, абы тая его протестация и обволане было до книгъ записано, што есть принято и записано.

Книга гродская Владимирская, 1617 года, № 16, листъ 646 на оборотъ.

XLI.

Договоръ Комиссаровъ. присланныхъ Королемъ для водворенія спокойствія на Украинѣ съ Козаками, которые обязываются въ турецкія владѣнія войною не ходить, всѣхъ людей простого званія изъ списковъ своихъ исключить, въ опредѣленныхъ мѣстахъ жить и съ нихъ безъ позволенія Гетмана не сходить, за что Король назначаетъ имъ жалованье сукномъ и деньгами. При томъ Козаки объявляютъ, что такъ какъ опредѣленное Комиссарами количество ихъ недостаточно для охраненія границъ, то они оставляютъ за собою право просить Короля объ увеличеніи онаго. 1617. Октября 28.

My: Stanisław Żołkiewsky, Wojewoda Kiiowsky, Hetman Polny Koronny, Barsky, Kamionacki; Jan Daniełowicz, Woiewoda Ruszky, Bełsky, Korsunski; Stanisław Konieczpolsky, Podstoli Koronny, Wieluńsky, Zamowiecki; Jan Żołkiewsky, Rubieszowsky Starostowie. Commisarze do postanowienia porządtku pogranicznych Rzeczy pospolitey Panstw od Jego Królewskiej Mości, Pana naszego deputowani, oznaymuiemy, komu to wiedziecz należy: Isz, przyszedszy thu na Ukrayinę z woyskiem quartianem, obwiescielismy Kozaki Zaporoszkie o Commissiey, na nas od J. K. M włożony, zaczem tesz y oni, za wezwaniem naszym do nas

Towarzysze swoie z instructią y nauką dostateczną, declaruiąc się w tem, że dla Pana naszego Mci y wszystkiey Rptey sprzecni bydz niechczą, a o porządku . . . . . . między niemi, chcącz wolą iego J. K. M. słyszecz, y z nami się o them umawiacz . . . . . przòd Commissia J. K. M. iest iem pokazana, y przeczytana, daley declarowalismy . . . . y w Panstwach J. K. M. nicz się przez nich niedziało, żeby ku szkodzie, ublizeniu y . . . . . komuszkolwiek bydz mogło. Więcz, żeby Panstw sąsiednich Cesarza Tureckiego nienaiezdzali, przymierza y pact, ktore J. K. M. y Korona od dawnych czasow ma z Cesarzem Tureckim postanowione, y swiezo tego latha ponowione, żeby niewruszali, na zwykłych mieysczach w dawaniu . . . . . o nieprzyjacielu Krisza Swiętego, w bronieniu przepraw iako przodtkowie ich czyniali, żeby y oni także J. K. M. y Rptey słuzeli. A, iszby tam o czym przebywacz mogli, offiarowalismy iem od J. K. M. na każdy rok, 10,000 złot. y siemszet, postawow karaziey Czo ich ma dorocnie dochodzicz, w Kiiowie, na Swiątki. Wiecz y w temesmy iem wolą J. K. M. opowiedzieli, żeby starszy przy nich bywał z ramienia J. K. M., od Hetmana Koronnego, terasz y na pothem będączego. Wiedz y tosmy za roskazaniem J. K. M. iem opowiedzieli, żeby, iurisdity nowych niewznawiaiącz, tam, gdzie kto mieszka Panom, przełożonym swoim beł posłusny. A inszy, co się ich tak wiele nakupiło się, za tak wielkiem zgromadzeniem porządek trudno ma bydz uczyniony, iszby z tych kup ich . . . . . y rosprzątnęli. Na ktorę podanie nasze declarowali się, iako się wyszy spomniało że .... roskazaniu J. K. M. niechczą bydz sprzecni, y thę offiarowaną łaskę J. K. M., ze

ich chce pieniędzmi y suknem opatrowacz wdzięcznie przeymuią. Na morze chodzic y naiezdzac Panstwa Cesarza Tureckiego niechczą, y niebędą. A, isz zaraz w takowey wielkiey liczbie ich nagromadziło, declarowali się z tem isz rzemiesnikom, kupczom, szynkarzom, woytom, ... mistrzom, kapkaiukom (sic), byłaczeiom (sic), rzeznykom y wszytkiem, ktoby iakiemkolwiek rzemiesłem się bawią, y innem ludziom luznem maią kazacz precz, y wypiszac ich od . . . . , takze y tych wszytkich ktorzy od lath . . . . . . do ich woyska się przyłączyli, takze maią iem od siebie kazacz precz, żeby się Kozaki nie zwali. A y w tem gdy Commissarz od J. K. M. s pieniędzmi y szuknami do nich przyiedzie, przy niem wypisowac się będą, iako tho y predthem bywało, żeby pewna liczba tylko zostawała, ... by tak pieniądze iako y szukna brali, a, na zwykłych mieyscach mieszkaiąc, J. K. M. y Rptey słuzeli. A na włoscz besz woli y roskazania J. M. Pana Hetmana Koronnego niewychodzili. Jednak, że isz nam powiedali, że the pieniądze y sukna będzie na tysiąc człeka wystarcza. A dla zatrzymania tamtych mieyscz przespeczenstwa większy kupy ludzy potrzeba, zostawieli sobie w them prosbę wolną do J. K. M., Pana naszego miłosciwego y do Stanow na Seymie zgromadzonych. Jako . . y strony wolnosczy, ktore starozytnem Kozakom, od Krolow Ich Mci Pp. zmarłych są Starzynym (sic) nadane, y od J. K. M. Pana naszego miłosciwego potwierdzone, iszby w nich zostawali czali, a nienaruszeni. Ktore proźby swoie chczą na bliszko przysłey Seym, do J. K. M. Pana naszego miłosciwegoo, przesz posłancze swoie wnieść, y nasz prosieli. żebyszmy się w tych prosbach ich do J. K. M., Pana

naszego miłosciwego przyczynieli, w tem się tesz declarowali, że starszego z ramienia J. K. M. od Hetmana Koronnego danego, iako bywał niegdy Wyszkowsky y inszy, radzy przy sobie miecz chczą, ktoryby z woyska ich do tego sposobny bcł obrany, ktory ma bydz przysięgły ze wszytkiem Towarzystwem, ktorzy pod żołd J. K. M. bracz będą, żeby porządku miedzy niemi doglądał y dozierał, żeby temu czo sie postanowieło y postanowi około rządu miedzy niemi, iszby się dosicz działo. A tho czo się teraz postanowieło, iszby do skutku przyszło, użylismy Jego Mci P. Pisarza Ziemskiego Kyiowskiego, Pana Hieronyma Wrzescza, Rotmiscza J. K. M., Pana Jana Bielickiego, P. Jozepha Chaleckiego, zeby społem z posłanczy, od Kozakow Zaporowskich do nasz posłanemi, iechali; do ich woyska, żeby się temu, czo teraznieyszy czas potrzebuie, we wszytkiem dosicz działo. Działo się w obozie nad Rosią, na uroczysczu nazwanem Stara Olszanka, w dzien Apostołów S. Simona Judy, to iest 28 octobris 1617.

Изъ Заславскаго Архива Князя Сангушки.

LXII.

Жалоба Пановъ Василія и Теодора Тишей Быковскихъ на урядника своего, Василія Мировицкого, въ томъ, что онъ подъ ложнымъ предлогомъ участія въ походѣ Королевича отъ нихъ ушелъ безъ позволенія, отрядъ людей своевольныхъ собралъ и всѣ ихъ маетности ограбилъ. 1618. Апрѣля 17.

Року 1618, месеца Априля 17 дня.

На врадъ Его Королевское Милости, на замокъ Житомирский писали и присылали урожоные ихъ милость панове Василей отецъ, а Теодоръ сынъ Тишове Быковские, черезъ служебника своего, пана Яна Мартишевского, сполне жалуючи, и соленитеръ се протестуючи на неякогось Василъя, яко се онъ самъ прозвалъ Мировицкимъ, на зрайцу и збега, отъ его милости пана Теодора Тиши Быковского утеклого, въ тотъ способъ: ижъ року теперъ идучого, тисеча шесть сотъ осмнадцатого, подъ часъ своволенства, кгды гултае козацтво, подъ претекстомъ истя на експедыцыю Московскую, ръкомо до Королевича Его Милости, своволъне купы збирали, и безъ дозволенъя Его Королевское Милости, яко и Гетмана Коронного Ве-

ликого, корогви роспостираючи, землю Его Королевское Милости власную: Украину, Полисе и Литву одно сплюндровали, подъ который же часъ и тогожъ року менованый Василей, яко се онъ прозвалъ и зоветъся Мировицъкимъ, у помененого его милости пана Теодора Тиши, въ маетности его милости, у сели Кривомъ урядникомъ будучи, и черезъ цалый рокъ пожитки на себе беручи, пану своему съ того личбы, яко звычай несетъ, не учинивши, за которымъ неучиненъемъ личбы шкодъ собе его милость панъ Тиша Теодоръ, черезъ него въ тотъ часъ, кгды былъ у его милости урядникомъ, починеныхъ, на дви тисечи золотыхъ Полъскихъ быти менитъ, зрадилъ и отъ его милости прочъ потаемне збегъ, и утекъ; тамъ же будучи розятронымъ тымъ же своволенствомъ, яко и другие гултае, полковникомъ се учинившы, полъки зобравъши, и короговъ роспостеръши, съ тымъ полкомъ гултаевъ, на срокгость права посполитого ничого не дбаючи, ани се огледаючи, впродъ на маетность урожоного его милости пана Теодора Тиши Быковского, село Кривое кгвалтовне наехавши, оное село, такъ и приселъки до него належачие, спустошилъ и великие кривды и шкоды бранъемъ коней, быдла, отбиянъемъ коморъ, шаръпанъемъ маетности розмаитое, што одно у кого было: сала, полти, полотна, плахты, и готовые гроши у той маетности, черезъ килка дней стоечи, поданымъ его милости, которыхъ шкодъ на чотыри тисечи золотыхъ Полскихъ поднятыхъ быти менитъ, кгвалтовне починилъ, передъ которымъ и самъ его милость здоровя своего небезпеченъ былъ, поневажъ на здорове его, хотечи его зъ сего свита збавити, чигаючи, усиловалъ; а потомъ тогожъ

року и мисто Ходорковъ, маетность его милости пана Василя Тиши Быковского, чатою убегъши, тое мисто, такъ и села до него належачие: Пустынники, Ратную, Звиждчень, Малиновъ, Болачевъ и Вилю, у подданыхъ его милости отъ села до села, съ тоею купою ръкомого на експедыцыю Московскую ходечи, маетность усю, што одно у которого подданого было: быдло, кони, овцы, свине, сала, полти, сукна, полотна, гроши готовые, также и на Полесю на маетностъ тогожъ его милости, пана Василя Тиши розныхъ часовъ и дней тогожъ року заехавши, въ селахъ: Горбылове, Осечи, Видиборо, Молодцеве и Няневчизне такимъ же способомъ, въ побраню розмаитыхъ добытковъ, великие шкоды починилъ; которыхъ то шкодъ инъ генере, яко зъ миста Ходоръкова, такъ и зъ селъ до него належачихъ, яко и въ Полесьской маетности черезъ него починеныхъ, ошацовавши на десятъ тисечей золотыхъ Полъскихъ, поднятыхъ быть менятъ, о которое то спустошене маетностий своихъ, и о починене шкодъ, ихъ милости, панове Василей и Теодоръ Тишове Быковские на помененого Василя, яко се онъ самъ зоветъ Мировицкимъ, сюю протестацыю заносятъ, оферуючи о то, кды часъ ку поступкови слушный се окажетъ, въ суде належнымъ зъ нимъ, або и съ кимъ одно онего будетъ належало, правне поступить; и просилъ помененый слуга ихъ милости, абы тая протестацыя была принята, и у книги уписана; которую врядъ принявши, до книгъ записати казалъ, и есть записано.

Книга гродская Кіевская въ Житомирѣ, 1617 *года, листъ* 916.

LXIII.

Жалоба Плна Остафея Стрибеля на мещанъ и подданныхъ изъ мѣстечекъ: Фастова, Кодни, Лесчина, Котельни, Паволочи, Коростышева, Брусилова, Ходоркова, Корнина, Радомышля и окрестныхъ селъ, въ томъ, что они, составивши отрядъ войска, грабили въ продолженіи зимы и весны шляхецкіе дома и маетности, всякіе беспорядки дѣлали, ограбили и его два села, и потомъ съ добычею по домамъ разъѣхались. 1618. Апрѣля 21.

Року 1618, месеца Априля 21 дня.

Писалъ и присылалъ до вряду Его Королевское Милости, замку господаръского Житомирского, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского урожоный панъ Остафей Стрыбыль, оповедаючись, и обтежливе жалуючи на Миска Фастовца, Полковника, на Гришка Фастовца, Сотника, на Миска Жеребила, на Яна Ковалевского, на Васка Тарасенка, на Стася Бобана и инъшихъ месчанъ и подданыхъ Фастовскихъ, до бискупства Киевского належачихъ, также и на Ивана Ждановича, на Яна Вилчополского Полковника, зъ маетности его милости пана Воеводы Бритского, зъ места Кодни, на Дацка Лемешченка, на Остапа зъ Верховнп, на Дацка Чернявского, на Иванца

Кордышеня, на Кривецкого Сотника, на Ивана, на Андруха, на Дрожченка, на Андрея и на иншихъ месчанъ и подданыхъ Котеленскихъ и Паволоцкихъ Ее Милости, панее Виленское, также на пана Крыштофа Немировеча, на Полковника Дубину, на Быстрицкого, на Сотника Губского, на Глиневского, на десятники Хориевскии зъ Вышевичъ, на Дрозденка зъ Межиречки, на Гончаренка зъ Рачина, на Бартошова сына съ Красноборки, на атаманова сына съ Красноборки, Аврама, на Пелюшка, на Андрея Пироженя, на Гаврила, на Андреева сына съ Красноборки, на Андрея зъ Вышевичъ, на Кондрата и Василя Хромченковъ, на Вирховоденка, на иншихъ месчанъ и подданыхъ Радомыскихъ и изъ сюлъ до того местечка вышъ менованыхъ, Его Милости отца Елисея Плетенецкого, Архимандрыта мана стыра Печерского Киевского, также на сотника Бречку и на иншихъ месчанъ Брусиловскихъ, пана Мартина Бутовичовыхъ, яко принцыпаловъ справы нижей менованое и на иншихъ веле людей своволныхъ, которыхъ имена и назвиска трудно ведать, которые принцыпалове вышъ менованыи Полковники, Сотники, Десятники, зобравши до себе людей люзныхъ, своволныхъ зъ местечка Лесчина, съ Котелни, съ Паволочи, съ Ходоркова, съ Коростешова, зъ Брусилова, Фастова, съ Корнина, зъ Радомышля до килкасотъ войска и зъ иншыхъ местечокъ околичныхъ, которымъ они сами имена и назвиска лепей ведаютъ, которые помененые особы, поднесши хоронкгве, и зобравши до себе такъ великую личбу людей своволныхъ, не на жадную послугу речи посполитое, але наеждчаючи кгвалтовне на маетности и домы шляхетские, яко одинъ неприятель заграничный,

штурмамы добываючи, презъ огонь до кгрунту зносечи, людей розного стану по дорогахъ розбиваючи, коморы отбияючи, маетности лупечи, быдла, кони беручи, до домовъ своихъ отпроваживали . . . . ани на боязнъ Божую, ани на звирхностъ Его Королевское Милости, пана нашого и право посполитое погледаючи, такие окрутенства не слыханые чинечи, покой посполитый взрушаючи, по увесь тотъ часъ тое зимы и весны чинечи, якожъ и маетность мою плюдруючи, село Ловковъ и село Ходоры, въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ осмнадцатомъ, месеца Априля десятого дня и петнадцатого, въ тыхъ селахъ и иншихъ окрутныхъ ексцесовъ, кгвалтовъ, боевъ начинивши, до домовъ своихъ съ тымъ усимъ лупомъ отехали, которые и теперъ въ домахъ своихъ мешкаютъ, маетность тыхъ подданыхъ, которую злупили и побрали меновите: зъ села Ловкова у Микиты: коня зъ возомъ, съ хомутомъ и зъ уздою, салъ две, кожухъ новый, сермягу, сокиру, косу, то все коштовало копъ чотырнадъцатъ; у Кузмы: двое коней, кожухъ, ведро меду, то все коштовало копъ дванадцать грошей; у Зыбины: коня, вола, салъ дви, кожухъ новый, сокиру, сермягу, свердловъ два, то все коштовало копъ десеть грошей; у Максима: коня за которого далъ былъ девятъ копъ грошей, салъ две, коштовали по копе грошей; у Мишка: клячу, вола, сермягъ дви, шлыкъ лисий, шапку жоноцкую аксамитную, купленую за десятъ золотыхъ Полскихъ; у Степана: коня, коштовалъ копъ девять, сермягъ дви, коштовали копу грошей; у Прокопа: коня, кожухъ новый, сокиру, сермягу, ермякъ синий лунский, за которого далъ былъ чотыри копы грошей; у Гришка Грет-

чаника: коня, купленый за десетъ копъ грошей, салъ три, вола, корову, барановъ пять, кожухъ новый, убране синее лунское, то все коштовало золотыхъ деветъ; у Рыболова Васка: коня, коштовалъ копъ дванадцать, полотна локоть илненого, тонкого тридцатъ, кождый локоть коштовалъ по три гроши Полскихъ, сокиру, сермягу; у Михайла: коня, купленого за осмъ копъ грошей, овецъ трое, коштовали по золотому; у Захарки: коня, купленого за семъ копъ грошей, вола, яловицу; у Михаля: коня, коштовалъ копъ осмъ, сало, склубъ, свердловъ два; у Грицка Олховика: коня зъ возомъ и съ хомутомъ, вепра кормного; у Яцка Коваля: коня, за которого былъ далъ копъ десетъ, кожухъ новый. Зъ села Ходоровъ· у Гришка Сезели: коней шестеро, которыи купленыи: два по осми копъ, а чотыри по пети копъ грошей, кожуховъ чотыри, коштовали по три золотыхъ Полскихъ, полотна локотъ семдесять тонкого, кождый локоть коштовалъ по три гроши Полскихъ, вепровъ кормныхъ пять, кождый коштовалъ по чотыри золотыхъ, сермягъ новыхъ чотыри, кождая коштовала по полъ копы грошей; У Роска: коня, купленого за осмъ копъ грошей, салъ чотыри, купленые по три золотыхъ Полскихъ, вола, купленого за три копы грошей, вепровъ два кормныхъ, купленые по три золотыхъ; у Мартина: клячу, коштовала копъ осмъ, яловицу, вола, то все коштовало пять копъ грошей; у Янка: коня, купленого за шесть копъ грошей, сермягу, сокиру, поесъ зъ ножами, серповъ два, свердловъ три; у во й Ивана Чоботара: коня, купленого за семъ копъ грошей, овецъ десетъ, каждая коштовала по золотому грошу; у Кунаша: вола, яловицу, овецъ пя-

теро, то все коштовало копъ тринадцатъ; у Миска Боровика: коня, коштовалъ десетъ копъ грошей, сермягу, кожухъ, кустри (sic), купленые по осми грошей; у Мелешка: коня взели, купленого за осмъ копъ грошей, овецъ десетере, свиней пятеро, коштовало дванадцать золотыхъ; у Горчицы: коня, купленого за семъ копъ грошей, вола, сокиръ чотыри, полотна локтей тридцать илненого, кождый локотъ коштовалъ по три гроши Полскихъ; у Михна: коня, купленого за десетъ копъ грошей, сало, сокиру, косу, серповъ пять, шапку аксамитную жоноцкую, купленую за десетъ золотыхъ Полскихъ; у Кондрата: клячу, купленую за семъ копъ грошей, кожуховъ два новыхъ, одинъ купленый за полторы копы грошей, а другий за три золотыхъ Полскихъ; у Мордаса Ивана: коня, купленого за десетъ копъ, воловъ два, купленые за осмъ копъ грошей, сокиръ две, сермягъ три, то все коштовало золотыхъ семъ Полскихъ. У Грицка Кравца: двое коней, коштовали пятнадцать копъ грошей, кожуховъ пять, кождый по три золотыхъ. У Степана Безпалчика: двое кони зъ возами, то все коштовало копъ дванадцать. У Ивана: коня, коштовалъ осмъ копъ грошей, свиней двое, коштовали золотыхъ шесть, кужухъ, боты, ермякъ синий, лунский. У Ермолы: вовны рунъ тридцать, кождое по десяти грошей, сагайдакъ, кошуль хлопскихъ пять, белоголовскихъ чотыри тонкихъ, сошники, овецъ трое, то все коштовало копъ три грошей. У Петра Дешковича: клячу, коштовала копъ семъ, свиней двое, коштовали пять золотыхъ, сало за сорокъ грошей, сермягъ две новыхъ, коштовали копу грошей. У Ковалихи: клячу, купленую за семъ копъ грошей, золотыхъ два готовыхъ,

сало, сермягу новую. У Ивана Мазуры: вола, купленого за десетъ золотыхъ, кожухъ, садъ плуговый. У Краска: двое коней, купленые за дванадцать копъ грошей, волъ, купленый за три копы грошей, вепровъ два, коштовали семь золотыхъ Полскихъ, сермягъ две новыхъ. У Левка Стрелника: клячу взели, купленую за осмъ копъ грошей, барановъ два, коштовали по золотому грошей. У Веллея: клячу, вола, кожуховъ два, то все коштовало копъ дванадцать грошей. У Малея Дешковича: клячу зъ возомъ, съ хомутомъ, коштовала десетъ копъ грошей, полотна локтей двадцать, кождый локотъ купленый по три гроши Полскихъ. У Демка: овецъ шестънадцатеро, коштовили по золотому грошей Полскихъ. У Гриня Мытника: копъ дви грошей готовыхъ, сокиру, сермягу. У Тишка Зарицкого: вола, вепра, гороху мирку, свердловъ два, долото, сермягу новую, поесъ зъ ножами и зъ мишкомъ, въ которомъ было копа грошей готовыхъ, то все коштовало осмъ копъ грошей. У Мартина Белецъ: меду, коштовалъ сорокъ грошей, полотна илненого локтей шестдесятъ, сермягу новую, убране сермяжное, косу, душокъ две, наметокъ чотыри, сорочокъ чотыри, вола, кожухъ новый, ложниковъ два, то все коштовало копъ десетъ грошей. У Грица: коня, купленого за осмъ копъ грошей, золотыхъ готовыхъ полтора, шапка белоголовская, купленая за десетъ золотыхъ Полскихъ. У Дешка: вола, вепра кормного, коштовало все десетъ копъ грошей, готовыхъ грошей золотыхъ два, кожу, сермягу, сокиру. У Востапа Тимошенка: полотна тонкого, локотъ тридцатъ, конопного двадцать локотъ, кождый коштовалъ по полтора гроша Литовско, наметокъ тонкихъ чотыри.

У Никона: салъ семъ, кожуховъ два, шапка белоголовская оксамитная, пшеницы мирокъ дви, то все коштовало копъ чотырнадцать грошей Литовскихъ. У Мишка: барановъ два, купленые по золотому, сермягъ две новыхъ, убране, поесъ зъ ножами, то все коштовало золотыхъ три. У Мокрого: сермягъ две, косъ две, коштовали золотыхъ чотыри. У Грица Бондара: кожуховъ два, плахотъ две, рантуховъ два, хвартуховъ чотыри, вепра кормного, гусей двое, склобъ (sic), струговъ два, шинъ две, желиза, ножицы кравецкие, то все коштовало золотыхъ осмъ. У Горбача; воловъ два, ложниковъ три, кожухъ новый, сермягъ две новыхъ, то все коштовало десетъ копъ грошей Литовскихъ. У Степана Лапы: ряденъ пять, сермяга новая, рантухъ, паметокъ чотыри, мотыка, то все коштовало золотыхъ семъ. У Вуласа Кравца: вола, вепра кормного, овецъ четверо, полотна илненого локтей тридцать, то все коштовало золотыхъ петнадцать. У во Йвана Карпенка: сермягу, кожухъ, сорочокъ три тонкихъ, коштовало деветъ копъ грошей. У Дороша: клячу, яловицу, козловъ два. У въ Антона: сало, купленое за петдесять грошей, ложниковъ три, кождый по сороку грошей. У Хоша: сало, за которое далъ былъ золотыхъ три, мунштукъ, за который далъ былъ таляръ; у негожъ хлиба, вола, сермягъ дви, плахоть дви новыхъ, пряжи илненое основы локотъ тридцать, кошухъ новый, то все коштовало золотыхъ осмъ. У во Йвана Олекшенка: коня, овецъ двое, кожухъ новый, ложниковъ три, то все коштовало копъ десетъ грошей Литовскихъ. То все побравши, полупили же и въ нивечъ обернули, о которое побране и злупене маетности своей съ поменеными особами

панъ Стрыбылъ оферуетъсе правне чинить, и просилъ, абы тое оповедане Его Милости до книгъ замку господаръского Житомирского записати казалъ, што есть записано.

Книга гродская Кіевская въ Житомирѣ, 1617 года. Листъ 922 на оборотѣ.

LXIV.

Жалоба Пана Войцеха Залесского на Пана Станислава Калиновского, Полковника Королевича Владислава и Козаковъ его, въ томъ, что они на домъ его въ Селѣ Клетищахъ напали, слугу убили, самому ему нанесли побои, увезли его изъ дому въ плѣнъ и заставили дать росписку, въ томъ, что онъ на нихъ жаловаться не будетъ и имущество его ограбили. При этомъ приложено свидѣтельство Возного, удостовѣряющее въ подлинности фактовъ, приводимыхъ въ жалобѣ. 1618. Мая 1.

Року 1618, месеца Мая 1 дня.

Пришедши и постановившись обличне, на вряде Его Королевское Милости, замку Житомерского, передо мною Яномъ Галчиновскимъ, подстаростимъ Житомерскимъ, шляхетне урожоный панъ Войцехъ Залесский, слуга Ясне Освецоного, Княжати Его Милости пана Януша Острозского, Кашталяна Краковского, протестовалъ и жалосне се оповедалъ, на пана Станислава Калиновского, полковника Королевича Его Милости, яко на принцыпала и на другихъ ротмистровъ и помочниковъ его, а меновите: на пана Вилчеполского, на Феска Сотника, на Жеребила Сотника, на Семашка боярина и на другого боярина и

на дробязкъ Козаковъ Коденскихъ, на Яцка и на другого, Торчинского, козаковъ Котелнеских и на веле иншихъ товарышовъ и помочниковъ ихъ, которыхъ и имена онъ самъ лепей знаетъ, и прозвиска видаетъ, о то, ижъ року теперъ идучого, тисеча шесть сотъ осмнадцатого, месеца Априля двадцатъ четвертого дня, звышъ помененые: принцыпалъ съ тыми помочниками своими, препомневши боязни Божие и срокгости права посполитого, на кгвалтовники и своволники уфаленого, преречоного пана Залесского кгвалтовне и неприятелско наехавши, съ чотырма хоронкгвями, на маетность его, село Клетища, которую держитъ зъ ласки Его Милость пана Краковского, и на дворъ его власный, въ томъ селе будучий, тамъ же на продъ вломавшисе кгвалтовне въ дворъ, кгды се имъ почалъ былъ боронитъ, слугу его Петра Павловского, шляхтича учтивого, окрутне збили и зранили и на смертъ замордовали; потомъ, кгды самъ уступилъ зъ двора, и замкнулъсе въ ызбе, припадши моцно кгвалтомъ, напродъ двери до сеней, окна до избы повысекали, съ полгаковъ и зъ ручницъ до него стреляли, а, вломавшисе до избы, самого пана Залесского збили, змордовали и, ведле уподобаня своего удеспектовавши, яко неприятеля якого зъ собою зъ дому его власного взявши, за килка миль въ Полесе завезли, тамъ же презъ день и презъ ночъ при собе его маючи, розмаитые деспектъты оному выражали, похваляючись розстрелять, примушаючи, абы якою значною сумою пенязей здорове свое окупилъ, и квитацию, водлугъ подобаня своего съ печатю и съ подписомъ руки, жебы преречоного кгвалту и незносныхъ шкодъ правне на нихъ не шукалъ, кгвалтомъ

вытягнули, при которомъ то кгвалтовномъ наеханю на домъ, шкоды ему незносные починили и подданыхъ Клетинскихъ зо всей худобы злупыли, а на продъ: у самого пана Залесского взяли шкатулу, въ которой было две тисечи золотыхъ Полскихъ, мемрановъ килка розныхъ особъ на долги, сумы немалое, квитовъ и листовъ потребныхъ; ку тому взявши шаблю сребромъ оправную, позлотистую, которая коштовала сорокъ золотыхъ Полскихъ, две пары шатъ, которые коштовали сто золотыхъ Полскихъ, пару коберцовъ которые коштовали сорокъ золотыхъ Полскихъ, постель съ тлумокомъ, которая коштовала тридцать золотыхъ Полскихъ, мушкетовъ пару, которые коштовали двадцать золотыхъ Полскихъ, слугъ его двохъ зъ Барвиновое злупили, и рыштунекъ отняли; такъ же козаковъ чотырохъ, которыхъ на тотъ часъ при собе милъ, зъ оденя одерши, оруже побрали; коней власныхъ самого пана Залесского семеро, а козацкихъ коней четверо зъ двора взяли, особливе подданымъ Клетискимъ коней девятеро на селе зъ домовъ побрали, у тыхъ же подданыхъ поодбиявши коморы, што одно колвекъ мели грошей готовыхъ, сукъмановъ, одежи домовое и хустъ белыхъ и вшистекъ спрятъ домовый отъ мала до веля побрали, которую всю шкоду такъ самому пану Залесскому, яко и подданымъ его въ томъ кгвалтовномъ паеханю, отъ преречоного принцыпала и помочниковъ его починеную, шацуе собе панъ Залесский на десетъ тисечей золотыхъ Полскихъ, и просилъ, абы тая протестацыя его до книгъ замку Его Королевское Милости Житомирского принята и записана была, просечи при томъ: о признане Возного ку огледаню кгвалту починеного, забитя и

замордованя звышъ помененого слуги своего; на штомъ му придалъ Возного енерала Воевоства Киевского, шляхетного Богуша Благановского, который на той справе бывши, и того всего огледавши, при той же протестацыи постановившись очевисто, ку записаню до книгъ замку Его Королевское Милости Житомирского сознал, и того сознаня своего квитъ съ печатю и съ подписомъ руки своей въ тые слова писаный подалъ: я, Богушъ Благановский, енералъ Возный Воеводства Киевского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперъ идучого, тисеча шестъ сотъ осмнадцатого, месеца Априля двацатъ осмого дня, будучи мни приданому зъ уряду Его Королевское Милости, Житомирского, на справу и потребу слузе Ясне Освецоного Княжати Его Милости пана Януша Острозского, Кашталяна Краковского, урожоному пану Войцехови Залесскому, маючи при собе сторону двохъ шляхтичовъ: пана Каспра Мястковского, а пана Войцеха Чоского, былемъ въ мастности его, селе Клетищахъ, тамъ же, за обваженемъ и оказанемъ самого пана Залесского, виделомъ у дворе его власномъ знаки кгвалтовъне починеные, то естъ двери до сеней и до избы белое высечоные, въ окнахъ оболоны съ пулгаковъ и зъ ручницъ стреляючи повибиваные, и килканастей постреловъ надъ окнами и надъ дверми въ стени показовалъ; въ томъ же дворе виделомъ слугу пана Залесского, пана Петра Павловского окрутне посечоного и на смертъ забитого, у которого виделомъ: голова вся, также тварь, руки и ноги и всего ганебне посечоного; а въ самаго пана Залесского виделомъ: надъ ухомъ левымъ разъ сине битый. Который кгвалтовный наездъ, збитъе свое, и замордоване поме-

неного слуги, и побране всей маетности меновалъ собе быть панъ Залесский одъ пана Станислава Калиновского, Полковника Королевича Его Милости, яко принцыпала и отъ иншихъ Ротмистровъ и помочниковъ его, а меновите; отъ пана Вилчепольского, отъ Феска Сотника, отъ Жеребила Сотника, Семашка боярина и другого дробязка Козаковъ Коденскихъ, отъ Яцка идругого Торчинского (sic), Козаковъ Котелнескихъ и отъ веле иншихъ товарышовъ и помочниковъ ему добре знаемыхъ; о чомъ ширей звышъ менованая протестацыя его, на вряде Его Королевское Милости Житомирскомъ обмовляетъ; а такъ я, Возный, водлугъ повинности вряду моего, штомъ слышалъ и виделъ, на тотъ то мой квитъ списавши, ку записаню до книги замку Его Королевское Милости Житомирского подаю. Писанъ у Житомиру. Котораяжъ то, вышъ менепая протестация пана Залесского, яко и очевистое Возного сознане до книгъ кгродскихъ Житомирскихъ есть принято и записано.

Книга гродская Кіевская въ Житомирѣ, 1617 года. Листъ 942.

LXV.

Жалоба Пана Андрія Консиновскаго на Костюка Тышевича войтовича Слуцкаго, въ томъ, что онъ, собравъ сотню Козаковъ, и приставши къ отряду Лиссовского, ограбилъ его имѣнія: Зубринъ и Горошечки, контрибуцію съ крестьянъ взялъ и лошадей и скотъ у нихъ поотнималъ. 1618. Мая 2.

Року 1618, месеца Мая 2 дня.

На вряде Его Королевское Милости, замку Житомерского, передо мною, Яномъ Галчиновскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ на сесь часъ будучимъ, ставши очевисто урожоный Его Милость панъ Андрий Консиновский, оповедалъ и протестовалъ на урожоного пана Костюка Тишевича, войтовича Слуцкого въ тотъ способъ: ижъ онъ, взрушаючи покой посполитый, а препомнявши права посполитого, и оное соби легце поваживши, которое есть уфалено на такихъ своволниковъ. Который, подневши короговъ своволную, и зобравши купу, козацкимъ обычаемъ, гултаевъ немало, могло быть чоловика о полтораста, и такъ съ тыми Козаками, албо гултаями, которыхъ онъ самъ

лепей видаетъ имена, и назвиска ихъ знаетъ, въехавши въ полкъ урожоного Его Милости пана Крыштофа Немирича, и зъ онымъ, въ полку его ждечи, лупы розные чинилъ, бралъ, грабилъ, потомъ выставши съ полку пана Немиричова, а въехавши до полку Лисовского, Поляковника Козацкого, и идучи зъ нимъ, въ полку того то Лисовского, презъ розне маетности обывателовъ Воеводства Киевского, где имели, державу и маетность мою заставную отъ Его Милости пана Адама Олизара Волчкевича, меновите мистечко Зубринъ и Горошечки тотъ то, вышъ мененый Тишевичъ, зъ корогою своею и тымъ товарыствомъ своимъ своволнымъ, наехавши на тые маетности мое моцно кгвалтовне, въ року теперешнимъ, тисеча шестсотъ осмогонадцатъ, месеца Априля третего дня, тамъ же подданыхъ моихъ, въ домахъ ихъ позастававши, почали ихъ страхами розными отстрашивать зъ домовъ ихъ, где на нихъ стацие незвычайные и непотребные вымышляючи, которые уходечи боевъ и пострашекъ ихъ, и на росказане того то Тишевича, яко Сотника, водлугъ преможеня своего зсыпали и зложили овса мѣрокъ двадцать, жита мѣрокъ осъмъ, сина возовъ тридцать, яловицъ шесть, масла хвасокъ пять, сыра копъ осмъ, куръ сто, гусей пятдесятъ въ мистечку Зубринце; а въ Горошечкахъ: овса мирокъ пятнадцать, жита мѣрокъ шесть, сина возовъ двадцатъ, яловицъ чтыри, фасокъ масла двѣ, сыровъ копъ три, куръ пятдесятъ, гусей тридцать, которые то подданые мое Зубринские и Горошковские зложивши поневолне, то все до господы пана Тишевичови въ местечку Зубринце отправидивши, и ему до рукъ отдали, который то панъ Тишевичъ, отъ нихъ

отобравши, межи товарыство свое отдалъ и еще, на той стацыи мало маючи, и оною се не контентуючи, казалъ товарыству своему и самъ, особою своею, при выезде своемъ съ тыхъ маетностей, брать, грабить, шарпать, убожечи и нищечи маетность мою, которое товарыство его, на росказане его охотне чинить рачили, яко и самъ вышъ менованый панъ Костюкъ Тишевичъ, почали кони, волы брать, шарпать и грабить, а меновите узяли и пограбили у мистечку Зубринце: у въ Олексия клячу сивую, которая коштовала копъ полъдеветь грошей Литовскихъ; у Грицка клячу шпаковатую, которая куплена за копъ осмъ грошей Литовскихъ; у Хомы клячу гнедую, купленую за польосмы копы грошей Литовскихъ; у Степана Полицкого клячу тисавую, купленую за польсеми копы грошей Литовскихъ; у Сенка клячу мышастую, купленую за полъ семы копы грошей Литовскихъ; у Стецка клячу ворону, купленую за шесть копъ грошей Литовскихъ; у Степана коня карого, купленого за десетъ копъ грошей Литовскихъ, а клячу половую, купленую за копъ семь и грошей пятнадцать Литовскихъ; у Осовика клячъ дви: одна карая, купленая за полъшосты копы грошей Литовскихъ, другая глинастая, купленая за копъ осмъ и грошей деветъ Литовскихъ; у Кузмы клячъ дви: одну билую, купленую за копъ пять грошей Литовскихъ, а другая сивая ябковитая, купленая за копъ полъсеми и грошей полшоста Литовскихъ; у Грицка клячу тисавую, лысую, купленую за полъ петы копы грошей Литовскихъ; у Олешка: клячу каштановатую, купленую за полъ шесты копъ и грошей десеть Литовскихъ; у Евтуха клячу гнедую, купленую за полъпяты копы грошей

Литовскихъ; у Яцка коня билого, купленого за полъ осмы копы грошей Литовскихъ; у Трохима клячу темносивую белоногую, купленую за осмъ копъ и грошей двадцат Литовскихъ; у Владыги коня вороного, купленого за копъ десетъ грошей Литовскихъ; у Лукяна коня полового, купленого за полъ семи копы грошей Литовскихъ; у Петра коня шпаковатого, купленого за копъ шесть грошей Литовскихъ; у Трохима коня тисавого, купленого за копъ полъосмы грошей Литовскихъ; у Петра Литвина коня сивого, купленого за копъ дванадцать грошей Литовскихъ; у Васка коня карого, купленого за полъ одинънадцаты копы грошей Литовскихъ; у Миска: коня каштановатого, купленого за полъ петы копы грошей Литовскихъ; у Колесника коня вороного, купленого за копъ чотыри грошей Литовскихъ; у Карпа клячу тисавую, купленую за копъ шесть и грошей пятнадцать Литовскихъ; у Симона вола гнедого, купленого за копъ три грошей Литовскихъ; у Марка взято: портки Лунские синие, купленые за копу грошей Литовскихъ; у Миска: шаблю, купленую за два золотыхъ, седло, купленое за три золотыхъ, портки синие Каразиевые, купленые за три золотыхъ, горилки бочку, у которой было квартъ полтретяста, кождая кварта куплена по дванадцать пинезей; у Козмы седло, купленое за полъчвирта золотого, у Коваля седло, купленое за копу грошей Литовскихъ. У подданыхъ Горошковскихъ также взявъ и пограбивъ тотъ же панъ Тишевичъ и зъ товарыствомъ своимъ, а меновите: у Климовича клячу билую, купленую за деветь копъ грошей Литовскихъ; у Олексия вола полового, купленого за полъ чварты копы грошей Литовскихъ; у Васка вола чорного,

купленого за полъ трети копы грошей Литовскихъ; у Федора Голенача вола рыжого, купленого за полъ чварты копы грошей Литовскихъ; у въ Олексы вола ребого, купленого за копъ три и грошей двадцать Литовскихъ; у Максименка вола полового, купленого за полтрети копы грошей Литовскихъ; у Стецка вола чорного, купленого за чотыри копы грошей Литовскихъ; у Мелника воловъ два: одинъ гнедый, купленый за три копы и грошей петнадцать Литовскихъ, а другого ребого, купленого за полъ чварты копы грошей Литовскихъ. Которые то волы и кони также и речи вышъ менованыи побравши, пошарпавши и пограбивши менованый панъ Тишевичъ и съ товарыствомъ своимъ, на пожитокъ свой обернули и оттамтулъ съ короговю своею дали се рушивъ, подданыхъ моихъ до зубоженя ихъ приведши и приправивши, за чимъ и мене, за неуживанемъ и неробенемъ тыхъ подданыхъ панщизны и иншихъ роботъ и подачокъ мене, до шкодъ немалыхъ приправилъ, которыхъ соби быть меную на пять сотъ золотыхъ Полскихъ, не вкладаючи въ то шкодъ подданыхъ своихъ; о што все оферуючисе Его Милость панъ Консиновский, съ помененымъ Тишевичемъ, яко взрушителемъ покою посполитого, правне чинить, и кождого права, суду, где одно належати буде, иле то съ права придетъ, волное однакъ поправене тое протестацыи соби зоставуючи. И просилъ, абы тая его протестацыя до книгъ замку Его Королевской Милости Житомерскихъ была принята и записана, што естъ записана.

Книга гродская Кіевская въ Житомірѣ, 1617 года листъ 945 на оборотѣ.

LXVI.

Жалоба Пана Адама Шклярскаго на Полковника Козацкого Калиновского, на Ротмистровъ его Богуцкаго и Каличуцкаго и на товарищей ихъ въ томъ, что они имѣнія Князя Януша Острoского ограбили, одного изъ слугъ убили и другихъ слугъ, посланныхъ съ требованіемъ удовлетворенія ограбили и мучили. При этомъ прилагается свидѣтельство Возного, удостовѣряющее приводимые имъ факты. 1618. Мая 2.

Року 1618, месеца Мая 2 дня.

Писалъ и присылалъ на врядъ Его Королевское Милости замку Житомерского, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, урожоный панъ Адамъ Шклярскій, слуга Ясне Освецоного Княжати Его Милости, пана Януша Острозского, Кашталяна Краковского, Староста Вильский, именемъ Его Королевское Милости, Пана своего, оповедаючи и жалосне се ускаржаючи на Пана Станислава Калиновского, Полковника Кролевича Его Милости, яко принципала, на Ротмистровъ, товарышовъ и помочниковъ его, а меновите: на пана Яна Бокгуцкого Ротмистра, на пана Федора Каличицкого Ротъмистра, на Грицка Красноперку

Сотника съ Паволочи, на Федора, Есавула слободы Паволоцкое, на Богуша Хоружого, на Сахана, Атамана козицкого съ Котелни и на иншихъ товарышовъ и помочниковъ тымъ Ротмистромъ добре знаемыхъ, которые, повяда, препомневши боязни Божи и срокгости права посполитого, снать за власнымъ росказанемъ пререченого пана Калиновского, Полковника своего, наехавщи моцно кгвалтомъ на маетность Его Княжацкой Милости отчистую, волость Вилскую, отъ дня двадцатого, месеца Апреля, въ року теперъ идучомъ, тисеча шестъ сотъ осмнастомъ, ажъ до дня тридцатого тогожъ месеца Априля, розные ексцеса и незносные кривды подданымъ чинечи, а праве неприятелскимъ способомъ маетность Его Княжацкой Милости плюндруючи и пустошечи: а напродъ въ селе Ивановичахъ сына атаманова Григоря Чечелевича окрутне зранили, и на смерть замордовали, гроши готовые и всю маетность, при немъ будучую, побрали; въ томъ же селе Ивановичахъ, поотбивавши коморы, подданыхъ, незносные шкоды починили; коней пятдесятъ зъ домовъ побрали; въ селе Новомъ-Полю, незносные шкоды починивши, коней двадцатеро взяли; въ селе Давыдовичахъ, также коморы подданымъ поодбивавши, маетность побравши, коней шеснасте взяли; въ селе Грушкахъ незносные шкоды починивши, коней двадцатеро взяли; въ селе Зорокове, подданыхъ збивши и поранивши, поодбивавши коморы, маетность всю лупомъ побравши, коней двадцатеро взяли; въ селе Вышполю, подданымъ незносные кривды починивши, коней шестеро взяли; въ селе Зубовщине коней десятеро взяли, а кгды панъ Адамъ Шклярский, яко урядъ, послалъ за ними зъ листомъ слугъ Его Княжацкой Милости, земянъ повяту Вилского, мено-

вите: пана Ивана Кгалецкого, пана Миколая Ручинского, пана Григория Юръевича Скорулского, пановъ Семена, Григоря, Матяша, Тимофея и Яска Поплавскихъ, Липку и Колку бояръ Новополскихъ, при нихъ слугу своего замкового Маковецкого, просечи, абы подданымъ Его Княжацкой Милости кони побраные вернули, и съ тыхъ своволниковъ, которые атамановича Ивановского на смерть замордовали, и, подданымъ въ звышъ поменен-ныхъ селахъ поотбивавши коморы, маетность побрали, Скутечную справедливость учинили; теды преречоный панъ Бокгуцкий, Ротмистръ пана Калиновского, намовившисе едностайне съ товаришами своими, не маючи жадного Баченя на писане и прозбу пана Шклярского, на мененыхъ слугъ Его Королевское Милости, а посланцовъ врядовыхъ, на продъ кони зъ рынштунками въ нихъ отобравши, самыхъ зъ суконъ и всего оденя злупивши, презъ чтыри дни, яко якихъ злочинцовъ, на коло всадивши, въ подошвы киями били, не литостиве мордовали, и незносные деспекты онымъ выряжали, похваляючисе розстрелять, и ледве живыхъ, толко въ самыхъ кошуляхъ назадъ пустили; которую шкоду такъ слугамъ Его Княжацкой Милости, яко и подданымъ волости Вилское починеную, мяновалъ быть панъ Шлярский на тридцать тисечий золотыхъ Полскихъ, и просилъ, абы тая протестацыя именемъ Его Королевское Милости, пана его учиненая, до книгъ Его Королевское Милости, замку Житомерского принята и записана была, жадаючи при томъ о придане Возного, ку огледаню атамановича Ивановского, на смерть забитого, на штомъ му придалъ Возного енерала воеводства Киевского, шляхетного Левка Богушевича Лукошинского, который за приданемъ

моимъ урядовымъ, на ту справе бывши, и того всего огледавши, постановившисе очевисто на уряде, при той же протестацыи ку записаню до книгъ замку Его Королевской Милости Житомерского, созналъ, и того сознаня своего квитъ писаный въ тые слова подалъ: Я, Левъ Богушевичъ Лукошинский, енералъ Возный воеводства Киевского сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперъ идучого, тисеча шестсотъ осмнастого, месеца Апреля двадцатъ второго дня, будучи мнѣ приданому зъ уряду Его Королевское Милости, замку Житомерского, на справу и потребу пану Адамови Шклярскому, слузе ясне освецоного Его Княжацкой Милости пана Януша Острозского, Кашталяна Краковского, Старосте Вилскому, былемъ въ маетности Его Княжацкой Милости, селе Ивановичахъ, маючи при собе сторону, двохъ шляхтичовъ, то естъ: пана Яна Михалевского, а пана Въсиля Плищинского, тамъ же за оказанемъ и обвожанемъ самого пана Шлярского, виделомъ атамановича Ивановского, Григоря Чечелевича окрутне замордованого, и на смерть забитого; въ которого напродъ виделомъ середъ головы рану барзо шкодливую, чеканомъ знать ажъ на вылетъ до горла пробитую, такъ тежъ руку левую прочъ отсеченую и иншихъ ранъ въ голове, по шии и на обудвухъ рукахъ барзо веле виделомъ. которое окрутное зранене и на смерть замордоване помененого атамановича, мяновалъ быть панъ Шклярский отъ пана Федора Каличицкого Ротмистра козацкого, отъ товаришовъ и помочниковъ ему добре знаемыхъ, съ полку пана Калиновского, о чомъ ширей протестацыя именемъ Его Княжацкой Милости, на уряде кгродскомъ Житомерскомъ учиненая, въ собе обмавя. Которое то тѣло забитое и

на смерть замордованое. черезъ мене, Возного, при велю людей добрыхъ шляхты и посполства есть обволано, и при церкви Светое Пречистое, въ селе Ивановичахъ поховано, при которомъ кгвалтовномъ наяханю на маетность Его Княжацкой Милости, село Ивановичи, забитю и замордованю атамановича тамошнего, мяновалъ быть панъ Шклярский шкоды незносные подданымъ Его Княжацкой Милости Ивановскимъ починеные. А такъ я, Возный, штомъ слышалъ и виделъ, то все на тотъ мой квитъ списавши, Его Королевской Милости замку Житомерского, подаю. Котороежъ то оповедане такъ тежъ и очевистое Возоого сознане до книгъ замку Его Королевское Милости Житомирского есть принято и записано.

Книга гродская Кіевская въ Житомирѣ, 1617 года, листъ 943.

LXVII.

Жалоба Федора Сущанского Проскуры на Монаховъ Трехтемировскаго монастыря за то, что они съ помощію Козаковъ и Мѣщанъ Трехтемировскихъ, овладѣли насильно его именьемъ Григоровомъ 1618. Іюня 12 дня.

Року тисеча шесть сотъ осмнадцатого, мѣсяца Июния дванадцатого дня.

Передъ нами, Депутаты суду головного трибуналу любелского, на рокъ теперешьний, вышъ менованый, зо всихъ воеводствъ короны полское обраными и высажоными, постановившись очевисто урожоный Его Милость, панъ Федоръ Сущанскій Проскура, Писаръ земский Воеводства Киевского, жаловался и протестовалъ своимъ и брата его рожоного, молодшого, летъ недорослого урожоного пана Юря Сущанского Проскуры именемъ, на Игумена и всѣхъ чернцовъ монастыра терехтемировского и всѣхъ фундаторовъ, албо подавцовъ тогожъ манастыра, то есть: Гетмана, Полковниковъ, Сотниковъ, Атаманъю и всихъ Козаковъ Запорозского, о то, ижъ они, неконтентуючися тымъ же одъ

летъ четырохъ великие а несносные кривды скаржучомуся, въ забиранью кгрунтувъ ихъ Гъригоренскихъ до кгрунтовъ своихъ Терехтомировскихъ, чинили, и презъ границы старосвецкие и ново, часовъ недавныхъ, зъ нимижъ самыми поновъленые переходячи, лесы пустошили, озера и инъшие ловы рыбные, также сеножети и инъшие кгрунты забирали, але теперъ свежо, яко скаржучийся маетъ ведомасть, съ дому, въ небытности его, року теперешнего, тисеча шесть сотъ осмнадцатого, мѣсяца Мая четвертого дня, пославши моцно кгвалтомъ Козаковъ и Мещанъ, въ Терехтемѣрове мешкаючихъ, на тую маетность ихъ, село Григоревъ, оную зъ моци владзы скаржачогося одняли, и его зъ спокойного держанъя кгвалтовне и безправъне выбилы и вытиснули; дворъ, млынъ и инъшое будованъе дворищъное на себе взяли, и до маетности своее Трехтемировское привернули за чимъ у вины, въ праве посполитомъ на таковыхъ кгвалтовниковъ описаные, попали и поводовъ до шкодъ немалыхъ за таковымъ своимъ кгвалтовнымъ однятемъ тое маетности причинили. Заставивъши теды пречечоный Его Милость панъ Писаръ, до взятя доскональшое ведомости ширшое учиненъе, протестацию повторе на пречечоныхъ особъ протестовался, просячи, абы тая протестация Его Милости была принята и до книгъ записана, которая за принятемъ суду нинешнего, и за просбою Его Милости до книгъ головныхъ трибуналскихъ Воеводства Киевского есть записана.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, Воеводства Кіевскаго. 1618 года, № 10 стр. 1384.

LXVIII.

Жалоба Пана Петра Стрыбеля на Мѣщанъ изъ Фастова, Кодни, Котельни, Паволочи, Лещина, Ходоркова, Корнина, Брусилова и Коростышева, въ томъ, что они, составивъ отрядъ въ 2,000 людей напали на его именье, мѣстечко Студену Воду, сожгли его, Крестьянъ ограбили и его собственный домъ пощадили только ради выкупа, который должна была имъ заплатить жена Стрыбеля. 1618. Іюля 2.

Року тисеча шесть сотъ осмнадъцатого, месеца Июля второго дня.

Писалъ и присылалъ до върядy Его Королобское Милости, замку Житомирского, до мене Яна Галчиновъского Подстаростего Житомирского, урожоный панъ Петръ Стрыбыль, оповедаючи, и обтежливе жалуючи на Миска Фастовъца, Полъковъника, Грицъка Фастовъца, Сотника, на Миска Жеребила, на Яна Ковалевъского, на Васъка Тарасенъка, на Дацъка, на Степанъца Костыръку, на Стефана Иваненъка, на Семена, на Ясъка, на Степана Годуновича, на Юсъка, на Васъка, на Стася, на Боба, на Комара Сотъника, и на инъшихъ мещанъ и подъданыхъ

Фастовъскихъ, до бискупъства Киевъского належачого, также на Ивана Ждановича, и на Семена Василъевича Щениевъскихъ, и на Яна Вилчополского, Полковъника зъ маетности Его Милости Пана Воеводы Брестъского, зъ места Кодъни, на Дацъка Лемещенъка, на Остапа зъ Вереховни, на Дацъка Чернявъского на Иванца Коркодинеена, на Кривецкого Сотъника, на Ивана Андруха, на Дрожджденъка и на иншихъ мещанъ и подданыхъ Котеленскихъ и Паволоцъкихъ Ее Милости панее Виленъское, яко принъципаловъ справы нижей менованое и инъшихъ велю людей своволныхъ, которымъ имена и назъвиска трудно ведатъ, которые то принъципалове, вышъ менованые Полковъники, Сотъники, Десятъники, зобравъши до себе людей люзъныхъ, своволъныхъ, зъ места Лещина, съ Котелъни, съ Паволочи, съ Ходоръкова, съ Коростешова, зъ Брусилова, съ Фастова, съ Корнина до двохъ тисечей войска и зъ ыншихъ местечокъ околичъныхъ, которымъ они сами имена и назвиска лепей ведаютъ и ихъ знаютъ, про небытъностъ на тотъ часъ мене въ дому моемъ, кгдымъ на сейме валъномъ Варъшавъскомъ, на трибунале Любелъскомъ, при отъправованю справъ Воеводства Киевъского, для велъце важъныхъ справъ своихъ былъ забавенъ, которые, помененые особы, подънесши хороггви и зобравши до себе такъ великую личбу людей своволъныхъ, не на жадную послугу речи посполитое, але наежъджаючи кгвалтовъне на маетъности и на домы шляхецкие, яко одинъ неприятелъ заграничъный штурмами добываючи, презъ огонъ до кгрунъту зносечи, людей розного стану по дорогахъ розбиваючи, оныхъ забияючи, моръдуючи, коморы отъбиваючи, маетъности лупечи, быдла, кони

беручи до домовъ своихъ отъпроважали; ово ани на боязнь Божую, ани на звиръхность Его Королевъское Милости, Пана нашого и право посполитое не погледаючи, такие окруценства неслыханые чинечи, покой посполитый взрушаючи, по увесъ тотъ часъ тое зимы чинечи, якожъ и маетъность мою местечъко Студену-Воду, въ року тисеча шесть сотъ осмънадцатомъ, месеца Априля тринадцатого дня, кгвалтовне наехавъши, которую тогожъ дня съ Пятницы на Суботу, передъ Великодънемъ, въ ночи, умыслъне на килку местъцахъ огнемъ запаливши, маетность всю подданымъ моимъ злупивши, презъ огонъ до кгрунту знесли, и фолъваркъ мой власный при томже местечъку будучий, зъ быдломъ, зъ овцами, зъ свинями, съ конми, гусми, курами, ово зо всимъ спратомъ домовымъ до кгрунту презъ огонъ знесли, и челеди двое: на йме Яцка, хлопца и жонку на йме Марину огнемъ на смертъ спалили, и до дому моего власного штурмоватъ хотели, хотечи его злупитъ, въ которомъ на тотъ часъ малжонка моя была, и уходечи отъ далшого небезпеченства на здорове свое и на злупене остатка маетности моее, а до того и за посланемъ грознымъ и отповедями тыхъ помененыхъ принцыпаловъ и зо всими ихъ помочниками, окупуючи здорове свое, коня за сто золотыхъ купленого и полтораста золотыхъ Полскихъ дать мусела; и иншихъ окрутныхъ въ томъ местечку ексцесовъ, кгвалтовъ, боевъ начинивши, до домовъ своихъ съ тымъ всимъ лупомъ отехали, которые и теперъ въ домахъ своихъ мешкаютъ, а меновито маетностъ тыхъ подданыхъ, которую злупили и побрали, а другое спалили: Миколаеви хата згорела зо всимъ спрятомъ домовымъ, которая

коштовала полтораста золотыхъ Полскихъ, жита молочоного мерокъ десеть, вепровъ три кормныхъ, побитыхъ, которые коштовали по шести золотыхъ Полскихъ, сермягъ чотыри, коштовали по петдесятъ грошей, полотна локтей сто, коштовалъ локотъ каждый по три гроши Литовскихъ, сукна простого локтей двадцать, каждый локоть коштовалъ по грошей шести, свиней надворныхъ двадцать и четверо. У Опихана домъ зо всимъ спрятомъ домовымъ згорелъ, пашни молоченое розное згорело мерокъ дванадцать, а што побрали: на продъ скрыню съ хустами белыми, зъ сукнями, плахтами, грошей готовыхъ копъ сорокъ которыхъ шкодъ такъ одъ огню и згореню дому и въ побраню розное маетности шацуетъ тотъ подданый собе шкодъ на полтретя ста золотыхъ Полскихъ. Евтухови домъ зо всимъ домовствомъ згорелъ, овечокъ сорокъ, свиней тридцать, то все погорело, а што побрали: коня, грошей готовыхъ петнадцатъ копъ, возъ съ хомутомъ, салъ чотыри, которыхъ шкодъ тотъ подданый шацуетъ собе на двесте золотыхъ Полскихъ. Мойсея самого збили и жону его на йме Катерину зкгвалтили, домъ зо всимъ домовствомъ спалили, збожя молочоного мерокъ осмъ згорело, свиней десетеро, а взяли: коня и воловъ два, сермягъ две, грошей готовыхъ копъ десетъ: который подданый собе менуетъ на полтораста золотыхъ полскихъ. Васка Винника самого збили, жону его Марушу зкгвалтили, домъ зо всимъ домовствомъ и спрятомъ, зъ овцами, свинями, зе збожемъ молочонымъ спалили, а взяли: грошей готовыхъ копъ чотыри, коня; который подданый шкодъ собе шацуетъ на двесте золотыхъ Полскихъ. Микуле Тетери домъ зо всимъ спрятомъ и маетностю

згорелъ, а взяли; готовыхъ грошей копъ осмъ, скрыню съ хустами белыми и зъ сукнями, коней двое, саделъ пять, который шкодъ шацуетъ собе тотъ подданый на триста золотыхъ Полскихъ. Стасеви домъ зо всимъ спрятомъ и маетностю згорелъ, а взято: клячу, бодню съ хомутами, готовыхъ грошей копъ шесть, который подданый усихъ шкодъ собе шацуетъ на сто семдесятъ золотыхъ Полскихъ. Прокопу Усатому домъ увесь зо всимъ спрятомъ и зъ маетностю, зе збожемъ молочонымъ згорелъ, а взято: клячу, возъ съ хомутомъ, а грошей готовыхъ копъ три, которыхъ шкодъ тотъ подданый менуетъ собе на сто золотыхъ Полскихъ. Степанови Белоусому: домъ зо всимъ спрятомъ и зъ маетностю згорелъ, а взяли: клячу, грошей готовыхъ копъ пять, хусты белые, которыхъ шкодъ собе тотъ подданый шацуе на полтораста золотыхъ Полскихъ. Тимошови Могиленскому домъ зо всею маетностю и спрятомъ домовымъ згорелъ и взяли: готовыхъ грошей две копе, кгермаковъ два, клячу, который подданый шкодъ собе шацуетъ на сто золотыхъ Полскихъ. Матееви, зятю Пашковому домъ зо всею маетностю згорелъ и спрятомъ домовымъ, а взяли: коня, вола, яловицу, салъ три, а шесть копъ грошей Литовскихъ готовыхъ, хусты белые зъ бодки, плахотъ чотыри, которыхъ шкодъ собе менуетъ на сто шестдесятъ золотыхъ Полскихъ. Тимошови домъ зо всимъ спрятомъ и маетностю згорелъ, а взяли: коня седло, а готовыхъ грошей копу. Сайкови домъ зо всею маетностю рухомою и спрятомъ згорелъ, а взято грошей готовыхъ две копе, который подданый шкодъ собе шацуетъ на осмъдесятъ золотыхъ Полскихъ. Мастеркови домъ зо всею маетностю и спрятомъ згорелъ,

а взято: скрыню зъ сукнями и зъ хустами белыми, а грошей готовыхъ копъ дванадцать, коня, воловъ три, который подданый шкодъ собе шацуе на двесте и тридцать золотыхъ Полскихъ. Ярмошеви Мелнику домъ зо всею маетностю и спратомъ домовымъ згорелъ и готовыхъ грошей тридцать копъ згорело, а взяли: коня, воловъ чотыри, который подданый шкодъ собе шацуетъ на триста золотыхъ Полскихъ. Павлови Олексиеви домъ зо всею маетностю и спрятомъ згорелъ, а взяли готовыхъ грошей копъ три, который шацуетъ собе шкодъ на семдесятъ золотыхъ Полскихъ. Потапови домъ зо всею маетностю згорелъ, а взяли клячу, а готовыхъ грошей копъ чотыри, который собе шкодъ шацуетъ на сто и двадцатъ золотыхъ Полскихъ. У Матейчика домъ зо всею маетностю и спрятомъ згорелъ, а взято клячу, а копу грошей, который шкодъ собе шацуетъ на сто золотыхъ Полскихъ. У Петрушка домъ зо всею маетностю и спрятомъ згорелъ, а взяли: хусты белые зъ боднею, а грошей готовыхъ полторы копы, который шацуетъ шкодъ на деветдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Матея Бохона домъ зо всею маетностю и спрятомъ згорелъ, а взяли: клячу, грошей готовыхъ две копе, который шкодъ собе шацуетъ на сто золотыхъ Полскихъ. Павлови Усатому домъ зо всею маетностю згорелъ и спратъ домовый, а взяли коня, вола и копу грошей, который собе шкодъ шацуетъ на сто и десетъ золотыхъ Полскихъ. Захаръкови домъ зо всими маетностями, спрятомъ згорелъ, а взято копу грошей, который шкодъ собе шацуетъ на шестдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Андрейчика Малого домъ зо всею маетностю згорелъ и увесъ спрятъ домовый, а взято: три копы

грошей, коня, корову, который шкодъ собе шацуетъ на осмъдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Троца домъ зо всею маетностю и спрятомъ домовымъ згорелъ, а взято: коня, вола, а готовыхъ грошей семъ копъ, который шкодъ собе шацуетъ на семдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Шимка Говейна домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято: бодню съ хустами, а грошей готовыхъ копъ чотыри, который шкодъ собе шацуетъ на петдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Антонца домъ зо всею маетностю згорелъ, который шацуетъ шкодъ собе на двадцат копъ грошей. У Данила Решневского, слуги моего домъ зо всею маетностю и спрятомъ домовымъ згорелъ, сукне, шабле, пулгаки, а готовыхъ грошей сто золотыхъ згорело, который шкодъ собе шацуетъ на полчвартаста золотыхъ Полскихъ. У Якова Клочка домъ увесь зо всею маетностю згорелъ, а взято: готовыхъ грошей копъ осмъ, бодню съ хустами белыми, полотна локотъ петдесятъ, сукенъ две, коня, который шкодъ собе шацуетъ на полтораста золотыхъ Полскихъ. У Олексея Дудки домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято копу грошей, который шкодъ собе шацуетъ на сорокъ золотыхъ Полскихъ. У Войтеха Пенковского, слуги моего дворного, домъ зо всею маетностю згорелъ и увесь спрятъ домовый, который шкодъ собе менуетъ на триста золотыхъ Полскихъ. У Костюка домъ зо всею маетностю и спрятъ домовый згорелъ, а взято две копе грошей, который шкодъ собе шацуетъ на шестдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Федора Кветки домъ згорелъ зо всею маетностю, а взято: коня, две копе грошей, который шацуетъ шкодъ собе на семдесятъ золотыхъ Полскихъ У Стася Великого домъ зо всею маетностю згорелъ, а

взято: бодню съ хустами, коня, вола, салъ читыри, который шкодъ собе шацуетъ на деветдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Тимоша Говинна, домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято: пять копъ грошей, клячу, яловицу, который шкодъ собе шацуетъ на сто золотыхъ Полскихъ. У Тимоша Жадка домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято: копу грошей, сермягу, который шкодъ собе шацуетъ на петдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Тимоша Лапки домъ зо всею маетностю згорелъ, взято: полтей пять слонины, копу грошей, который шкодъ собе шацуетъ на сорокъ золотыхъ Полскихъ. У Мойсея домъ зо всею маетностю згорелъ, взято: три копы грошей, который шкодъ собе шацуетъ на сорокъ золотыхъ Полскихъ. У Яцка Кушнера домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято: готовыхъ грошей копъ дванадцать, коня и корову, салъ три, кгермаковъ два фалендышовыхъ, который собе шкодъ шацуетъ на полтораста золотыхъ Полскихъ. У Хиля домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято: клячу и две копе грошей, который шкодъ собе шацуетъ на шестдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Дудки Ивана домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято копу грошей, который шкодъ собе шацуетъ на сорокъ золотыхъ Полскихъ. У Грица Кривого домъ зо всею маетностю згорелъ а взято коня, а три копы грошей, и детина его на смертъ згорела. У Васка Пулинца домъ зо всею маетностю згорелъ и жона его, на йме Вокся, на смерть згорела, а взято: клячу и воловъ чотыри, салъ пять, полтей чотыри, а готовыхъ грошей копъ двадцать, который шкодъ собе шацуетъ на полтретя ста золотыхъ Полскихъ. У Шкрабы домъ зо всимъ згорелъ и маетность его вся, а взято клячу, а готовыхъ грошей

копъ чотыри. Грица Рудого домъ зо всею маетностю згорелъ, которые обадва шкодъ собе шацуютъ на триста золотыхъ Полскихъ. У Ивана Короткого домъ зо всею маетностю згорелъ, который шкодъ собе шацуетъ на петдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Левка домъ зо всимъ згорелъ, который шкодъ собе шацуетъ на сорокъ золотыхъ Полскихъ. У Евхима Мелника домъ зо всею маетностю згорелъ, взято: коня, воловъ три, коровъ две, готовыхъ грошей семъ копъ, скрыню съ хустами белыми и ермяковъ Люнскихъ три, который шкодъ собе шацуетъ на полтретяста золотыхъ Полскихъ. У Игната Войтовца домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято две копе грошей и кадь меду присного, который шкодъ собе шацуе на сто золотыхъ Полскихъ. У Степана Гусака домъ зо всею маетностю згорелъ, который шкодъ собе шацуе на тридцать копъ грошей. Гришка Бондареняти домъ зо всею маетностю згорелъ, который шкодъ собе шацуе на петдесятъ золотыхъ Полскихъ. У Васка Говена домъ зо всею маетностю згорелъ, а взято: клячу, готовыхъ две копы грошей. У Кирила Войта взяли то естъ конми и иншими речами, которыхъ шкодъ шацуе на двадцать копъ грошей. У Шафороста взято: коня, а готовыхъ грошей копъ две, салъ три, всего сумую на двадцатъ копъ грошей шкодъ собе шацуе. У Васка, до коморы двери отбивши, взяли всю маетность рухомую што ено было, которыхъ шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. У Кучука взяли коня и, до коморы двери выламавши, хусты белые, сермяги и всю маетность рухомую побрали, а готовыхъ грошей копъ чотыри, которыхъ шкодъ шацуетъ собе на сорокъ золотыхъ Полскихъ. У Матыса взяли

коней двое, коштовали шестнадцать копъ грошей, а готовыхъ грошей копъ семъ. У Санченяти взято коня, за десетъ копъ купленого и две копе грошей. У Гадорозского взято клячу, за семъ копъ грошей купленую, а готовыхъ две копе грошей. У Маска, двери у коморы выламавши, бодню съ хустами белыми и сермягъ две, а готовыхъ грошей копъ две взяли, который шкодъ собе шацуетъ на осмъ копъ грошей. Якимъ шкодъ собе менуетъ на двадцать копъ грошей. Надей шкодъ собе шацуе на двадцатъ копъ грошей. Микита шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Супрунъ шацуе собе шкодъ на тринадцатъ копъ грошей. Савка на петнадцатъ копъ шкодъ собе шацуе. Евхимъ Гусакъ шацуе собе шкоды на осмъ копъ грошей. Столяръ Михалъ шкодъ собе шацуе на дванадцать копъ грошей. Иванъ шкодъ собе шацуе на петъ копъ грошей. Кирило шкодъ собе шацуе на дванадцать копъ грошей, Парейко шкодъ собе шацуе на петнадцать копъ грошей. Волосовецъ шацуе на петнадцатъ копъ шкодъ собе. Иванъ, Илинъ братъ шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Бияло шкодъ собе шацуе на чотырнадцать копъ. Лецъ шкодъ собе шацуе на осмнадцатъ копъ грошей. Филъ шкодъ собе шацуе на пять копъ грошей. Михно шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Федоръ Коваль шкодъ собе шацуе на осмъ копъ грошей. Грицъ Скарупа шкодъ собе шацуе на шесть копъ грошей. Кирило шкодъ собе менуе на деветъ копъ грошей. Титъ шкодъ собе шацуе на семъ копъ грошей. Ярмошъ шацуе собе шкодъ на пять копъ грошей. Антонъ Мастерко шацуе собе на дванадцать копъ грошей. Стасъ шацуе собе шкодъ на чотыри копы грошей. Андрей Речицкий

шацуе собе на семъ копъ грошей. Немтуръ Андрей шацуе шкодъ собе на осмъ копъ грошей. Левко шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Сенко Пецъ шкодъ собе шацуе на копъ двадцать грошей. Фрустъ шкодъ собе шацуе на шесть копъ грошей. Павлушко шкодъ собе шацуе на пятъ копъ грошей. Григорей шкодъ собе шацуе на петнадцать копъ грошей. Стасъ Веречака шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Шашко шкодъ собе шацуе на три копы грошей. Тихонъ шкодъ собе шацуетъ на осмъ копъ грошей. Шахура шкодъ собе шацуе па десетъ копъ грошей. Шимко шкодъ собе шацуе на осмъ копъ грошей. Федоръ шацуе собе шкодъ на деветъ копъ грошей. Матей шкодъ собе шацуе на одинадцать копъ грошей. Велентый шкодъ собе шацуе ня пятъ копъ грошей. Филецъ шкодъ собе шацуе на две копе грошей. Тимошъ шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Ярмошиха шкодъ собе шацуе на шесть копъ грошей. Хацъ шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Евтухъ шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Климъ шкодъ собе шацуе на шесть копъ грошей. Иванъ Соцкий шкодъ собе шацуе на две копе грошей. Костюкъ шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Семенъ шкодъ собе шацуе на семъ копъ грошей Грицъ Петровичъ шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Нестеръ шкодъ собе шацуе на три копы грошей. Иванъ Хацъ шацуе собе шкодъ на чотыри копы грошей. Лукянъ шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Андрей Качанъ шкодъ собе шацуе на две копе грошей. Шаркий Андрей шкодъ собе шацуе на осмъ копъ грошей. Шинкаръ Миско шкодъ собе шацуе на шесть копъ грошей. Куценя Федоръ шкодъ собе на три золо-

тыхъ грошей Полскихъ. Яненя Стась шкодъ собе шацуе на три копы грошей. Мойсей Овено шкодъ собе шацуе на чотыри золотыхъ грошей. Миско, зять поповъ шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Ярема шкодъ собе шацуе на двадцат копъ грошей и на чотыри копы. Калинка шкодъ собе шацуе на шестъ копъ грошей. Валянка Иванъ шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Мисура Левко шкодъ собе шацуе на осмъ копъ грошей. Олесниченя шкодъ собе шацуе на двадцать копъ грошей. Валченя шкодъ собе шацуе на шесть копъ грошей. Проценя Курило шкодъ собе шацуе на шесть копъ грошей. Романъ шкодъ собе шацуе на двадцатъ копъ грошей. Охримъ шкодъ собе шацуе на копу грошей. Трохимъ Зокий шкодъ собе шацуе на две копе грошей. Степанъ Коростелъ шкодъ собе шацуе на две копе грошей. Иванъ Хотякъ шкодъ собе шацуе на копу грошей. Елисей Валянка шкодъ собе шацуе на три копы грошей Матфей Жолтобрухъ шкодъ собе шацуе золотый грошъ. Воробей шкодъ собе шацуе на копу грошей. Янко Коваль шкодъ собе шацуе на пять копъ грошей. Евхимъ шацуе на две копе грошей. Самойла шкодъ собе шацуе на осмъ копъ грошей. Войтко шкодъ собе шацуе на осмъ копъ. Яцко шкодъ собе шацуе на полъ копы. Иванъ шкодъ собе шацуе на три копы грошей. Шабанъ шкодъ собе шацуе на семъ копъ грошей. Михно шкодъ собе шацуе на чотыри копы грошей. Котанка шкодъ собе шацуе на две копе грошей. Шаркий шкодъ шацуе на шесть копъ грошей. Лавореня шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Яцко Косый шкодъ собе шацуе на две копе грошей. Кресъ шкодъ собе шацуе на десетъ копъ грошей. Яско шкодъ собе

шацуе на копу грошей. Подгайский шкодъ собе шацуе на двадцать копъ грошей. Власъ шкодъ собе шацуе на шестнадцать копъ грошей. Иванъ Пугачъ шкодъ собе шацуе на пять копъ грошей. Процъ шкодъ собе шацуе на пять копъ грошей. Возный шкодъ собе шацуе на двадцать грошей Литовскихъ. Редка шкодъ собе шацуе на полторы копы грошей. Иванъ Гуменецъ шкодъ собе шацуе на сорокъ копъ грошей. Васко Будннча шкодъ собе шацуе на сорокъ копъ грошей. Лучка шкодъ собе шацуе на три копы грошей. Павло шкодъ собе шацуе на копу грошей, а иншихъ шкодъ трудно и пораховать. А до того всихъ тыхъ подданыхъ, вышей менованыхъ побито, помордовано, маетность всю отъ мала до велика побрали, полупили же, въ нивечъ обернули. О которое спалене и злупене маетности своей, съ поменеными особами панъ Стрибылъ оферуетсе правне чинитъ. Якожъ и Возный енералъ воеводства Киевского, шляхетный Лавринъ Козловский, того кгвалтовного наезду на местечку Студену-Воду, о спалене и злупене его, также о помордоване подданыхъ, и о кгвалты белымъ головамъ починеные, и о попалене челеди и фолварку, ставши на вряде, въ замку господарскомъ Житомирскомъ, передо мною, ку записованю до книгъ вызналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего тисеча шестсотъ осмнадцатого, месеца Априля тринадцатого дня, съ пятницы на суботу могло быть годинъ две, въ ночъ, будучи мне на тотъ часъ въ Студеной–Воде въ маетности пана Стрыбылевой и притомности моее, яко тые вышъ помененые особы, съ которыми могло быти войска до двохъ тисечей людей своволныхъ, наехавши моцно кгвалтомъ на маетность пана Стрыбылеву, на чо-

тырохъ местцахъ огонь заложивши, и фолварокъ запаливши, всю маетность подданыхъ пана Стрыбылевыхъ въ той протестации менованыхъ злупивши, презъ огонъ до кгрунту знесши, челеди четверо огнемъ спалили на смертъ, дворныхъ двое: Яцка хлопца, а жонку Марину, а у Кривого Грицка дочку, Огапку а жону Пулинцову на йме Марю, а которые домы не погорели, теды, у коморъ двери поотбиявши, всю маетность тыхъ вышъ помененыхъ подданыхъ полупили и побрали: кони, быдло и оне попалили; то все отъ мала до велика побрали, кгвалты белымъ головамъ статечнымъ починили, жону Васка Винника на йме Марушу, а другую жону Мойсееву Катерину зкгвалтовали и иншихъ неслыханныхъ кривдъ, боевъ подданымъ Студенецкимъ начинили, а до того, кгды вже местечко спалили, злупивши теды тые, вышъ помененые, въ той протестации менованые особы, про небытность на тотъ часъ самого пана Стрибыля, але до пани, малжонки его милости посылали, зъ отповедями, съ пофалками: если намъ килку сетъ золотыхъ не даси и коня, теды мы тое и домови твоему учинимо, што и местечку; якожъ пани Стрибылевая мусела имъ дать, окупуючисе, абы вже дому ее занехали полтораста золотыхъ Полскихъ и коня за сто золотыхъ Полскихъ. Што все такъ се власне дѣяло, яко то въ той протестации вышей поменило, што все власне при бытности моей се дѣяло, и очимамъ своими на тое гледилъ, а чогомъ на тотъ часъ не могъ видети, тогды на завтрее, то естъ въ суботу Великоденную огледалъ и виделъ: и тыхъ побитыхъ, помордованыхъ подданыхъ, которыхъ шкодъ и збитя подданыхъ трудно и зличить и пораховать, и тыхъ помененыхъ погорелыхъ тела

виделъ есми своими очима. А такъ я тое оповедане его милости и очевистое Возного сознане до книгъ господаръскихъ замку Житомирского записати казалъ, и естъ записано.

Книга гродская Кіевская въ Житомирѣ, 1617 года. Листъ 1007.

LXIX.

Универсалъ Королевскій, предписывающій полкамъ козацкимъ, собраннымъ Калиновскимъ и Лиссовскимъ, безъ позволенія королевскаго, подъ предлогомъ московскаго похода Королевича Владислава, разъѣхаться по домамъ, и грабежи свои прекратить, въ противномъ же случаѣ, угрожающій имъ войскомъ короннымъ и отвѣтственностью передъ судами. 1618. Мая 21.

Року 1618, месеца Июля второго дня.

На врядє Его Королевское Милости замку Житомирского, до мене, Яна Галчиновского, Подстаростего Житомирского принесеный и отданый универсалъ Его Королевское Милости, съ печатю коронною канцелярий меншое и съ подписомъ власное руки Короля Его Милости, до Козаковъ и Полковниковъ ихъ, которые по волостяхъ ходечи, збытки незносные и кривды такъ шляхте, яко и людемъ посполитымъ чинятъ, росказуючи, абы се съ тыхъ купъ розно розехали писаный, которого я, врядъ, съ повинности своее, по местцахъ звыклыхъ обволать и публиковать, а потомъ и до книгъ для часу пришлого уписать каза-

лемъ, который писмомъ Полъскимъ такъ се въ собе маетъ: Zigmunt trzecy, z łaski Bożey Krul Polski etc. Wszem wobec y każdemu z osobna, a mianowicie woyska Zaporozskiego Kozakom, także y tym, któri, iako maią wiadomosć, pod regiment Lisowskiego y Kalinowskiego zgromadziwszisie, żołnierskim sie ymieniem szczicą, tym listem naszim wiadomo cziniemy, iż była doniesiona do nas skarga od obywatelow woiewodstwa Kiiowskiego o to, żeby pod udaniem zaciągu Moskiewskiego, na służbie syna naszego, Krolewica Władisława, nie tylko po włosciach woiewodstwa tameszniego, ale y po inszich konciech panstw naszich skupiwszisie do gromady, nie maiąc żadnych listow od nas przipowiednych, nie będąc do żadney służby rźeczi pospolitey zaciągnieni, maiętnosci szlacheckie, duchowne y nasze krulewskie dobra naiezdżacie, łupicie y poddanych do nędzy ostatniey prziwodzicie, na wszystkie swowolą y rozboystwo sie wyuzdawszi, domy szlacheckie naiezdżacie, one sposobem rozboynikow wybieracie, osoby same, oboyga płci znieważacie, stacye nieznosne y niesłychane od ubogich poddanych wyciągacie, pogardziwszi zwirchnosc nasze, nie pomniąc przeciwko tym, ktorzi pokoy domowy wzruszaią, y do podobnych srzodkow drapiestwa obracaią mysli y sprawy swoie, o to strone znosicie (sic), przęto wam surowie roskazuiemy, abyscie sie z gromad tych iako nayprzędzey roziachali, więcey tych tam kraiow cięźkimi excessy nie trapili, y inszych zbrodni waszych brzidkich poprzestali, w czem ieżeli mandatem tym naszym posłuszni nie będziecie, przeciwko wam Wielmożnemu Hetmanowi Koronnemu z woyskiem naszym, także y Starostom Ukrainnym z obywytelmi woiewodstwa Kiiowskiego y ynszych prziległych

woiewodstw sie ruszic zlecielismy, y przeciwko wam, iako przeciwko nieprzyiacielom rzeczi pospolitey postąpic y znosic was roskazalismy; a nadto, prawo surowie na buntowniki postanowione na osobach waszich, aby ynstygator nasz do exegucyey prziwodził, zlecilismy. Ynaczey tedy nieuczinicie pod łaską naszą. Dan w Warszawie dnia 21 miesiąca Maia, roku Panskiego 1618. Panowania naszego Polskiego trzidziestego pierwszego, Szwiedskiego dwudziestego piętego roku. У того мандату печатъ коронная канцелярий меншое естъ притиснена, а поднисъ руки Его Королевское Милости въ тые слова: Sigismundus rex, поднисъ руки писарское: Petrus Gembicki. Што все про паметь до книгъ замку Житомирского есть записано.

Книга гродская Житомирская, 1617 и 1618 годовъ, листъ 1015.

LXX.

Универсалъ Королевскій къ обывателямъ Воеводства Кіевскаго, объявляющій имъ о томъ, что Гетману предписано уже разгонять войскомъ своводьныя купы, и приглашающій ихъ помочь въ этомъ дѣлѣ Гетману. 1618. Мая 22.

Року 1618, месеца Июля второго дня.

На вряде Его Королевское Милости, замку Житомирского, до мене, Яна Галчиновского, Подстаростего Житомирского, принесенъ и отданъ естъ универсалъ Его Королевское Милости, съ печатю коронною канцелярии меншое и съ подписомъ руки Его Королевское Милости, до всихъ вобецъ ихъ милости пановъ шляхты, обывателевъ Воеводства Киевского, стороны загамованя своволенства козацкого, при велможномъ Пану Канцлеру и Гетмане Коронномъ писаный, который съ повинности своее врядовое, по местцахъ звыклыхъ обволатъ и публиковатъ, а потомъ и до книгъ для часу пришлого писатъ казалемъ, который писмомъ Полъскимъ такъ се въ собе маетъ: Zygmunt trzecy z Bożey łaski Krol Polski, wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudskie, Inflanski, Szwedski, Godski, Wandałski

dziedziczny Krul. Wielmożnym, urodzonym y szlachetnym, dignitarzom, urzędnikom y wszystkim stanu rycerskiego, Woiewodstwa Kiiowskiego obywatelom, uprzeymie y wiernie nam miłem łaskę nasze krolewsko: Uprzeymie y wiernie nam mili! to, co miał od uprzeymosci y wiernosci waszey urodzony Jerzy Stawiecki, od uprzeymosci y wiernosci naszey posłany, odniosł nam dostatecznie, przełożiwszy iako woiewodstwa Kiiowskiego obywatelow maiętnosci nietylko przez nieprzyiaciela pogranicznego są zniszczone, ale niemal więcey przez swowolenstwo domowe prawie w niwec obracane y do ostatniey zguby prziwiedzione. Nasze naywiększe, przez wszystek czas szczęsliwego panowania, było staranie, aby koronne panstwa, nietylko od postronnych naiazdow nieprzyiacielskich wolne byli, ale żeby y pokoy domowy w porządku był zatrzymany, swowolenstwo ludzy prziwatnych, na wszitkie złosc wyuzdanych było poskromione, czemu prawo pospolite dosyc ostrże zabiegało, a to iednak za iakimsc nieszczęsciem y podobno y za grzechami ludzkimi nic nie pomaga, y owszem im daley, tym barziey górę swowola bierze, czego z niemałem żalem naszem słuchac nam przechodzi, wydane tedy są za roskazaniem naszym kancellarij naszey uniwersały, aby sie ci ludzie swowolni, ktorży ani od nas, ani od hetmanow naszych, iako mamy sprawę, żadnych listow przipowiednych nie maią, ale temere po koronie vagantur, s tych gromad zarazem sie roziachali, naiazdow, zdzierstw, łupieżstwa y wszystkich ynszich zbrodni zaniechali; w czem ieżeli sie stawią nieposłusznemi, napisac kazalismy do wielmożnego Kanclerża y Hetmana Coronnego, acz teraz dla yncursy Tatarskich odległego, aby, uspokoiwszy te tam sciane od poganstwa, z woy-

skiem naszem na tę zdzierce nastąmpili, złącziwszysie z iasnie wielmożnym Kasztellanem Krakowskim, y iako Ukrainnych starostw dzierżawcą, w czym też dalismy do niego pisanie nasze, żądamy także y upominamy uprzeymosc y wiernosc waszę, abyscie dla wolnosci powołaniu szłachieckiemu własnych, dla bezpiecznego w domach swoich z żonami y potomstwem przemieszkiwania, dla swobodnego maiętnosci własnych używania, tę y im podobne swowolniki, ktori żadnego od nas zaciągu, ani od rzeczy pospolitey nie maią, do gromady sie skupiwszi, kiedy prawo, ktorym pokoy domowy obwarowany iest u nich za nic niesą, kiedy dostoienstwo nasze mało co sobie poważaią, znosili y one od karkow swoich odrzucili, y z gromad rosproszili, przikładem obywatelow kraiow Wołynskich, co nietylko wdzięcznie od uprzeymoscy y wiernosci waszey przymiemy, ale y pochwalimy; Czem zawrzecie uprzeymosc y wiernosc wasza na potomne czasy do podobney sweywolney drogi ochotę. Dan w Warszawie. Dnia dwadziestego wtorego miesiąca Maia, roku tysiąc szescset osmnastego. Panowania naszego (Polskiego) tridziestego pierwszego, a Szwedskiego dwudziestego piątego roku. У того универсалу печать канцелярии меншое коронная естъ притиснена, а подписъ руки Его Королевское Милости въ тые слова: Sigismundus rex, а подписъ руки писарское: Petrus Gembicki. Што все про паметъ до книгъ замку Его Королевское Милости Житомиръского естъ записано.

Книга гродская Кіевская въ Житомирѣ, 1617 года, листъ 1014.

LXXI.

Жалоба Пани Галшки Лозчиное на Ярота Суму, Полковника людей своволныхъ, собранныхъ будто-бы для войска Королевича Владислава, въ томъ, что онъ, съ отрядомъ своимъ напалъ на ее маетность Рожевъ, мѣщанъ ограбилъ, потопилъ и поранилъ, и, замокъ взявши, военные запасы, въ немъ бывшіе, позабиралъ. 1618 Августа 25.

Року 1618, месеца Августа 25 дня.

На вряде Его Королевское Милости кгродскомъ, въ замку Житомирскомъ, передо мною, Яномъ Галчиновскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто шляхетный Петръ Жаровский, слуга урожоное ее милости панее Галшки Гулевичовны Стефановое Лозчиное, Маршалковое Мозырское, именемъ тоежъ панее своее жалосне оповедалъ, и солениторъ протестовалсе противко ниякому Ярошови Суме, Полковникови людей люзныхъ, своволныхъ, драпезцовъ и лупезцовъ, при наезде кгвалтовныхъ на маетности и домы шляхецкие, Андрея Волка, Себестияна Кгрушецкого, Нечецкого, Волского, Суского, яко принцыпаломъ, зо злого, непристойного и непобожного учинку ни-

жей описаного, також и противко всимъ тымъ наездникомъ, которые при наезде кгвалтовномъ на маетность ее милости панее Маршалковое, место Рожово были, а меновите: противко и жидомъ двомъ, въ маетности пана Миколая Харлинского мешкаючимъ, яко принцыпаломъ и инымъ всимъ, которыхъ всихъ имена, якие колвекъ ихъ назвиска, и напотомъ цале зоставуютъ, кгдыжъ на сесь часъ такъ въ часе рыхломъ о именахъ, прозвиска ихъ, выведатись не могло таковымъ способомъ, и о то, ижъ тотъ то, звышъ менованый, Ярошъ Сума, подъ претекстомъ якобы истя на службу Королевича Его Милости, до земли Московское, полкъ людей немалый съ тыми своими компринцыпалми зобравши, хороговъ приватомъ своволне роспростравши, крае, тутешние места, села и волости шляхецкие и духовные по розныхъ местцахъ ходечи, неприятелско праве пустошилъ и плендровалъ, а потомъ, дня двнадцатого месеца Августа, року теперешнего, тисеча шесть сотъ осмнадцатого, въ день светый неделный, выправивши впередъ передъ собою ркомо для даня стаци чоловека килканадцать, давши имъ раду и информацію, абы, такъ держачого на тотъ часъ тыи маетности, пана Велерияна Хрушлинского, яко и подданыхъ, мещанъ тамошнихъ о данье стации, албо якого подарку умовляли, и тымъ людей забавили. Чимъ бы снадь чатою, не одповедне и инсперате, сами вси они збойци, до места впасти и вбигти могли; якожъ тые, впродъ посланые, такъ учинили, яко имъ они росказали, не даючи знаку о зломъ и непристойномъ ихъ замысле, держачого, помененого пана Хрушлинского и людей всихъ причинами вышъ описаными забавяли, и забавили; а овъдей о томъ и неведали, же тотъ

Сума съ тыми своими помочниками и зо всимъ полкомъ, кгвалтовне до места зближати, и моцно добыватись почали, якожъ оному, въ томъ разе горачемъ, и меже люде (sic) убезпечони были, отпюру дати немогли, окронживши место съ килку сторонъ, до места се добывали, а добывшись, кромъ жадного милосердъя, на боязнь Божую, на милость близнего, на срокгость права посполитого и винъ въ немъ, противко таковымъ кгвалтовникомъ, наездникомъ и лупежцомъ добръ и маетностей шляхецкихъ описаные, ничого не огледаючись, людей подданыхъ тамошнихъ, до обороны се не маючихъ, тиранско и немилосердне стреляли, били, секли, на смертъ забияли, а утекаючихъ зъ места, у реце Здвижени, такъ музчизнъ, яко и белыхъ головъ и малыхъ детокъ много и безъ личу потопили, потомъ маетности ихъ вшелякие: кони быдло, овци, свини, въ дому и на полю будучие, также речи рухомые: сукманы и хусты музские и белоголовские, пенязи готовые и иные вшелякие побрали и полупили, надто и въ замочокъ впадши, оный зо всее маетности такъ того державчого, о што одъ него особливая протестацыя суть чинена, яко и некоторую маетность ее милости панее Маршалковое, способомъ лупу забрали и злупили, и тамъ въ замку чоловека килка на смерть забили, стрелбы ее милости панее Маршалковое: мушкетовъницъ шесть, гаковницъ пять, мушкетовъ сорокъ, пороху каменей осмъ, олову каменей чотыри, коштовало тое все пятсотъ золотыхъ Полскихъ, то все тое, такъ маетность подданыхъ державчого, яко и ее милости панее Маршалковое побравши, и полупивши, на майданъ на место зволочивши, межи себе розшарпали, домъ ее милости шляхецкий

правомъ посполитымъ обварованый, смертю забитыхъ окрвавили, и все тое мисто спустошили, сплендровали, и въ нивечъ обернули; такъ, ижъ южъ никгды направитись не можетъ, которая маетность, у подданыхъ лупомъ нобраная, на реестрехъ кождого подданого есть списана, и часу права на позвехъ будетъ менована, а при томъ сплюндрованю тое маетности места Рожова, подданыхъ тамошнихъ, душъ невинныхъ на смертъ забито: Федоренка, Васка, Отрешона, Рейка, Винника, Кузминыхъ сыновъ двохъ, Самсона Возного, Яна Миколаевского; въ воде, утекаючи, потонулые: Белко Павловичъ, грабаровъ сынъ, дѣвчинка малая; нсраненые: войтови тамошнему ухо правое оттято, Федорови руку оттято, Харкови руку утято, Васкови также руку утято, Онацкови руку утято, Коваловому сыну руку утято, Федка Шевца окрутне поранено, Данила Макарца поранено шкодливе. О которое таковое злупене, сплюндроване и знищене маетности тое, места Рожова позабияне душъ невинныхъ, съ тыми вышъ меноваными разбойниками, яко и зъ ихъ помочниками, где бы колвекъ, о которомъ толко доведатись могла. ее милость пани Маршалковая, правомъ чинить пезанехаетъ, просечи, абы тая протестация, именемъ ее милости учиненая, была до книгъ принята и записана; которая есть записана.

Книга гродская Кіевская въ Житомірѣ, 1617 года листъ 1204.

LXXII.

Приказъ Гетмана Конашевича Козакамъ, запрещающій имъ обижать монастырь Кіевскій Святаго Николы. 1619. Мая 13.

Петръ Конашевичъ, Гетманъ, зъ рыцерствомъ войска Его Королевское милости Запорожского.

Хомѣ Стасенку, Богтдану и Оношкови доброго здоровя. Его Милость Господинъ Отецъ Игуменъ монастыра Николы Светого Киевского ускаржалъсе перецъ нами, же вы своволне у кгрунты монастыра того на Савни, южъ отъ часу немалого зашедши, подданыхъ монастырскихъ порозганявши, кгрунтъ ихъ собе привлащили, и пожитки собе чините, а монастыръ укрывжаете; про то мы вамъ розказуемъ: абы людемъ духовнымъ и дому Божому ущербку у пожиткахъ ихъ не чинечи, албо тымъ Хрестияномъ, съ которыхъ бы они пожитокъ мѣли, на кгрунтехъ монастырскихъ селитисе допущали, а о собе про–

мышляли, албо тежъ чымъ колвекъ зъ кгрунтовъ тыхъ контентовали. И того постерегами, жебы нимъ болшей докуки отъ не ихъ (sic) не было. А съ тымъ васъ Господу Богу поручаю. Съ Терехтемирова. 13 мая, року 1619.

Подлинникъ сообщенъ Комиссіи Святѣйшимъ Синодомъ.

LXXIII.

Письмо неизвѣстнаго лица къ Козакамъ Запорожскимъ, представляющее имъ опасности, которымъ подвергается Рѣчь-посполитая, по причинѣ ихъ набѣговъ на Турцію и совѣтующее имъ отправляться на Московскую войну къ Королевичу Владиславу, если они не въ состояніи жить мирно (*).

Panowie mołoiczi Zaporosczi! zdrowia dobrego od Pana Boga życze wam.

Widziczie iusz y sami na oko, do iakich trudnosczi przichodzi y przisła iusz Rzecz pospolita, z waszei prziczіny, że panstwa Czesarza Tureczkiego naiezdzacze, za tem to idzie, ze Tatarowie naieżdzaią y pustoszą panstwa coronne, aby się była Perska nieziawiła, wszitkie syły swe obrocziłby był then smok okrutny na oiczizne naszą, ktorem syłom, chocz wielkie y moczne panstwa, żadne do tego czasu niewytrzimało. Przeto tedi dla

(*) Такъ какъ въ письмѣ этомъ упоминается походъ въ Москву Королевича Владислава, разореніе Татарами Покутья и Волыни и угрожавшая за тѣмъ опасность отъ Турокъ, т. е. событія, случившіяся 1618 г., то и письмо это должно отнести къ 1618 или 1619 годамъ. Число и подпись не сохранились въ подлинникѣ.

waszich marnych zdobyczi, słusznali tho, zeby się miała Rzecz pospolita w tak cięszką y niebespieczną woine zawodzicz, iestli w was czi baczenia krwie naszei, sami u siebie mozeczie uwazicz. Napominamy was tedi, abysczie takowych przyczyn niedawali poganstwu, ktorych mszcząc się poganie, iusz spustoszili wszitkie prawie panstwa Ukrainne: swiezo tak obfiti Wołinski kraj, Pokuczie; a wyli niezaniechaczie tych chadziek (sic) na morze, snacznieisze y srossze niebespieczenstwo obaliczie na Rzecz pospolitą. Więc my, że Jego Krolewska Mosc Pan nasz miłosczjwy wydał comisiią, y powierził to ludziom niektorym zacznem, comisarzom swoiem, żeby o sposobie ziczia waszego, iakobysczie mieli na Zaporozu o czem zatrzimacz, gdzisz Zaporoze nigdi niebyło y niebędzie bez ludzi, iedno w rzędzie i nakazem, nisli iako theras trzeba tam bydz, o zołdzie y o odziezy, o ziwnosczi rozmysli Jego Krolewska Miłosc dla tych, ktorzi tam będą mieli, na zwykłych miesczach przemieszkiwacz, a raczey rozeydzczie się s tich kup, a słuchayczie Jego Krolewskej Mosci Pana naszego miłosczywego y wszytkiey Rzeczy pospolitey. Nie ziczemy tego, y niemyslemy o tem, żeby nam miało przichodzicz do iakiego z wami gomonu, nie chczemy rozlewacz krwie waszey, kto chcze bydz posłuszen woley y roskazaniu Krola Jego M y wszitkiey Rzeczy pospolitey, y zachowacz się wedle tego iako Jego Krolewska Mośc roskazowacz raczi, niech zdrow mieszka w miastach i miasteczkach pod posłuszenstwem starszych, abo panow. Jesliby tesz kto się tak swowolny znalasł, żeby niechcział Krola Jego Mosczi y Rzeczy pospolitey bydz posłuszen, niech ze nam da pokoi, niech sobie gdzie indziei idzie s panstw Rzeczi po-

spolitey naszey, a gdze indziei szuka sobie chleba, wszak teraz iest do Moskwy ocaziia, lepiei iest tam się Krolewiczowi Jego Mosci zasługowacz, nisli tu s poganami się draznicz, pacta y przimierze postanowione, ktore corona ma z niemi gwałczecz. Czo, żeby kto z was miał o tem myslicz, swowolnie w panstwach Rzeczy pospolitey nad wolą, nad zakaz Krola Jego mosci y Rzeczy pospolitey zicz, to czierpieno żadną miarą bydz nie moze, ieden Bog iest na niebie, ieden naiasnieiszi Krul Pan nasz w coronie, inszi oprocz niego nie będzie rządził. Opowiadamy się tedi, iesliby się ktorzi raczi nalezli, ktorziby takiegosz swowolenstwa zaczinacz chczeli, roskazania Krola Jego Mosci y Rzeczy pospolitey niesłuchali, miał żeby nam iedno przeciwko takowem, iako nieprziiacziołom oyczizny, na zgubę, na skazę, na wyniscenie takowych pówstacz. I powtore prosiemy y napominamy was, żebysczie uwaziwszi u siebie tho pisanie .... a them więczey, czo na them wszitkiey Rzeczy pospolitey nalezi, żebysczie się s tych kup rozesli, a woley y roskazaniu Krola Jego Mosci Pana naszego miłosciwego posłusni byli.

Jego Mość pan Hetman coronny za roskazaniem Krola Jego M. idzie y sam w Kiiowski krai, żeby, według zleczenia y roskazania Krola Jego Mosci, Ukraine w porządek wprawił, przeto tedi chczieyczie Jego M. pana Hetmana powazicz, ktori osobe Jego Krolewskie Mosci na siebie ponosi.

Изъ Заславскаго Архива Князя Сангушки.

LXXIV.

Условія, на которыхъ Митрополитъ Іовъ Борецкій и Гетманъ Олиферъ Голубъ, передаютъ Львовскому Братству, какъ душеприкащики Гетмана Конашевича, отказанный послѣднимъ, въ пользу школъ Львовскаго Братства, капиталъ. 1622. іюня 24.

Я, Іовъ Борѣцкий, милостию Божиею Митрополитъ Киевский, Галицкий и всея Росия, (sic) вesполъ и Олиферъ Остаповичъ Голубъ, Гетманъ зо всѣмъ товариствомъ войска Его Королевской милости Запорозского.

Вѣдомо чинимъ кому то належати можетъ, нинѣшнего и напотомъ будучого вѣку людемъ, ижъ мы: Іовъ Борецкий, милостию Божиею Архиепископъ, Митрополитъ Киевский, Галицкий и всея Росии вesполъ изъ паномъ Олиферомъ, Гетманомъ и всѣмъ рицерствомъ войска Его Королевское милости Запорозского: за волею Бога вседержителя, въ року теперъ идучомъ, тисеча шестъ сотъ двадцат второмъ, месеца априля пятого дня, отъ вечное памяти и славы несмертельное годного Гетмана войска Его Королевское милости Запорозского, мужа Християнскихъ цнотъ и милостинъ полного, пана Петра Конашевича Сагаидачного, при доброй памяти, и здоровомъ умысле,

въ хоробе его будучи обраны отъ него самого жонѣ и повиннымъ его опекунами и всее худобы и маетности ведле уподобаня и остатнее воли его, которую въ духовницы остатнимъ тестаментомъ запечатовалъ и спорядити велѣлъ, шафарми и вѣрными деспозиторми тисячей полторы золотыхъ, которыхъ онъ на школу братъства Лвовского, на науку и на цвичене дѣтокъ Християнскихъ, при церкви Успения Пресвятыя Богородицы, на выхованье бакаларовъ учоныхъ лекговалъ, и вѣчными лѣты, на пожитокъ ихъ офѣровалъ, таковымъ способомъ паномъ братиямъ братства церковного храма Успения Пресвятыя Богородицы, въ мѣсте Лвовѣ, якъ намъ повѣрено и полецено, повѣраемъ и повѣрилисмо, полецаемъ и полецылисмо, по нихъ самыхъ и по ихъ потомкахъ, братияхъ братства реченого, непрерваными часы мѣти то хотячи, абы зъ тыхъ полтори тисечи золотыхъ, на кождый рокъ, на выхованье учоного майстра, въ Греческомъ языку бѣглого, церкви Божой и дѣткамъ Християнскимъ народу Росийскому потребного, золотыхъ полтораста пожитку прирастати могло, и то нигде инъдей, тылко на науку, оборочано было. А тые полторы тисечи золотыхъ, абы николи не убывали, ани уменьшали. Зъ чого ихъ милость панове братия, отъ початку тое фунъдацыи нашое, отъ року тисеча шестъ сотъ двадцать второго, месеца июня двадцать четвертого дня, отъ дня Рожества Святого славного Пророка и Предтечи Іоанна, за засланьемъ отъ мене, любъ отъ потомка моего, Митрополита Православного Киевъского и отъ насъ Гетмана и потомка моего и всего рицерства войска Его Королевское милости Запорозского посланика, маютъ и повинни будуть за всѣ, хоть на долшие лѣта,

зъ прыростку на каждый рокъ, зъ росходу на учителей школныхъ зъ полторусетъ золотыхъ, рахунокъ пристойный и личбу чинити; а тую головную суму: полтори тисечи золотыхъ, на мѣсцу и въ пожитку певномъ презъ вѣры годное свѣдоцтво цало указати. Абы тая фундацыя того, всякое чти и памети вѣчное годного мужа, пана Петра Конашевича Сагайдачного, зъ заслугъ всего рыцерства, войска Его Королевское милости Запорозского, черезъ мене, Іова Борецкого, Митрополита Православнаго Кіевского учинéвая, на школу, албо рачей на дыдаскаловъ, за чимъ бы въ школе той братской всегодне, непрерване наука трвати могла, вѣчными и потомными часы не нищала ани уставала, обовезуючи въ томъ помененыхъ братий братства церковного Лвовского, если бы въ томъ значного страранья чинитъ не хотѣли; я зъ части моее духовничое, митрополитанское страшнымъ Христа Бога моего именемъ и грознымъ а справедливымъ, неублаганымъ на недбалыхъ злыхъ дѣлателей вседержителя судомъ, а зъ части войска Его Королевской Милости Запорозского, еслибы якое недбальство около наукъ по ихъ милостяхъ панахъ братияхъ, которого часу пошляковано, и пристойне показано было, кромъ всякого позву и переводу правного, шкодою и зарукою другихъ таковыхъ полтори тисечи золотыхъ, которыхъ они, заплативьши и до тое сумы приложивьши, южъ совитый отъ трохъ тисечей пожитокъ, трыста золотыхъ до школы, што годъ, чинити повинни будутъ, намней неотступаючи отъ повинности своее; въ чомъ и повторе, еслибы тоежъ недбалство въ оныхъ найдовалось, а пилности около школьныхъ наукъ пристойне показатись не мѣло, знову, въ со-

витость всѣхъ трохъ тисечей, до шести тисечей золотыхъ въ школы, въ ровне совитый на кождый рокъ шесть сотъ золотыхъ прыробокъ и въ неотречную около школы наукъ учтивыхъ, пилность, подпадати маютъ, и повинни будутъ; и такъ кромѣ всякое вымовы, сами собою, худобою зъ потомками во всѣ потомные вѣки, всѣ братия братства церковного, храма Пречистое Богородицы, Леополите около помноженья учтивыхъ наукъ, въ школѣ братской, въ мѣсте Лвове старатись, працовати и промыслъ вшелякий чинити, подъ вышъ описаною обликгацыею и кондыциями, яко спасение свое и народу, и дѣтокъ своихъ, и Церкве Христовы помноженье милуючи, вѣчно и неотмѣнно весполъ и зъ нами маютъ и повинни будутъ; и на томъ, тую вѣчную войска Его Королевское милости Запорозского фундацыю укгрунтовавши, и тымъ братиямъ, братства церковного Лвовъского въ руки подавши, тую помененую суму полтори тисячи золотыхъ, через посланниковъ умоцованыхъ ихъ милостей и братю братства Лвовскаго, пана Григоря Рушновича Романовича и пана Павла Михайловича уиставши, при печати нашой митрополской, руками своими подписуемъ. Въ монастыри Михайловскомъ, церкве золотоверхое, въ Киеве, дня 24 июня месеца, 1622 року отъ Христа, а отъ створеня свѣта 7130, индикта пятого. Іовъ Борецкий митрополитъ Киевский, рукою власною т. р. (МП). Олиферъ Остаповичъ Голубъ, гетманъ войска Его Королевской милости Запорозского съ товариши (МП). Ларионъ писаръ.

Актъ, сообщенный Коммиссіи Діонисіемъ Зубрицкимъ, изъ Архива Львовскаго Братства

LXXV.

Королевскій приповедный листъ, выданный Ротмистру Яну Бокіеви Печихвостскому, поручающій ему навербовать роту Козаковъ въ службу Королевскую 1622. Іюля 25.

Року тисеча шестсотъ двадцать второго, месеца Августа одинадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ, буркграбимъ присяглымъ и наместникомъ подстароства Луцкого, ставъши очевисто урожоный Его Милость, панъ Янъ Бокий Печихвостский, Ротмистръ Его Королевское Милости, для вписаня въ книги нинешъние кгродские Луцъкие, подалъ перъ облятамъ листъ Его Королевское Милости приповедный, съ подъписомъ руки Короля Его Милости и съ печатъю притисненою коронъною меншое канъцелярии, помененому Его Милости, пану Бокиеви, на затягненъе роты козацкое коней ста, даный, о чомъ тотъ листъ приповедный ширей светчитъ, просечи, абы принятъ и до книгъ нинешънихъ уписанъ былъ, а такъ я, врядъ, тотъ

листъ Его Королевское Милости, для вписанъя до книгъ приймуючи, читаломъ, и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ писаный, маетъ: Zygmunt trzeci z łaski Bożey Król Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudskie, Inflanskie y Szwedsky, Gotsky, Wandalski dziedziczny Król. Urodzonemu Janowi Bokiiowi Pieczychwoskiemu, wiernie nam miłemu łaskę naszą Królewską. Urodzony, wiernie nam miły! Chcąc, dla wszelakich na rzecz pospolitą przypadkow, woysko w służbie zatrzymac, a maiąc dobrze zaleconą chęc y ochotę wiernosci twey do służb naszych y rzeczi pospolitey, więc y biegłosc w dziele rycerskim, przypowiadamy wiernosci twey służbę tym listem naszym, rotę kozacką na koni sto, naznaczaiąc żołdu: na każdego towarzysza po dwadziestu złotych, a na kuchnią wiernosci twey taką płaco, iako moi rotmistrze kozacci brac będą, a czas służby tak wiernosci twey, iako y towarzystwu wiernosci twey poczynac sie ma od podpisu, przed pisarzem polnym albo namiesnikiem iego uczynionego, ktoremu imiona y przezwiska wszytkiego towarzystwa oddac, a ten list przypowiedny, podług ustawy przeszłego seymu, w blizkim tego mieysca grodzie, gdzie tę rotę zbierac będziesz, acticowac wiernosc twoia powinien będziesz. Przestrzeżesz y tego wiernosc twoia, abys tę rothę, z ludzi cwiczonych, y iako naywięcey w służbie przed tym bywałych, sposobił, żeby kożdy towarzysz y pacholik iego miał kon dobry y w rynsztunek woienny, porządnemu kozakowi należący, mianowicie: troygiem strzelby dobrze był opatrzony, y w takim porządtku, żeby sie s tą rotą na czas y mieysce, które od starszego od nas naznaczonego ukazane będzie, stawił, a potym, gdzie potrzeba

rzeczy pospolitey ukaże, prędkoscią y posłuszenstwem popisował sie; w ciągnieniu y stanowiskach ludzi nie uciązaiąc, staciey y innych podatkow nie wyciągaiąc, ani sie na leżach bawiąc, we wszytkim tak sie pospołu s towarzystwem zachowywał, iako powinnosc dobrego żołnierza miec chce, y constytutia o porządku żołnierskim uczyniona niesie, w czym wszytkim, nie wątpiemy, że wiernosc twoia, maiąc przed oczyma sławę dobrą y powinnosc rycerską, a buntow sie wszelakich strzegąc, tak sie czułoscią, skromnoscią, mężtwem, posłuszenstwem y prędkoscią na teraznieyszey służbie rzeczy pospolitey popisować będziesz, pospołu s towarzystwem swym, iako bys na sławę dobrą y łaskę naszą zarobił, ktorą w podawaiącich sie okaziach y wiernosc twoia y towarzystwo wiernosci twoiey znac będzie Dan w Warszawie, dnia dwudziestego Piątego, miesiąca lipca, roku Panskiego MDCXXII, panowania królewstw naszych: Polskiego XXXV, a Szwedskiego XXVIII roku. У того листу Его Королевское Милости печать притисненая менъшое канъцелярыи, а подъписъ рукъ Его Королевское Милости и писаръское тыми словы: Sigismundus rex. Petrus Gębicky Secretarius Regni. Который же то листъ, за поданъемъ и прозбою помененое особы, а за принятъемъ моимъ урядовымъ увесъ, съ початку, ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1622 года, № 21, листъ 683 на оборотъ.

LXXVI.

Рѣшеніе Люблинскаго Трибунала, осуждающее на инфамію Козаковъ Жилинскаго и Деружинскаго, за то, что они, съ помощію другихъ Козаковъ, напали на домъ шляхтича Германа Трипольскаго, имущество его разграбили и слугу его, взявши въ плѣнъ, истязаньями принудили сдѣлать ложныя показанія на своего господина, на основаніи которыхъ они оклеветали послѣдняго въ Кіевскомъ градскомъ судѣ, и потомъ, позванные въ Трибуналъ, на означенный срокъ въ судъ не явились. 1624. Іюля 31.

Року тисеча шестъ сотъ двадцать четвертого, мѣсяца Іюля тридцат первого дня.

Передъ судъ нинешъній, головъный, трибуналскій, Коронный, Любелскій приточиласе справа, зъ реестру судового, за приволанъемъ Возного, Станислава Румъля, межи урожонымъ паномъ Германомъ Федоровичомъ Триполскимъ, поводомъ, а шляхетъными Михайломъ Жилинскимъ и Федоромъ Деружинскимъ, Козаками войска Запорозского, позваными, за позвомъ головънымъ трибуналскимъ, одъ повода по позваныхъ, на терминъ теперешънего Воеводства Киевъского выданымъ; теды, постановивъшисе

очевисто у суду поводъ, самъ позваныхъ, презъ Возъного вышъменованого, по три дни трикротъ, ку праву приволывать давалъ, которые, ижъ се не отозвали и до права не становили, теды оныхъ, яко несталыхъ, права посполитого непослушъныхъ и спротивъныхъ, менованьй поводъ, зъ допусченя судового, на упадъ въ зыску речы, въ позъве мконованое и въ вине инфамии, зъ волнымъ однакъ тое справе арешътомъ до зыклое годины, вздалъ на позовъ, который такъ се въ собе маетъ: Жыкгимонтъ третій, Божю Милостю Королъ Полскій, Великій Князь Литовъскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Инфляитскій, Шведскій, Кготскій, Вандалскій дедичъный Король, вамъ Михайлу Жилинскому и Федору Деружинскому, якосе сами зовете, Козакомъ войска Запорозского, зъ особъ и зо въсихъ добръ вашыхъ, лежачихъ и рухомыхъ, приказуемо, абысте передъ судомъ нашимъ головънымъ, трибуналскимъ, коронънымъ, любелскимъ въ Люблине, въ тотъ часъ, кгды справы Воеводства Киевъского, порядкомъ инъшыхъ коронныхъ воеводствъ, въ року теперешнемъ, тисеча шесть сотъ двадцать четвертомъ, припадутъ, и на ратушу любелскомъ сужаны и отъправованы будутъ, и тая справа, зъ реестру судового, припадетъ и приволана будетъ, сами обличъне и завите стали, на жалобу и правный поступокъ урожоного Германа Федоровича Трипольского скутечъне усправедливили, который, прихиляючысь до конституцій сеймовыхъ, о збытечныхъ и своволныхъ жолнерахъ и о иншыхъ вшелякихъ своволныхъ купахъ людей уфаленыхъ, на верность вашу жалуетъ, и симъ позвомъ позываетъ о то, ижъ вы, зневажаючы зверхность нашу и право посполитое и ничого не дбаючи на вины правъные, на такихъ

своволныхъ описаные, взрушаючи покой посполитый, которымъ кождый чоловекъ есть объварованый, въ дому своемъ, року недавно прошълого, тисеча шесть сотъ двадцать третего, мѣсяца Октебра деветънадцатого дня, зобравъшы и способивъшы верность ваша людей люзныхъ, Козаковъ своволныхъ, зъ Стаекъ и зо Ржищева, зъ Обухова и съ Трыполя до петисотъ чоловика, имены и назвиски вамъ добре зънаемыхъ, зъ оружъемъ розмаитымъ, до войны належачимъ, зъ мушъкеты. съ пулгаки, зъ осчипы, зъ шаблями, съ чеканами, съ которыми въсими нашъли есте моцно кгвалтомъ на домъ власный поводовъ, у маетъности его, въ местечъку Триполю будучый, тамже, заставшы повода убезпечоного, напродъ бунтъ и окрикъ страшливый, неприятелскій учынивъшы, словы шкарадными, обелжывъшы, взять и утопити порываючисе, безъ даня жадное слушъное прычины, а потомъ, занехавъшы самого повода, до челяди и слугъ его скочывъшы, которые видечы быть такій кгвалтъ, розно розбеглисе, толко одинъ челядникъ поводовъ, шляхтичъ уцтивый Петръ Соловицкій при немъ, яко пану своемъ зосталъ, уфаючи цале невинности своей, которого вы, принципалове, Михайло Жылинскій и Федоръ Деружинскій, невинне поймавъшы съ тыми всими помочъниками своими, тутъ же, передъ очыма пана его, а повода теперешънего, чеканами и обухами збивъшы и обелживъши окрутъне и нелютостиве, звежавъши стричъкомъ, зъ собою повели, и, мало на томъ маючы, ты Михайло Жилинскій взялесь его въ домъ свой, тамъ же, маючи его, собе по воли замъкнувъшы у пивницу, въ земли будучой, паствилессе надъ нимъ, муки розные ему задаючы, свечами и огънемъ, желизомъ роспаленымъ палечы, а

притомъ указуючы: видишь, же твой панъ тоби тутъ ничого не поможетъ, хочешь ли тыхъ мукъ зъбыть, а волностей нашихъ козацкихъ ужывать, признай же се до злодейства, жесмо тебе на той роботе поймали, и пана своего поволай, жесь то зъ росказаня его учинилъ, и ему въсе оддавалъ; а мы тебе за товариша прыймемъ, же тоби панъ твой ничого не въчынитъ, который то Соловицкій, зъ мукъ великихъ, яко его научили, ляда што блюзнилъ, сподеваючысе за то мукъ збыть и жывъ зостать, тамже, его приведшы до Киева, передъ урядомъ кгродскимъ местъцкимъ, тоежъ сознавать казали; а потомъ и на квестии зъ декрету урядового вишали и заразъ одтяли и пустили яко се обецали, и тыми въсими злыми, фортельными, поступъками своими, повода невинного шкарадне обелжывъши, зълое славы набавили, и до книгъ кгродскихъ киевъскихъ и местъскихъ шкарадне намалевавъшы, а за тымъ моцно кгвалтомъ на домъ его нашедъшы, домъ и въсю маетъность его злупили, и подданыхъ его, кони, быдло въсе забрали и злупили, на десетъ тисечей золотыхъ полскихъ, о чомъ протестация и объдукъцие Возныхъ шырей сведчатъ, а такъ поводъ, велце укривжоный, ошарпаный, обелжоный и ошкаражоный одъ васъ Михайле Жилинъскій и Федоре Дѣружинскій, хотечы то зъ себе правъне знести, а за тотъ вашъ зълый и своволный поступокъ, винъ правныхъ позыскати, до которыхъ на васъ показаня и ростягненъя на горлахъ вашихъ и до зънесенъя тыхъ всихъ калумъній, поводъ тымъ позвомъ позываетъ васъ и припозываетъ, яко то все вамъ на пришъломъ термине, шырей словъне и доводы правъными оказано, и убяснено будетъ, которого термину, абысте

пилповали и правъне одповедали. Писанъ у Киеве, року тисеча шесть сотъ двадцать четвертого, мѣсяца Марца осмого дня, которого вданя и въпозваные будучы, о године звыклой до арешту тое справы, презъ тогожъ Возного прыволывани, не арештовали и арештовати нехотели, а пророчоный поводъ долшого поступъку правъного, въ той справе домовялсе на позваныхъ, про то судъ нинешъній, головъный, трибуналскій, за нестанемъ позваныхъ, а за попартъемъ и правъными поступъками стороны поводовое, прихиляючись въ томъ до права посполитого, въ далшомъ тое справы поступъку, въ способъ зыску, калумнію презъ позваныхъ неслушъне въ невинности поводовое до актъ кгродскихъ и актъ местскихъ Киевъскихъ въпесеную, судъ нинешъній кассуетъ и въ нивечъ оборочаетъ, которая то калумниа поводови ани его гонорови жаднымъ способомъ, у вшелякого права суду и уряду, и на вшелякомъ инъшомъ местъцу шкодити не маетъ и перешкодою жадною справъ его бути не можетъ, часы вечными, моцъю декрету нинешнего. А, ижъ се позваные важыли повода, шляхътича поцтивого, таковою своею калумниею неслушъною до книгъ инкгросовати и уцтивость оного зелжити, теды судъ нинешъній, за таковый ихъ выступокъ, вины правъные, то есть горловые на позваныхъ въсказуетъ и присужаетъ, а, ижъ се позваные до караня на горле не становили, теды судъ нинешъній на нихъ вину инфамии въсказуетъ, и до публикации тое инъфамии поводови Возъного трибуналского, при суде будучого, шляхетъного Станислава Румъля прыдаетъ, который то Возный, съ придания и роскозаня суду нинешънего, тую инфамию на позваныхъ, тутъ на ратушу любелскомъ, при бытности велю людей зацныхъ,

зъ розныхъ воеводствъ згромажоныхъ, у суду справъ своихъ пилнуючыхъ, голосомъ вынеслымъ объволалъ и публиковалъ, приводечы то въсимъ до ведомости, абы съ пречеными позваными: Михайломъ Жилинскимъ и Федоромъ Деружинскимъ, яко инфамиоваными и правомъ перекопаными, жадного сполу ани объцованя не мели, рады и помочы имъ ни въ чомъ не додавали, въ домахъ и маетъностяхъ своихъ не переховывали, але се зъ ними, яко цти одсужоными, со въсемъ водле срокгости правъное заховали, подъ винами, въ праве посполитомъ описаными, о чомъ тотъ Возный, ижъ тую инфамию на позваныхъ объволалъ и публиковалъ, передъ судомъ нинешнимъ очевисто ставъшы, реляцию свою учынилъ и сознал, по которомъ то объволаню и публикованю на позваныхъ оное вины инфамии, судъ нинешънїй головъный, трибуналскїй тую справу, на моцъю екъзекуцию, то есть для выконанъя на нихъ въсего поступъку правъного, до уряду кгродского Киевъского и инъшыхъ вшелякихъ урядовъ, где бы одно позваные бытомъ перемышъкивали и пристигънение были, отъсылаетъ, который то урядъ кгродскїй Киевъскїй и иншый вшелякїй, за реквированемъ стороны поводовое и оказанъемъ декрету нинешънего, екъзекуцию скутечъную, моцъную и неотвологъную на добрахъ вшелякихъ, лежачыхъ и рухомыхъ, и на власныхъ особахъ ихъ учынити и выконати маетъ и будетъ повиненъ подъ винами, въ праве посполитомъ описаными, што въсе для памети до книгъ головныхъ трибуналскихъ есть записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, Воеводства Кіевскаго. 1624 года, № 12 стр. 1823.

LXXVII.

Сознаніе Возного о томъ, что онъ позвалъ въ судъ Геліяша Булгака и помощниковъ его, слугъ Епископа Луцкаго, напавшихъ и ограбившихъ въ предъидущемъ году съ свовольною купою имѣнія Князей Козиковъ. 1625. Апрѣля 5.

Року тисеча шестъ сотъ двадцатъ пятого, месеца Априля пятого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Володимерскихъ, месеца Марьца двадцатъ семого дня, въ року теперешнемъ, вышъ мененованомъ припалыхъ, и судитисе початыхъ, передъ нами Самуелемъ Туробойскимъ, подъстаростимъ, а Адамомъ Сокольницъкимъ, судъею, урядниками судовыми, кгродскими, Володимеръскими, становъши очевисто шляхетъный Федоръ Мойсеевичъ, Возный земскій енералъ воеводства Волынъского, урядови пинешнему добре знаемый, для записанъя до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Володимеръскихъ явне и доброволне зозналъ, ижъ року прошълого, тисеча шестъ сотъ двадъцатъ четверътого, месеца Декабря деветнадцатого дня, за приданъемъ урядовымъ,

маючи при собе шляхту, шляхетныхъ пановъ: Юръя Чаръновъского, а Владыслава Светицъкого, сторону людей добрыхъ, собе до нижей менованое речи и справы, для болшого се сведецъства и вери ужитыхъ и приспособъленыхъ, на справе и потребе урожоныхъ ихъ милостей: Кнежъны Баръбари съ Порицъка, Кнегини Анъдреевое Козечиное и Князей Вацълава и Петра, братъи рожоное, Князей Козековъ, дидичовъ и деръжачихъ маетности села Замличъ, будучи за жаданъемъ и реквизициею ихъ милости, до превелебного въ Пану Богу Его Милости, пана и отца Еремияша Почаповъского, зъ ласки Божое Екзархи, Епископа Луцъкого и Острозского, до маетъности Его Милости села и двора Фалимичъ, тутъ въ повете Володимерскомъ лежачого, ездилъ, и тамъ въ томъ дворе Фалимицъкомъ, самого Его Милости отца Епископа очевисто заставъши, у него урожоного пана Гелияша Булъгака, яко се быти удавалъ, яко своволъного, купы розные оружъемъ уаръмоваше, правомъ посполитымъ заказаные, по добрахъ шляхецькихъ приватъне водячого принцыпала, и шляхетъныхъ Федора Суету, Ивана Дзержановского, Ивана Зюлковского, Ивана Ломейковича, Бартломея Яроцкого, Клима Остаповича, Дацка Кудиновича, Грицъка Красуцъкого, яко помочниковъ менованого Булгака, неоселыхъ и безъ службы, своволне въ купе, правомъ посполитымъ забороненой передъ тымъ, а на тотъ часъ при Его Милости Отцу Епископе Луцкомъ бавячихъ се, и перемешкиваючихъ и очевисте при Его Милости Отцу Епископе подъ тотъ часъ, вышей менованый, будучихъ, до росправы зъ ними през ихъ милость Кнегиню Козечиную и Князей Козековъ за кгвалтовное и своволное черезъ менова-

ныхъ особъ зъ немалою купою людей арматныхъ, конъныхъ и пешихъ, бубънами, хоругвями въ року прошломъ, тисеча шестъ сотъ двадцатъ четвертомъ, месеца Листопада четвертого дня, съ понеделъку на вовторокъ въ ночи, праве въ первоспы на ма тъность ихъ милости село Замличи нападненъе и подданыхъ, въ той маетности мешкаючихъ, побитъе, посеченъе и пошарпанъе и розныхъ речей имъ зъ гуменъ, коморъ и скринъ, способомъ праве неприятелъскиъ побранъе и пошарпанъе, моцъю уряду своего возновъского, урядовне въ десяти тисечахъ золотыхъ Полскихъ арестовалъ и припоручилъ, который арестъ и припорученъе таковое Его Милость, Отецъ Епископъ, поведаючи же то все суть слуги его, доброволне принялъ, а онъ, возный, таковое принятъе менованого аресту, шляхтою, при немъ на тотъ часъ будучою, вышей менованою, осветчивши, зъ тамътолъ прочъ одъехалъ и таковую реляцию заразомъ до книгъ зознати былъ готовъ, але же его въ томъ сторона заразъ зознанъе оное не реквировала, а потомъ засъ за хоробою своею, до того хоруючи черезъ неделъ колконадъцатъ, прийти не моглъ, ажъ донюро, пришедши трохи до лепшого здоровъя, то все, такъ власне и повторе правдиве быти признавши, просилъ, абы его таковое очевистое и доброволное зознанъе принято и до книгъ нинешнихъ записано было. Которое есть принято и записано.

Книга гродская Владимірская, 1625 года, № 26, листъ 543.

LXXVIII.

Условія сдѣлки, заключенной на урочищѣ Медвежьихъ Лозахъ между Козаками съ одной, Коронным Гетманомъ Конецпольскимъ и другими Польскими Коммисарами съ другой стороны. При этомъ прилагается присяга, къ которой приведены были Козаки на урочищѣ Куруковѣ. 1625. Ноября 6.

My: Stanisław na Koniecpolu Koniecpolski, Sendomirski, Hetman Polny Coronny, Wileński, Barski, Kowelski; Tomasz na Zamosciu Zamoyski, Kijowski, Knyszynski; Jan z Turowa Daniłowicz, Ziem Ruskich, Buzki, Korsunski, Czechryński — Wojewodowie; Hawriło Hoski, Kijowski; Maciey Lesniowski, Bełski, Kaniowski Rakiborski; Marcin Kazanowski, Halicki, Bohusławski—Kasztellanowie; Stanisław z Potoka Potocki, Podolski; Stephan Niemiericz, Kijowski— Podkomorzowie; Jakob Sobieski, Krasnostawski; Alexander Bałaban, Trembowelski, Rohatyński; Adam Kalinowski, Bracławski, Winnicki; Konstanty Korybut Wiszniowiecki; Jerzy z Ostroga Zasławski—Xiązęta; Janusz Tyszkiewicz; Mikołay z Potoka Potocki, Wojewodzic Bracławski; Tomasz Skliński, Zygwielski; Teodor Jelec, Chorąży; Filon Strybel, Czesnik Kijowski; Jan Bielecki Starostowie: od Jego Królewskiey Mosci y Rzpltey, do

wprawienia w przystoyny porządek Woyska Zaporozskiego y do opowiedzenia im Woley J. K. M. y Rzpltey, Commissarze naznaczeni.

Oznaymuiemy: iż, Czyniąc dosyć poruczeniu Rzeczy pospolitey y powinnośći, ktorośmy na się wzieli, szukaliśmy wszystkich sposobow, ktore nam czas y occasia podawała, aby się było intencyey y potrzebie Rzpltey jako naybardziey dogodzić mogło, z iak naymnieyszym Rzpltey zawodem y krwie rozlaniem. Do czego z miłośći Naszey y wiary powinney ku Rzpltey nie tylko pracę, ale y odwagi zdrowia nie żałowaliśmy, y, za Bożą pomocą y zgodą nas wszystkich, do takiego rządu y posłuszeństwa Woysko J. K. M. Zaporozskie przywiedliśmy.

NAYWPRZOD.

Iż Naybardziey Rzpltą obchodziło y obchodzić słusznie miało chodzenie ich z Panstw Rzpltey na Morze, nad wyraźny zakaz Rzpltey, także zbrodnie w Miastach JKMsci popełnione. Te, iż przez szablę za nastąpieniem Woyska Coronnego, znacznie są pokarane: tym, ktorych szczęscie y wola Boża od tey kazni zasłoniła, iż y ostatek krwie swoiey, przy ktorey Rzplta ich zostawiła, na odwagę y usługę Rzpltey ofiaruią y obowiązuią, cale imieniem J. K. M. y Rzpltey odpuszczamy: tak że ani tym, ktorzy w służbie J. K. M. zostaną, ani tym, ktorzy do obeyśćia swego według woli J. K. M. wrocą się spokoynie, szkodzić to na potym niema; byle ieno Starostom y Urzędom swym na potym powinne poszanowanie y posłuszeństwo oddawali, y w żadne

jurisdictie, pożytki, y urzędy się nie wdawali. Widząc przytym rzecz przystoyną, aby woysko Zaporożskie, z Poddanych J. K. M. zebrane będąc, głowę albo Starszego, iako dawnych czasów bywało, z ramienia J. K. M. albo Ich Mmć Panow Hetmanów Coronnych, za wiadomośćią JKMci miewało: tedy, maiąc moc od J. K. M. y Rzpltey sobie zleconą Jasnie Wielmoznemu JM. Panu Woiewodzie Sędomirskiemu Hetmanowi Polnemu Koronnemu etc; za wiadomośćią nas wszystkich, za obraniem ich z posrzodka ich że samych, podał im za Starszego Pana Michała Doroszenka; y na potym tylko temu Starszemu, ktorego J. K. M. y następuiący Krolowie Polscy, Panowie nasi, przez Hetmanow Koronnych z posrzodka ich że samych obranego, podawać będą, posłuszni bydź maią. A ieżeliby powinnosci swoiey dosyć nie czynił, tedy skargę nań przed J. K. Mcią y Hetmany Koronnemi przełożyć, y o inszego z pośrzodku ich podanie, pokornie prosić maią. Toż y po zeysciu każdego Starszego uczynić będą powinni. Jeżeliby iednak w wielkiey odległośći woysko było od J. K. M. y Hetmanow Koronnych, tedy mogą obrać po smierci między sobą, Starszego dla zatrzymania rządu Woyskowego; do tego czasu, aż im K. J. M. przez Hetmana Koronnego, z posrodku ich obranego, poda. Przysięgę iako ten teraznieyszy Starszy J. P. Hetmanowi, przy bytnośći Ich Mmć Panow Commissarzow, oddał, y inszy napotem będący, takowąż, przed zesłanemi od Hetmanow Koronnych osobami, wykonać maią. Ktora iest temi słowy: *Ja, Michał Doroszenko*, przysięgam Panu Bogu wszechmogącemu, w Troicy S. jedynemu, iż Nayiasnieyszemu Krolowi Polskiemu, Zygmuntowi trzeciemu y iego Następcom y Rzpltey, Koronie Polskiey, na tem Urzędzie moim

do woley y łaski J. K. M. będąc, we wszystkim całą wiarę y posłuszeństwo zachowywać będę, przestrzegaiąc we wszystkiem rozkazania J. K. M. y Rzpltey, hamuiąc wszelakę swowolą y nieposłuszeństwo, a mianowicie: źe ani sam, ani przez insze iakie osoby, przeciwko Cessarzowi Tureckiemu, ziemią ani Morzem (oprocz rozkazania J. K. M. y Rzpltey) chodzić ani wojować nie mam. Owszem, iesliby to chciał z woyska mnie zwierzonego lub kto kolwiek inszy uczynić, a iabym o tym wiedział, tedy K. J. M. y Hetmanow Koronnych ostrzegać mam, y sam się przeciwko takim stawić będę powinien. Na żadne też kupy ani Ochotnika, ani tych wypisanych wołać y kupić bez woley J. K. M. y Rzpltey nie będę; y owszem takich karać według powinnośći swoiey powinien będę. Także też wszystkim Conditiom w naymnieyszym punkcie, ktore pismem na Niedzwiedzich Łozach od Ich Mmć PP. Commissarzow są mianowane, ze wszystkim Towarzystwem moim będę dosyć czynił. A iż J. K. Mość dla lepszego porządku o liczbie ich wiedzieć chce, y iako naywiększy plac zasłużonym w woysku uczynić y do służb Rzpltey sposobnieyszemi; zlecił to, aby spisek porządny woyska wszystkiego, y wiele w którym mieśćie J. K. M. ma ich przemieszkiwać, był uczyniony; tedy, aby tym łacniey y sposobniey w domach swych to uczynili, do czego nam łatwieysze srodki, niżbysię to tu, na tym mieyscu stać mogło, pokazali, od dnia 6 Listopada, aż do dnia 18 Grudnia, w teraznieyszym Roku, wedle nowego Kalendarza, to iest, w szesciu niedzielach zupełnych, czas im naznaczamy, aby się wszyscy w liczbie szesciu tysięcy zawarli; spisawszy porządnie w Regestra iako wiele w którym Starostwie mieszkać ich będzie, ktore

Regestra lub J. M. P H. Koronnemu lub PP. Commissarzom do tey sprawy naznaczonym oddadzą, a z tamtąd do skarbu Coronnego oddane, z skarbu zaś do PP. Starostow wyimowane, a na potym każdemu Staroscie successive przy inwentarzach pooddawane będą. A tym, którzy zostaną wypisani, szkodzić to nie będzie; y karać ich Podstarośćiowie nie maią, ze w woysku Zaporozskim byli; ktorą liczbę sześć tysięcy woyska powagą J. K. M. y Rzpltey, na każdą usługę Rzpltey zachowuiemy, y służbę Imieniem Rzpltey przypowiadamy, tak, iż liczba ta szesć tysięcy, ktorzy będą w Regestrze wpisani, wszyscy ogułem y każdy z osobna wolnośći y Praw od Królów Ich Mmci Polskich y od J. K. Mosci, szczęsliwie nam Panuiącego, nadanych, tak, iako przed tym zazywali, zazywać będą; także wolno im będzie zazywać przystoynego pożywienia, iako: Handlow, Łowienia Ryb y zwierza; tym iednak sposobem, aby żadney pożytkom Starośćiem nie czynili przeszkody, y jazow y uchodow, do Starostw zdawna należących, zaniechali.

Na ktore woysko Żołdu dorocznego na Swięto S. Illia Ruskiego złotych, sześćdziesiąt tysięcy Polskich, które w Kijowie, w miescie J. K. M. odbierać będą, a osobno, przychęcaiąc ich do służby J. K. M. y Rzpltey, iżby tym pilniey Urzędow y powinnośći swoiey przestrzegali; Starszym jurgielty takie naznaczamy: Starszemu nad wszystkim woyskiem—złotych szesć set rocznego jurgieltu, a Oboznemu—złotych sto, Pisarzowi złotych sto, Assaułom dwom—po złotych 150. Asaułom Pułkownicym sześćiom—po złotych 50. Pułkownikom szesciom—po złotych 100. Setnikom 60—po złotych 50, a Sędziemu woyskowemu—złotych 100, z tey liczby, szesciu tysiący—po tysiącu, albo iako wiele JM. P.

Hetman, za wiadomoscią od Starszego ich, według czasu y occasiey będzie rozumiał potrzebę. Na Nizie za porogami mieszkać y powinnośći zwykłe, w dawaniu wiadomosci o nieprzyiacielu, broniąc mu przeprawy, zatrzymywaniu mieysca tam tego oddawać Rzpltey będą powinni. Ostatek zaś ich, za włośćią stoiąc, za oznaymieniem Hetmanow Coronnych, do woyska Qwarcianego, albo gdzie potrzeba ukaże, na służbę Rzpltey, przestrzegaiąc w ciągnieniu wszelakiego uciążenia ludzkiego, będą zawsze przybywali. Ieżeliby się też samemu Starszemu trafiło odeyść na Zapoże, tedy, tu, na włośći zostawic ma na swym mieyscu człeka dobrego y rozsądnego, ktoryby wszelakiego porządku a osobliwie ludziom ukrzywdzonym skuteczney y nie odwłoczney sprawiedliwośći pilnie przestrzegał, a żeby się od nich nikomu krzywda nie działa, tedy nie maiąc się w żadne jurisdictie Zamkowe, Duchowne, ani Mieskie wdawać: sprawiedliwość zaś każdemu ukrzywdzonemu od nich, przez Atamana y Starszych ich, przy obecnośći Podstarośćiow, wedle Prawa opisanego Pospolitego czyniona bydź ma; a sami między sobą sądzić się maią. Za morze ani Dnieprem, ani Żadnemi Panstwom Rzpltey przyległemi Rzekami, chodzić nie maią, ani Pact z Cesarzem Tureckim rwać, ani lądem ani wodą żadney wojny z sąsiady Rzpltey, bez woli y roskazania J. K. M. y Rzeltey wszczynać nie będą. Czołny Morskie teraz, zaraz, przy widzach naszych popalą, y inszych, pod srogim karaniem, robić nie będą, ani Czołnow żadnych Morskich, ani lip spuszczać Dnieprem, ani inszemi Rzekami nie będą, czego Starszy ich pod łaską J. K. M. y srogim Karaniem doglądać będą; Także Panowie Starostowie temu zabiegać y bronić maią.

W dobrach ziemskich, szlacheckich y duchownych, tym tylko wolno mieszkać będzie, ktorzy będą Panom swym posłuszni, y ktorych oni cierpiec zechcą, także chcemy mieć, aby żaden, kto nie chce bydź Panu swemu posłuszny, daley 12 niedziel (od daty tego pisania) w dobrach szlacheckich ani duchownych (nie był). Wsi także, uchody, iazy, grunty, młyny, y insze dobra, ktore sobie po te czasy usurpowali nie słusznie, zarazem bez wszelkiey odwłoki Starostom y Dzierżawcom y Panóm Dziedzicznym puścić maią, na któreby prawa żadnego przed Pp. Commissarzami nie pokazali, ktorych do spisania woyska naznaczamy; a ktoby niechciał bydź posłuszny Panu swemu, a zatem niemogł by też w dobrach szlacheckich, dziedzicznych y duchownych mieszkać, tedy przed wysciem tych dwunastu niedziel, wolno mu będzie domy y rozrobek iego sprzedać takiemu człowiekowi, który by Panu swemu powinność y poddaństwo zwykłe oddawał, osiewki iednak ich ozime y iare Starostowie y Panowie spokoinie im zebrać maią pozwolić. A, żeby się woysko w żadne rzeczy sobie nienależne nie wdawało, za wolą J. K. Mci y Rzpltey pilno to zachowywać maią, aby się przymierza z żadnemi sąsiedzkiemi Panstwy zawierać, ani żadnych posłow od postronnych Pp. przyimować, ani się przez poselstwa znosić, ani na służby Panow obcych nie ważyli; inaczey musiała by ich Rzplta nie za wierne swe poddane, ale za nieprzyiacioły miec, ktorzy by sobie coś osobnego nad insze Rzpltey członki przywłaszczali: y nie Commissarzami, (ponieważ by łaski J. K. M. y pracy ludzi zacnych y wielkich nie wdzięcznemi by się pokazali) ale iawną y ostrą surowośćią, bez znoszenia się z niemi dalszego, musieli by bydź pokarani. Także,

iż za pokazaniem powolnośći ich Rzpltey, przy znacznym upokorzeniu, nie tylko występki, przeciw Rzpltey popełnione, odpuszczamy; ale też, w wielu punktach łaskę im, Imieniem J. K. M. y Rzpltey, pokazuiemy; tedy to sobie y wszystkiey Rzpltey waruiemy, że, ieżeliby się nie wdzięcznymi tey łaski J. K. M. pokazali, a nie dotrzymali słowa y przysięgi swoiey, lub we wszistkich punctach, lub w ktorym kolwiek z nich, iak, prawa y wolnośći im nadane, iako Rzpltey nie posłusznym pomagać nic niebędą; tak, ani ta łaskawość nasza y odpuszczenie zbrodni, y to, co by się teraz gwoli niem uczyniło, żadney wagi mieć nie będzie; y owszem, nie oglądaiąc się na to Rzplta, iako przeciwko przestępcom woley J. K. M., następować będzie. A iż te wszystkie Pacta y Conditie woysko Zaporozskie, poczuwaiąc się w powinnośći swoiey, iako wierni J. K. M. y Rzpltey Poddani, przyieli, y, że onym na potomne czasy dosyć czynić będą, przysięgami potwierdzili; tedy na znak tego, pieczęć woyskową przycisnowszy, kilka Starszych rękami swemi podpisali. Działo się na Niedzwiedzich Łozach die 6 miesiąca Listopada roku Pańskiego 1625.

U KURUKOWA.

A nadto nietylko Starszyna ale y czerń wszystka podniesionym głosem, w te słowa przysięgę oddali: My: Atamani, czerń wszystka, woysko J. K. M. P. N. M. Zaporozkie, wszyscy iednostaynie, y każdy z nas z osobna, przysięgamy Panu Bogu wszechmogącemu, w Troycy S. Jedynemu na tym, iż czyniąc dosyć woley y rozkazaniu J. K. M. P. N. M., od teraznieyszego czasu

wierność poddanstwa J. K. M. zachować, posłuszeństwo wszelakie Starszym naszym oddawać, na Morze z Dniepra nie chodzić, Państw Cesarza Tureckiego nie naieżdzać, czołny wszystkie morskie popalić, przymierza z postronnemi Pany krom wiadomośći J. K. M. P. N. M. zawierać, y nic takowego, coby z obrazą Maiestatu J. K. M. y Rzpltey bydź miało, czynić nie mamy. Owszem temu wszystkiemu, co dnia dzisieyszego z Ich Mm. Pp. Commissarzami zastanowiło się dosyć czynić mamy.

A do spisania ludzi woyska, y do rewidowania praw, z posrzodka: JM. P. Halickiego, JM. P. Podkomorzego Kiiowskiego, JM. P. Chorążego, y JM. Pana Starostę Zygwolskiego użyliśmy.

Актъ сообщенъ Комиссіи Гр. Свидзинскимъ изъ принадлежавшаго ему Архива.

LXXIX.

Письмо Яковицкаго къ Мелешку, въ которомъ онъ жалуется на Лисовчиковъ, напавшихъ на его домъ, поранившихъ его прислугу и потомъ отнявшихъ деньги у слуги, посланнаго имъ въ Любомлю за покупками, при чемъ онъ проситъ предостеречь Князя Козику, которому Лисовчики угрожаютъ тоже нападеньемъ. 1626. Марта 2.

Року тисеча шестъ сотъ двадцатъ шостого, месеца Марца шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ замку Володимерского и книгами нинешъними кгродскими старостинъскими, становши очевисто урожоный его милость, Князь Вацлавъ Козика, листъ одъ урожоного его милости пана Федора Яковицкого, до урожоного его милости пана Александра Мелешка, въ речи въ немъ меновите написаной и выражоной, его милости подаваючому, до справы его барзо потребной, датою зъ Бобичъ дня второго, месеца и року теперешнего, вышей на листе ме-

нованыхъ, рукою его милости пана Яковицкого власною увесъ писаный и подписаный, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, перъ облятамъ подалъ, такъ се въ собе маючий: Miłosciwy panie bracie! waszey miłosci opowiadam, iako sąsiadowi: dnia onegdajszego, w sobotę, iuż ku wieczorowi panowie Lisowczyki naiachali na wies y dom móy Thuropin: pan Czaplinski, y pan iakis Jezerski, y pan Czarnacki, y pan Swierski Mikołay; tam mnie szukali, we dworze mysliwca mi ranili, y woznego mego, y chłopow trzech, a inszych barzo pobili. Y tak chłopkowie spierwu rozumieli, że Tatarowie pod te trwogi, bo hordy, o dwu kon, było ich wszystkich z czeladzią ich, do dziesiątka; potym iuż kiedy rozpatrzyli y krykneli gwałtu, tamże ich rozgromili y poimali byli dwu. Pan Czaplinski na zaiutrz, w niedziele, iako wczora naiachał znowu na dom móy, tego iednego odiął, a drugiego skrili byli do komory y tak go zatrzymali, ktoregom kazał wieść na urząd. Prosze, aby to moie sąsiedzkie opowiedzenie przy pamiencie wasz mosc pana było, zalecam się za tym pilno w łaskę wasz mosc pana. Z Babycz. Die secunda marcy, anno Domini tysiąc szesćset dwudziestego szostego. Wasz mosc pana powolny sługa y brat Fedor Jakowicki. A to słyszę tento Czarnacki odpowiada na Kniazia Kozikę Wacława, racz wasza mosc dac znac Kniaziu Kozice, teraz oni są w Owadnie, y ten to Czarnacki z dobyczą barzo wielką, co naszarpali po Polesiu, y że drudzi z nimi, powiadaią że ledwo chodzą, co pieniędzy maią siła; zaś teraz, iuż po napisaniu listu mego do wasz mosc pana, posyłałem do Lubomla na targ w poniedziałek, oni chłopow moich nadybali, y pieniędze poodeymowali u boiarzyna mego co

był przystawem y pieniędze miał u siebie, złotych sto y piętnascie; y ón, ten sam ranny, ten boiarzyn moy w rękę, aż dzis do mnie przybieg, a oni go w sobotę nadybali w drodze, y tam go zakowali, a chłopow dwa związali, powiadali się Tatarami. На верху у того листу интитуляцiя тыми словы: Memu miłosciwemu panu y bratu, iego mosci panu Alexandrowi Mieleszkowi należy do rąk. А, якъ я, Бургграбя, тотъ листъ, за поданемъ и прозбою вышъ менованого его милости подаваючого, принявши, спочатку увесъ ажъ до конца, такъ яко се въ собе маетъ, написаный и поданый естъ до книгъ нинешнихъ уписати есми казалъ, и естъ уписанъ.

Книга гродская Владимiрская, 1626 года, № 27, листъ 95.

LXXX.

Универсалъ Гетмана Конецпольскаго, извѣщающій шляхту о новомъ возстаніи Козаковъ, и приглашающій ее вспомоществовать на войнѣ усильямъ войска Коронналго. 1630. Апрѣля 7.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатого, месеца Априля десятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ Прошицъкимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто уцтивый Макъсимъ, бояринъ вельможного его милости пана Станислава на Конецъполю Конецъпольского, Воеводы Сенъдомирского, Гетъмана полного коронъного, Бузского, Барского, Ковельского и пр. Старосты, для вписанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ перъ облятамъ универсалъ съ печатю и съ подписомъ руки его милости; а то стороны сваволенъства Козаковъ, до ихъ молостей пановъ обывателевъ Воеводства Волынского писаный, о чомъ тотъ универсалъ ширей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ

уписанъ былъ, который я, урядъ, для вписанья до книгъ принявъши, и возъного до объволанья того универсалу, шляхетного Яхима Присталовъского придавъши, читаломъ; и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ писаный, маетъ: Stanisław na Koniecpolu Koniecpolsky, Woiewoda Sendomirsky, Hetman polny coronny, Bużsky, Barsky, Kowelsky etc. Starosta: Jasnie Wielmożnym, Wielmożnym ich mosciom, panom Senatorom, Dignitarzom, Urzędnikom y wszytkiemu rycerstwu Woiewodstwa Wołynskiego, moym miłosciwym panom y braci, po zaleceniu służb moich, wiadomo czynie: Rozumieiąc, że iuż nie tayno iest wasz mosciom, moim miłosciwym panom, iako swawolenstwo Ukrainne, steskniwszy sobie w porządku, przez commisią krwią oblania postanowionym, rzuciłosie wprzud na starszego, woysku Zaporozkiemu od Jego Krolewskiey Mosci podanego, potym y na ynszych w wierze, w cnocie, w posłuszenstwie Jego Krolewskiey Mosci Kozakow trwaiących, a nadto y na żołnierza Jego Krolewskiey Mosci, w służbie będączego, nastempuie, y z nimi sie scierac poczyna, gwoli czemu, aby sie taka swawola pokarała, y dalszym inconiventiom zabiezało, ruszam sie zaraz z woyskami tymi, khtore po zadzie stanowiska swoie miały, przeto tedy wszech wasz mosciow, mych miłosciwych panow prosze, których ten pożar naibliźszy, y ktorzyscie dobrze przed tym tego chłopstwa swawoli doznali, abyscie z ochoty swey do woyska Jego Krolewskiey Mosci, ten zapał, krwią chłopstwa tego gasic przybywali; nie wątpie, że kożdego z wasz mosciow nie tylko powinna ochota, ale y powinnosc ku sobie łatwiey poruszy. Datt w Barze, siodmego dnia Aprila, tysiąc szesc set trzydziestego. У того универсалу печатъ

притисненая, а подписъ руки его милости, пана Гетъмана въ тые слова: Stanisław Koniecpolsky (manu propria). Который же то универсалъ, абы тымъ прудъшей всихъ до ведомости дошолъ, оного Возному, вышъ менованому енералови, шляхетному Яхимови Присталовъскому объволати и публиковати росказалъ; который то Возный, чинечи досытъ росказаню моему и съ повинности уряду своего, тотъ универсалъ на местцахъ звыклыхъ объволавъши и публиковавъши, и карты зъ него попереписовавши, на местцахъ звыклыхъ поприбиявъши, о томъ правъдиве релляцию свою, передо мною, урядомъ учинилъ и созналъ; которая релляция и тотъ универсалъ увесъ, съ початку ажъ до конъца, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ,

Книга гродская Луцкая, 1630 года, № 33, листъ 361 на оборотъ.

LXXXI.

Универсалъ Ротмистра Лукаша Заленскаго къ солтысамъ и другимъ людямъ, подлежащимъ выбранецкой повинности, приказывающій имъ собраться въ полномъ вооруженіи и спѣшить на помощь Гетману противъ Козаковъ. 1630. Апрѣля 20.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатого, месеца Априля двадцатъ пятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замъку Его Королевъское Милости, передо мъною, Андреемъ Мисевъскимъ, буркграбимъ замъку Володимеръского и книгами нинешъними кгродскими старостинскими, становъши очевисто шляхетъный панъ Янъ Ковалский, для записаня до книгъ нинешъних кгродскихъ Володимеръскихъ подалъ листъ, албо универсалъ одъ его милости, пана Лукаша Заленъского, Ротъмистра Его Королевъское Милости, до пановъ Солътысовъ и инъшихъ обывателювъ Волынъскихъ писаный, запрошаючи въ конъпанию, до обозу, противъко Козакомъ и ребелизантомъ ихъ, о чомъ тотъ универсалъ ширей и достаточъней въ собе маетъ и опеваетъ, который передо мъною,

буркграбимъ, на вряде положивши, просилъ, вышъ меновеный, панъ Ковальский, абы тотъ универсалъ его милости, пана Заленъского до книгъ принятъ и увесь слово одъ слова уписаный былъ; а такъ я, буркграбий, тотъ универсалъ, для вписанъя до книгъ приймуючи, передъ собою читати есмы казалъ, который, писмомъ Полскимъ писаный, такъ се въ собе маетъ: Panom Sołtysom y inszym wszystkym, ktorzy kolwiek tey powinnosci wybranieckiey, w Woiewodstwie Wołynskim podlegli do wiadomosci przywiodszy, yż niebezpieczęstwo tak od nieprzyiaciela krzyża swiętego, iako też y od swowolney czerni Kozackiey swizo rzecz pospolitą zaszło, gdzie iuż w przeszły wtorek iego mosc pan Hetman, wódz nasz, przeciwko tym rebelizantom kozackim, w częsci woyska, z Baru, na Ukrayne ruszył się, za czym proszę, abyscie s powinney swoiey powinnosci, do tey usługi Jego Krolewskiey Mosci y rzeczy pospolitey, nic nie omieszkowali, a ym prędzey z dobrym y doswiadczonym rynsztonkiem, skoro to tylko pisanie was doydzie, spieszeli się, więc, ktorzyscie podlegli latom sędziwym, pilnie o to was proszę, żebyscie mi doświadczonych, hożych w dziełach rycerskych pachołków, na tę usługę Jego Krolewskiey Mosci y rzeczy pospolitey wydawali, niezasłaniaiąc sie żadnemi ratiiami niesłusznemi. Barwa zwyczayna, obłoczysta, petlice czerwone, więc dziesiątnicy delie czerwone, żupany białe miec powinni, ynszych apparament, ktore służą do rzeczy woiennych, nie spominam, rozumieiąc, że we wszystkym iako ludzie rycerscy dosyc tey powinnosci, ktorzyscie po wielekrotne Jego Krolewskiey Mosci y rzeczy pospolitey oddawali, uczynicie. Podszywka ma byc czerwona tak do deliey iako y do

županow; u dziesiątnikow zielona podszewka pod deliiami czerwonemi. O muszkiety porządne, sążeniste y o ynszy rynsztunek potsciwy, żebyscie mieli, y powtore was proszę; także dziesiątnicy bardy miec powinni. Na dzien Swiętego Stanisława, to iest pro die octawa may, w Rohodle, żebyscie wszyscy stanęli, o tho pilnie proszę y napominam; ia się sam we Lwowie nic nie bawiąc po iutrze do was wyieżdżam, gdyż drugi uniwersał iego mosci, pana Hetmana mię doszedł, abym do obozu iako nayprędzey spieszył się. Ten list moy przesyłaycie Sołtysom ieden drugiemu ym prędzey, prosze. Za tym się oddaię przyiazni waszey. Działo się we Lwowie, dwudziestego Kwietnia, anno Domini tysiąc szesc seth trzydziestego. У того листу албо универсалу печатъ одна его милости пана Ротъмистрова и подписъ рукъ въ тые слова: Łukasz Załęsky, Rotmistrz Jego Krolewskiey Mosci. Который же то универсалъ его милости пана Заленъского Лукаша, Ротъмистра Его Королевское Милости, за поданемъ и прозбою, вышей менованое особы, а за принятъемъ моимъ урядовымъ, увесь слово одъ слова до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ есть уписанъ.

Книга гродская Владимірская, 1630 года, № 32, листъ 836.

LXXXII.

Универсалъ Королевскій къ Урядникамъ земскимъ, гродскимъ и местскимъ, приказывающій имъ схватить, гдѣ бы онъ ни оказался, нѣкоего Доброгоста Садовскаго, который, не смотря на декреты, противъ него изданные, съ 1615 года купы своволныя составляетъ и съ ними общественное спокойствіе нарушаетъ. 1630. Мая 18.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатого, месеца Мая двадцатъ девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною, Кгабриелемъ Иваницкимъ, подстаростимъ Володимерскимъ и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто урожоный его милость, панъ Янъ Вербовъский, универсалъ одъ Его Королевское Милости, пана нашого милостивого, до всихъ вобецъ и каждого зъ особна: дикгнитаровъ, урядниковъ земскихъ, кгродскихъ и всихъ иншихъ стану шляхецкого людей, яко тежъ и урядовъ местцкихъ вшелякихъ, росказуючи всимъ енералитеръ, абы Доброкгоста Садовского, на сейме чти одсужоного и публикованого, где

колвекъ бы се о немъ доведали, противко нему се рушивши, оного съ компаниею его лапали, и екзекуцию зъ нихъ чинили, датою зъ Варшавы, дня осмнадцатого, месеца и року теперъ идучихъ, вышей на акте менованыхъ, писаный и о томъ всемъ достаточней въ собе обмовляючий, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ перъ облятамъ подалъ, такъ ся въ собе маючий: Zygmunt III, z łaski Bożey Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Inflanskie etc., a Szwedski, Gottsky, Wandalsky dziedziczny Krol. Wszem wobec y każdemu z osobna, a mianowicie: dignitarzom, urzędnikom ziemskim, grodskim y wszytkim inszym stanu szlazheckiego ludziom, iako też urzędom mieyskim wszelakim czyniemy wiadomo: Mamy te wiadomosci, yż nieiaki Dobrogost Sadowsky, za pewne excessy swoie, na seymie walnym Warszawskim, roku tysiąc szesc set piętnastego, cci odsądzony, y publicowany, nie dbaiąc nic na surowosc prawną, potym iuż maiętnosci szlacheckie, s kupami swawolnemi gwałtownie naiezdżał, o co na tym że uczynku poymany y do więzienia za to dany z niego uszedł, ktory, iż nie poiednokroć już na exequutią surowosci prawney zarobiwszy, przecie iednak y na ten czas do kup swawolnych sie udawszy, z onemi domy ludzi spokoynych naiezdza, czem, iż sie pokoy pospolity wzrusza, roskazuiemy urzędom pomienionym, aby, gdzie kolwiek o niem sie dowiedzą, zazywszy k temu obywatelow kraiu tego, w ktorymby sie on pokazał, przeciwko onemu sie ruszali, onego z companią iego łapali, y iako urząd exequutią z niego czynili, o to staraiąc sie, iakoby ta swawola więcey sie nie sze-

rżyła; więc, iesliby sie u ktorego z obywatelow panstw coronnych albo w miastach naszych schraniał sie, aby stronie requiruiącey, bez wszelakich zwłok wydany był, a ten uniwersał nasz, aby w grodach publicowany, y do wiadomosci wszytkich przywiedziony był, chcemy to miec po wiernosciach wašzych. Dan w Warszawie dnia osmnastego miesiąca Maia, roku Panskiego tysiąc szescset trydziestego, panowania krolewstw naszych: Polskiego czterdziestego trzeciego, Szwedskiego trzydziestego siodmego roku. У того универсалу печать коронная болшое канцелярии притисненая, а подписъ рукъ тыми словы: Sigismundus rex. Daniel Izycki. А такъ я, подстаростий, тотъ универсалъ, за поданемъ вышъ менованого его милости подаваючого, принявши, съ початку увесь ажъ до конца, такъ яко се въ собе маетъ написаный и поданый естъ, первей до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ нинешнихъ уписати, а потомъ заразомъ шляхетному Миколаеви Закревскому, Возному земскому енералови воеводства Волынского, по местцахъ здавна звыклыхъ, водлугъ росказаня Его Королевское Милости, обволати и публиковати заразомъ росказалемъ; которому такому росказаню моему и повинности своей возновской менованый Возный, во всемъ досытъ чинячи, выписовъ чотыри съ того универсалу, слово въ слово написанныхъ, и печатю кгроду тутешнего запечатованыхъ, и рукою моею подписаныхъ, по местцахъ здавна звыклыхъ публичныхъ, по прибивавши оный на чотырохъ рогахъ рынку места тутошнего, приводечи то всимъ ихъ милостямъ паномъ обывателюмъ повету тутошнего Володимерского до ведомости, голосомъ вынеслымъ и всимъ людемъ вырозумнымъ, при бытности на тотъ часъ въ

рынку многу людей зацныхъ и посполитыхъ, обволалъ и публиковалъ, и очевисто, на вряде передо мною и книгами ставши, реляцию свою достаточную таковое публикации того универсалу, для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, явне и доброволне учинивши, зозналъ; а я то все для памети на потомные часы, до книгъ нинешнихъ записати есми казалъ, и есть записано.

Книга гродская Владимірская, 1630 г., № 31, листъ 149 на оборотѣ.

LXXXIII.

Универсалъ Полковника Калиновского, оставленнаго Гетманомъ Конецпольскимъ для охраненія границъ отъ Татаръ, объявляющій о томъ, что послѣдніе приближаются къ границамъ Речи посполитой. 1630. Мая 21.

Року тисяча шестъсотъ тридцатого, месеца Мая тридцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною Анъдреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ замку Володимерского и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто шляхетный панъ Сымонъ Русановъский, универсалъ одъ велможного его милости пана Адама зъ Усятына Калиновского, Брацлавъского, Винъницкого, Любецкого и Лоевского Старосты, Полковника войска Его Королевское Милости квартяного, до всихъ вобецъ и кажъдого зъ особна ихъ милостей, пановъ обывателевъ коронныхъ, датою зъ Нестервару, дня двадцатъ первого, месеца и року теперъ идучыхъ, вышшей на акте менова́ныхъ, писаный, для вписаня

до книгъ пинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, подалъ, такъ ся въ собе маючий: Adam z Usiatyna Kalinowsky, Bracławsky, Winnicky, Liubecki, Łoiowsky etc. Starosta, Pułkownik woyska Jego Krolewski Mosci quarcianego. Wszem wobec y kożdemu z osobna ich miłosciom, panom obywatelom koronnym, mym miłosciwym panom y braci, po zaleceniu służb moich w łaske wasz mosciów, moich miłosciwych panow, do wiadomosci donoszę: iż, za odiazdem Jasnie Wielmożnego Jego Mosci pana Woiewody Sędomirskiego, mego miłosciwego pana, gwoli ugaszeniu sweywoli y buntów kozackich, maiąc tu, z zlecenia iego mosci, poruczoną częsc woyska Jego Królewsky Mosci, pana naszego miłosciwego, dla obrony od nieprzyiaciela krzyża swiętego kraiow Ukrainnych, aby sie incursiom poganskim wstręt uczynic mógł, ile mogę o zamysłach tego nieprzyiaciela dosięgam wiadomosci; iakoż z rożnych mieysc oney dosiągłem, iż Tatar kilkanascie tysięcy, z Kryma; na pola Budzackie przyszli, zaczym, aby tym pewniey wiedziec o nich ktorędy by sie obrócic mieli, ponowy ieszcze od swoich, ktorych tam mam, co godzina oczekiwaiąc, abyscie sie wasz mosc na ostrożnosc mieli, s powinnosci mey, od iego mosci na sie włozoney, przestrzegam, a za drugim oznaymieniem, ktoby kolwiek z waszmosciow, mych miłosciwych panow y braci, ochoczy był, dla sławy y obrony oyczyzny, na bóy y przysługi do Jego Królewsky Mosci, pana naszego miłosciwego, do companiey, na czas y mieysce naznaczone, zapraszam; gdyż, wziąwszy Pana Boga na pomoc, chciałbym tym zamysłom nieprzyiacielskim za wczasu zabiezec, ktore snadniey sie reprimere conjunctis viribus mogą; z moimi przy tym służbami

oddawam sie w łaske waszmosci, mych miłosciwych panow y braci. Данъ w Nesterwarze, dwudziestego pierwszego May, roku tysiąc szesc set trzydziestego. У того универсалу печатъ его милости, пана Пулковникова притиснена одна, а подписъ руки тыми словы: Kalinowsky Bracławsky, Winnicky, Lubecki, Łoiowski Starosta (manu propria). А такъ я, буркграбя, тотъ универсалъ за поданемъ и прозбою вышъ менованого, подаваючого, принявши, спочатку весь ажъ до конъца, такъ яко се въ собе маетъ написаный, поданый есть до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ Володимерскихъ, уписати есми казалъ, и естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская, 1630 г., листъ 153 на оборотъ.

LXXXIV.

Универсалъ Гетмана Конецпольскаго, извѣщающій объ успѣхахъ войска Короннаго, и приказывающій всѣмъ отдѣльнымъ отрядамъ соединиться съ главными силами, для того чтобы покончить войну съ Козаками. 1630. Мая 18.

Року тисеча шестъсотъ тридцатого, месеца Июня третего дня.

До уряду и книгъ нинешънихъ кгродскихъ, Луцъкихъ, въ замокъ Его Королевское Милости Луцъкий, до мене, Яна Козаковича Прошицкого, буркграбего и наместника подстароства Луцъкого, пришедши очевисто урожоный панъ Кгрекгоръ Длукголенцъкий, для вписаня до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ обълятамъ универсалъ велъможного Его Милости, пана Станислава на Конецъполю Конецъполъского, Воеводы Сенъдомирского, Гетмана полного коронного, Бузского

etc. Старосты съ печатю и съ подъписомъ руки его милости, до ихъ милости пановъ людей стану рыцерского, въ службе речи посполитой будучихъ, писаный, о чомъ тотъ универсалъ ширей въ собе маетъ, жадаючи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ, которого я, врядъ принявши, читаломъ и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ маетъ: Stanisław na Koniecpolu Koniecpolsky Woiewoda Sendomirsky, Hetman polny coronny, Busky, Barsky, Kowelsky Starosta, wszech wobec ich mosciow, w służbie rzeczy pospolitey będących, iako też z ochoty swoiey na teraznieyszą usługę Jego Krolewskiey Mosci ydących, rycerstwu wiadomo czynie: iż, niewątpiąc że wasz mosciow doszła wiesc o progressach woiska Jego Krolewskiey Mosci, przeciwko swowolenstwu Kozakow Zaporozskich, ktore, po kylku razow odniozszy niemałą klęske, upamiętywac sie nie chce, przeto, aby iuż ta sprawa skonczyc sie mogła, chorągwi w służbie rzeczy pospolitey będących, Polskiego y cudzoziemskiego narodu, napominam y roskazuie, inszych ich mosciow prosze, abyscie do woiska Jego Krolewskiey Mosci, iako naiprędzey, przybywali, z ktorym, gdy sie wasz mosc złączycie, rzetelnie sie to swowolenstwo uskromi. W obozie pod Pereiasławem, dnia osmnastego Mai, tysiąc szesc set trzydziestego. У того универсалу печать его милости пана Гетмана и подписъ руки тыми словы: Stani. Koniecpolsky. Который же то универсалъ, абы тымъ прудшей всихъ до ведомости дошолъ, оного Возному енералови, шляхетному Яхимови Присталовскому обволати и публиковати роскалемъ. Который Возный, за приданемъ урядовымъ и съ повинности своее тотъ универсалъ объволалъ, и оного, публи-

ковавши и карты зъ него переписаные на местцахъ звыклыхъ поприбиявши, о томъ, очевисто передо мною ставъши, реляцию свою учинилъ и созъналъ, которая и тотъ универсалъ увесь, слово до слова, до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1630 г., № 33, листъ 728.

(Тотъ же универсалъ внесенъ въ книгу гродскую Владимірскую 1630 года № 31, листъ 175 на оборотѣ).

LXXXV.

Жалоба пана Андрея Павловскаго о томъ, что, во время вторженія Тараса въ Корсунь, бывшіе съ нимъ Козаки разграбили его домъ. 1630. Сентября 11.

Року тисеча шестьсотъ тридцатого, месеца Сентебра одинадцатого дня.

На вряде Его Королевское Милости замъку Житомирского, передо мною, Яномъ Витинскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто шляхетный Иванъ Яцковский, Возный енералъ воеводства Киевского, именемъ урожоного его милости пана Андрея Павловского, на тотъ часъ подстаростего Корсунъского, обтежливе скаръжилъ и оповедалъсе, о то, ижъ въ року теперешнемъ, тисеча шестъ сотъ тридцатого, месеца Априля дня четверътого, кгды Тарасъ, вышедши зъ Запорожя зъ гарматою, и вихавши кгвалтовне въ место его королевское милости Корсунъ, тамъ же припадши гултяйство, зъ нимъ зъ Запорожя прийдучее, до двора моего, съ которогомъ заледво самъ зъ жолнирами зъ места выехалъ, въ которомъ такъ сребро, цынъ,

рыштунки, фанты ...., розмаитое, кони ездны и робочие, оное гултяйство пошарпало, при которыхъ речахъ шкатулу мою взели, въ которой то гроши, яко тежъ справы розмаитые были, то естъ: инътеръцизы, записы, квитацый, которое шкоды черезъ тое гултяйство въ дому моемъ починеные на тотъ часъ собе быти меную на килканадцать тисечъ; о што я теды, именемъ его милости пана Павловского прошу, абы тая протестацыя и оповедане его до книгъ принято и записано было; што я, урядъ, до ведомости своее урядовое принявши, до книгъ записати казалемъ, и естъ записано.

Книга гродская Житомирская, 1630 г., листъ 761.

LXXXVI.

Заявленіе Иваномъ Выговскимъ Привилегіи данной его предкамъ на землю Скочковскую Сигизмундомъ I 1541, потвержденной Сигизмундомъ Августомъ 1546 и Сигизмундомъ III 1611 года; также Листа Сигизмунда I къ Воеводѣ Кіевскому, Князю Андрею Коширскому, приказывающаго ему дать Выговскимъ вводъ въ эту землю и листа увяжчаго выданнаго имъ Воеводою. 1631. Мая 7.

Року тисеча шестъсотъ тридцатъ первого, месеца Мая семого дня.

На рочъках судовыхъ кгродскихъ Луцъкихъ, отъ дня двадцатъ четвертого месеца Апрѣля, въ року звышъ написаномъ припалыхъ, и судовъне отправоватъ зачатыхъ, передъ нами: Княземъ Павломъ Друцъкимъ Любецкимъ, Подъстаростимъ, а Гелияшомъ Бронницъкимъ, Судъею, врядниками судовыми кгродскими Луцъкими, ставъши очевисто урожоный панъ Иванъ Выговъский, для записанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ облятамъ привилей Его Королевское Милости, Жикгимонта Авъгуста, на Выговъ наданый, съ печатъю коронною болшое канцелярии завесистою и съ подписомъ руки

Его Королевское Милости, паномъ Выговъскимъ служачее, о чомъ тотъ привилей Его Королевское Милости ширей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. Которого мы, судъ, для вписанъя до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали есмо и такъ се въ собе писаный маетъ: Жикгимонтъ третий, Божию милостю Королъ Полский, Великий Князъ Литовъский, Руский, Пруский, Мазовецъкий, Жомоитъский, Инфлянтъский и Шветский, Кготский, Вандалъский дедичный Королъ. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и каждому зъ особна, кому то ведати належитъ, нинешнимъ и напотомъ будучимъ: покладали передъ нами шляхетные Яцъко Григоревичъ, Алекъсандеръ Ивановичъ, Игнатъ, Яцъко Семеновичи, Гордий, Иванъ Степановичи Выговъские, земляне наши земъли Киевъское листъ Короля Его Милости Жикгимонъта Августа, светое памети вуя нашого, на землю пустовъскую, у Выгове, въ земъли Киевъской собе даной и потверъженъе, также листъ Короля Его Милости писаный до воеводы Киевъского, жебы ихъ въ тую земълю Скочъковъскую увезалъ и листъ воеводы Киевъского увязчий, имъ даный, въ тую земълю Скочковъскую, и били намъ чоломъ, абыхъмо, яко тотъ листъ, потверженъе светое памети Короля Его Милости Августа, вуя нашого, также и тые листы, вышей меноване, потвердили; которыхъ мы огледавъши, яко неподойзреныхъ правъдивыхъ и слушныхъ симъ листомъ нашимъ потвержаемъ, которые слово отъ слова такъ се въ собе маютъ: Жикгимонътъ Авъгустъ Божию милостю Королъ Польский, Великий Князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомоитский, Ма-

зовецъкий и иныхъ. Били намъ чоломъ бояре Овруцъкие: Гришъко и Иванъ, Семенъ, а Степанъ Лучичи, оповедали передъ нами, ижъ Королъ Его Милостъ, панъ отецъ нашъ, на жаданъе и причину Королевое Ее Милости, найвышшое Кнегини Боны, пани матки нашое, рачилъ имъ дати земълю пустовъскую въ повете Киевскомъ, узавши на йме Скочъковъскую, у Выгове, и казалъ имъ съ того служъбу земъскую служитъ, на штожъ его милость и листъ свой имъ рачилъ дати; который же они листъ, данину Короля Его Милости, пана отца нашого передъ нами покладали и поведили, ижъ они и теперъ тую земълю къ рукамъ своимъ держатъ и намъ, господару съ того служатъ и били намъ чоломъ, абыхъмо, водле листу Короля Его Милости, пана отца нашого при той земли ихъ зоставили, и на то дали имъ нашъ листъ, а такъ мы того листу Короля Его Милости, пана отца нашого огледавъши, казали его слово отъ слова въ сесь нашъ листъ уписати, который жо такъ се у себе маетъ: Жыкгимонъть, Божию милостю Королъ Полский, Великий Князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецъкий и иныхъ. Били намъ чоломъ бояре Овруъцкие на йме: Гришъко, а Иванъ, Семенъ, Степанъ, Кирикъ Лучичи и поведили передъ нами, ижъ ихъ пятъ братовъ, а не маютъ се на чомъ поживити и съ чого службы нашое послужити, лечъ одно на купли своей мешкаютъ, а ветжо (sic) завъжъды и съ того, водлугъ можъности своее, служъбу земскую намъ служатъ и просили насъ, абыхъмо ласку нашу имъ вчинили, и дали имъ землю пустовъскую въ повете Киевъскомъ, узавши на ймя Скочъковъскую, у Выгове, которую передъ тымъ служебникъ

пана Воеводы Киевъского, Станиславъ Подолянинъ держалъ, а теперъ она въ пусте естъ; о чомъ же и Королевая наша ее милостъ и Великая Кнегиня Бона насъ у причине за ними жадала; ино мы зъ ласки нашое, на причыну Королевое Ее Милости и на чоломбите ихъ то вчинили: тую земълю пустовъскую, Скочъковъскую, у Выгове, у повете Киевъскомъ у завшую (sic), зо въсимъ яко се здавна въ собе маетъ, имъ есмо дали. Маютъ они тую земълю на себе держати и ее уживати, а службу земскую съ того намъ служити, и на то дали есмо имъ сесъ нашъ листъ, до которого и печатъ нашу приложити казали. Писанъ у Вилни, подъ летъ Божого Нароженъя тисеча пятъ сотъ сорокъ первого, месеца Авъгуста двадцатъ четвертый денъ, индикту четвертогонадъцатъ. Справа пана Михайлова, писара. И, маючи есмо бачъностъ и на тыхъ подданыхъ нашихъ, яко на людей Украинныхъ, зъ ласки нашое, на чоломбите ихъ, то вчинили при той земли данине Короля Его Милости ихъ зоставуемъ, и то имъ тымъ листомъ нашимъ потвержаемъ на вечъностъ, маютъ они тую землю Скочъковъскую на себе держати и ее вживати со въсимъ съ тымъ, яко се тая земля здавна въ собе маетъ, а намъ зъ нее службу земскую служити водле листу Короля Его Милости, пана отца нашого; и на то дали есмо имъ сесь нашъ листъ зъ нашою печатю. Писанъ у Вилни, подъ летъ Божого Нароженъя, тисеча пятъ сотъ сорокъ шостого, месеца Іюля десятый день, индикта четвертый. А въ того листу печатъ господарская и подписъ руки тыми словы: Валериянъ, писаръ. А другий листъ въ тые слова: Жыкгимонтъ Божию милостию Королъ Полский, Великий Князъ Литовъский,

Руский, Пруский, Жомоитъский, Мазовецъкий, и иныхъ Маръшалъку нашому, справцы воеводства Киевъского, Князю Андрею Михайловичу Коширскому: били намъ чоломъ тые бояре Овруцъкие на йме Гришъко, а Иванъ, Семенъ, Степанъ, Кирикъ Лучичи и поведили передъ нами, ижъ ихъ пятъ братовъ, а не маютъ се на чомъ поживитъ и съ чого службы нашое послужити, лечъ одно на купли своей мешъкаютъ, а ветжо (sic) завъжды и съ того, водлугъ можности своее, службу земъскую намъ служатъ, и просили насъ, абыхъмо ласку нашу имъ вчинили и дали имъ землю пустовъскую, въ повете Киевъскомъ, узавъши на йме Скочъковъскую, у Выгове, которую передъ тымъ служебникъ пана Воеводы Киевъсъого, Станиславъ Подоляпинъ держалъ, а теперъ она въ пустоше естъ; о чомъ жо и Королевая наша, Ее Милостъ и Великая Кнегиня Бона насъ у причине за пими жадала; ино мы зъ ласки нашое, на причину Королевое нашое Ее Милости и на чоломбите ихъ то вчинили, тую землю у Выгове, въ повете Киевъскомъ, у завъшу, со въсимъ, яко се здавъна въ собе маетъ, имъ есмо дали, съ которое маютъ они службу земскую намъ служити. И ты бы о томъ ведалъ и въ тую землю Скочъковъскую увезане имъ далъ, безъ кождого переводу, конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни, подъ летъ Божого Нароженя тисеча пятъ сотъ сорокъ первого, месеца Авъгуста двадцат четвертый денъ, индикътъ чотырнадъцатый. Которого листу печатъ господарская и подписъ руки тыми словы: Михайло, писаръ. А третий листъ въ тые слова: Я, Князь Андрей Михайловичъ Санъкгушъковича Коширский, Маршалокъ Господаря, Короля Его

Милости, справъца Воеводства Киевъского явно чиню симъ моимъ листомъ, што Господаръ, Королъ Его Милость рачилъ казати писати до мене, наменшого слуги своего, ижъ Его Милостъ, за причиною Господарини нашое, Королевое Ее Милости рачилъ пожаловати дати землю пустовъскую, у повете Киевъскомъ, у завъшу, на йме Скочъковъскую, у Выгове слугамъ своимъ господарскимъ, бояромъ Овруцъкимъ: Гришъку, а Ивану, а Семену, а Степану, а Кирику Лучичомъ. Которую землю передъ тымъ держалъ служебникъ небожъчика пана Воеводы его милости Киевъского, Подолянинъ; якожъ Господаръ, Королъ Его Милостъ рачилъ казати писати до мене, абыхъ я тыхъ бояръ Овруцъкихъ, у тую земълю увезалъ; и я на росказанъе Его Милости Господаръское, водле данины и листа господарского, въ тую земълю Скочъковъскую, у Выгове Гришка Лучича и братю его, вышей менованую, увезалъ; и на то далъ есми и сесъ, мой листъ увяжъчий, подъ моею печатю. Писанъ у Киеве, Сенътябръ двадцатъ шостый денъ, индиктъ петнадцатый. А такъ мы, Королъ, прозбе, яко слушной, ласкаве се прихиляючи, листы вышей помененые, яко се въ собе маютъ, ни въ чомъ ихъ не уменшаючи, и овъшемъ въ своей моцы и целости захову ючи, тымъ листомъ нашимъ оные тыле, иле право посполитое позволяетъ, потвержаемъ и умоцъняемъ имъ самымъ и потомъкомъ ихъ на вечъвые часы. А на болъшую твердостъ тотъ листъ, потверженъе наше, рукою нашою подписавъши, и печатъ нашу коронную до него притиснути есмо казали. Писанъ у Варшаве, на сейме валномъ коронномъ, лета Божого Нароженя тисеча шестъ сотъ одинадъцатого, месеца

Октобра двадцатъ шостого дня, а панованя кролевъствъ нашихъ: Полского двадцатъ четвертого, а Шведского осмнадцатого року. У того привилею Его Королевъское Милости печатъ коронная болшое канцелярии завесистая, а подписъ руки Его Королевское Милости и писарское тыми словы: Sigismundus rex. Florian Ołeszko, Woysky Włodzimirsky, secr. y pisarz. Который же то привилей Его Королевъское Милости, за поданъемъ и прозбою вышъ менованого пана Ивана Выговъского а за принятъемъ нашимъ судовымъ, увесъ, спочатку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1631 года, № 34, листъ 677—680.

Примѣчаніе: Вмѣстѣ съ этимъ Иванъ Выговскій заявилъ и вписалъ въ акты, въ туже книгу подлинники: 1) Грамоты Сигизмунда Августа. Листъ 680. 2) Грамоты Сигизмунда I—Листъ 681. 3) Листа Сигизмунда I-го къ Воеводѣ Кіевскому, Князю Андрею Коширскому—Листъ 682. 4) Листа этого Воеводы, выданнаго Выговскимъ, —Листъ 683. Такъ какъ всѣ эти документы приводятся дословно въ предлагаемомъ актѣ, то повтореніе ихъ было бы лишнимъ.

LXXXVII.

Упоминальный листъ Фридриха Пронскаго, Воеводы Кіевскаго къ Выговскимъ писанный, не дозволяющій имъ обижать сосѣдей ихъ Лучичей Выговскихъ. 1554. Мая 10.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ первого, месеца Мая семого дня.

На рочъкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцъкихъ, одъ дня двадцатъ четвертого месеца Апрѣля, въ року звышъ написаномъ, припалыхъ и судовъне отправоватъ зачатыхъ, передъ нами: Княземъ Павъломъ Друцъкимъ Любецъкимъ, Подстаростимъ а Геляшомъ Бронницъкимъ, Судъею, врядниками судовыми кгродскими Луцъкими, становъши очевисто урожоный панъ Иванъ Выговъский, для записанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ облятамъ листъ упоминалный отъ зошлого, славъное памети его милости, пана Фрыдрыха Глебовича Пронъского, Воеводы Киевъского, Старосты Чорнобылского съ печатъю его милости, въ справе пановъ Выговъскихъ въ тые слова писаный: я, Фредрыха Глебовича Пронъского, Вое-

воды Киевъского, Старосты Чорнобылского бояромъ повету Киевъского: Федъку Петровичу и сыномъ его а Фалку Давидовичу зъ братею Выговъскимъ: жаловалъ мни служебникъ мой, наместникъ Заушъский Грышъко Лучичъ съ братею своею, о томъ: штожъ дей которую землю маютъ они зъ вами судеревную, вы дей въ той земли имъ крывды и утиски въ забирани земълъ, пашъныхъ и сеножатей, дерева бортного деланого и крывды делаете и по власному ихъ сеченю, подъ знамены ихъ, пчолы на себе держите и вживаете, а имъ въ томъ, яко власности ихъ, покою дать не хочете, и ко тому всюдей есте земълю, островы на себе подали и пописали, не оставуючи на нихъ ничого, водле обычая права; и просили мене, абыхъ я въ томъ имъ одъ васъ шкодовати не допустилъ и листъ мой до васъ о томъ писати велелъ, про то навъпоминамъ и приказую вамъ, ажъбысте имъ въ той земли вашой, зъ ними посполитой покой дали и ни въ чомъ крывъды не делали, то, што будете позаходили и позабирали, имъ поворочали и отдали и въ передъ крывды не делали, ижъ бы они собе въ томъ одъ васъ не шкодовали и мни черезъ тое не жаловали. Писанъ въ Яблочне. Лѣта Божого нароженя тисеча пятъ сотъ петдесятъ четвертого, месеца Мая десятого дня. У того листу печатъ притисненая одна. Который же то листъ за поданъемъ и прозбою вышъ менованого пана Выговъского, а за принятемъ нашимъ судовымъ увесъ слово въ слово до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1631 г., №34, листъ 684.

LXXXVIII.

Уступка нивы въ Выговѣ, сдѣланная Олешковичами Выговскимъ. 155.... Августа 12.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ первого, месеца Мая семого дня.

На рочъкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцъкихъ, отъ дня двадцатъ четвертого, месеца Априля, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовъне отправоватъ зачатыхъ, передъ нами, Княземъ Павломъ Друцъкимъ Любецъкимъ, Подстаростимъ а Гелияшомъ Бронницкимъ, Судъею, врядниками судовыми кгродскими Луцъкими, становъши очевисто урожоный панъ Иванъ Выговъский, для вписанъя до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ облятамъ листъ угоды межы урожонымъ паномъ Максимомъ и братею его Олешъковичами, зъ одное, а урожонымъ паномъ Грышъкомъ Лучичомъ и братею его Выговъскими, зъ другое стороны въ справе певъной, нижей въ томъ листе вписаномъ, меновите выражоной учиненое и спи-

саное съ печатьми приятелъ ихъ зъобополъныхъ, о чемъ тотъ листъ угоды ширей въ собѣ маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. Которого мы, судъ, для вписанъя до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали есмо, и такъ се въ собе писаный маетъ: я, Максимъ и зъ братъею моею Олешковичи, слуги господарски, повету Киевъского, Выговъсцы вызнаваемъ сами на себе, симъ нашимъ листомъ, кому будетъ потреба того ведати, або, чтучи его, слышати, штожъ на которомъ мистци, на ниве роспаши, земъли Скочъковъское седилъ отецъ нашъ небожчикъ дворомъ, а такъ намъ Грышъко Лучичъ зъ братею своею, о той ниве навъпоминалъ и листомъ его милости, Воеводы Киевъского, подъ зарукою господарскою и воеводскою не однокротъ, передъ людми добрыми намъ заручалъ, абыхъмо съ тое нивы ихъ, дворъ нашъ знесли; и мы о томъ пытали старыхъ отчичовъ своихъ: сусидъ Давыда, а Федъка, бояръ Выговъскихъ и они поведили: ижъ то есть звычная нива Скочъковъская. Мы, ведле ихъ сознанъя, тую ниву, на которой былъ дворокъ нашъ, Грышъку и зъ братею его имъ есмо поступили, за державанъя воеводства Киевъского его милости Князя Януша Дубровицъкого; ужо я, Максимъ и зъ братъею моею, не маемъ никоторого дѣла къ той ниве мити; лечъ Грышъко, по своей доброй воли, озъле своего двора маетъ мни дати, где быхъ мелъ домъ поселити, а при томъ были и тому свидомы ихъ милости земяне господарские: Хома Ланевичъ Искоростинъский, Давыдъ а Федко Выговъцы, а Васылъ Миткевичъ Меленевичъ; а о приложенъе печатей били есмо чоломъ пану Василию Данилевичу Дидъку, а пану Степану Ланевичу. Ихъ

милостъ на наше чоломъбитье то вчинили и печати свое приложили къ сему нашому листу. Писанъ у Вовручому, месеца августа дванадцатого дня, индикта второго. У того листу печатей притисненыхъ две. Который же то листъ угоды за поданемъ и прозбою вышъ менованого пана Выговъского, а за принятъемъ нашимъ судовымъ увесъ, съ початъку ажъ до конъца, до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1631 года, № 34, листъ 685.

LXXXIX.

Письмо Гетмана Ивана Петрыжицкаго къ Князю Острожскому, въ которомъ Гетманъ проситъ у Князя заступничества и содѣйствія посламъ, отправляемымъ войскомъ Запорожскимъ на сеймъ Конвокаційный, съ цѣлью домагаться расширенія вольностей Козацкихъ и обезпеченія Православнаго вѣроисповѣданія, на что они имѣютъ право, такъ какъ то и другое было имъ обѣщано покойнымъ Королемъ и не исполнено только по причинѣ его смерти. 1632. Іюня 9.

Oswiecone Xiąże, a Jasnie Wielmożny Panie,
Panie Nasz Miłosciwy!

Powolne zawsze służby swe Miłosciwey łasce Waszey Xiążęcey Mości naszego Miłosciwego pana, pilne zaleciwszy.

Z osirocenia spolnem zesciem s tego swiata Swiętobliwey pamięci Krola, Pana Naszego, niewypowiedzianie żałośni być musimy. Bośmy się, według obietnic dawnych y swieżych, za krwawe posługi swe, w poprawie wolności, w uspokoieniu religiey starożytney naszey Greckiey, ucontentowanymi zostać spodziewali, lecz, iż smierć obietnice tey wykonać nie dopusciła, Conwokatia

na przyszłego, da Bog, Pana następuie, iako członek rzeczy pospolitey, gdyż iey zdrowie na sobie nosimy, gardła swe przeciwko każdego nieprzyiaciela, za całośc oyczyzny kładąc, z głosem swym tamże towarzyszów swych: Pp. Ławrętego Paszkowskiego, Harasima Kozkę, Dorosza Kuckowicza, Fedora Pucha posyłamy, dawszy onym w wielu prożbach y potrzebach swych doskonałą na instruktiey naukę, a iż W. X. M., Pan nasz miłosciwy swobod, praw y wolności spolney iesteś strożem, zrozumiawszy z ustney powieści pomienionych posłancow naszych, uniżenie W. X. M., Pana naszego M. prosimy, zdrową radą y we wszystkim, coby ku dobremu nam należało, pomocą być raczył. Miłosciwą łaskę uznawszy, W. X. M., Panu naszemu Mł. zasługować winni zostawamy, ktorey się my s powolnosciami swymi powtarzamy. S Przyłuki 9 Juny, anno 1632.

W. X. Msci, Pana Naszego Miłosciwego
unižoni słudzy
(L. S.) Iwan Petrzycki Starszy
z woyskiem rzeczi pospolitey
z Zaporozskim.

Изъ Заславскаго архива Князя Сангушки.

XC.

Письмо Гетмана Петрыжицкаго къ Князю Острожскому, въ которомъ онъ изъявляетъ надежду на содѣйствіе Князя Острожского относительно возстановленія правъ Православнаго духовенства, а также на милость новаго Короля, Владислава. При этомъ Гетманъ указываетъ на то обстоятельство, что безъ помощи со стороны Короля, Козаки не видятъ исхода изъ своего горестнаго положенія и принуждены будутъ взяться за оружіе. 1632. Іюля 1.

Jasnie Oswiecone Miłosciwe Xiąże Panie,
Panie nasz Miłosciwy,

Naynizszy pokłon y wierne służby swe łasce Waszey Xiążęcey Mosci, Pana swego miłosciwego, iako naypilniey, zalecamy.

Inaczey zaśmy (sic) nie rozumieli, że wrodzona ludzkość, a Panski animusz, od postępkow przezacney familiiey domu Xiężąt Ich Mości Ostrozskich, iako we wszytkiem, tak, osobliwie gdzie o sumnienie ydzie, Waszą Xiążecą Mość odwodzic nie będzie, gdyż Swiętey pamięci zeszli przodkowie Waszey Xiężecey Mośći niemal filarem abo fundamentem w tey cney coronie prawom,

swobodom y wolnosciom obrońcami zostawali, tegoż się y po Waszey Xiężęcey Mości spodziewaiąc, w tak utrapionym wieku starożytney religiey Greckiey, yle podczas teraznieyszego osirocenia rzeczy pospolitey, gdy napogodnieyszy wszyscy się z Rusi porodzili (sic), miłosciwego starania przyłożyć zechcesz; iakoż y narod nasz Ruski tey biedy y przesladowania więcey niecierpiał, gdyż widząc tak zbytnie utrapienie błahowiernych, oboiego stanu duchownych y swieckich, przyszłoby nam zdrowia, chudob y utrat swych odżałowac, srzodki iednak do poratowania nie upatruiąc, iako wyrozumiewamy Ich M. Pp. obywatelow tuteyszych kraiow, y też po częsci s powieści Jego Mości Pana Wyszotrawki, gdy Krolewic Jego Mość Władysław Zygmunth Majestat Najasnieyszego Krola, Jego Mosci Pana oyca swego posiadł, pewni będąc, że y Wasza Xiężeca Mość, o co uniżenie y pokornie prosimy, onemu życzyć będzie raczył, niewątpliwą, że gdy za błogosłowienstwem Bożym, Królewicza Jego Mosci na tym tronie obaczym, naród nasz w klubie swey zostawać może, w ostatku obszyrnie z Jego Moscią panem Wyszotrawko rozmowilismy, a Waszey Xiężęcey Mosci wiernośc zyczliwych posług swych teraz powtore oddawamy. Dan z Białopola, die 1 Iuli, anno 1632.

Waszey Xiężecey Mosci, Pana naszego Miłosciwego
we wszem powolni y uniżeni słudzy
(L. S.) Iwan Petryżycki, Hetman z woyskiem
Jego Krolewskiey Mosci Zaporozskim.

Изъ Заславскаго Архива Князя Сангушки.

XCI.

Письмо къ Князю Острожскому отъ агента его, Вацлава Вышотравки, посланнаго къ Козакамъ съ цѣлью разузнать ихъ силы и намѣренія и охранить отъ нихъ имѣнія Князя Острожскаго и его друзей. Вышотравка доноситъ, что онъ встрѣтилъ Козаковъ уже на Волыни, въ Судылковѣ, что они прошли уже по имѣніямъ Сенявскихъ и Воеводы Русского и направлялись на имѣнія Острожскаго, но, послѣ переговоровъ съ нимъ, рѣшились остановиться на Полѣсьи, расположивши свое войско между Уманемъ и Овручемъ, охранять этотъ край отъ Татаръ и ожидать возвращенія своихъ пословъ изъ сейма. Далѣе онъ сообщаетъ, на счетъ силы Козаковъ, что они показываютъ только 16,000 реестровыхъ, но что на дѣлѣ ихъ есть по крайней мѣрѣ вдвое болѣе, такъ какъ онъ видѣлъ между ними множество мужиковъ. 1632. Іюля 4.

Jasnie Oswiecone, miłosciwe Xiąze, Panie y Dobrodzieiu moy Miłosciwy.

Według roskazania Waszey Xiążecey Mosci, do Pana Hetmana woyska Zaporoskiego yezdziłem, pisanie Waszey Xiążecey

Mosci onemu oddawszy, y te legatią, mnie od Waszey Xiążecey Mosci poruczono, odprawiłem, ktore tą bardzo wdziecznie od Waszey X. Msci przyiowszy, Panu Bogu za to dziekuiąc, że Wasza X. Msc drogami przodkow swych starodawnych chodząc, ni w czym ych nieupośledza, o czym szyroce nie wypisuiąc, da Pan Bog ustno Waszey Xiązecey Mosci sprawe dam; a teraz respons od nich Waszey Xiązecey Mosci posyłam, a ony sami na usługe Waszey Xiążecey Moscy zawżdy gotowemi stawic sie obiecuią, a nie tylko Waszey Xiążecey Moscy, ale y Xięzecia Jego Moscy Dominika, y tam, gdzie w ktorych majetnosciach stawali, bardzo sie łaskawie y skromnie zachowali, ale Jego Moscy Pana Woiewody Ruskiego, panow Sieniawskich y inych majetnosci bendą pamiętac, yakosz były zamysły y maietnosc Waszey Xiązecey Moscy nawiedzic aż po Ostrog, ale, za przyiachaniem moym, ynsza rada nastompiła, że od Sudziełkowa Pana Woiewody Ruskiego kazano sie ym wrocic w Zwiahelszczyzne; y tak tym Poliesiem maią ysc pułki, aż ku Owruczemu, drugie zas roznemi mieyscy pułki, że aż ku Umaniu, wszytkie te szliaki Tatarskie zalec maią, zabiegaiąc, aby nieprzyiaciel w dobra korony Polskiey nie wtargnoł, y tam maią czekac posłow swych s tey Conwokaty. W liczbie ych iest, yako mi sam Hetman powiedział, 16 tysięcy reiestrowych, ale s tym szamlawstwem yest ych wiencey, bo y w tym pułku, przy Hetmanie, powiadaią tylko puł trzecia tysiąca, ale, yakom sie sam przypatrzył, tedy było ych pewnie s pięc tysiecy, bom z nimi yachał kilka mil pod horogwiami; wprawdzie żec nie szatni, ale iest miedzy nimi chłopia choregą (sic). Za tym sie w łaske Waszey Xiążecey Moscy,

Pana mego Miłosciwego pilnie oddaie. Dan w Zasławiu, die 4 Iuli, roku 1632.

Waszey Xiązecey Moscy, Pana mego miłosciwego unizony sługa

(L. S,) Wacław Wyszotrawka

ренко власно.

Изъ Заславскаго Архива Князя Сангушки.

XCII.

Универсалъ Гетмана Козацкаго, Петрижыцкаго ко всѣмъ жителямъ Воеводствъ украинныхъ писанный, извѣщающій ихъ о предстоящемъ набѣгѣ татарскомъ и совѣтующій повсемѣстно приготовляться къ защитѣ, такъ какъ онъ не въ состояніи опредѣлить какимъ путемъ Татары вторгнутся. 1632. Іюля 22.

Року тисеча шестъсотъ тридцатъ второго, месеца авъгуста шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Володимерскомъ, передо мною, Анъдресмъ Мисевъскимъ, буркграбимъ замку Володимерского и книгами нинешними, становъши очевисто шляхетный панъ Бартломей Сенкгоцкий, выписъ съ книгъ кгродскихъ Луцкихъ, зъ уписанемъ въ немъ универсалу одъ пана Ивана Петрижицкого, Гетъмана войска Запорозкого, до освецоныхъ, ясне велможныхъ, милостивыхъ и ласковыхъ пановъ, Княжатъ, Воеводовъ, Каштеляновъ, Старостовъ, Подстаростихъ, Войтовъ и ихъ наместниковъ и всего посполства, по местахъ и селахъ мешкаючихъ, датою съ Канева, месеца июля двадцатъ второго

дня, року теперъ идучого, писаного. Подъ актомъ тогожъ месеца, вышъ менованого, тридцатъ первого дня, вынятый и выданый, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ подалъ, такъ ся въ собе маючий: Выписъ съ книгъ кгродскихъ замку Луцкого. Лѣта Божого Нароженя тисеча шестъсотъ тридцатъ второго, месеца июля тридцатъ первого дня. На вряде кгродскомъ, въ замку Луцкомъ, передо мною, Александромъ Малиновъскимъ, бурктрабимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, становъши очевисто шляхетный панъ Стефанъ Борушковичъ, для вписанъя до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ перъ облятамъ универсалъ, одъ пана Гетъмана войска Запорозкого, пана Ивана Петришицкого, ознаймуючи всимъ ихъ милостямъ: паномъ обывателемъ короны Полское о наступаючомъ въ тые панства неприятелю крыжа святого, Татарахъ, съ печатю войска ихъ Запороского и съ подписомъ руки самого пана Гетъмана писаный, о чомъ тотъ универсалъ ширей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. Которого я, врядъ, для вписаня до книгъ принявъши, и возного, шляхетного Яна Пухалскаго до обволаня и публикованя оного придавъшы, чыталомъ и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ писаный, маетъ: Oswieconym, iasnie wielmożnym, miłosciwym y łaskawym panom: Xiężętom, Woiewodom, Kasztellanom, Starostom, Podstaroscim, Wóytom y ich Namiestnikom, tak tesz wszytkiemu pospolstwu po miastach y wsiach mieszkaiącym. Służby swe rycerskie łaskom waszmosci, swych miłosciwych panow zaleciwszy, do wiadomosci donosim, iż niemal codzienna wiesc do nas przychodzi, s pol, od towarzystwa w rzeczkach będącego, iako

też y od więzniow pewną wiadomosc mamy, że nieprzyiaciel krzyża swiętego y korony Polskiey wszystkiemi siłami, do panstw rzeczy pospolitey, na woyne się gotuie y wtargnąc, czego mu Panie Boże nie dopomoż, wiedziec w ktory kray trudno, ale mało nie w tym miesiącu, usiłuie, y iuż tak Krymskiey ordy, iako y Białogrodzkiey częsc niemała, na tey tu stronie Dniestru niemal wszystkie pola napełniła; a nadto mamy wiadomosc, że y Janiczarow kilka tysiący, iedni u Maiaka, a drugie u Czoboszczy (sic) przewiezli sie przez Dniestr, y około Kurczuhana czasu snac oczekiwaią; przeto waszmosc, naszi miłosciwi panowie y łaskawi o tem wiedząc, w ostrożnosci wszelakiey będące na tego nieprzyiaciela pilne oko miec raczcie, ktory o sobie wiesci nie daie, y co wiedziec, iesli Kuczmaniem czyli Czarnem Szlakiem, strzeż Panie Boże, ten zamysł swoy wykonywac zachce; o przełożonych nad nimi ieszcze wiadomosci nie mamy, skoro byśmy też dalszey wiadomosci zasięgli, niemieszkanie waszmosc obwieszczac nie zaspim, a teraz powolne posługi nasze rycerskie powtore pilnie zalecamy. Datą z Kaniowa, Iuli dwudziestego wtorego dnia, anno szescset trzydziestego wtorego. Ten uniwersał nasz uniżenie prosimy, od miasta do miasta, iako nayspieszniey aby odsyłany był, a to dla wzięcia o tem nieprzyiacielu prędszey wiadomosci. У того универсалу печать войска Запорозъского, а подписъ руки тыми словы: Waszmosci, swych miłosciwych y łaskawych panow, we wszem powolni y uniżeni słudzy: Iwan Petriszycky, Hetman, z woyskiem Jego Krolewskiey Mosci Zaporozkim (manu propria) Который то универсалъ, абы прудшей всихъ до ведомости пришолъ, онаго возъному, менованому, Янови Пухалскому обволати и карты, зъ него

переписаные, на местцахъ звыклыхъ поприбияти росказалъ, который возный, зъ росказаня моего, а съ повинъности своее, тотъ универсалъ на месцахъ звыклыхъ публиковалъ и каръты зъ него переписаные, на месцахъ розныхъ поприбиялъ и о томъ релядцию свою, передо мъною ставши, учинилъ и сознаялъ. Што все для памети, до книгъ естъ записано, съ которыхъ и сесъ выписъ подъ печатъю кгродскою Луцъкою естъ выданъ. Писанъ въ Луцъку. У того выпису печатъ кгродская Луцкая притисненая, а подписъ руки тыми словы: корыкговалъ Шолкгенъ (manu propria). А такъ я, буркграбя тотъ выписъ, за поданъемъ вышъ менованого подаваючого принявши, съ початку увесъ ажъ до конъца, такъ, яко се въ собе маетъ написаный и поданый естъ, до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Володимерскихъ уписати и, по уписаню до книгъ копий зъ него чотыри, слово въ слово переписаныхъ, печатю кгродскою запечатованыхъ, и рукою моею подписаныхъ: одну зъ нихъ на воротахъ замъку тутошнего, другую на дверахъ церкви соборное, третюю на дверахъ костела отцовъ Доминикановъ, а четвертую на дверахъ ратуша тутошнего Володимерского, водлугъ давного звычаю поприбияти и шляхетному Миколаю Закревскому, возному земъскому, енералови воеводства Волынского, приводечи то все ихъ милостямъ паномъ обывателемъ повету тутошнего Володимерского до ведомости, обволати розказалемъ. Якожъ заразъ менованый возный, за таковымъ моимъ росказанъемъ, съ повинности уряду своего возъновъского, то все такъ, яко ему одъ мене росказано было, порядне справивши, и копии вышей менованые поприбивавши, и тотъ выписъ публиковавъши, очевисто на вряде и (передъ)

книгами становши, для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, явне и доброволне, тою всею реляцию свою достаточьную учынивъшы, сознаяъ; а я то все, для памети на пришлые часы, до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ, и естъ записано.

Книга гродская Владимiрская, 1632 года, № 34, листъ 686.

Прим.: Тотъ-же универсалъ внесенъ и въ книгу гродскую Луцкую 1632 года. № 35, листъ 891.

XCIII.

Инструкція данная посламъ Козацкимъ, на избирательный Сеймъ отправляемымъ, въ которой имъ поручается: припомнить Сейму заслуги какъ давнія, такъ и новѣйшія Козаковъ и на ихъ основаніи требовать обезпеченія Православнаго вѣроисповѣданія отъ притѣсненія Уніятовъ, далѣе требовать, чтобы расширены были свободы войска Козацкаго, чтобы увеличено было для нихъ жалованіе и сдѣлана прибавка для 2,000 вновь приписанныхъ въ реестръ, наконецъ, чтобы Козаки охранены были отъ насилья Пановъ, въ селахъ которыхъ они живутъ. 1632. Сентября 6.

Instructia Panom Posłom naszym: Fedorowi Kuzminskiemu, Fedorowi Praliczowi a Wasilowi Oniszkiewicowi. od Woyska Zaporowskiego, na Electią blisko nastempuiącą, obierania Krola Jego Mości Pana nam, day Boże, sczęsliwego tak od Ich Mościow Panow Senatorow, iako y wszystkiey Rzeczypospolitey. Dnia 6 Septembra, Roku 1632.

NAPRZOD

Wiernosc poddanstwa y życzliwe posługi Woyska Zaporowskiego, Ich Mościom Panom Senatorom, Panom Posłom Ziemskim y wszystkiey Rzeczypospolitey Panowie Posłowie naszi opowiedziec i ofiarować będą powinni, winszując, aby Pan Bog do serca Ich Mosciów podał, y żeby Pana tak dobrego y sczęsliwego obrać iednostaynemi głosy zezwolili, ktory by w łasce Bożey, iako na—

fortunniey, w pokoju między wszystkiemi Narody tey Cney Korony, Panstwem swym rządził. A isz nie rozumielismy nigdy, aby Ich Mość Panowie Senatorowie y wszystka Rpta, pomniąc na tak wierne, odważne y krwawe zasługi nasze, na różnych Expedytiach, dawniejszych wyliczac trudno, ale teraz, za swiezo zmarłego, Swiętey pamięci zeszłego Krola Jego Mośći, co nasza pamięc nie zniesie, za powagą Majestatu Krolow Ich Mośći, całosć Oyczyzny y dobre Rzeczy pospolitey, zastanawiaiąc się, niemal w krąg granic Korony Polskiey krwią polawszy, głowami swemi otoczyli, urazaiąc sie na nas, mieli, iako nam Posłowie naszi z przeszłey Convocatiey odniesli, zesmy w Instructią, posłom naszym, Ich Mosciom daną, włożyli, aby nas, iako członkow tey Rzeczy pospolitey, od obierania nowego Pana, Krola Jego Mości, nie oddalano. Zaczym, iesli to się Ich Mosciom nie zdało, urazy za to nie niosząc, przy woli Ich Mosci niech to zostaie, trzymaiąc, że Ich Mosć tego będą postrzegac, y takiego Pana obierac, ktory każdego przy Prawach, swobodach y wolnosciach, w tym Panstwie przez Przodkow swoich poprzysiężonych, zachować zechce.

Za prawdę z żalem nam to wszystkim przychodzi znosic, co się wyżey wspomniało, ale stokrotnieyszy żal nas prawie do płaczu porusza, gdy Posłowie naszi czynili relatią na punct, w Instructiey im podaney, gdziechmy, iako y przedtym, za żywota swiętey pamięci Krola Jego Mosci, swieżo zmarłego, od trzydziestu lath y daley, ustawicznie, każdego Seymu, żadney okaziey nie opuszczaiąc, o uspokoienie starożytney Religiey, posłuszenstwa naswietszego Patryarchy Constantynopolskiego, przez przodkow Jego Krolewskiey Mosci, swiętey pamięci zmarłych Krolow Ich

Mosciow Polskich, y swiezo zmarłego Krola Jego Mosci, uprzywileiawaney y przysięgami stwierdzoney, a przez nowowymyslnych Unitow zgwałconey, zebrali y z płaczem prosili, y, acz nam zwlekano, y, od Seymu do Seymu, aż po dziś dzień zatrzymywano, ale iusz na ostatniem Seymie, przed rozłączeniem się z tym swiatem, zaszła była obietnica Jego Krolewskiey Mosci, ze koniecznie chciał nam, co się za panowania iego między narody pomieszało, uskromić, y narod nasz Ruski, tak w wolnosciach, iako y w Religiey naszey, uspokoic, y, by nie śmierć Jego Krolewskiey Mosci zaszła, spodziewaliśmy się tak sczęsliwey godziny w utrapieniach naszych, y że narod nasz Ruski pociechę odniesie. Teraz, gdy plac y okazyia iest, że kożdemu wolno votum, y wolno się swego domawiac, na przeszłą Conwokatią, do wszech stanow unizone prosby swe wnosiliśmy, z płaczem Waszmościów swych Miłościwych Panow prosząc, aby narod nasz Ruski y Duchowni naszi tey biedy y krzywdy, od tych nowych, a niesłychanych Unitow więcey iusz nie ponosili; miasto poprawy, nad Prawa y Priwilegia, ktore przed Naiasnieyszym Krolem Jego Mością Swedzkim, Ich Mościami Pany Senatorami y Ich Mościami Pany Posły, na to wysadzonemi, iasnie y rzetelnie narod nasz Ruski y Duchowni naszi pokazał, y unitom protestatiami pokonali (sic); nie byliśmy tak szczęsliwemi, abyżmy w tem, oco ustawicznie zebrzem, ukoieni zostac mogli, ale barziey żalu y płaczu nam przyniesli, gdy ieszcze ukrywdzonym kazą z swego ustempować. A tak na teraznieyszey Electiey obierania Krola Jego Mosci, Pana nam szczęsliwego, zlecamy Posłom naszym z płaczem wszystkiey Rzeczipospolitey prosic y rzetelnie się domawiac, aby narod nasz

Ruski przy Prawach y Swobodach, a Duchowni naszi Błagowierni przy Cerkwiach Eparchy swych y dobrach swych należących, z oprawowaniem wolnego nabożeństwa, zostawali, y więcey takiey biedy y uciężania, od tych niezbędnych Unitów, ne ponosili.

W sprawach za się samych nas woyskowych była ta obietnica iescze zmarłego Krola Jego Mosci; że nas, w prośbach naszych, na przyszłym Seymie ucontentowac miał, lecz, nad spodziewanie nasze, smierć Krola Jego Mości uprzedziła, nieszęsciu swemu raczy przyczytać to musiemy; nie wątpiąc iednak o miłosciwey łasce Ich Mosciów Panow Senatorow y Rzeczypospolitey, na przeszłą Convokatią tożeśmy Posłom swym, tak do Ich Mosciów, Panów Senatorow, iako y do Koła Posielskiego, wniescieśmy zlecili; otrzymaliśmy thę obietnicę od Ich Mościów, że nam w prosbach, na tey teraznieyszey Electiey, przy obieraniu Krola Jego Mosci, wygoda się stanie. Przeto zlecamy Posłom swym usilnie, Ich Mosciów Panow Senatorow y wszystkiey Rzeczypospolitey prosić, aby Ich Mosć, z Miłościwey łaski swey, poprawę wolnosci, podwyższenie Żołdu rocznego, z przyczynieniem summy, na the dwa tysiąca nowo przypisane, z opatrzeniem suknami, obmyslić i obdarzyc raczyli.

Więc czestokroc przykrzyliśmy się ieszcze y za żywota Krolowi Jego Mosci y Jego Mosci Panu Hetmanowi Coronnemu, o naznaczeniu pewnego mieysca na stanowienie, y więc, skądby Armata potrzeby zaciągac, bez uprzykrzenia się ludzkiego, iako tesz y słudzy, około niey będące, wychowanie mieć mogli; nie moglismy doskonałey rezolutij w tym odniesc, zlecamy Posłom naszym prosic Ich Mosciow Panow Senatorow, aby o tym obmyslic raczyli.

To tesz Panowie Posłowie naszi, Ich Mosciom Panom Senatorom przełożyc maią, że Ich Mość Panowie obywatele tuteyszi Ukrainni, trzymaiąc się Comissiey Korukowskiey, Towarzyszow naszych w dobrach swych trzymac nie chcą. A gdy z Maietnosci iego ustąpic kto chce domu, y wzroblin (sic) zprzedac, nie pozwalaią, owszem poddanym zakazuią, aby zaden skupowac się nie raczył: zaczym wielkie się ubliżenie wolnosciom naszym dzieie, prosić tedy Posłowie naszi wszystkiey Rzeczypospolitey będą powinni, aby się tak bezprawnie nie działo.

Imieniem wszystkiego Woyska Zaporowskiego podpisuię
Sawa Wurczewski Pisarz Woyska
(Locus Sigilli) Zaporowskiego.

Актъ, сообщенный Коммисіи Діонисіемъ Зубрицкимъ.

XCIV.

Универсалъ Королевскій къ хоругвямъ гуссарскимъ и козацкимъ, навербованымъ для Московскаго похода, приказывающій имъ явиться на означенное сборное мѣсто въ опредѣленный срокъ. 1633. Мая 19.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ третего, месеца Июня семнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ замку Володимерского и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто урожоный его милость, панъ Стефанъ Чарнецкий, универсалъ одъ его милости пана, пана нашого милостивого, до ротмистровъ, поручниковъ и всего товариства ротъ усарскихъ и козацкихъ на експедицию Московскую затягненныхъ, о назначеню часу прудкого стягненя тое стяги, абы дня петнадцатого, месеца Червца подъ Оршою станули и водлугъ порядку военного, абысь пописали; подъ датою въ Соколце, дня деветнадцатого Мая въ року теперъ идучомъ,

вышей на акте менованымъ, писаный, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, именемъ его милости пана поручника и всего товариства хоругви вельможного его милости, пана воеводы Подолского, Гетмана полного коронного, на тотъ часъ, тутъ, въ месте Володимерскомъ будучое, перъ облятамъ подалъ, такъ ся въ собе маючий: Władysław Czwarty, z Bożey łaski Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudskie, Infianskie y Szwiedsky, Gotsky, Wandalski, dzedziczny Krol, obrany wielki Car Moskiewsky. Wszem wobec y każdemu z osobna, komu to wiedziec należy, a mianowicie: rotmistrzom, porucznikom i wszystkiemu towarzystwu rot usarskich y kozackich, na expeditią Moskiewską zaciągnionych, wiernie nam miłym łaskę naszą Krolewską. Iż na przędkiem sciągnieniu woysk naszych wiele nam i rzeczy pospolitey należy, tedy pilno wiernosc waszą napominamy, żebyscie, nie czekaiąc innego do popisu termina, za nami się ruszyli, tak, żebyscie koło piętnastego dnia miesiąca Czerwca pod Orszą staneli, gdzie wiernosci waszey popisowac według porządku woiennego każemy, co wiernosci waszey dokładniey wielmożny Woiewoda Podolsky, Hetman polny coronny napisze, ktorego wernosc wasza iako wodza swedo słuchac macie, ynaszey nie czyniąc dla łasky naszey y s. powinnosci swey. Dan w Sokolce, dnia dziewiątnastego miesiąca Maia, roku Panskiedo tysiąc szescset trzydziestego trzeciego. Krulewstw naszych roku pierwszego. У того универсалу Его Королевское Милости печать коронная большое канцелярiи, а подпись руки Его Королевское Милости и секретарское тыми словы: Vladislaus rex. Ionnes Łypsky z Lipey Secretarius

regni (m. prop.). На томъ же универсале подписы рукъ его милости пана воеводы Подолского, Гетмана полного коронного и пановъ поручниковъ въ тые слова: Dla pewnych przyczyn Jego Krolewska mość, pan nasz miłosciwy tak prędkiego pospieszenia waszmosciuw potrzebowac raczy, a osobliwie dla Smolenska, ktoremu iuż bez posiłku bardzo duszno, przeto y ia, z władzy mey napominam waszmosciόm, abyscie iak nayprędzey spieszyc sie raczyli y od Jego Krolewskiey Mosci czasu naznaczonego nie omieszkiwali. Dnia pierwszego Iuny M. Kazanowsky, Woiewoda Podolsky, Hetman polny coronny (manu propria). Oddano mi ten uniwersał Jego Krolewskiey Mosci, od chorągwie iego mosci, pana Odorowskiego, piątego dnia Czerwca, ktory odsyłam do chorągwie iego mosci pana Ielca. Ierzy Czernichowsky, porucznik chorągwie iego mosci, pana strażnika Horskiego. Piątego dnia Iuny oddano mi uniwersał Jego Krolewskiey Mosci, ktory odsyłam do chorągwie iego Mosci pana Starorty Trębowielskiego, Krzysztoph Szczurowsky, porucznik chorągwie Jego Mosci pana Ielca. Czwartego Iuny uniwersał Jego Krolewskiey Mosci doszedł mie, ktory odsyłam do chorągwie Jego Mosci pana Ieżowskiego, Woiewody Odrouskiego (sic) rotmistrza Jego Krolewskey Mosci (sic). Oddany mi ten uniwersał dziesiątego dnia Iuny, ktory odsyłam do chorągwie Jego Mosci pana Kosakowskiego. Samuel Rzutkowsky. Pro die decem quinta Iuny oddano mi uniwersał Jego Krolewskiey Mosci, ktory odsyłam do chorągwie Jego Mosci pana Starosty Czermiowskiego Jan Dąbrowsky, porucznik pana Kosakowskiego. Pro die decima septima Iuny oddano mi nniwersał Jego Krolewskey Mosci, ktory tey że godziny odsyłam do chorągwie iego mosci pana Het-

mana polnego coronnego, Woiewody podolskiego. Daniel Pazowsky, porucznik iego mosci pana Starosty Czermieiowskiego. Die decima septima Iuny oddano mi uniwersał Jego Krolewsky Mosci, od chorągwie iego mosci pana Starosty Czernieowskiego, ktory teyze godziny odsyłam do chorągwie wielmoźnego Jęgo Mosci pana Hetmana polnego koronnego. Stephan Czarniecky porucznik chorągwie Jego Mosci Pana Hetmana polnego coronnego. А такъ я, бурkграбя, тотъ универсалъ Его Королевское Милости, за поданемъ и прозбою вышъ менованого его милости подаваючого принявши, съ початку, увесъ ажъ до конца, такъ яко се въ собе маетъ, написаный и поданый естъ самый ориналъ тогожъ универсалу Его Королевское Милости, томужъ подаваючому выдати росказавши, до книгъ уписати есми казалъ. И естъ уписанъ.

Книга гродская Владимiрская, 1633 года, № 35, листъ 467 на оборотъ.

XCV.

Универсалъ Королевскій къ Урядникамъ гродскимъ и земскимъ, приказывающій имъ разгонять и подвергать отвѣтственности скопища свовольныхъ людей, составившіяся изъ людей, навербованныхъ Королемъ въ войско въ различныя времена и потомъ распущенныхъ по домамъ. Эти свовольныя скопища не расходились, занимали квартиры самовольно и разоряли народъ. 1634. Августа 23.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ четвертого, месеца Сенътебра девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ замку Володимерского и книгами нинешними кгродскими старостинскими становши очевисто шляхетный Павелъ Стирнацкий, универсалъ одъ Его Королевское Милости пана, пана нашого милостивого, до урядовъ кгродскихъ и местцкихъ также и ихъ милости пановъ обывателевъ воеводства Волынского, въ справе скарбовой, датою зъ Варшавы, дня двадцатъ третего месеца Серпня, року теперъ идучого, вышей на акте менованого

писаный, для вписанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ подалъ, такъ ся въ собе маючий: Władysław czwarty, z łaski Bożey Król Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Inflanski, a Szwedsky, Gottsky, Wandalski dziedziczny Król, obrany Wielky Car Moskiewsky. Wszem wobec y każdemu z osobna, a mianowicie: urzędom wszelakim grodskim, mieiskim, także obywatelom woiewodstwa Wołynskiego y ich powiatow, uprzeymie y wiernie nam miłym łaskę naszą Krolewską. Uprzeymie y wiernie nam mili! dochodziło wiadomosci naszey, że się rożni ludzie, ktorzy iuż w służbie naszey y rzeczy pospolitey nie są, maiąc kupy swoie, albo dawno, albo teraz zebrane, po włosciach tamecznych przechodzą się, stanowiska w dobrach tak naszych krolewskich, iako y inszych odprawuią, stacie wybieraią, nie bez wielkiego ludzi ubogich, poddanych naszych ukrzywdzenia; co, iż się przeciwko wszelkiey słusznosci dzieie, zabiegaiąc tedy takowey ich swawoli, chcemy to miec po urzędach naszych tak grodskich iako y mieyskich, aby, gdzie sie kolwiek kupy takie albo pisarze ich, bez osobliwego od nas sobie, na teraznieyszą Turecką expeditią danego listu, pokażą, abo krzywdy iakie czynic, lubo stacyie wyciągac będą, dawszy w tem wiadomosc obywatelom tamecznym, y z niemi się skupiwszy, onych gromili, imali ich, do więzenia oddawali y, podług opisania prawa pospolitego, surowosci nad niemi extendowali, inaczey nie czyniąc dla łaski naszey. Dan w Warszawie, dnia dwudziestego trzeciego miesiąca Sierpnia, roku Panskiego tysiąc szesc set trzydiestego czwartego. Panowania naszego Polskiego wtorego, a Szwedskiego trzeciego roku. Uniwersał na gromienie kup swo-

wolnych. У того универсалу печатъ коронная болшое канцелярии притисненая, а подписъ руки Его Королевское Милости и писарское тыми словы: Vladislaus rex. Ioannes Bederman. А такъ я, буркграбя, тотъ универсалъ, за поданемъ и прозбою вышменованого подаваючого, принявши, съ початку, увесь ажъ до конца, такъ яко се въ собе маетъ написаный, и поданый естъ до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ уписати есъми казалъ. И естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская, 1634 г., № 36, листъ 1116 на оборотѣ.

XCVI.

Универсалъ Королевскій, къ урядникамъ Воеводствъ Украинныхъ писанный, приглашающій ихъ дать свободный пропускъ Козацкому полку, состоящему подъ камандой Константина Волка и возвращающемуся изъ Прусскаго похода, въ которомъ онъ отличался храброю и усердною службою. 1635. Сентября 17.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ пятого, месеца Октебра двадцатъ девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Луцъкомъ, передо мъною, Алексанъдромъ Малиновскимъ, бурккграбимъ и наместникомъ подстароства Луцъкого, постановившисе очевисто урожоный его милость панъ Даниелъ Думинский, для въписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ облятамъ листъ Его Королевское Милости, съ печатю коронною болшою и подписомъ руки Его Королевское Милости, о всихъ ихъ милостий пановъ старостовъ, подстаростихъ, ихъ наместниковъ и инъшихъ державъцовъ добръ, а то стороны полъного и безъпечъного Козакомъ, въ полку урожоного пана

Костанътого Волъка будучихъ, перестя на местця свое писаный; о чомъ тотъ листъ Его Королевское Милости ширей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ, которого я, врядъ, принявши читалемъ и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ писаный, маетъ: Władysław IV, z łasky Bożey Krol Polsky, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Inflanskie, Smolenskie, Siwierskie, Czernihowskie y Szwedsky, Gotsky, Wandalsky, dziedziczny Krol. Wszem wobec y każdemu z osobna, komu to wiedziec należy, a mianowicie: wielmożnym, urodzonym y ich podstarosciom albo namiestnikom y wszystkim innym, tak dobr naszych dzierżawcom, iako y inym urzędom zamkowym y na zwierzchnosci będącym wszelakiej także condytij ludziom y miast, miasteczek y wsi przełożonym y urzędom mieyskim, uprzeymie i wiernie nam miłym łaskę nasze Krolewską. Uprzeymie y wiernie nam mili! powraca do domow y obeyscia swego pułk urodzonego Kostantego Wołka, pułkownika naszego, ktory na usługę nasze y rzeczy pospolitey pod teraznieyszą do Prus expeditią był z Kozakami pułku swego zaciągniony, żądamy przeto (od) uprzeymosci y wiernosci waszey y miec to chcemy, abyscie pomienionym Kozakom wolnego y bezpiecznego przeyscia na mieysca swe nie bronili y wolno ich przez dzierzawy y maiętnosci swe, bez wszelakiey trudnosci y przykrosci przepuscili, iako tych, ktorży sie ochotnie na usługe nasze y rzeczy pospolitey stawili, co uczynią uprzeymosc y wiernosc wasza dla słusznosci samey y na żądanie nasze. Dan w obozie nad Kwidzinem dnia XVII miesiąca Wrżesnia, roku Panskiego MDCXXXV. Panowania krolestw naszych: Polskiego III, Szwed-

skiego IV roku. У того листу Его Королевское Милости печать коронъная болшое канъцелярии, а подписъ руки Его Королевское Милости тыми словы: Vladislaus rex. Ioannes Romiszewsky. Который же то листъ Его Королевское Милости, за поданемъ и прозъбою вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ увесь, съ початъку ажъ до конъца, до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1635 г., № 39, листъ 1214 на оборотъ.

XCVII.

Такой-же Королевскій универсалъ, обезпечивающій обратный походъ Козаковъ, состоящихъ въ полку Константина Волка, изъ Пруссіи домой. 1635. Сентября 19.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ пятого, месеца Октобра двадцать девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Луцъкомъ, передо мною, Алекъсанъдромъ Малиновъскимъ, бурkграбимъ и наместникомъ подстароства Луцъкого, постановившисе очевисто урожоный его милость панъ Даниелъ Думинъский, для въписанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ облятамъ листъ Его Королевское Милости, съ печатю коронною болъшою и подписомъ руки Его Королевское Милости до всихъ вобецъ, а меновите: Старостовъ Украинныхъ державъцовъ и урядовъ ихъ замковыхъ и местскихъ, а то стороны Козаковъ, въ полку урожоного пана Костанътого Волка будучихъ, абы ихъ нигъде не акгравовали писаный, о чомъ

тотъ листъ Его Королевское Милости ширей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ, которого я, върядъ, принявъши, читалемъ и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ писаный, маетъ: Władysław IV, z Bożey łaski Krol Polsky, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflantskie, Smolenskie, Siwerskie, Czernihowskie y Szwedzky, Gotsky i Wandalsky dziedziczny Krol. Wszem wobec y każdemu z osobna, komu to wiedziec należy, a mianowicie: Starostom naszym Ukrainnym y innym, tak dobr naszych, iako y dziedzicznych dzierżawcom y ich podstarosciom, także urzędom zamkowym y mieyskim wiernie nam miłym łaskę nasze krolewską. Wiernie nam mili! powracaią do domow y obeyscia swego mołoycy na Ukraine, ktorzy byli pod sprawą urodzonego Kostantego Wołka, połkownika naszego na usługę nasze y rzeczy pospolitey, z roskazania naszego zaciągnieni na teraznieyszą do Prus expeditią, ktorych ochote do usługi naszey mile przyiąwszy, a do dalszych usług ich chcąc zachęcic, (od) wiernosci waszej żądamy y mieć to chcemy, abyscie tym wszystkim, ktorzy w służbie teraznieyszey do Prus, w pułku urodzonego Kostantego Wołka byli, żadney przykrosci, ciemiężenia y bezprawia w domach y obesciach ich nie czynili, y trudnosci nie zadawali, ale owszem, iako ludzie do usługi naszey ochotnych, co na ten czas rzeczą samą oswiadczali, szanowali y osobliwe na nich baczenie mieli, co abyscie wiernosć wasza skutecznie wykonali, a żądaniu y woli naszey w tey mierze dosyc uczynili, napominamy, co my przyjmiemy wdziecznie od wiernosci waszey, inaczey nie czyniąc dla łaski naszey. Dan w Grudziądzu. Dnia XIX miesiąca Wrzesnia,

roku Pańskiego MDCXXXV, Panowania naszego Polskiego III, Szwedskiego IV roku.

У того листу Его Королевское Милости печатъ коронная болъшое канъцелярии, а подписъ руки Его Королевъское Милости тыми словы: Vladislaus rex. Ioannes Romiszewsky. Который же то листъ Его Королевское Милости, за поданемъ и прозъбою вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ увесь, съ почавтку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1635 года, № 39, листъ 1214.

XCVIII.

Листъ Полковника козацкаго, Константина Волка, къ Урядникамъ Воеводствъ украинныхъ писанный, въ которомъ онъ проситъ не тревожить на обратномъ пути, подчиненныхъ ему Козаковъ, такъ какъ они имѣютъ Королевскіе универсалы, обезпечивающіе ихъ походъ. При этомъ онъ объявляетъ, что начальство надъ ними на все время дальнѣйшаго похода онъ передаетъ товарищу своему Ильѣ Караимовичу 1635. Октября 26.

Року тисеча шесть сотъ тридцат пятого, месеца октобра двадцат девятого.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Луцъкомъ, передо мъною, Алексанъдромъ Малиновъскимъ, бурграбимъ и наместникомъ подстароства Луцъкого, постановившисе очевисто урожоный Его Милость панъ Даниель Думанъский, для вписаня до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ облятамъ листъ одъ урожоного его милости пана Костантого Волка, Полковъника Его Королевское Милости войска Запорозъкого, съ печатю и съ подписомъ руки его, до всихъ вобецъ ихъ милостий пановъ: Воеводовъ, Кашътеляновъ, Ста-

ростовъ, Подстаростихъ и ихъ Наместниковъ, а то стороны перестя Козаковъ Украинныхъ, полъку его, зъ екъспедиции Пруское до домовъ своихъ идучихъ, писаный, о чомъ тотъ листъ ширей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ, которого я, врядъ, принявши, читалемъ и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ писаный, маетъ: Wszem wobec y każdemu z osobna, komu by o tem wiedziec należało, mianowicie: ich mosciom Panom Woiewodom, Kasztelanom, Starostom, Podstaroscim, y ich Namiestnikom, służby moie naniższe zaleciwszy, w miłosciwą łaske wszystkich waszmosciow, mych miłosciwych panow donosze do wiadomosci, iż ia, z roskazania Jego Krolewskiey Mosci, pana mego miłosciwego, maiąc połk Kozakow Zaporozkich, na usługę Jego Krolewskiey Mosci, do Prus, na białe morże, statecznie y przystoynie, na mieysce od Jego Krolewskiey Mosci naznaczone, prowadziłem, a gdy nastąpiło roskazanie Jego Krolewskiey Mosci, abym nazad ten, wysz mianowany, połk naprawiec (sic), przyprowadziwszy bez ukrzywdzenia ubogich ludzi, rospuscił, przyszedszy tedy do Włodzimierza, a widząc to, żeby to z większą szkodą rzeczi pospolitey było, żeby ci ludzie rożno post mieli, a na karb moy cokolwiek robili, upatrzywszy colegę y towarzysza mego, pana Heliasza Karaimowicza, zleciłem mu aby ten pułk, ktory na usłudze Jego Krolewskiey Mosci był, nic rozno nie rozpusczaiąc, sweywoli nie pozwalaiąc, w posłuszęstwie statecznym do domow ich prowadził, co rozumiem o nim, iz miłuiąc sławe y honor swoy, będzie w to potrafiał, że ubodzy ludzie żadney krzywdy, przez ciągnienie onego nie odniosą, a wszystkich waszmosci miłosciwych panow prosze, raczcie sie

stosowac do listow Jego Krolewskiej Mosci, pana mego miłosciwego, a tym ludziom rycerskim, z sczodrobliwey łaski swey, chleba nie żałowac; uczynnosc te, iako ia sam, tak y kożdy z nich powinni będą powolnosciami swemi, kozdego czasu zawdzięczac. Oddawam sie za tym iako napilniey kozdego wobec w miłosciwą łaskę. Data we Włodzimierzu, dnia dwudziestego szostego Octobra, anno tyciąc szescset trzydziestego piątego. У того листу печать притисненая одна, а подписъ руки тыми словы: Kostanty Wołk, połkownik Jego Krol. Mosci. Который же то листъ, за поданемъ и прозбою вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь, съ початку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1635 г., № 39, листъ 1215 на оборотѣ.

XCIX.

Жалоба Пана Валеріяна Подгородецкаго на слугу своего рукодайнаго, Петра Хмельницкаго и на супругу его въ томъ, что они, управляя нѣсколькими его помѣстьями, не дали ему отчета и, присвоивши себѣ доходы, не извѣстно куда тайно бѣжали. 1637. Декабря 1.

Року тисеча шестъ сотъ тридцать семого, месеца Декабра первого дня.

На врядъ кгродский, въ замокъ Его Королевское Милости Володимерский, до мене, Марцияна Олшамовского, буркграбего замку Володимерского и книгъ нинешнихъ кгродскихъ старостинскихъ, урожоный его милость, панъ Валериянъ Подгородецкий, Мечникъ земли Волынское писалъ и присылалъ противко шляхетному Петрови Хмельницкому, слузе своему рукодайному, светчечи и протестуючись о то, ижъ менованый Хмелницкий, служечи его милости сполне зъ малжонкою своею, оному самому именемъ и прозвискомъ добре ведомою и знаемою часъ немалый и, маючи въ заведованю и порученю одъ его милости

протестуючогосе, пана своего певные фолварки, которые часу права выразне менованые будутъ, въ которыхъ его милость, протестуючийсе одъ лятъ килку не толко не мешкалъ, але и въ нихъ не бывалъ, все то тамъ до рукъ оного и малжонки его, яко слугъ и урядниковъ своихъ, до заведиваня и шафунку, цноте и повинности добрыхъ слугъ дуфаючи, водлугъ воли ихъ поручивши, и давъши, за которымъ таковымъ менованый Хмелницкий зъ малжонкою своею, обе (sic) помененыхъ фолварковъ, презъ его милость, протестуючогосе, пана своего даныхъ, поручоныхъ, повереныхъ, тамъ, въ нихъ, презъ киляка летъ мешкаючи, пенязи зъ Люблина одъ хлоповъ съ килку селъ одбераючи, рекокгниции розные его милости, пана протестуючогосе, пана своего, голце (sic) собе презъ его милость, на розные справы, яко урядникови, розныхъ летъ и часовъ даваные и повероные, вси при собе маючи, и затрымываючи, съ провентовъ вшелякихъ менованыхъ фолварковъ, такъ дворскихъ, яко тежъ зъ чиншовъ пинежныхъ, зъ выбераня овъсовъ и пенязей готовыхъ одъ хлоповъ, съ килку селъ, презъ вси тые тамъ лета приходячихъ выбераючи, и тымъ всимъ водлугъ воли своее шафуючи, а потомъ ничого не дбаючи, и не огледаючисе на право посполитое и вины въ немъ описаные, также тежъ и повинъность свою служебничую, и съ того всего, што се вышей меновало, а въ заведиваню и шафунку оныхъ, одъ его милости протестуючогосе, было, его милости пану своему жадное намнейшое личбы не учинивши, и, ничого намней зъ рукъ своихъ не здавши, и руки своее съ таковое службы, одъ его милости пана своего не уволнивши, и, такъ яко се слузе до-

брому и потстивому годитъ, не освободивши, въ року тисеча шесть сотъ тридцать пятомъ, въ месецу Сентебру, потаемне и криіому, не видати где, яко и до колъ, зъехалъ и зникнулъ; за чимъ тымъ таковымъ своимъ безправнымъ, неслушнымъ и непристойнымъ поступкомъ, менованый Хмелницкий, право посполитое зневаживши, противъко пристойности и повинности доброго слуги выкротивъши, въ вины за то въ праве, на таковыхъ слугъ ухваленые, постановленые, и таковому его неслушному поступкови ровные и годные попавши, и оные на особу свою завзявши и затегнувши, шкоды его милости протестуючомусь, пану своему въ розныхъ речахъ и провентахъ, зъ менованыхъ фолварковъ приходячихъ, тымъ таковымъ своимъ поступкомъ, на две тисечи золотыхъ Полскихъ учинилъ; о што все его милостъ протестуючий се зъ менованымъ Хмелницкимъ, где бы толко о немъ и о перемешкиваню его переслышалъ, и певную ведомостъ мелъ, въ каждомъ суде и уряде, яко зъ слугою своимъ, безъ омешканя, правне чинити и справедливости собе зъ него доходити оферуючись, презъ писане свое просилъ, абы его милости тая таковая протестация до книгъ нинешнихъ принята и записана была. Которая естъ принята и записана.

Книга гродская Владимірская, 1637 года, № 39, листъ 1199.

C.

Рѣшеніе суда гродскаго Владимірскаго въ дѣлѣ между Панею Котовичевою Перевискою, и Паномъ Яномъ Хмельницкимъ и супругою его: Хмѣльницкіе были обвинены Котовочовою въ покражѣ жемчужнаго наряда и доказывали, что нарядъ этотъ былъ имъ оставленъ въ залогъ въ 30 золотыхъ, и потомъ украденъ ворами вмѣстѣ съ другимъ ихъ имуществомъ. Судъ порѣшилъ привести Хмѣльницкихъ къ присягѣ въ первые судебные сроки. 1638. Генваря 20.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ осъмого, месеца Генъвара двадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Володимерскихъ, дня тридцатъ первого месеца Декабра, року близко прошлого, тисеча шестъ сотъ тридцатъ семого припалыхъ, и судитисе початыхъ, передъ нами: Михаиломъ зе Збоража Воронецкимъ, подстаростимъ, а Стефаномъ Линевъскимъ, судъею, врядниками судовыми кгродскими Володимерскими, кгды справа урожоное панее Раины Терновъского Семеновое Котовичовое Перевисъкое поводъки, зъ шляхетными паномъ Яномъ Хмелъницъкимъ и па-

нею Ядъвикгою Свеборъчинъского Хмелъницъкою, малъжонъками, въ тутошнемъ воеводстве Волынскомъ и поветахъ его не оселыми, позъваными зъ реестру судового, за приволанемъ шляхетного Миколая Закревъского, возного енерала, порядъкомъ своимъ до суженъя припала, теды по одозванъюсь до тое справы одъного съ позъваныхъ, пана Хмелницкого, своимъ и малжонъки своее именемъ очевисъто, шляхетный панъ Василий Ярмогенъ, умоцованый поводъчинъ тежъ очевисъто передъ нами, судомъ становъши, поднеслъ позовъ одъ поводъки, принципалки своее, по позъваныхъ на рочъки теперешъние выданый и въненый, авътенътичный, такъ се въ собе маючий: Кгабриелъ на Несъвичу Стемъпковъский, Каштелянъ Брасълавъский, Старосъта Володимерский вамъ шляхетнымъ: пану Янови Хмелницкому и паней Ядъвидзе Свеборчинъского Хмелницкой малъжонкомъ, въ тутошнемъ воеводстве Волынскомъ и поветахъ его неоселымъ, зъ добръ вашихъ вшелякихъ: рухомыхъ, есъли где якие маете и мети се розумеете, а въ недосътатку добръ вашихъ, теды зъ особъ вашихъ власъныхъ приказую, абысте передо мъною самимъ, алъбо урядомъ моимъ кгродъскимъ Володимеръскимъ, на рочъкахъ кгродскихъ Володимерскихъ, въ року теперъ идучомъ, тисеча шесть сотъ тридъцатъ семомъ, месеца Декабра тридъцатъ первого дня, до суженъя припадаючихъ, и судячихсе, сами очевисъто и завите, яко на року завитомъ станули, на жалобу и правъное попарте урожоное панее Раины Терновского Семеновое Котовичовое Перевисъкое, которая вашей милости обое засполне вашу милость, пане Хмелъницъкий самъ презъ себе, и вашу милость пани Хмелницъкая зъ бытъ-

ностъю и притомъностъю малъжонъка менованого вашей милости, яко опекуна малъженъского до прислуханъя се, наказанъя и присуженъя, за попартемъ своимъ презъ декретъ менованого суду моего кгродъского Володимеръского, одданъя и верънения презъ вашу милость поводовой стороне тканъки перъловое, старосъвицъкое, зъ феритами счиро золотыми, въ которыхъ было червоныхъ золотыхъ деветъ, а перлы на въсей той тканъце были урианъские, коштуючые трисъта золотыхъ Полскихъ, презъ вашу милость, у поводовое стороны кгвалътовне и безправне, въ року прошломъ, тисеча шестъ сотъ тридъцатъ пятомъ, на тыжденъ передъ Божимъ Нароженемъ взятое, пограбленое и на пожитокъ свой презъ вашу милость не правне и не слушъне оберненое и привласченое, албо заплаченя за нее такъсы вышей менованое, зъ совитою ее навезкою и винами правными, безправного грабежу тымъ моимъ позвомъ реферуючись, зъ нимъ во всемъ до права посполитого о грабежахъ ухваленого, на терминъ вышъ менованый позываетъ, на которомъ то, яко на завитомъ, абысте ставши, въ томъ се всемъ и, яко то есче ваша милость ширей словы, изъ доводовъ правныхъ на термине припаломъ, одъ поводовое стороны показано, доведено и декляровано будетъ, судовне одповедаючи, скутечне усправедливили. Писанъ у Володимеру. Року тисеча шестъ сотъ тридцать семого, месеца Декабра первого дня. Валентий Буский, писарь. По поднесеню теды того позву, умоцованый поводовое стороны реляциею возного правне термину доведши, просилъ и домавялсе, абы позванымъ на позовъ справоватисе наказано было, асторона позваная, чуючи невинне себе быти позваную, заразъ

се завзела на евазию, яко тое тканки не грабила, абовемъ одъ летъ килка была тая тканка у повода, въ золотыхъ тридцати заставленая; потомъ, подъ часъ несчасного припадку, кгды позваному веле речей злодее покрали, украли тежъ и тую тканку, она теды, не позвавъши до выкупна тое тканки, дала акцию грабежовую, за чимъ слушне позваный (утверждаетъ) же не грабилъ. Мы, судъ кгродский Володимерский, зъ росправы сторонъ обохъ умоцованыхъ достаточне вырозумевши, наказалисмо, абы позваные контентовъ (sic) позву поводовъ одприсяглисе, а то на рочкахъ гродскихъ Володимерскихъ, близко пришлыхъ, напервей по тыхъ теперешнихъ до суженя припадаючихъ и судячихъсе, на которыхъ и рокъ сторонамъ обомъ позванымъ, до выконаня, а поводовой до прислуханя се выконываня тое позваныхъ присяги, а за тымъ и до далшого въ той справе поступку правного завитый, безъ припозву становитисе, зложили и заховалисмо. Што все для памети на потомные часы до книгъ нинешныхъ естъ записано.

Книга гродская Владимірская, 1638 года, № 40, листъ 240.

CI.

Присяга, данная Козаками на общей радѣ подъ Боровицею въ которой они, сожалѣя о своемъ неповиновеніи, и здаваясь на милость Короля и Республики, а также выдавъ Полякамъ свою старшину, клянутся: впредъ избирать изъ среды своей только старшину полковую, а Гетману, назначенному Гетманомъ Короннымъ, повиноваться; по указанію Гетмана Короннаго всѣ лодки на Запорожьи сжечь; чернь, къ нимъ примкнувшую и на Запорожье удалившуюся, выдать; регестры войсковые составить по указаніямъ Короля и Гетмановъ Коронныхъ; наконецъ впредъ пребывать въ совершенной покорности и вѣрности къ рѣчи посполитой. Для сохраненія же памяти о ихъ винѣ, наказаніи и прощеніи, присяга эта должна быть вписана въ акты гродскіе Кіевскіе, и копіи изъ нее должны быть выдаваемы каждому войсковому писарю и при немъ должы храниться. 1637. Декабря 24.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ осмого, месеца Февраля двадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною, Василемъ Ярмогеномъ, наместникомъ на тотъ часъ буркграбства и замку Володимерского и книгами нинешними кгродскими старостинскими, ставовши оче-

висто урожоный его милость панъ Миколай Кисель, Хоружий Новогкродский, присегу презъ Козаковъ войска Запорозского Его Королевской Милости пану, пану нашому милостивому, Сенату, Его Королевской Милости всее речи посполитое, подъ датою въ зуполной раде подъ Боровицею, въ вилию Божого Нароженя, свята Рымского, року прошлого, тисеча шестъ сотъ тридцать семого выконаную, написаную и даную, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, перъ облятамъ подалъ, такъ се въ собе маючую: My, nanizszy podnożkowie Maiestatu Jego Krolewskey Mosci, pana naszego miłosciwego, oswieconego Senatu y wszystkiey rzeczy pospolitey, panow naszych miłosciwych wierni poddani: Łewko Bubnowsky y Łutay Aszawułowie Woyskowi, Jacuk Gągniwy Czerkasky, Andrzey Łahoda Kaniowsky, Hrysztay Homicz Czehirinsky, Maxim Niesterenko Korsunsky, Ilasz Karaymowicz Pereiasławsky, Jacyna Białocerkiewsky, Tereszko Jabłonowsky, Pułkownicy, Bohdan y Hasza sędziowie, Bohdan Chmielnicky pisarz, wszyscy przy tym zwierzchnicy, atamania y czerń, bracia mołoycy, woysko Jego Krolewskiey Mosci Zaporozskie, na potomne czasy, aby y pokazania wystempkow przeciwko niezwyciężonemu Maystatowi Jego Krolewskey Mosci, pana naszego miłosciwego y wszystkey rzeczy pospolitey y miłosierdzia wieczna pamiątka, nie tylko w nas, ale y potomkach naszych zostawała, wyznawamy, iź, co lubo to starsi naszy, lubo my wszyscy wystompieli, żesmy, nie pamiętaiąc na Kurokowską commissią, krwią naszą pisaną, y porządku przez Jasnie Wielmożnego iego mosci pana Stanisława na Koniecpolu Koniecpolskiego, teraznieyszego Kasztellana Krakowskiego, naywyszszego Hetmana

coronnego woysku Zaporozskiemu postanowioney, przysięge naszą, tamże wykonaną, pierwey starszyne, podano nam zwierchnoscią Jego Krol. Mci, w radzie na Rosowie, od Wielmożnych ich mosciow panow: Adama z Brusiłowa Kisiela, Podkomorzego Czernihowskiego, Starosty Nosowskiego, Stanislawa z Potoka Potockiego, Woiewodzica Bracławskiego, pułkownika Jego Krolewskiey Mosci commisarzow, nieprzystoynie wyzabiiali y armatę, z Zaporoża za tą przyszedszy, w Czerkasiech wzieli, a potym, nad zawarty regestrz woyska Zaporozskiego y liczbe od Jego Krolewskey Mosci y rzeczy pospolitey pozwoloną, siedm tysięcy zbuntowawszy y przyiąwszy do siebie pospolstwa, ważylismy się z starszym naszym, Pawlukiem przysc pod woysko coronne y z iasnie wielmożnym, iego mosc panem Mikołaiem z Potoku Potockim, Woiewodą Bracławskim, Hetmanem polnym coronnym, na uskromienie niesczesnych buntow naszych zesłanym, zwiesc bitwe, tedy tam że, zaraz na placu tey bitwy, miedzy Mosznamy a Komeykami, gdy Pan Bog wykonał Swoy Swięty, sprawiedliwy decret nad nami, że od rycerstwa coronnego y tabor nasz rozerwany, y armata stracona, chorągwie, komyszyny (sic) wszystkie, od dawnych wiekow zasłużone ozdoby u Naiasnieyszyeh Krolow Ich Mosci y wszystkiey rzeczy pospolitey uwnieslismy (sic), a większa częsc woyska trupem padła; ostatek nas ten że iasnie wielmożny iego mosc pan Woiewoda Bracławsky, Hetman polny koronny, doszedszy z woyskiem coronnym w Borowicy za Czerkasami, sprawiedliwem sądem Bożym, na tym mieyscu, gdzie starszyna pirwy swowolnie wyzabiiana była, doszedszy, osadził y, szancami otoczywszy, szturmem chciał konac, tedy my wszyscy, ktorzysmy z star-

szym naszym wchodieli! y w tey osadzie w Borowicy byli, aby do konca krew chrzescianska nie była przelana y głowy nasze na usługe rzeczy pospolitey zachowane byc mogli, przez tych że ich mosc panow commissarzow, ktorzy pierwie woysko zporządzili y starszyne nam podawali: Jego mosc pana Podkomorzego Czernihowskiego y Jego mosc pana Woiewodzica Bracławskiego, suplikowalismy y prosili miłosierdzia u iasnie wielmożnego Jego Mosci pana Hetmana polnego coronnego, a starszych naszych, ktorzy nas do takiego upadku y wszystkiego złego przywiedli: Pawluka y Tomilenka z kilku inszych wydalismy, a Skidana, iako tychże buntow autora, yż uszedł, wszyscy ogułem poprzysięgamy wynalesc y stawic go do rąk iasnie wielmożnego Jego Mosc pana Woiewody Bracławskiego, Hetmana polnego coronnego obowiązuiemy się, a iż starszego iednego nad wszystkim woyskiem, za przestempstwo nasze, ktoregosmy zwykli byli miewac przed tym s posrzodku siebie, ten że Jasnie Wielmożny Jego Mosc pan Woiewoda Bracławsky dać y naznaczyc nie chciał, oddawszy woli Majestatu Jego Krolewskiey Mosci, pana naszego miłosciwego y wszystkiey rzezy pospolitey, tylko pułkowniki miedzy nami są obrani, a do czasu zwierzchnosc panu Ilaszowi, połkownikowi Pereiasławskiemu, który statecznie nie wiąże się do buntow, nadał, przy woysku coronnym iest poleconą (sic). Tedy my wszyscy trwac statecznie w tym porządku, do dalszego miłosierdzia y łasky Jego Krolewskiey Mosci y wszystkiey rzeczy pospolitey poprzysięgamy, o kture prosząc, posłow s posrzodku siebie, tak do Majestatu Jego Krolewskiey Mosci, Oswieconego Senatu y wszystkiey rzeczy pospolitey, iako y do Iasnie Wielmożnego Jego Mo-

24

sci pana Stanisława na Koniecpolu Koniecpolskiego, Kasztellana Krakowskiego, Hetmana Wielkiego coronnego, naznaczylismy. A co się dotycze Zaporoża, czołnow morskich y straży zwyczayney, obowiązuiemy się: iż skoro będzie wskazanie Jasnie Wielmożnych Ich Mosc panow Hetmanow coronnych y kommisarzow, na to naznaczonych, gotowysmy ruszyc się, czołny, gdzie będzie roskazanie, takie popalic y czerń, ktora by nad liczbe naznaczoną do straży tam była, z Zaporoza wyprowadzic, co się zas dotycze samych regestrow, ktore na ten czas są klęską naszą pomieszane, tedy poddaiemy się pod miłoserdzie y wolą Jego Krolewskie Mosci y wszystkiey rzeczy pospolitey, tudzież Jasnie Wielmożnych Ich Mosciow panow Hetmanow coronnych; są według tego computu, ktory Ich Mość panowie commisarze sporządzą y w takim porządku, w iakim nas same miłosierdzie Jego Krolewskiey Mosci pana naszego miłosciwego miec zechce, y w zupełney wierze, cnocie y poddanstwie rzeczy pospolitey trwac na potomne czasy mamy y będziemy. To wszystko, podniusszy ręce do Nieba, poprzysięgamy y tak to wszystko, dla wieczney y niesmiertelney pamiątki, tak pokarania nas za wystempki nasze, aby na potomne czasy nikt się nie ważył takowych buntow, iako y miłosierdzia nad nami pokazanego, to pismo y obowiązek nasz krwawy, pod pieczęcią woyskową y s podpisem ręki pisarza woyskowego, ktory to obowiązek nasz zawsze przy regestrach woyskowych, z act grodskich Kijowskich ma byc, przy kożdym pisarzu woyskowym, abysmy byli pamiętni temu tak pokaraniu naszemu, iako miłosierdziu Jego Krolewskiey Mosci y wszystkiey rzeczy pospolitey. Pisan w zupołney radzie pod Borowicą, w wilią Bożego narodzenia, swięta

Rzymskiego, Roku Panskiego tysiąc szescset trzydziestego siodmego. У тое присеги печать Войсковая притисненая одна, а подписъ руки тыми словы: Bohdan Chmielnicky, ymieлiem wszystkiego woyska Jego Krol. Mosci Zaporozskiego, iako pisarz woyskowy przy pieczęcy woyskowey ręką własną (manu propria). А такъ я, наместникъ тую присегу, за поданемъ и прозбою вышъ менованого, его милости подаючого, принявши, съ початку, всю ажъ до конца, такъ, яко се въ собе маетъ, написана и подана естъ, до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, самый орикналъ же тому подаваючому выдати росказавши, вписати есми казалъ. И естъ вписаная.

Книга гродская Владимiрская, 1638 года, № 40, листъ 390 на оборотъ.

CII.

Жалованная грамота, выданная Королемъ Владиславомъ четвертымъ Мацѣю Доманскому, рядовому изъ хоругви Лаща, на право завладѣть конфискованными имѣніями, участвовавшихъ въ возмущеніи, Козаковъ: Яхна Жилинскаго и Яцка Остраницы. 1638. Апрѣля 1.

Władysław IV, z łaski Bożej Król Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Inflanskie, a Szwedzki, Gottski, Wandalski dziedziczny Król. Wszem wobec i każdemu z osobna, komu o tem wiedzieć należy, oznajmujemy: isz my dobra wszystkie ruchome y nieruchome, po Jachnie Żylińskim y Jacku Ostranicy, Kozakach Kijowskich, rebellizantach, do dispozitiey naszey przypadłe, szlachetnemu Maciejowi Domańskiemu, żołnierzowi z pod chorągwie urodzonego Samuela Łaszcza Tuczapskiego, Strażnika Koronnego Owrócкiego, Kaniowskiego Starosty, prawem wiecznym dać y conferować umyślilismy. Jakosz tym listem naszym dajemy y konferujemy tak, aby tych dóbr prawem dochodził y, Decretem przysądzone, trzymał i zażywał. Co do wiadomości wszystkich, komu to wiedziec należy, a mianowicie Urzędów tak grodskich jako y mieyskich y innych, pod

krórych się jurisdikcyą dobra pomienione znajdą, przywodząc, rozkazujemy, aby za regwizicyą pomienionego Macieja Domańskiego, tę Donacyą nasze do skutku przywiedli, y w dochodzeniu przerzeczonych dóbr y onych possessiey pomocni byli, dla łaski naszey. Na co dla lepszey wiary, ręką naszą ten list podpisany, pieczęcią koronną zapieczętować rozkazalismy. Dan w Warszawie, dnia pierwszego miesiąca Kwietnia roku Pańskiego tysiąc szesćset trzydziestego ósmego. Vladislaus rex. Ioannes Gembicki, Secretarius Sacrae regiae majestatis.

Акты метрики Коронной, № *183, 1638 года, стъ 21.*

CIII.

Приговоръ Люблинскаго Трибунала, осуждающій Адама Мазепу на инфамію и смертную казнь, вслѣдствіе жалобы Андрея и Теофилы Зеленскихъ, обвинявшихъ Мазепу въ убіеніи ихъ отца, Яна Зеленского. 1638. Мая 14.

Року тисеча шестсотъ тридцеть осмого, месеца Мая чотирнадцетого дня.

Передъ судъ нинешний, головный, трибуналский, коронный, Любелский приточиласе справа, зъ реестру судового за приволанемъ возного, шляхетного Яна Чайковича, межи урожоными паны: Андреемъ, сыномъ а Теофилею, цоркою Зеленскими, потомками съ того света зошлого, Яна Зеленского, зъ бытностю и притомностю урожоное панее Барбары Кгромацкого, малжонки помененого зошлого Яна Зеленского, матки и опекунки ихъ, поводами, а урожонымъ паномъ Адамомъ Мазепою, позванымъ, за одосланьемъ отъ суду кгродского Володимерского позваного на инфамию и ее публикацию и за припозвомъ головнымъ трибуналскимъ, до того одосланя, отъ поводовъ по позваныхъ на

терминъ консерватъ теперешънихъ выданымъ, теды, постановившисе у суду нинешнего, поводове сами очевисто позваного, ижъ се, за приволанемъ возного вышъ помененого, не отозвалъ, до права не становилъ и о нестаню своемъ жадное ведомости судови нинешънему и стороне поводовой не далъ, оного яко несталого и права посполитого непослушъного, зъ допусченья судового на упадъ въ зыску речи, въ позве нижей инъсерованомъ, меновите выражоное и въ вине ниъфамии и ее публикации, зъ волнымъ однакъ тое справы арештомъ до звыклое годины, вздали на позовъ трибуналский, въ тые слова писаный: Владыславъ четвертый, зъ ласки Божое Король Полский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Инфлянтский, а Шведский, Кготский, Вандалский дедичный Король. Урожоному Адамови Мазепе, яко неоселому, зъ особы твоее власное и зо всихъ добръ твоихъ, приказуемъ, абысь передъ судомъ нашимъ головнымъ, трибуналскимъ, коронымъ, любелскимъ, на консерватахъ воеводствъ Киевского, Волынского, Браславского и Черниговского, въ року теперешънемъ, тисеча шестсотъ тридцеть осмомъ, найпервей по дате и положенъю того позву припадаючихъ и сужоныхъ, въ тотъ часъ, кгды тая справа зъ реестру судового приволана будетъ, тамъ обличне сталъ, на жалобу и правъное попарте урожоныхъ: Андрея, сына а Теофили, цорки Зеленскихъ, потомковъ, съ того света зошлого, Яна Зеленского, которые зъ бытностю и притомностю урожоное панее Барбары Кгромацкаго, малжонки помененого зошлого Яна Зеленкого, яко матки и опекунки своее прирожоное, верность твою позываютъ, прихиляючисе до дек

рету суду кгродского Володимерского, въ року прошломъ, тисеча шесть сотъ тридцеть семомъ, месеца Ноября двадцеть шостого дня учиненого, въ справе презъ сторону поводовую верности твоей, о окрутное забите и замордованъе урожоного, зошлого Яна Зеленского на смерть и о вины, за тымъ походячие, интентованой, въ которой справе помененный судъ кгродский володимерский, мужобойский поступокъ, презъ тебе доброволне и умыслне пополненый, на горло всказалъ, а, ижъ се до караня на горле нестановилъ, теды на тобе, яко упорномъ и права посполитого неслушномъ, за тотъ таковый твой поступокъ, всказаня и пубкикованя презъ судъ головный трибуналский вине инфамии и ее публикации, тую справу до суду головъного, трибуналу коронного любелского, межи справы консерватъные восводствъ Киевъского, Волынского, Браславского и Черниговъского одослалъ, и рокъ сторонамъ обомъ въ той часъ, и такий який водлугъ права и ординацыи трибуналское, за припозвомъ отъ поводовъ на верность твою выданнымъ, припадетъ, назначилъ и заховалъ, яко о томъ ширей и достаточней декретъ помененый суду кгродского володимерского въ собе обмовляетъ, до которого и права посполитого сторона поводовая прихиляючисе, и тотъ позовъ стосуючи, верность твою, до всказаня и ексътендованя на тобе, за тотъ учинокъ презъ тебе пополненый, винъ горловыхъ и чти отсуженя позываетъ и припозываетъ на рокъ вышъ написаный, на которомъ, яко на завитомъ, абысь сталъ, всказаня и екъстендованя на тобе винъ правныхъ горловыхъ, такому учинкови годныхъ, припатрилъ и декретови суду головного трибуналу любелского, який

въ той справе учиненый, ферованый будетъ, прослухалъ и въ томъ се всемъ наконецъ, зъ стороною поводовою росправилъ. Писанъ у Володимери, року тисеча шесть сотъ тридцеть семого, месеца Декабря второго дня, которого вздания, ижъ позваный, будучи о године звыклой арештовой, до арешту тое справы, презъ тогожъ, вышъ помененого Возного приволыванъ, не арештовалъ и арештовати не хотелъ, а пречечоные поводове долiпого поступъку правъного на немъ, яко несталомъ и права посполитого непослушномъ, домавялисе, про то, судъ нинешний головный трибуналский, за нестанемъ позваного, а за домовенъемъ се и правъными поступъками помененыхъ поводовъ, прихиляючисе въ томъ до права посполитого, въ данномъ тое справы поступъку, въ способъ зыску вины правъные, то есть горловые, за учинокъ вышъ помененый, презъ него пополненый, на помененомъ позваномъ, Адаму Мазепе присужаетъ; а ижъ позваный до ростягненя и екстендованъя тыхъ винъ горловыхъ, на собе вказаныхъ, передъ судомъ нинешънимъ не становилъ; теды на немъ судъ головный трыбуналский вину инъфамии, выволаня съ панствъ коронныхъ и великого князства Литовъского вказуетъ и возного судового, шляхетного Яна Чайковича, до обволаня и публикованя тое на позваномъ инфамии, придаетъ, который то возный, чинечи досыть росказаню судовому и съ повинности уряду своего, тую инъфамию на позваномъ, тутъ, на ратушу любелскомъ, при бытности велю людей зацныхъ зъ розныхъ воеводствъ згромажоныхъ, справъ своихъ у суду пилнуючихъ, голосомъ вынеслымъ обволалъ и публикокалъ, приводечи то всѣмъ до ведомости, абы съ пречечонымъ позванымъ

Адамомъ Мазепою, яко инъфамисомъ, цти отсужонымъ и правомъ переконанымъ жадного сполку, ани обцованя не мели, рады и помочи ему ни въ чомъ не додавали, въ домахъ и маетностяхъ своихъ не переховывали, але се зъ нимъ, яко выволанцомъ, во всемъ, водле срокгости правное заховали, подъ винами, въ праве посполитомъ описаными; о чомъ тотъ возный, ижъ тую инфамию на позваномъ обволалъ и публиковалъ, очевисто передъ судомъ нинешнимъ ставъши, реляцию свою учинилъ и созналъ, а, по обволаню и публикованю на позваномъ тое инъфамии, судъ нинешний тую справу на моцную, скутечную и не одволаную екзекуцию, до суду и уряду кгродского, земского, володимерского и иншого вшелякого, подъ которого бы юрисдикъциею добра позваного были и самъ особою своею перемешъкивалъ, отсылаетъ, который то судъ и урядъ кгродский земский володимерский и инший вшелякий, добрамъ и особе позваного належныхъ, отправу моцную, скутечную и неодволочную екзекуцию, на вшелякихъ добрахъ позваного лежачихъ, рухомыхъ, сумахъ пенежныхъ и на самой особе, то есть на горле, за реквированемъ стороны поводовое и оказанемъ декрету нинешънего, где бы колвекъ былъ пристигъненый, не одволочне учинити и выконати маетъ и будетъ, подъ винами, въ праве посполитомъ описаными. Што все для памети до книгъ есть записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, Воеводства Брацлавскаго 1638 года, справа 375.

CIV.

Жалоба Николая Пронского, слуги Пана Максимиліяна Брозовского на Козаковъ въ томъ, что во время отсутствія Пана, отправившагося въ походъ за Днѣпръ, они, собравшись числомъ 4,000, на маетность его Триполье напали, замокъ, местечко и села ограбили и слугъ поубивали и поранили. 1638. Іюля 21.

Року тисеча шесть сотъ тридцатъ осмого, месеца Юля двадцатъ першого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Житомирскомъ, передо мною, Станиславомъ Древновскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ обличне постанововшисе шляхетный панъ Миколай Пронский, слуга урожоного его милости, пана Максимилияна на Брозовци Брезовского, Подстолего Киевского, именемъ пана своего также и слугъ его, ниже менованыхъ, оповедалъ и протестовалъсе въ тотъ способъ: ижъ часу недавного, въ року нинейшимъ, тисеча шестъ сотъ тридцатъ осмомъ. месеца Юня четвертого, пятого и шостого дня, своеволство козацкое, которыхъ имена въ заприми такъ (sic) прудко трудно

ведати, може кгдыжъ ихъ было до чотырохъ тисечей гултайства, наехавши моцно кгвалтомъ на домъ власный его милости пана Подстолего, пана его, замокъ триполский, на место, села и все волостъ Триполскую, тамъ же, презъ дней килка лежачи, безъ вшелякого милосердя, боязни Боже, пристойности вшелякой, стыду, розные збытки, кгвалты, окрутенства, забойства, лупы почынили, маестностъ всю рухомую, въ замку будучу, изъ коморъ, изъ лямузовъ, съпижарней побрали, полупили особливе: скрыне, шкатулы зъ розными речами и справами, привилиями розными, такъ на добра, въ Киевскомъ воеводстве лежачие, ограниченя ихъ, яко тежъ на добра Сиверские, въ князстве Смоленскомъ лежачие и въ иныхъ поветахъ, а имъ и продкомъ ихъ служачие, побрали; армату и аппарамента до ней належачой, быдло, стадо, спрятъ домовый такъ въ замку, яко тежъ по подвиркахъ въ месте и по селахъ побрали, поплюндровали, пошарпали и фундитусъ знесли, выхалупили (sic), розные кгвалты людемъ убогимъ починили, некоторыхъ тиранско позабияли, помордовали, побили, поранили и тые лупы, едне до обозу своего, другие до домовъ своихъ порозвозили и роспровадили; якожъ доведавшисе о йменахъ такъ тыхъ зрайцовъ, которые то кгвалты и наязды робили, яко и тыхъ, которы ихъ переховываютъ и речи тые полупаные у въ ызбе маютъ, панъ его не занехаетъ правне поступокъ (доходити), звротившисе, дай Панъ Богъ, (зъ) екъспедыцый, на которую (зъ) слугами своими и зъ людми его милости пана Воеводы Краковского, до его милости пана Гетмана, за Днеперъ пошолъ, А то естъ меновите: слугъ его милости пана Подстолего, въ дому его ми-

лости, въ Трыполю позабияли и окрутне помордовали шляхетныхъ: Янышевского окрутне ростреляли, Костенецкого забили, Адама Лубковского, возного, пулъ мили одъ Трыполя, на дорози до Люблина съ справами едучого, погънавши, окрутне, не литостиве побили, помордовали, заледво живого, зъ оденя обраного, на дорозе зъмарлого, поруцили и справы пошарпали; иншихъ тежъ людей немало, подданыхъ и жидовъ тамошнихъ позабияли, поранили и зо всей маетности огколотили, обнажили и тую маетность его милости въ нивечъ спустошили, о што, оферуючисе и шире протестацыю, за взятемъ ведомости и за звороченемъ пана своего, занестъ, тотъ помененый слуга, именемъ пана Подстолего и всихъ, которы до того належутъ, занеслъ тое протестацию. Просилъ, абы была и до книгъ записана, што отрымалъ.

Книга замковая Житомирская съ 1590—1644 г., листъ 345.

CV.

Приговоръ Воеводы Витебскаго Яна Глебовича, надъ крестьянами села Глазомичъ, приговаривающій ихъ къ наказанію, положенному для разбойниковъ, за то, что они пропускаютъ изъ за Московской границы бѣглыхъ людей, Козаковъ; и вмѣсто того, чтобы доставлять ихъ до уряду, сами ихъ разбиваютъ и грабятъ. 163..

Для памети Панъ *) его милость казалъ записати, што поведилъ его милости наместникъ Илемницкий, Янъ Лось: ижъ, гды ездилъ до езду (sic) и, попъ Илемницкий зъ волости Глазомицкое приехавшы къ нему, поведилъ: ижъ виделъ въ Глазомичахъ Козаковъ, которые зъ заграничья прибегли, и наместникъ тогожъ часу до Глазомичъ послалъ слугу своего, Сташка зъ рыскуномъ (sic) Илемницкимъ, зъ Борысомъ доведатися о тыхъ Козакахъ; старецъ Глазомицкий напротивъ того поведилъ, ижъ, зъ росказанъя пана своего, заказалъ людемъ всимъ Глазомицкимъ, которые надъ рекою Касплею живуть, бо онъ самъ поведилъ, ижъ отъ тое реки подалеко мешкаетъ, абы ниякихъ людей беглыхъ зъ заграничъя до Сошковичь не пропу-

*) т. е. панъ Янъ Юрьевичъ Глебовичъ Воевода Витебскій.

скали, а ижъ бы они ему, яко старцу узвещали, и такихъ людей враду городовому, або Илемницкому наместнику посылали; а тые Козаки якъ въ човне Касплею рекою съ Торопца ехали, и прыехали были мимо людей пана моего, и бегли были до Кошевичъ, и люди пана моего, поймавши ихъ близко Кошевичь, и послали ихъ ку мне, черезъ детину малого, и они, того детину вдарывши, и пошли прочъ; а которые речы при нихъ были, тые, въ нихъ побравши, и подаваломъ ихъ наместнику Илемницкому. А тотъ рискунъ поведилъ: якомъ до Глазомичь приехалъ съ слугою наместниковымъ, съ посланъя наместникового, и знашолъ есмы тыхъ Козаковъ, стоячыхъ на поли водле Михалева двора, и почалъ есми ихъ пытати при мещанини Витебскомъ, который на тотъ часъ тамъ былъ, при Якове, што вы за люди, и они поведили: естесмо Козаки, беглые люди съ Торопца; и мовилемъ имъ: штожъ вы тутъ чините; и они отказали: тутъ насъ розбито. Якожъ тые Козаки, сами передъ нами стоячи, познали дву человековъ Глозомицкихъ на имя: Павуста и Романца, ижъ они ихъ обрали, и панъ его милость тыхъ людей пыталъ, естли они ихъ обрали, а для чого, и они рекли: ижъ есмо тыхъ Козаковъ самихъ головами до врадника Илемницкаго послали, а ихъ речей побрали для того, ижъ то не на вашъ, але на нашъ врадъ приходить; и панъ его милость, порозумевши, гдыжъ они таковыхъ людей, чересъ наказъ Господара своего, пана Бобоедовъ, который имъ очевисто передъ паномъ его милостью вчинилъ, пропускаютъ и обираютъ, а до враду ихъ не посылаютъ, въ томъ ихъ винныхъ знашолъ, и казалъ его милость

дати ихъ въ казнь господарскую, абы были за то скарани такъ, яко розбойники. А при томъ были: панъ Янъ Хрщоновичъ, Старостичь Мстиславский, а Городничий Господарский Витебский, панъ Романъ Гарасимовичъ, а Василей Копотъ, конюший земский, а Андрей Гарасимовичъ, а Глебъ Шапка, Ловчий земский, а Александръ Олехновичь, а Войтъ места Витебского, Ивашко Крупеничъ, а Федоръ Кострыца, а Кузма и Тишко Селезеневичи, мещане Витебские. Писанъ у Витебску, Мая пятый день.

Изъ метрическихъ книгъ, состоящихъ при 3-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. Книга записей, № 16, страница 74—75.

Примѣч. Книга эта содержитъ справы судовыя бояръ, мѣщанъ и волостныхъ людей Витебскаго и Полоцкаго повету, за пана Яна Юрьевича Глебовича, Воеводы Витебскаго и потомъ Полоцкаго отправованыхъ, отъ року тисеча пятьсотъ трыдцатого, ажъ до року тисеча пятьсотъ трыдцать осмого.

CVI.

Объявленіе шляхтича Соботкевича о томъ, что онъ уже помирился съ козацкимъ Асауломъ Стрельницкимъ, съ которымъ завелъ искъ, по поводу нанесенныхъ ему Стрельницкимъ обидъ. При посредничествѣ пріятелей онъ отъ Стрельницкаго удовлетвореніе получилъ и потому дѣло прекращается. 1641. Марта 21.

Року тисеча шесть сотъ чотирдесятъ первого, месеца Марца двадцатъ первого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Луцкомъ, передо мною, Анъдреемъ Гуляницкимъ, наместникомъ подъстароства Луцкого и книгами нинешъними кгродскими Луцъкими, постановившисе очевисто урожоный панъ Самоелъ Соботъкевичъ, для вписаня до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцкихъ сознал тыми словы: ижъ што былъ въ року прошломъ, тисеча шесть сотъ чотирдесятомъ, месеца Августа пятого дня, Асаула козацъкий, войска Запорозского козацъкого, шляхетный Игнатъ Калипинъ Стрелницъкий побилъ былъ на доброволной дорозе и подеспектовалъ помененого сознаваючого, и однялъ му былъ

шапку великую ягудъ, зъ козаками своими упивъшисе у Краковянъки горелки и дивы броячи, где вже и протестацые зашли были, яко и возного реляцые; теды ... за вложенемъ се въ то ихъ милости, пановъ приятелъ зъобополныхъ и, взявши одъ пана Стрелъницъкого сатисфакцыю, съ которое протестацыи квитуетъ и вечъне волною чинитъ; до дохоженя южъ тое справы, вечъное милъчене на вси пришлые и потомные часы завираетъ, и, то зознавъши, просилъ, абы тое его сознане принято и до книгъ записано было, што отрималъ.

Книга гродская Луцкая, 1641 г., № 48, листъ 399.

CVII.

Универсалъ королевскій, приказывающій всѣмъ урядамъ Воеводства Волынскаго разгонять свовольныя купы, образовавшіяся изъ людей подвергнувшихся уголовнымъ декретамъ и обеспечивать отъ нихъ личности и имущества жителей. 1643. Марта 14.

Року тисеча шесть сотъ чотырдесятъ третего, месеца Априля двадцать второго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевъское Милости Луцъкомъ, передо мною, Анъдреемъ Гуляницкимъ, наместникомъ подстароства Луцкого и книгами нинешными кгродскими Луцкими, становши очевисто шляхетный Иванъ Куковский, возный, именемъ урожоное ее милости панее Катарины Карсницкого Войтеховое Рокгуское, Войское Лятичовское, для вписаня до книгъ нинешныхъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ перъ облятамъ листъ Его Королевское Милости, зъ печатю коронною меншое канцелярии притисненою и съ подписомъ руки Его Королевское Милости до ихъ милости пановъ Старостовъ и ихъ Наместниковъ, Подстаростихъ, Буркграбихъ и инщихъ шляхетныхъ урядовъ

кгродскихъ и земскихъ воеводства Волынского, въ справе певной писаный, а о томъ шире въ собе обмовляючий, просечи, абы принятъ и до книхъ уписанъ былъ, которого я, врядъ, для вписаня приймуючи, а заховуючись въ томъ до права посполитого, оного возного подаваючого до публикации того листу, придавши, читалемъ и такъ се въ собе, писмомъ Полскимъ писаный, маетъ: Władysław czwarty, z łaski Bożey Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudskie, Inflantskie, Smolenskie, Czernihowskie, a Szwedski, Gottski, Wandalski dziedziczny Krol. Wszem wobec y każdemu z osobna, a osobliwie: Starostom naszym y ich Namiestnikom, Podstaroscim, Burgrabim y wszelakim ynnym urzędom grodskim y ziemskim Woiewodstwa Wołynskiego, wiernie nam miłym łaskę naszą krolewską. Dochodzi to wiadomosci naszey, iż w powiecie Łuckim zachodzą wielkie od ludzi swowolnych niebezpieczęstwa, ktorzy dla otrzymanych na sobie przez rozne osoby processow, zaniechawszy wszelakich sposobow słusznych, a jure communi do gwałtow, od przystoynosci ad latrocinia udaią sie y, oswobodzenia swego od ciężarow prawnych in licentia szukaiąc, domy stanu szlacheckiego naiezdzaią, dostatky y dobra ich in . . . . . zabieraią, mordy, zaboystwa y insze tym podobne gwałtowne excessy, pokoy pospolity wzruszaiące, czynią. Przeto zabiegaiąc tego, aby sie w panstwach naszych, powszechnym od nieprzyiaciela postronnego pokoiem, zaszczęsciem panowania naszego, fortunnie quitniących, domowa nie pomnażała licentia, y bezpieczęstwo wszelakie inter concives zachowane było, do wiadomosci to wszech wyżey pomienionych urzędow, a osobliwie Starosty naszego Łuckiego podaiąc, roska-

zuiemy wiernosciom waszym: abyscie s powinnosci, prawem pospolitym de reprimendis tumultibus na urzędy swoie włożoney, takowych ludzi swowolnych uskromili, przeciwko nim, iako Bożego y ludzkiego prawa gwałtownikom, postąpili, y aby, tak stanu szlacheckiego osoby, iako wszelakiey conditiey ludzie y dobra ich, pokoiem pospolitym obwarowane, takowym niebezpieczęstwom domowym więcey nie podlegali, jako najpilniej tego przestrzegali z urzędow y powinnosci swoiey y dla łaski naszey. Który to uniwersał, dla większey pewnosci, ręką naszą podpisuiemy y, aby tym prędzey wiadomosci wszystkich doszedł, do act grodskich Łuckich podac, y według zwyczaiu publicowac roskazuiemy. Dan w Warszawie, dnia XII miesiąca Marca, roku Panskiego MDCXLtrzeciego. Panowania Krolewstw naszych Polskiego y Szwedskiego XI roku. У того универсалу Его Королевское Милости печать коронная менъшое канъцеллярии естъ притисненая, а подписъ руки Его Королевское Милости тыми словы: Vladislaus rex. А по принятъю и прочитанъю того листу Его Королевское Милости универсалу, возный вышъ менованый, шляхетный Иванъ Куковъский, чинечи досытъ росказаню урядовому и зъ повинности уряду своего Возновского, тотъ листъ Его Королевское Милости универсалъ на местцахъ звыклыхъ, голосомъ вынеслымъ обволалъ и публиковалъ и о томъ реляцию свою того обволаня передо мною, урядомъ учинилъ и созналъ, просечи, абы то все: такъ тотъ листъ Его Королевское Милости, яко и его публикация и реляция до книгъ были принятые и записаные. Што естъ записано.

Книга грод. Луцкая 1643 г., № 50, л. 617 на об.

CVIII.

Жалоба Адама Киселя, Каштеляна Черниговскаго на Адама Душинскаго, Полковника Переяславскаго и товарищей его, въ томъ, что они, вопреки Конституціямъ сеймовымъ, безъ позволенія Гетмана Коронпаго лежи свои оставили, и съ хоругвями козацкою и драгунскою, именья Киселя, за Днѣпромъ лежащія, заняли, насильно квартиры для ссбя вытребовали, и многія насилія жителямъ причиняли, требуя отъ нихъ значительнаго выкупу. 1645. Апрѣля 11.

Року тисеча шестъ сотъ чотырдесятъ пятого, месеца Априля одинадцатого дня.

Пришедши до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ и до мене, Петра Сосновъского, буркграбего Володимерского персоналитеръ, урожоный панъ Янъ Сосницъкий, слуга велможного его милости пана Адама зъ Брусилова Киселя, Каштеляна Черниговъского, Старосты Носовъского, яко посланый одъ его милости, именемъ его милости, соленъную и утяжливую занеслъ протестацию, противко урожонымъ ихъ милости паномъ: Адамови Душинскому, войска Запорозского, пулъку Переяславъского, водлугъ ординации речи посполитое, конъституциею анъни ти-

сеча шестъ сотъ тридцатъ осмого выражоное, для затрыманя въ добромъ порядку войска Запорозкого Козаковъ и, для забеженя своеволи, ординованому зъ хорогвою Козацкою пиняжною и дракгановъ другою, пулковникови, также урожонымъ пану Непокойчицкому, поручникови, пану Жванови, хоружому и всему товарыству, его милости номине етъ кокгномине лепей ведомымъ, подъ датою теперешнею, въ службе и реестре хорогвы его завераючимъсе, также капитанови, албо рачей поручникови тогожъ пана пулковника, дракганскому и зъ нымъ будучимъ дракганомъ, жолъдатомъ о томъ: ижъ его милость панъ пулъковникъ зъ поменеными двема комъпаниями своими, для вчасу обывателевъ Украинъных, для погамованя своеволи будучи ординатусъ помененою конъституциею анъни тисеча шестъ сотъ тридцатъ осмого, абы завъше при полъку своемъ резидовалъ; смелъ и важилсе, ухвалу речи посполитое и ординацию тую зламавши, ранкоръ приватный якийсъ противко помененому его милости пану Черниговъскому завзявши, и на знисчене добръ его, на Заднипру будучихъ, ленъныхъ: Кобысчи, Козаркгроду, а доживотныхъ Носовъскихъ усадившисе, рушитисъ зъ резиденъции своее правомъ упривилеованое и ординованое, Переяславя, одъ пулку своего, на волость, зъ тыми хорогвями обема пиняжными, прибравши собе макгнамъ катервамъ козацтва до килка сотъ, срокгость конституциею анъни тисеча шестъ сотъ двадцатъ четвертого, которая обострала, абы жаденъ ротмистръ и жаденъ зверхный не важилъсе лежъ самъ собе оберати и чинити, такъ въ добрахъ Его Королевское Милости, яко духовныхъ и шляхецкихъ, если оселый подъ виною двохъ тисечей

гривенъ и заплаченемъ шкодъ вшелякихъ, если не оселый субъ пена капитисъ, легце поваживши; не толко не маючи становиска и лежи, назначоное собе, въ добрахъ помененыхъ протестуючогосе, владзою и зверхностю ясне велможного его милости пана Краковъского, Гетмана великого коронъного, але овшемъ, маючи ексъпресъсалее етъ ординационе реипублице семперъ фиксумъ локумъ становиска своего циркумъскриптумъ дефинитумъ, а то, жебысе никгде стамтолъ не важилъ рушати, ветитумъ; теперъ свижо, въ року теперешнемъ, тисеча шестъ сотъ чотырдесятъ пятомъ, первей ноцлегами добра ленъные протестуючогосе утяживъши, въ Носовце, дня двадцать четвертого Марца, кгды, справуючисе водлугъ ординации помененое речи посполитое, анъни тисеча шестъ сотъ тридцать осмого, ижъ не естъ повинъность ихъ милости, одъ пулъку на волость выходити мулътисъ номинибусъ ексъпостульовано и универсалъ ясне велъможного его милости пана Краковъского, Гетмана великого коронъного, въ которомъ тые добра одъ вшелякихъ становискъ суть ексъципованые, а при томъ конъституцию, анъно тисеча шестъ сотъ двадцатъ четвертого, такъ суровую, же нихто собе самъ становиска оберати не маетъ, продукуючи, прошоно, абы кгвалътъ праву посполитому и универсалови его милости пана Краковъского, Гетмана найвышшого речи посполитое не деялъсе; ви етъ виолентеръ, такъ, яко до потребы, панове поручники оденъ козацкое а другий дракганское компании, тотъ зъ хорогвою Полъскою, а овъ зъ корнетомъ Немецкимъ, скочивши до брамы и браму выбивши, вуйшлы; вшедши, заразъ войта и месчанъ Носовъскихъ зъ юрисдиции замковое взявши, казали собе быти

посълушънымъ, подводы, которые ишъли зо зъбожемъ до Лоева, до Днипру, въ личбе чотыриста, завернули, презъ што, до великое шкоды, ижъ тое збоже, которое сплынути мело до Борысова, зостало, приправили, а потомъ, расписавъши (на) господы стацию незносную, зкладати собе таковую, которая фундитусъ тые добра знести муситъ, росказали; чому забегаючи, пултори тисечи золотыхъ, зъ власное шкатулы его милости нана Черниговского кгды давано, просечи, абы уступили и одъ такого знисченя тыхъ добръ суперъцедовали, ихъ милостъ собе тисечу талеровъ битыхъ дати росказывали; чому, кгды не можоно адъ презенъсъ встарчити, а принамней о почикане остатка прошоно, ихъ милость, тымъ се не контентовавши, яко на становиску розгостилисе, стации на килъка тисечей золотыхъ, которая реестромъ фиделитеръ списанымъ ликвидована и юраменътомъ одъ месчанъ Носовъскихъ компробована будетъ, ексъторсерунтъ; въ тымъ есче не контенътуючисе, гукъ ускве тамже становискомъ стоятъ, добра ленъные Кобысчъ и Козаркгродъ также расписавши, стацие незносные вытягаютъ, подданыхъ на кождый день бъютъ, деспектуютъ, меды, пива, горелъки куповати собе, также рыби у своихъ шинкарокъ, которые зъ Запорожа припровадили, примушаютъ и таковые кривды, шкоды и збытки, яковые передъ тымъ, подъ часъ своеволи козацкое заледве знайдоватисе могли, чинятъ; таковый теды жаль тяжкий, опресию зкгвалъчене ординации речи посполитое, конституциею анъни тисеча шестъ сотъ тридцатъ осмого описаное, также конъституции анъни тисеча шестъ сотъ двадцать четвертого и инъшихъ всихъ, де дисциплина милитари выражоныхъ, становиско безъ воли и ведо-

мости зверхности гетманское учиненое, высѣте на волостъ одъ пулѣку зъ резиденции одъ речи посполитое конституциею детерминованое, также вси виоленѣцие, кривды, шкоды манифестовалъ, оференѣсъ тую протестацию одъ велъможного его милости пана Черниговъского, и такъ про пенисъ, яко про дамнисъ, итерумъ атѣкве итерумъ соленитеръ протестовалсе, оферуючи его милость пана Черниговъского о то все, проутъ юсъ публикумъ инѣформабитъ, правне чинити. И просилъ, абы тая протестация до актъ принята и записана была, салъвасъ резерватасъ такъ его милости пану Черниговъскому самому, яко слугомъ, подстаростимъ, войтомъ и месчаномъ, поданя ширшое о шкоды, которые теперъ патрантъ 'протестационибусъ. Што естъ принято и записано.

Книга гродская Владимiрская, 1645 года, № 48, листъ 178.

CIX.

Жалоба Адама Киселя на того же Душинского и товарищей его, въ томъ, что они, разоривъ имѣнія его постоемъ, вытребовали у жителей 1000 талеровъ битыхъ выкупу и, съ крайнимъ разореніемъ послѣднихъ, уплотить себѣ эту сумму заставили. 1645. Апрѣля 14.

Року тисеча шестъ сотъ чотырдесятъ пятого, месеца Априля чотырнадъцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною, Петромъ Сосновъскимъ, буркграбимъ замку Володимерского и книгами нинешними кгродскими староститскими, ставовши персоналитеръ урожоный панъ Янъ Сосницкий, именемъ велъможного его милости пана Адама зъ Брусилова Киселя, Каштеляна Черниговъского, занеслъ повторе протестацию противко урожонымъ ихъ милости: пану Адамови Душинскому, пулъковникови, поручникомъ Козацкимъ и даракганскимъ компании, також товариству и жолдатомъ, инъ герендо першои протестации, свежо, въ року теперешнемъ, месеца

Априля дня одинадцатого занесеное, о то, ижъ помененые панове жолнире, наехавши на добра вечные ленъные Кобысчъ и Козаркгродъ, а доживотную Носувъку, на Заднипру лежачие, зъ хорогвями, не толъко кгвалътовне становиско правомъ заказаное, безъ асикгнации гетманское учинили собе и розные стации брали, вытягали, але тежъ пиняжную стацию, тисечу талеровъ битыхъ ексъторсерунътъ, иначей не хотячи уступити зъ добръ помененыхъ; которую суму подданые тамошные убогие складати и оддати мусели, беручи, збываючи воловъ, коней и всего убозтва своего до розныхъ жидовъ, остатокъ зъ власное шкатулы своее, его милости пана Черниговского доложити мусено, жебы толко одъ того кгвалтовного наезду, становиска, виоленций, битъя и деспектовъ а остатное згубы и знисченя добръ помененыхъ уволънитисе могло. Которую то суму, три тисечи золотыхъ вытягнено пенязми готовыми кромъ того, што одъ дня кгвалтовного наезду гукъ усъкве едятъ и пъютъ, собе и люзнымъ людямъ, подъ хорогвями будучимъ, и конямъ берутъ, поприсягнути подданые тамошные часу права готови будутъ; просилъ теды помененый офъферендъ тое протестации, именемъ велъможного его милости Каштеляна Черниговъского, до першое стягаючуюсе, абы до актъ принята и записана была, што отрималъ.

Книга гродская Владимірская, 1645 года, № 48, листъ 187.

CX.

Глейтъ (охранное письмо) выданный Королемъ Адаму Мазепѣ на шесть мѣсяцевъ, во время которыхъ предоставляется ему право безопасно пребывать въ земляхъ республики и стараться объ уничтоженіи приговора Люблинскаго Трибунала. Глейтъ этотъ выданъ на томъ основаніи, что онъ съ стороною заведшею искъ помирился и пеню ей за убіеніе отца уплотилъ. 1645. Іюля 8.

Року тисеча шесть сотъ чотырдесятъ пятого, месеца Июля чотырнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мною, Викториномъ Францишкомъ Крушинскимъ, на тотъ часъ наместникомъ подстароства и замъку Володимерскихъ и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто урожоный панъ Романъ Городинский, именемъ урожоного его милости пана Адама Мазепы, кглейтъ одъ Его Королевское Милости, пана нашого милостивого, вышей менованому его милости пану Мазепе, въ справе зъ урожоными паны Андреемъ сыномъ, а Теофилею цоркою, некгды зошлого, урожоного Яна Зеленъского потомками, съ притомностю урожоное

Барбары Кгромацкого, матки й опекунъки ихъ, а тогожъ Яна Зеленъского малжонъки позосталое, датою въ Варшаве, дня осмого, месеца Липъца, року теперъ идучого, вышей на акъте мекованого, писаный и даный, для вписанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ перъ облятамъ подалъ, такъ се въ собе маючий: Władisław czwarty z Bożey łaski Krol Polski, Wielkie Xiąże Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflanskie, Smolenskie, Czernihowskie, a Szwedski, Gotski, Wandalski dziedziczny Krol. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobiec y każdemu z osobna, komu to wiedziec należy: przełożono nam, szlachetnego Adama Mazepy imieniem, iż na nim szlachetni Andrzey syn y Theophila córka, niegdy zeszłego, szlachetnego Jana Zielinskiego potomkowie, z przytomnoscią szlachetney Barbary Gromadzkiego, matki y opiekunki swey, a tegoz Zielenskiego małżonky pozostałey, o zabicie y zamordowanie umyslnie tegosz szlachetnego Jana Zielenskiego, oyca, małżąka swego y o winy prawne, stąd pochodzące, infamią w sądzie głownem trybunalskim Lubelskim na konserwatach woiewodzstwa Brasławskiego, w roku tysiąc szesc seth trzydiestym osmym, dnia czternastego miesiąca Maia in contumaciam otrzymali y publikowali, o czym proces tey sprawy szerzey w sobie swiadczy, a iż strone powodową tenże Mazepa uspokoił, y od niey quit zapłacenia głowy y za szkody stąd pochodzące (cale iednak paenam publikam zachowawszy), przed aktami grodskiemi Łuckiemi przyznany, roku tysiąc szesc seth czterdziestego trzeciego otrymał, supplikował nam, abysmy mu, do zniesienia tey infamiey, przes decret tegoż sądu trybunalskiego, gleit z cancel-

lariey naszey wydac roskazali; my tedy, przychilaiąc sie do quitu przezen, od strony przeciwney otrzymanego y do supplicatiey iego, do nas wniesioney, gleit mu, na zniesienie teyże infamiey, sposobem wyszey pomienionym, wcale iednak paenam publicam zostawiwszy, od daty teraznieyszey, aż do wyscia szesci miesiący, dac y pozwolić umyslilismy; iakoż ninieyszym listem naszym do czasu wyżey opisanego daiemy y pozwolamy, ktorego gleytu naszego mocą y bezpieczęstwem, pomieniony Mazepa, do czasu wyżey opisanego, w coronie y w panstwach naszych bespiecznie mieszkac, infamią te iako naprędzey z siebie znosic, paenae publicae, wedle opisania prawa pospolitego decretu trybunału tegoż in toto dosyc czynić powinien będzie osobą y dobrami iego, pod tą naszą protectią zostawaiącemi, co wszytkim, komu to wiedziec należy, a mianowicie: Starostom mieysc wszelakich y urzędom ich grodskim do wiadomosci donosząc, onym roskazuiemy, aby ten gleit, do act swych wpisawszy, przez woznego obwołac y do wiadomosci przywiesc roskazali, y sami go zachowywali, y od drugich, aby zachowany był, starali sie pod winami gleitu naszego w prawie opisanemi, na co, dla lepszey wiary, pieczęc coronną przycisnąc roskazalismy. Dan w Warszawie, dnia osmego miesiąca Lipca, roku Panskiego tysiąc szescset czterdziestego piątego. Panowania naszego Polskiego trzynastego, Szwedskiego czternastego. Za przełożeniem iasnie wielmożnego Jerzego z Tenczyna Ossolinskiego, Canclerza wielkiego coronnego, Lubaczowskiego, Rylskiego, Adzelskiego sic etc. Starosty. У того кглейту печать коронъная болъшое канъцелярии притисненая, а подписъ рукъ тыми словы: Jerzy Ossolinsky Kanclerz koronny (manu propria) Albertus Krzy-

cky (manu propria). А такъ я, наместнпкъ тотъ кглейтъ, за поданъемъ очевистымъ и прозбою вышей менованого подаваючого, принявъши, съ початку, увесъ ажъ до конъца, такъ яко се въ собе маетъ написаный и поданый естъ, до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ уписати, а по уписаню до книгъ и шляхетному Миколаеви Бохновъвскому, возному енералови воеводства Волынъского, приводечи то всимъ ихъ милостямъ паномъ обывателемъ воеводства Волынъского, а повету тутошнего Володимерского до ведомости, на чотырохъ рогахъ, албо сторонахъ тутъ, въ замку и въ рынъку места тутошнего Володимерского обволати и публиковати росказалемъ; якожъ заразомъ менованый возный, за таковымъ моимъ росказанъемъ, съ повинъности уряду своего возновъского, то все такъ, яко ему одъ мене росказано было, порядне справивъшы, и тотъ кглейтъ публиковавъшы, очевисто передо мною и книгами ставъши, для записанъя до книгъ нинешънихъ явне и доброволне того всего релляцию свою достаточънную учинилъ и зозналъ; а я то все для памети записати казалъ, што естъ записано.

Книга гродская Владимірская, 1645 года, № 47, листъ 586.

CXI.

Привилегія данная Королемъ Владиславомъ IV Адаму Киселю на Каштелянію Кіевскую. Въ ней исчисляются какъ подвиги его предковъ, такъ и собственныя его заслуги. 1646. Февраля 5.

Року тисеча шестъ сотъ чотирдесятъ шостого, месеца Мая одинадъцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевское Милости Володимерскомъ, передо мъною, Анъдреемъ Мисевскимъ, наместникомъ подстароства Володимерского и книгами нинешными кгродскими старостинскими, становши очевисто урожоный панъ Томашъ Нарбулътъ, слуга ясне велъможного его милости пана Адама зъ Брусилова Киселя, Кашътеляна Киевъского, привилей Его Королевское Милости пана, пана нашого Милостивого на кашътелянию Киевъскую, въ року теперъ идучомъ, тисеча шесть сотъ чотырдесятъ шостомъ, месеца Лютого пятого дня, вышъ помененому, ясне велъможному его милости, пану Киселеви, подъ датою въ Варшаве даный, и служачий, для въписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ перъ облятамъ

подалъ, такъ се въ собе маючий: Władysław czwarty, z Bożey łaski Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudskie, Inflanskie, Smolenskie, Czernihowskie, a Szwedski, Gottski, Wandalski dziedziczny Krol. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobec y każdemu z osobna, komu to wiedziec należy. To iest wolnego narodu w tey zacney coronie Polskiey civium, z wielkich i zacnych zrodzonych familiej dzieł i zasług nagroda, iż gdy oni, nie z żadney powinnosci, lecz z wrodzoney ku panom swoim miłosci y ku oyczyznie pobożnosci, do sławy niesmiertelney, do honorow y dignitarstw rzeczy pospolitey uprzedzaiąc sie, certant obfitem krwie wylaniem, zdrowia y substanciey swoich odwagą, przed oczyma naszemi; my z Krolewskiey naszey uwagi, kogo z nich w boiu męstwem, doma rozumem od Pana Boga obdarzonym y radą przodkuiącym bydz widziemy, tego, biorąc ex collegio equestri do Senatu naszego, coraz wyszszym, a boku naszego blizszym mieiscem zdobiemy y obdarzamy; gdy tedy w zacnym y starozytnym domie, originem z Ruskich xiązęcey familiey wiodącym, a ieszcze za Chrabrego Bolesława, Krola Polskiego, do corony Polskiey wcielonym, Swiętoldyczow Kisielow takowe męztwa, wiary y dzieł rycerskich gloriosa nayduią się exempla, że Alexander Swientoldycz Kysiel w wictoriey, nad Swidrigielonem Xiążęciem otrzymaney, Dymitr Swiętoldycz Kysiel w Sokolskiej bitwie z Tatarami, Gniewosz Kisiel, pułkownik swiętey pamięci Zygmunta pirwszego, przodka naszego, w szczęsliwey z Moskwą pod Orszą rozprawie, voverant capita; potym Hrehory Kysiel, pisarz polny y rotmistrz swiętey pamięci Krola Stephana, w bitwie z Moskwą pod Ułą krew obficie wyllał, a

tegoż domu potomek, tamquam genorosus aquilae pullus, dziedzicznych cnot y dzieł przodkow swoich nasladuiąc, wielmożny Adam z Brusiłowa Kysiel, przed tym dworzanin y rotmistrz nasz, w rannym wieku młodosci swoiey, wsiadszy na kon, żadney nie opuscił okaziey, ktorey by nie miał pocztami pierwey, a potym chorągwiami służąc, nam y swiętey pamięci Krolowi Jego Mosci Panu oycu naszemu oswiadczyc gorliwego affectu y dzielnosci swoiey, osobliwie poczowszy od Moskiewskiey pierwszey expediciey naszey: pod Buszą, na Orininie, na Cecorze, w bitwach z Turkami y Tatarami, tudziesz w generalney Tureckiey Chocinskiey expediciey, pod regimentami iasnie wielmożnych Żołkiewskiego, Chotkiewicza, Koniecpolskiego, Hetmanów wielkich, a potym w Pruskiej expedyciej swiętey pamięci Jego Mosci pana oyca naszego, pod Gniewem, w oczach Majestatu naszego, przed wszystkim woyskiem, z chorągwią swoią okrywszy się w ogniu nieprzyiacielskim, dwu braci stryiecznych, Pawła y Gabriela Kisielow Dorohinickich, tamquam hostias za dostoienstwo pana swego, vovit, a trzeci Mikołay Kisiel, rodzony iego, pod tąz chorągwią szkodliwy odnioszszy w głowe postrzał, sangwine purpuravit, congressus z nieprzyiacielem; po szczęsliwey zas coronatiey naszey, gdysmy pod Smolenskiem staneli, y tam, woyska wszytkie sciągnąwszy, całosc granice, od Putiwla, coronney iemu poruczyli, takową nam przysługę uczynił, że zamek nasz Czernihow, od Moskwy oblężony, obsidione liberavit, y dalszą wykonywaiąc wolą nasze, szedszy na Zaporoze, y zaciągnąwszy woyska dwadziescia tysięcy, z wielmożnym Łukaszem Żołkiewskim, Woiewodą Bracławskim, Starostą Kałuskim, tudzież Jeremiem Korybutem, Xiążęciem

Wyszniewieckim złączywszysię, szedł w ziemie Moskiewską, siły nieprzyiacielskie, ktore się na nas kupiły rozrywał, Putiwlskie, Branskie, Siewskie, Rylskie, Kurskie, Kromskie, Karaczowskie, y Bołhowskie włosci ogniem y szablą znosił, a po zawarciu wiecznego pokoiu z Moskwą, z woli naszey y direktiey iasnie wielmożnego Stanisława Koniecpolskiego, Kasztellana Krakowskiego, Hetmana Wielkiego coronnego, poruczane sobie maiąc woysko Zaporohskie, roztropnie y odważnie administrował, gdy za tem ich bunty y rebelle nastąpiły, szedszy do wielmożnego Mikołaja Potockiego, Woiewody Bracławskiego, Hetmana naszego polnego coronnego, w kilku set człowieka victoriey, sczęsliwie nad niemi otrzymaney, dopomogł; na ostatek, zwiedziwszy Zaporoże y wszystkie kozackie sposoby, w dobrym porządku zatrzymania woyska tego srodky, ktore feliciter successerant, podał; commissie też, wiecznych granic coronnych z Moskwą, maiąc włożone na się, z pochwałą y ozdobą odprawował y sczęsliwie skonczył. My tak wysokie y ustawiczne merita pomienionego wielmożnego Adama z Brusiłowa Kysiela y domu iego uważywszy, a przy tem tak dobrze wycwiczonego w sprawach rzeczy pospolitey bydz widząc civem, iż seymow dwadziescia cztery posłem z roznych woiewodstw odprawił y zawsze gloriose stawał, pirwey tytułem Podkomorstwa Czernichowskiego uprzywilejowalismy, a potem Casztellanią Czernichowską, dignitatem senatoriam onemu conferowalismy, na ktorym mieiscu, daiąc powazne y zdrowe consilia swoie, emeruit to, iż onego, iako naibliżey boku naszego miec, postanowilismy przetoż, gdy teraz takowa podała się pirwsza okazia, za zesciem z tego swiata wielmożnego Alexandra Piaseczynskiego Kasztellana

Kyiowskiego, onemu tę Casztellanią Kyiowskiego woiewodstwa generalną, tym ninieyszym przywileiem naszym daiemy i conferuiemy, do postąpienia na wyszsze iescze mieisce, godnosci y meritis iego nalezne, albo do dni zycia iego ze wszystkimi Casztellaniey Kyiowskiey praerogatiwami y przynależnosciami. Co, do wiadomosci wszystkich dignitarzow, urzędnikow y wszystkiego woiewodstwa Kyiowskiego recerstwa przywodząc, miec chcemy y roskazuiemy, aby pomienionego wielmożnego Adama z Brusiłowa Kysieia, za własnego Casztellana Kyiowskiego mieli y znali y onego przy prawach, y praerogatiwach, y przynależnosciach, temu urzędowi zwyczaynych, cale y nie naruszenie zachowali. Na co dla epszey wiary ten list, przywiley nasz, ręką własną naszą kroewską podpis awszy, pieczęcią wielką Coronną zapieczętowac roskazalismy. Dan w Warszawie. Dnia V miesiąca Luiego, roku Panskiego MDCXLVI. Panowania krolewstw naszych Polskiego y Szwedskiego XIV. У того привилею Его Королевское Милости печать завесистая болшое канцелярии притисненая, а подписъ рукъ Его Королевское Милости и секретарское тыми словы: Vladislaus rex. Thomas Ujejski, Krola Jego Mosci sekretarz. А сусцепта зась суду головного трибуналу коронного Любелского на тиле привилею, въ тые слова писаная: anno tysiąc szesc set czterdziestego szostego, dnia wtorego May. Personaliter stanowszy urodzony pan Hrehory Łaską (sie) Czerczycki, imieniem wielmożnego iego mosci pana Adama z Brusiłowa Kisiela, Casztellana Kijowskiego, do zapisania do act ninieyszych, głownych, trybunalskich coronnych, Lubelskich przywiley z łaski Jego Krolewskiey Mosci na też Kasztellanią Kyiowską dany, per oblatam podał, ktory przez

sąd ninieyszy iest przyięty. Zbigneus Olesznicki Marsalcus tribunalis regni capi. Opol. M. z Szolde Szołdrski cast. Bucz. D. W. K., Antoni Jan Tyszkiewicz marszałek W. X. L. Wiłkomirsky, Kolendowski Starosta D. W. K. (m. p.), Stanisław Jełowicki D. W. W. Przyiąłem na miescu iego mosci pana pisarza Bracławskiego. И такъ я, наместникъ, тотъ привилей Его Королевское Милости пана, пана нашого милостивого, за поданемъ и прозбою вышъ менованого подаваючого, принявши, съ початку, увесь ажъ до конца, такъ яко се въ собе маетъ написаный, и поданый естъ до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ въписати казалъ, и естъ вписанъ.

Книга гродская Владимiрская 1646 года, № 49, листъ 705.

Примѣч. Эта привилегiя внесена также въ книги главнаго Трибунала Люблинского, въ книгу Воеводства Черниговского за 1646 годъ, справа 19.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

стран.

стран.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
V.	15	обезпечиваютъ	обеспечиваютъ.
XV.	послѣдняя	озлобленный	ослабленный.
XVI.	25	его	ее.
CXX.	1.	вахъ	правахъ.
10	23	на поменувши	напоменувши.
13	14	constitntio	constitutio
19	2	Каденскій	Коденскій
20	4	штокоштовали	што коштовали
50	14	мети	милости
116	4	шкурами	шнурами
120	послѣдняя	призване	признане
134	16	орозпрошана	порозпрошона
141	1.	Жалба	Жалоба
153	12	уряъ	урядъ
158	11	реечй	речей
189	4	Милости	Милости,
203	1	XL	LX
206	1.	XLI	LXI
232	2.	козицкого	козацкаго
340	2	nowowymyślnych	nowowymyślonych
383	18	Глозомицкихъ	Глазомицкихъ.
405	23	(sie)	(sic).